

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 17 № 12 (145) декабрь 2022

В НОМЕРЕ:

Свириденко О. М.

Конституционная реформа 2020 года:
впервые закреплён самостоятельный
конституционно-правовой статус
арбитражных судов

Левушкин А. Н.

Конфликт интересов между субъектами
корпоративных правоотношений
при проведении сделок с акциями

Корма В. Д.

Использование теории катастроф
в криминалистике

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 17 № 12 (145) ДЕКАБРЬ 2022

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.

Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).

Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).

Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».

Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msai@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 29.12.2022
Объем 24,64 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина

Корректор

А. Б. Рыбакова, С. И. Ершова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 17 № 12 (145) DECEMBER 2022

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.
Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of
Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

29.12.2022
Volume: 24.64 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina

Proof-reader

A. B. Rybakova, S. I. Ershova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Скобликов П. А.** Уголовно-правовое значение профессионализации преступной деятельности (на примере УК РСФСР 1922 г. и УК РФ 1996 г.). 11

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Березина Е. А.** Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности. 25

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОУСТРОЙСТВО

- Свириденко О. М.** Конституционная реформа 2020 года: впервые закреплён самостоятельный конституционно-правовой статус арбитражных судов 39

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Чекрыга М. А.** Общественный контроль в муниципальных образованиях субъектов Российской Федерации Сибирского федерального округа 46

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Мигачев Ю. И., Поляков М. М., Чекмарев Г. Ф.**
Публичные органы власти в Российской Федерации и зарубежных странах 60
- Сабаева С. В.** Сравнительно-правовой анализ условий содержания и обеспечения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания, подведомственных МВД России 68

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Ситник А. А.** NFT как объект правового регулирования 84

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

- Чаннов С. Е.** Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права 94

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Пестрикова А. А., Сморгачева Л. Н.** Особенности институтов информированного согласия и права собственности при правовом регулировании отношений, связанных с биологическим материалом человека 110
- Мартынова А. А.** Содержание критериев приобретательной давности в доктрине и правоприменительной практике 121
- Усольцев Е. Ю.** Интерес как основание квалификации злоупотребления потребителем правом 131

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Фомина В. Г.** Причинно-следственная связь в делах, связанных с возмещением вреда, причиненного ненадлежащим оказанием медицинских услуг 140

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Гринь Е. С.** Художник-постановщик мультипликационного фильма как новый автор аудиовизуального произведения 151

- Шахназарова Э. А.** Онлайн-разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности (российский и зарубежный опыт). 158

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Левушкин А. Н.** Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями 168

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Маслов В. А.** Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики 175

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Богданова А. В.** Процессуальные гарантии прав лиц, пострадавших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела 191

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Корма В. Д.** Использование теории катастроф в криминалистике 204

Contents

PAGES OF HISTORY

Skoblikov P. A. Criminal Law Meaning of Professionalization of Criminal Activities (the Case Study of the 1922 Criminal Code of the RSFSR and the 1996 Criminal Code of the Russian Federation)	11
--	----

THEORY OF LAW

Berezina E. A. The Use of Artificial Intelligence in Juridical Activities	25
--	----

JUDICIAL SYSTEM AND JUDICIAL STRUCTURE

Sviridenko O. M. The 2020 Constitutional Reform: An Independent Constitutional and Legal Status of Commercial (Arbitrazh) Courts being fixed for the First Time	39
--	----

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

Chekryga M. A. Public Control in Municipalities of Constituent Entities of the Russian Federation of the Siberian Federal District	46
--	----

PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCESS

Migachev Yu. I., Polyakov M. M., Chekmarev G. F. Public State Authorities in the Russian Federation and Foreign Countries	60
Sabaeva S. V. Comparative Law Analysis of Detention Conditions and Ensuring the Rights of Persons in Places of Forced Detention under the Jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of Russia	68

FINANCIAL LAW

Sitnik A. A. NFT as an Object of Legal Regulation	84
--	----

LEGAL REGULATION IN INFORMATION SPHERE

Channov S. E. Robot (Artificial Intelligence System) as a Subject (Quasi-Subject) of Law	94
--	----

CIVIL AND FAMILY LAW

Pestrikova A. A., Smorchkova L. N. Features of Institutions of Informed Consent and Property Rights in Legal Regulation of Relations Related to Human Biological Material	110
Martynova A. A. The Content of Acquisitive Prescription Criteria in the Doctrine and Law Enforcement Practice	121
Usoltsev E. Yu. Interest as Grounds for Consumer Rights Abuse Classification	131

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEDURE

- Fomina V. G.** Causal Relationship in Cases Related to Compensation
for Harm Caused by Improper Provision of Medical Services 140

INTELLECTUAL PROPERTY LEGAL PROTECTION

- Grin E. S.** Animated Film Artist as a New Audiovisual Author 151
- Shakhnazarova E. A.** Online Dispute Resolution
in the Field of Intellectual Property: Russian and Foreign Experience 158

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Levushkin A. N.** Conflict of Interest between Subjects
of Corporate Legal Relations in Shares Transactions 168

CRIMINAL LAW

- Maslov V. A.** Property Seizure Effectiveness in the Context of Official Statistics 175

CRIMINAL PROCEDURE

- Bogdanova A. V.** Procedural Guarantees for the Rights of Victims
of Crimes at the Stage of a Criminal Case Initiation 191

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

- Korma V. D.** The Use of Catastrophe Theory in Forensics 204

Уголовно-правовое значение профессионализации преступной деятельности (на примере УК РСФСР 1922 г. и УК РФ 1996 г.)

Аннотация. В 2022 г. исполнилось 100 лет с момента принятия первого советского Уголовного кодекса — принципиально нового кодифицированного акта в истории российского законодательства. Цель и задачи настоящего исследования — выявить и проанализировать положения УК РСФСР 1922 г., направленные на борьбу с профессиональной преступностью, оценить их обоснованность, новизну и последовательность в контексте уголовно-политических задач, которые были поставлены перед законодательными органами руководством Советской России, а также их обусловленность складывающейся в тот период социально-экономической и криминологической ситуацией; установить, в какой мере подходы законодателя к уголовно-правовой борьбе с профессиональной преступностью, использованные при создании рассматриваемого Кодекса, получили воплощение и развитие в последующем уголовном законодательстве нашей страны. Для решения указанных задач автором использовались правила, приемы формальной и диалектической логики; абстрагирование и обобщение; исторический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования; приемы толкования правовых норм; изучение документальных источников; идеальный эксперимент; правовое прогнозирование, результаты предыдущих криминологических исследований и др. Проанализированы основные и квалифицированные составы преступлений, содержащих такие признаки, как занятие преступлениями определенного вида как профессией и совершение преступления в виде промысла. Рассмотрены правила назначения наказания профессиональным преступникам и применение к ним, помимо наказания, иных мер социальной защиты. Предписания уголовного закона изложены в сочетании с характеристикой социально-экономической и криминогенной обстановки начала 20-х гг. XX в., взглядами отечественных юристов того времени на проблемы криминального профессионализма, авторской оценкой оснований законодательных решений, их пробелов и недостатков. В завершение кратко прослеживается воплощение идей противодействия профессиональной преступности в последующих российских уголовных кодексах и отдельно — в действующем УК РФ 1996 г.

Ключевые слова: УК РСФСР 1922 г.; профессиональный преступник; совершение преступления в виде промысла; занятие преступлениями как профессией; инфраструктура профессиональной преступности; уголовное наказание; меры социальной защиты; рецидив; основной состав преступления; квалифицированный состав преступления; преступные масти; кражи; покупка заведомо краденного с целью сбыта; ростовщичество; фальшивомонетничество.

© Скобликов П. А., 2022

* Скобликов Петр Александрович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН
ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019
skoblikov@list.ru

Для цитирования: Скобликов П. А. Уголовно-правовое значение профессионализации преступной деятельности (на примере УК РСФСР 1922 г. и УК РФ 1996 г.) // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 11–24. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.011-024.

Criminal Law Meaning of Professionalization of Criminal Activities (the Case Study of the 1922 Criminal Code of the RSFSR and the 1996 Criminal Code of the Russian Federation)

Petr A. Skoblikov, Dr. Sci. (Law), Leading Researcher, Criminal Law Sector, Criminal Procedure and Criminology, Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences
ul. Znamenka, 10, Moscow, Russia, 119019
skoblikov@list.ru

Abstract. In 2022, 100 years have passed since the adoption of the first Soviet Criminal Code — a fundamentally new codified enactment in the history of Russian legislation. The purpose and objectives of this study are 1) to identify and analyze provisions of the 1922 Criminal Code of the RSFSR aimed at combating professional crime, to assess their validity, novelty and consistency in the context of criminal and political objectives set before legislative bodies by the Soviet Russia establishment, as well as their dependence on socio-economic and criminological situation that was developing at that time; 2) to determine to what extent the legislator's approaches to the criminal law fight against professional crime, used in the creation of the Code under consideration, were embodied and developed in subsequent criminal legislation of our country. To solve these problems, the author used rules and techniques of formal and dialectical logic, abstraction and generalization, historical, comparative and formal legal research methods, methods of interpretation of legal norms, documentary sources examination, ideal experiment, legal forecasting, results of previous criminological studies, etc. The author analysed the main and qualified *corpa delicti* containing such signs as engaging in crimes of a certain type as a profession and committing a crime in the form of a trade. The paper examines the rules of sentencing professional criminals and application of other social protection measures to them in addition to punishment. The author sets out provisions of the criminal law in combination with characteristics of socio-economic and criminogenic situation of the early 20s of the 20th century. Also, the paper explains the views of Soviet lawyers on problems of criminal professionalism and provides the author's assessment of the grounds for legislative decisions, their gaps and shortcomings. In conclusion, the author briefly describes implementation of the ideas concerning countering professional crime in subsequent Russian criminal codes and in the currently effective 1996 Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: 1922 Criminal Code of the RSFSR; professional criminal; commission of a crime in the form of a trade; occupation with crimes as a profession; infrastructure of professional crime; criminal punishment; social protection measures; recidivism; the main *corpus delicti*; qualified *corpus delicti*; criminal suits; theft; purchase of knowingly stolen goods for sale; usury; counterfeiting.

Cite as: Skoblikov PA. Ugolovno-pravovoe znachenie professionalizatsii prestupnoy deyatel'nosti (na primere UK RSFSR 1922 g. i UK RF 1996 g.) [Criminal Law Meaning of Professionalization of Criminal Activities (the Case Study of the 1922 Criminal Code of the RSFSR and the 1996 Criminal Code of the Russian Federation)]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):11-24. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.011-024. (In Russ., abstract in Eng.).

Сто лет назад появился первый Уголовный кодекс Советской России — УК РСФСР 1922 г. В отличие от Руководящих начал по уголовному праву РСФСР, утвержденных 22 декабря 1919 г. постановлением Народного комиссариата юстиции, кодекс был принят 26 мая 1922 г. на 3-й сессии IX Всероссийского

съезда Советов — высшего органа государственной власти в РСФСР в период 1918–1937 гг.

УК РСФСР 1922 г. содержал как Общую, так и Особенную часть, где закреплялась ответственность за конкретные преступления, в то время как Руководящие начала содержали лишь общие положения (об уголовном праве, уголов-

ном правосудии, о преступлении и наказании и др.)¹.

Тогда, в послереволюционный период, в нашей стране происходило радикальное переустройство общества и, соответственно, создание принципиально новой правовой системы, наблюдалась быстрая реализация (по крайней мере попытки реализации) идей, которые в рамках устоявшейся правовой системы могли долго обсуждаться, но так и не воплотиться в жизнь.

В связи с этим изучение данного кодекса, ныне памятника отечественного уголовного права, представляет исследовательский интерес во многих отношениях, прежде всего как источника целого ряда уголовно-правовых идей и конструкций, развитых в последующем уголовном законодательстве либо им отринутых. В настоящей статье автор рассматривает недостаточно освещенные в юридической литературе вопросы уголовной ответственности за профессиональную преступную деятельность, решение которых предлагалось в кодексе.

К главному критерию для причисления лица к типу профессионального преступника российские ученые в 20-х гг. прошлого века относили стремление субъекта к удовлетворению своих потребностей с помощью противоправной деятельности. Так, выдающийся русский юрист и психолог С. В. Познышев считал профессиональным преступником того, «кто несколько раз совершил преступление одного и того же вида по утвердившейся склонности удовлетворять таким образом свою более или менее часто повторяющуюся потребность»². Обращает на себя внимание, что это определение допускает расширительное толкование и позволяет отнести к профессиональным преступникам тех лиц, кто не имеет корыстных мотивов; напри-

мер, серийных убийц, совершающих свои деяния бескорыстно, для получения психологического удовлетворения от самого акта лишения жизни; хулиганов, для забавы издевающихся над окружающими, и пр. Однако ознакомление с процитированным трудом С. В. Познышева показывает, что все описанные им и отнесенные к профессионалам преступники действовали с корыстными мотивами.

В этом смысле более определенно высказался М. М. Гродзинский, по мнению которого к профессиональным преступникам, или преступникам «промысла», относились «те, кто не только систематически совершает преступления, но обращает последние в источник материальных благ, необходимых для существования, иначе говоря, делает преступления источником доходов». Он подчеркивал, что для отнесения преступника к этой категории необходимо установить факт более или менее регулярного получения им материальной выгоды от преступлений, «причем совершенно безразлично, является ли преступная деятельность единственным источником существования данного лица или же имеются и другие средства существования у преступника, равно как в последнем случае безразлично, является ли преступная деятельность главным или же второстепенным источником дохода»³. Если исходить из этого посыла, то *профессиональные преступники чаще всего совершают имущественные преступления*.

Вместе с тем С. В. Познышев сделал важное дополнение: профессионалы не только специализируются на совершении преступлений определенного вида, но и «владеют особой техникой преступления, часто применяют новейшие открытия в своей преступной деятельности, разрабатывают практически особый жаргон преступников (“блатную музыку”)⁴.

¹ Подробнее об этом важном для истории уголовного права нормативном акте см., например: Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз Общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и кримиологов. 2020. № 2. С. 106–121.

² Познышев С. В. Криминальная психология : Преступные типы. Л. : Гос. изд-во, 1926. С. 117.

³ Гродзинский М. М. Профессиональная преступность и Уголовный кодекс РСФСР // Право и Жизнь. М., 1923. Кн. 7–8. С. 72–73.

⁴ Познышев С. В. Указ. соч. С. 117.

Чем обуславливалось повышенное внимание к теме профессиональной преступности в то время? В чем виделась бóльшая опасность профессиональной преступности? По мнению Б. С. Утевского (его поддерживали М. Н. Гернет, И. Н. Якимов и др.), профессиональные преступники, составляя ядро преступной среды, совершали «огромное число открываемых преступлений, еще большее число не открываемых и, вероятно, во много раз большее число преступлений, которые даже не доходят до сведения органов розыска и дознания»⁵. Поэтому если бы удалось ликвидировать преступников-профессионалов, то общая картина преступности резко бы изменилась в лучшую сторону.

Не менее важно отметить, что к началу 20-х гг. прошлого века проблема профессиональной преступности для нашей страны значительно усугубилась. Этому способствовали тяжелые последствия Первой мировой и Гражданской войны: разруха, безработица, голод, беспризорность миллионов детей и подростков⁶ (которых профессиональным преступникам легче всего вербовать в качестве подручных, обучать криминальному «мастерству»), распространение наркомании⁷, нарушение нормальной деятельности, а позднее и слом прежней правоохранительной и судебной системы, невозможность быстро создать новые такие системы, массовое освобождение из мест лишения свободы содержащихся там преступников, существенную долю которых составляли реци-

дивисты-профессионалы. Всё это обусловило не только количественный, но и качественный скачок профессиональной преступности.

В этот период, наряду со старыми, дореволюционными преступниками, появилась новая категория нарушителей уголовного закона, состоявшая из двух принципиально разных социальных групп. Одну составили так называемые «бывшие» (дворяне, выходцы из буржуазных слоев общества, мещане, военные, чиновники и др.), прежде всего те из них, кто в силу своих убеждений или других причин не стал либо не сумел сотрудничать с советской властью. Не имея зачастую легальных доходов (или будучи неудовлетворенными их уровнем), они получали средства к существованию за счет совершения имущественных преступлений. В другую группу входили преступники пролетарского или крестьянского происхождения, ставшие на криминальный путь по несчастью: безработные, беспризорные и безнадзорные, не имеющие средств к существованию, нищие, лица, занимающиеся мелкими кражами, проституцией, и др. Каждая категория и группа имела характерные особенности. Так, дореволюционные преступники владели богатым опытом, «техническими» навыками и определенной «квалификацией» в совершении преступлений. У них были налаженные каналы сбыта краденного, они знали и соблюдали обычаи традиционной уголовной среды, что облегчало установление новых криминальных контактов. В свою очередь, «быв-

⁵ Цит. по: Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М. : Юрид. лит., 1990. С. 25–26.

⁶ К 1922 г. в России насчитывалось около 7 млн беспризорных. Решение проблемы беспризорности было объявлено политической задачей. См.: Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134.

⁷ Причем наблюдался синергетический эффект, когда один негативный фактор усиливал другой. В частности, М. Н. Гернет указывал, что к числу факторов развития кокаинизма относится, помимо других, беспризорность. Ему пришлось обработать результаты первого в Москве обследования наркомании среди беспризорных детей в период с 15 февраля по 1 апреля 1924 г. Было обследовано 102 бездомных ребенка и подростка, обитавших под зданиями вокзалов, в разрушенных домах и т.п. Из них только двое ответили отрицательно на вопросы об употреблении табака, алкоголя и кокаина. Из обследованных детей ответили утвердительно на вопросы: о курении — 90, об употреблении кокаина — 82, об употреблении алкоголя — 72. Из сотни детей-наркоманов 47 % отравляли себя всеми тремя наркотиками, 40 % употребляли какие-нибудь два наркотика и 13 % — какой-нибудь один из них. См.: Гернет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1927. С. 154.

шие» не имели преступной квалификации, рынков сбыта, не знали тонкостей воровских обычаев. Но они были лучше образованны, интеллектуально и социально развиты, обладали организаторскими способностями. Названные категории преступников не могли длительное время существовать и действовать параллельно или враждовать. Рано или поздно они должны были объединиться, ведь подобное слияние предопределено объективно, и оно состоялось⁸.

В целом подход законодателя в УК РСФСР 1922 г. применительно к профессиональным преступникам состоял в том, что *для них суды должны определять более строгую меру наказания, нежели для лиц, совершивших преступление впервые*. Такое правило закреплялось в гл. III «Определение меры наказания»: при определении меры наказания судам следует различать, совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом либо оно совершено в первый раз (п. «е» ст. 25).

Таким образом, *при совершении корыстных преступлений суды должны были выяснять, являются ли подсудимые профессиональными преступниками и, если это обстоятельство установлено, назначать им более строгое наказание в тех пределах, которые определены в санкции за соответствующее преступление*.

Кроме того, Особенная часть УК РСФСР 1922 г. предусматривает восемь корыстных преступлений, при конструировании которых использованы признаки «занятие преступлением как профессией» или «совершение преступления в виде промысла». С некоторой долей условности можно считать, что речь идет об одном и том же, поскольку, если исходить из приведенного выше определения, совершение преступлений в виде промысла означает криминальный профессионализм. Эти признаки в основном использованы в качествеотягчающих при конструировании квалифицированных составов преступлений, но в трех случаях такой

признак является конститутивным, законодатель прибег к нему при конструировании основного состава преступных деяний (ст. 139, 140а и 181).

В главе VI «Имущественные преступления» предусмотрено три преступления рассматриваемого типа.

Первое преступление — квалифицированная кража — описано в п. «б» ст. 180. Если тайное похищение чужого имущества совершалось лицом, занимающимся кражами как профессией, то содеянное расценивалось как более опасное преступление, нежели простая кража⁹. Санкция за это деяние значительно суровее, мера основного наказания имела более высокий верхний предел. Для сравнения: за простую кражу виновному грозило наиболее строгое наказание в виде лишения свободы на срок шесть месяцев (п. «а» ст. 180), а за квалифицированную кражу — до двух лет лишения свободы.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что данный признак использован только для конструирования квалифицированного состава кражи. Занятие грабежами, мошенничествами и другими хищениями как профессией не образовывало квалифицированных составов по УК РСФСР 1922 г. Такое решение законодателя можно объяснить тремя:

1) кражи преобладали в структуре профессиональной преступности;

2) лица, совершающие кражи («крадуны»), доминировали среди профессиональных преступников;

3) именно «крадуны» больше всех пестовали антиобщественные традиции, чаще всего достигали больших высот в своем криминальном мастерстве; внутри этого криминального цеха существовало множество более узких «профессий» (одни воры специализировались на карманных кражах, другие — на кражах из квартир и домов, третьи — на кражах в поездах, четвертые — на кражах из магазинов¹⁰, пятые — на кражах лошадей и т.д.¹¹).

⁸ Подробнее об этом см.: Водолазский Б. Ф., Вакутин Ю. А. Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (Прошлое и настоящее). Омск : Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1979. С. 5–6.

⁹ Термины «простая кража» и «квалифицированная кража» использованы в УК РСФСР 1922 г.

¹⁰ Разумеется, речь идет не о мелких кражах через свободный доступ из супермаркетов и других магазинов самообслуживания (таковых тогда не существовало), а о крупных кражах со взломом, совершаемых, как

В этой части полезно сопоставить первый советский Уголовный кодекс с Уголовным уложением 1903 г. — последним по времени принятия фундаментальным законодательным актом Российской империи в области материального уголовного права. При конструировании норм об ответственности за преступления определенных видов в нем также использовался признак «совершение в виде промысла», причем даже чаще, чем в УК РСФСР, то есть имеет место преемственность. Однако по Уголовному уложению совершение краж в виде промысла образовывало квалифицированный состав лишь в одном случае — если преступник специализировался на кражах лошадей (конокрадство, ст. 585). Универсальной нормы об ответственности за кражу любого имущества в виде промысла дореволюционное законодательство не знало, профессиональные воры других мастей несли ответственность на общих основаниях.

Примечательно также, что в ст. 180 рассматриваемого кодекса квалифицирующий признак обозначен не выражением «совершает кражи в виде промысла», а «занимается кражами как профессией». Почему?

Можно предположить следующее. Авторы УК РСФСР исходили из более глубокого представления о профессиональных преступниках, чем это изложено в процитированных выше работах, видели различие преступного промысла и криминального профессионализма, понимали, что совершение преступления в виде промысла дает основание предполагать в субъекте преступления профессионального преступника, но однозначно на это не указывает. В силу разных

обстоятельств человек может на протяжении определенного времени совершить несколько однородных или идентичных корыстных преступлений, не требующих специальных навыков и умений, а как только обстановка изменится — прекратить преступную деятельность. Для однозначного вывода о криминальном профессионализме могли потребоваться дополнительные признаки: обучение преступному ремеслу лица со стороны более опытных преступников, последовательное совершенствование лицом своих преступных навыков и умений, усвоение и одобрение криминальной субкультуры, наличие у лица идеологического обоснования преступной деятельности, совершение преступлений на протяжении длительного времени и др. Однако тогда данная тема не была достаточно разработана ни отечественными, ни зарубежными исследователями¹².

Как бы то ни было, правоприменителям предоставлялась возможность решать, идентичны ли признаки «совершать кражи в виде промысла» и «заниматься кражами как профессией», а если нет, то каким образом разграничивать эти понятия.

Обратимся далее к иным деяниям, предусмотренным в УК РСФСР 1922 г. и предполагающим криминальный профессионализм.

Второе преступление (также квалифицированный состав) — покупка заведомо краденного с целью сбыта в виде промысла; оно описано в ст. 181 УК РСФСР 1922 г. Каралось это деяние лишением свободы на срок не менее одного года с конфискацией части имущества. Для сравнения: при выполнении основного

правило, в ночное время. Их статистический рост во время Первой мировой войны и еще более после ее окончания давал основание исследователям-современникам предполагать возрастание профессиональной преступности. Подробнее см.: *Гернет М. Н.* Указ. соч. С. 46.

¹¹ В свою очередь, в рамках этих воровских специализаций наблюдались еще более узкие специальности. Так, среди карманников по способу совершения преступления различались «ширмачи», «трясуны», «писаки» и пр. Освоение их специальностей требовало определенных и немалых способностей, усилий, времени.

¹² К примеру, работа «Профессиональный вор» (в которой показано, сколь значимо для достижения криминального мастерства вора обучение у более опытных «коллег», восприятие от них соответствующих «ценностей» и установок) крупного американского криминолога Эдвина Сатерленда была опубликована лишь 15 лет спустя. См.: *Conwell Chic* (pseudonym). *The Professional Thief: by a Professional Thief / Annotated and Interpreted by E. H. Sutherland.* Chicago : University of Chicago Press, 1937. 256 p.

состава виновному грозило наказание в виде принудительных работ или лишения свободы на срок до одного года. Разница заключалась не только в более строгом наказании при совершении преступления в виде промысла, но и в различных сроках давности исполнения наказания. По общему правилу давностный срок при выполнении основного состава составляет три года, квалифицированного — пять лет (ст. 21).

В инфраструктуре профессиональной преступности прошлого века скупщики похищенного имущества занимали важное место¹³. Они оказывали содействие лицам, совершающим не только кражи, но и любые другие хищения (мошенничества, грабежи и т.д.). Их функционирование облегчало реализацию преступного замысла похитителей, повышало безопасность последних, способствовало более глубокой специализации профессиональных преступников¹⁴, делая профессиональную преступную стезю более привлекательной. Таким образом, деятельность профессиональных скупщиков похищенного обладала повышенной общественной опасностью и неудивительно, что за совершение такого рода деяний законодатель предусмотрел более строгие санкции, чем за совершение квалифицированных краж.

Третье преступление — ростовщичество — описано в ст. 193. В ней зафиксированы два альтернативных состава: финансовое и вещное ростовщичество; в первом из них совершение в

виде промысла является конститутивным признаком¹⁵.

В чем суть этого преступления? Она заключается в приобретении имущества посредством противозаконной эксплуатации потерпевшего, в получении имущественной выгоды посредством ссуды капитала в рост за чрезмерные проценты с использованием тяжелого экономического положения потерпевшего. Если лицо впервые судится, вывод о том, что ростовщичество совершено в виде промысла, правомерно делать на основании того, что подсудимый совершил ряд таких деяний. Если же лицо имеет судимость за ростовщичество, достаточно доказать один новый эпизод этой деятельности, имевший место после первого осуждения. Такое лицо в юридической литературе 1920-х гг. характеризовалось как «профессиональный ростовщик»¹⁶.

Не только имущественные преступления имеют в качестве предмета посягательства вещи, деньги, другое имущество и (или) могут совершаться для извлечения регулярного дохода. Законодатель учел это обстоятельство в УК РСФСР 1922 г., усилив ответственность профессиональных преступников за ряд иных деяний.

В главе I «Государственные преступления», в той ее части, где предусматриваются преступления против порядка управления, закреплены два квалифицированных состава преступления по признаку совершения в виде промысла. Одно из них — подделка денежных знаков и государственных процентных бумаг, марок и

¹³ Если рассматривать профессиональную преступность как квазиэкономическую систему, то в ней необходимо выделять инфраструктуру, обеспечивающую успешное функционирование системы. Такая инфраструктура объективно востребована в бизнес-модели как преступных группировок, так и преступников-одиночек.

¹⁴ Воры, например, могли сосредоточиться на оттачивании своего мастерства на стадиях подготовки и совершения хищений, особо не заботясь о хранении и сбыте похищенного, о маскировке своих действий на данной стадии преступной деятельности — все эти заботы на себя брали скупщики краденного.

¹⁵ Для четкости восприятия дальнейшего изложения и с учетом того, что уголовная ответственность за ростовщичество давно исключена из российского законодательства, имеет смысл привести диспозицию, зафиксированную в ст. 193: «Ростовщичество, т.е. взимание в виде промысла за данные взаймы деньги процентов сверх дозволенных законом, или предоставление в пользование орудий производства, скота, полевых, огородных или посевных семян за вознаграждение в размере, явно превышающем обычную для данной местности норму, с использованием нужды или стесненного положения получающего ссуду, карается...».

¹⁶ См.: Жижиленко А. А. Имущественные преступления. Л. : Наука и школа, 1925. С. 182, 188.

других знаков государственной оплаты (ст. 85). Другое — нарушение законов и обязательных постановлений ввоза за границы или провозе из-за границы товаров (ст. 97). Первое из этих преступлений каралось наиболее строго, если сравнивать со всеми иными, совершаемыми в виде промысла. Виновным, независимо от преступной роли, грозила высшая мера наказания с понижением, при смягчающих обстоятельствах, наказания до лишения свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества, а при отсутствии предварительного соглашения или в отношении укрывателей — лишением свободы на срок не ниже двух лет со строгой изоляцией и конфискацией части имущества.

Логика законодателя понятна, поскольку основным объектом рассматриваемого посягательства выступает денежно-кредитная система государства. Наполнение рынков фальшивыми деньгами и другими знаками государственной оплаты ведет к обесцениванию настоящих денег, усиливается инфляция, то есть ущерб причиняется не только тем лицам, которые получили фальшивые знаки государственной оплаты под видом настоящих, но и всем жителям страны. В условиях ограниченных продовольственных и других жизненно важных ресурсов это было особенно опасно. Надо также упомянуть, что подделка знаков государственной оплаты в 20-е гг. прошлого века представляла немалые трудности ввиду отсутствия в гражданском обороте механизмов и приспособлений, серьезно облегчающих эту противоправную деятельность. Она требовала от фальшивомонетчиков специальных познаний в области химии, физики и других наук, а также сложных умений и навыков. Как следствие, эти лица обладали высокой степенью криминального профессионализма и пользовались определенным признанием в антиобщественной среде¹⁷.

В главе IV «Преступления хозяйственные» предусмотрены два преступления, в конструк-

ции которых использован признак «совершение в виде промысла». В одном случае установлена ответственность за скупку и сбыт в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение (ст. 139). В другом — за незаконное приготовление и хранение спиртных напитков в виде промысла (ст. 140а). В обоих случаях указанный признак конститутивный, он использован для конструирования основных составов. То есть в отсутствие этого признака уголовная ответственность за указанные деяния не наступала.

В главе V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» установлена ответственность за одно преступление, конструкция которого содержит признак «совершение в виде промысла» (ст. 146). Здесь этот признак квалифицирующий. Основной состав — с согласия матери изгнание плода или искусственное прерывание беременности лицами, не имеющими для этого надлежаще удостоверенной медицинской подготовки или хотя бы и имеющими специальную медицинскую подготовку, но в ненадлежащих условиях. Это преступление каралось лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года. Если же виновный совершал такое преступление в виде промысла, наказание повышалось до лишения свободы на срок до пяти лет.

Помимо изложенного, следует обратить внимание, что в УК РСФСР предусматривались другие меры социальной защиты (ст. 46), не считавшиеся наказанием и не включенные в перечень видов наказания, налагаемых по данному кодексу (ст. 32). В таких мерах карательный элемент минимален либо отсутствует, но высок профилактический потенциал. Среди них — удаление из определенной местности (п. «г» ст. 46). Указанная мера могла быть назначена лицам, которые признаны социально опасными *по причине связи с преступной средой данной*

¹⁷ Не случайно для обозначения весьма малочисленных представителей рассматриваемой «профессии» в криминальном жаргоне обнаруживается большое количество слов, отражающих различные грани этой деятельности, более узкие специализации фальшивомонетчиков, исторические периоды и пр. («блинопёк», «блиномес», «гравёр», «фармазон», «кукольник» и т.д.).

местности. Осужденные по приговору суда после отбытия основного наказания лишались права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет (ст. 49). *Связь с преступной средой конкретной местности, как правило, поддерживают профессиональные преступники. Следовательно, рассматриваемая мера прежде всего направлена против них и призвана затруднить продолжение их преступной деятельности после отбытия основного наказания.* Если более конкретно, совершение новых имущественных преступлений в результате осложняется, поскольку затрудняется поиск наводчиков, соисполнителей, сбытчиков похищенного и т.д. (в привычной среде, где у профессионального преступника имеются соответствующие связи, решение перечисленных задач, напротив, упрощается).

Характерно, что в криминологических источниках середины 20-х гг. XX в. понижение уровня регистрируемой преступности в столичных городах на фоне повышения этого показателя в дальних городах и губерниях объяснялось высылкой из столиц преступников-профессионалов на основании ст. 49 УК РСФСР¹⁸.

В современных источниках можно встретить однозначно негативные оценки рассмотренной выше меры социальной защиты. Так, Э. Г. Шкредова пишет: «К отрицательным моментам следует отнести введение в ст. 49 высылки по основанию, имеющему оценочный характер, относящийся исключительно к антисоциальной характеристике личности (в эту группу входили лица, связанные с преступной средой данной местности независимо от совершенных ранее преступных деяний), т.е. введение не уголовно-правового основания применения мер принуждения»¹⁹. При этом логику размышлений, приведших к данному выводу, автор не раскрывает. Да и сам вывод сформулирован нечетко. То ли автор считает, что имело место отступление от принципа законности, то ли полагает, что для

применения этой меры не требовалось доказывать факт совершения деяния, запрещенного УК РСФСР 1922 г., то ли имеется в виду что-то иное.

Между тем, как это следует из содержания ст. 46 рассматриваемого кодекса, удаление из определенной местности осужденного (равно как и любая другая мера социальной защиты: принудительное лечение, отдание несовершеннолетнего на поруки и пр.) заменяет наказание или следует за ним, т.е. назначается лицу, виновность которого в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, доказана. Эта мера закреплена в законе, назначается по приговору суда и нацелена на предупреждение совершения новых противоправных деяний со стороны осужденного с учетом его личных характеристик.

Для полноты картины стоит указать, что в уголовном законодательстве Российской империи (включая Уголовное уложение 1903 г.) не предусматривались меры социальной защиты, назначаемые преступникам наряду с наказанием или вместо него. Однако такой институт к началу XX в. уже был проработан в теории уголовного права Европы и получил воплощение в некоторых новейших на тот момент уголовных кодексах (например, в норвежском 1902 г.), а также в официальных проектах: швейцарском (1908 г.), германском (1909 г.), австрийском²⁰. В отличие от наказания, обязательным содержанием которого является кара и которое направлено как на общее, так и на специальное предупреждение преступлений, меры социальной защиты могут не иметь карательной составляющей и нацелены на предупреждение совершения нового преступления тем же преступником, на предотвращение рецидива. Таким образом, рассматриваемый правовой институт не является изобретением советской власти, советских ученых-юристов, но именно эта власть восприняла прогрессивные идеи своего времени и внедрила их в отечественное законодательство.

¹⁸ См.: Гернет М. Н. Указ. соч. С. 160.

¹⁹ Шкредова Э. Г. Множественность преступлений в период становления советского уголовного законодательства // Современное право. 2008. № 6. С. 111.

²⁰ Подробнее см.: Немировский Э. Я. Учебник уголовного права. Общая часть. Одесса : Изд. Акционер. Южно-Русского о-ва печ. дела, 1919. С. 2–3.

Вместе с тем законодатель в УК РСФСР 1922 г. воздержался от формулирования признаков, по которым можно установить криминальный профессионализм обвиняемого, и это не могло не осложнять применение рассмотренных здесь норм, одновременно расширялась почва для субъективных и произвольных решений при назначении наказания и мер социальной защиты.

В завершение этой части необходимо отметить следующее. В УК РСФСР 1922 г. российский законодатель проявил себя наиболее решительно и продуманно (если сравнивать с последующими уголовными кодексами как советской, так и постсоветской поры) в вопросах уголовно-правового обеспечения борьбы с профессиональной преступностью, несмотря на отсутствие желаемой четкости, последовательности и полноты при регламентации этих вопросов.

В УК РСФСР 1926 г. уже не использовался квалифицирующий признак «совершение преступления лицом, занимающимся кражами как профессией». Еще более важно, что в данном кодексе, как и в УК РСФСР 1960 г., назначение

наказания и других уголовно-правовых мер в целом не было увязано с криминальным профессионализмом подсудимого, хотя при совершении противоправных деяний некоторых видов наличие признака «совершение в виде промысла» по-прежнему влекло квалификацию содеянного как преступления или переквалификацию на более «тяжелые» статьи (части, пункты), применение более строгих наказаний. При этом, однако, четко просматривалась тенденция постепенного отказа от использования рассматриваемого признака²¹. В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. этот признак вообще не использовался и не используется до настоящего времени. Более того, в действующем УК РФ последние 20 лет наблюдается тенденция смягчения и полного освобождения от ответственности лиц, со стороны которых имеет место фактический²², криминологический²³ либо даже уголовно-правовой рецидив преимущественно корыстных преступлений²⁴. *А рецидив корыстных преступлений — важный индикатор профессиональной преступности.*

²¹ Так, в первой редакции УК РСФСР 1961 г. было предусмотрено пять подобных преступлений: коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла, — ст. 153 ; спекуляция в виде промысла — ст. 154 ; изготовление или сбыт в виде промысла поддельных билетов или иных документов на проезд пассажиров или провоз грузов — ст. 159 ; незаконная порубка леса в каких бы то ни было лесах, совершенная в виде промысла, — ст. 169 ; приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, совершенное в виде промысла, — ст. 208. А вот в последней редакции данного кодекса признак «совершение в виде промысла» использовался при конструировании лишь двух составов преступлений.

²² Фактический рецидив, в представлении автора, — это повторное совершение преступления одним и тем же лицом, независимо от того, было ли оно привлечено к ответственности за предыдущее преступление.

²³ Криминологическое понятие рецидива по объему уже фактического рецидива. Автор исходит из того, что повторное совершение преступления является криминологическим рецидивом, если оно совершено лицом после привлечения его к ответственности за предыдущее преступление, независимо от того, завершено ли расследование, направлено ли дело в суд, осуждено ли лицо или освобождено от ответственности по нереабилитирующим основаниям. Не имеет значения наличие судимости и тяжесть совершенных преступлений. Ключевыми моментами являются выявление и раскрытие преступления уполномоченными государственными органами, принятие по отношению к обвиняемому (подозреваемому) определенных мер реагирования на его противоправное деяние и, несмотря на это, совершение данным лицом нового преступления.

²⁴ Уголовно-правовой рецидив — предусмотренное в качестве такового в уголовном законе повторное совершение преступления одним и тем же лицом. Признание рецидива влечет дополнительные неблагоприятные последствия для виновного в соответствии с законом. Конкретные условия признания рецидива, а также его последствия в разных законодательных системах и в разное время могут отличаться. Пример такого изменения в УК РФ 1996 г. будет представлен далее.

В обоснование тезиса о негативных тенденциях современного законодательства в плане борьбы с профессиональной преступностью надо указать некоторые его вехи, раскрыть объективную направленность внесенных изменений. Прежде всего следует обратить внимание, что в обозначенный период было внесено изменение (Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ), согласно которому при признании рецидива преступлений не учитываются умышленные преступления небольшой тяжести (п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ). Таким образом, сколько бы корыстных преступлений небольшой тяжести ни совершил профессиональный преступник (кражи, мошенничества, иные корыстные деяния) и сколько бы раз ни был за них осужден (два, двенадцать или двадцать), несмотря на то, что на момент совершения очередного преступления состояние судимости сохраняется, — это обстоятельство (фактический или криминологический рецидив) отягчающим суд не должен признавать; уголовно-правовой рецидив отсутствует, и пункт «а» ч. 1 ст. 63, а также статья 68 УК РФ (где устанавливаются ограничения на смягчение наказания для рецидивистов) при назначении наказания не применяется.

Важно напомнить и другое изменение (Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ), согласно которому те умышленные преступления (среди них и корыстные, свойственные профессиональным преступникам), за совершение которых предусмотрено наиболее строгое наказание до трех лет лишения свободы, стали причисляться к категории небольшой тяжести.

Ранее в УК РФ они относились (или относились бы) к категории средней тяжести. В качестве примера можно привести такие деяния, как воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности с квалифицирующими признаками (ч. 2 ст. 169 УК РФ)²⁵, производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или продажа немаркированной алкогольной продукции, подлежащей обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками, а также немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке специальными (акцизными) марками, совершенные в крупном размере (ч. 6 ст. 171.1 УК РФ)²⁶, незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов, займов (ст. 171.5 УК РФ)²⁷ и др. Рассматриваемое изменение законодательства не только дополнительно сузило сферу применения п. «а» ч. 1 ст. 63, ст. 68 УК РФ, но и резко сократило срок давности привлечения к уголовной ответственности — с шести до двух лет (п. «а» и «б» ч. 1 ст. 78 УК РФ).

В соответствии с еще одним изменением законодательства (см. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ) суды наделены правом при наличии смягчающих и отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую. В частности, суд может перевести преступление средней тяжести в категорию небольшой тяжести при условии, если осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание

²⁵ Должностные лица нередко осуществляют неправомерный отказ в совершении необходимых с их стороны действий и нарушают права и законные интересы предпринимателей, юридических лиц, ограничивают их самостоятельность и вмешиваются в деятельность, имея к тому корыстные мотивы — выполняя заказы конкурентов потерпевших или побуждая таким образом последних к предложению взятки, чтобы устранить препятствия в их деятельности.

²⁶ Алкогольный бизнес — одно из традиционных направлений деятельности организованных преступных группировок (которые по определению состоят из профессиональных преступников).

²⁷ Сфера долговых отношений также традиционно привлекает членов организованных преступных группировок, которые, помимо прочего, подвизаются на поприще «выбивания» проблемных долгов. Подробнее об этом см., например: Скобликов П. А. Истребование долгов и организованная преступность. М. : Юрист, 1997 ; *Он же*. Современная уголовная политика по вопросам защиты прав лиц, подвергающихся противоправному воздействию с целью взыскания задолженности // Академическая мысль. 2018. № 3 (4). С. 62–68.

(ч. 6 ст. 15 УК РФ). Совершение такого преступления также не учитывается при признании рецидива со стороны привлеченного к ответственности лица.

Кроме того, Общая часть УК РФ была дополнена нормой (ч. 2 ст. 76.1), в соответствии с которой лицо, впервые совершившее одно или несколько преступлений небольшой и средней тяжести, а в отдельных случаях и тяжкие²⁸ (многие из которых характерны для профессиональных преступников — разнообразные мошенничества, включая те, которые совершаются в сфере высоких технологий²⁹; криминальные банкротства; нарушение порядка учета прав на ценные бумаги; манипулирование рынком; воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг³⁰ и др.), освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный потерпевшему в результате совершения преступления, а также перечислило в федеральный бюджет определенную сумму денег (см. федеральные законы от 03.07.2016 № 325-ФЗ, от 27.12.2018 № 533-ФЗ, от 27.12.2019 № 500-ФЗ, от 01.04.2020 № 73-ФЗ, от 11.06.2021 № 215-ФЗ). При этом не требуется согласие потерпевшего или прокурора на освобождение от ответственности, не имеет значения наличие обстоятельств, отягчающих наказание, и отсутствие обстоятельств, смягчающих наказание.

Если выявлено несколько преступлений, к которым лицо причастно и ни за одно из которых оно не было осуждено, все они считаются совершенными впервые. Причем если лицо ранее освобождалось от уголовной ответственности на основании ч. 2 ст. 76.1 УК РФ либо по другим нереабилитирующим основаниям, то все последующие преступления этого лица, за которые оно не было осуждено, также считаются совершенными впервые. Наконец, если лицо было неоднократно судимо, но судимости сняты или погашены, считается, что новое преступление оно также совершает впервые³¹. Отсюда вытекает, что часть 2 ст. 76.1 УК РФ по отношению к одному и тому же лицу может применяться сколь угодно раз, если соблюдены предусмотренные в законе три условия³².

Таким образом, *склонные к преступной деятельности лица могут вести ее в относительно безопасных условиях, вполне легально и просто избегая судимости и наказания: в тех случаях, когда правоохранительным органам удастся разоблачить отдельные эпизоды их противоправной деятельности, — фактически откупаясь от ответственности, осуществлять требуемые выплаты за счет средств, полученных в результате как раскрытых, так и нераскрытых преступлений.* Поскольку, как и в любой профессии, с течением времени происходит совершенствование кри-

²⁸ Это, например, преднамеренное банкротство, совершенное лицом с использованием своего служебного положения или контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица, а равно группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2 ст. 196 УК РФ), фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ).

²⁹ Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ч. 1 ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ч. 1 ст. 159.6 УК РФ).

³⁰ Преступления перечисленных видов могут совершаться в рамках так называемых рейдерских захватов чужого имущества и предприятий, которые представляют собой высоко доходную разновидность криминального «бизнеса».

³¹ Такой позиции придерживается Пленум Верховного Суда РФ (п. 2 постановления от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»), она базируется на конституционном принципе, согласно которому любой обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49 Конституции РФ).

³² Кратко повторим: 1) отсутствие неснятой или непогашенной судимости; 2) возмещение причиненного преступлением ущерба; 3) перечисление в федеральный бюджет суммы денег, исчисляемой по специальной формуле, прописанной в ч. 2 ст. 76.1. УК РФ.

минального мастерства индивида, разоблачение будет иметь место всё реже и реже, а преступления будут всё лучше замаскированными и более опасными³³.

Без малого сто лет назад видный советский ученый-правовед Б. С. Утевский с сожалением фиксировал недостаточно внимательное отношение к рецидиву преступлений в нашей стране и объяснял его «господствующим взглядом, что преступность в России, в противоположность преступности в западных странах, характеризуется как преступность впервые, в которой рецидив и профессиональная преступность не играют какой-либо заметной роли»³⁴.

Приходится констатировать, что сегодня указанная проблема вновь проявилась, а ее объяснение, предложенное Б. С. Утевским, по-прежнему актуально. В правосознании

лиц, причастных к законотворческому процессу и выработке уголовной политики, по всей видимости, *отрицается сколь-нибудь существенная роль криминального профессионализма и наличествует представление о том, что подавляющая часть выявляемых преступлений (по крайней мере преступлений против собственности и в сфере экономической деятельности) совершается случайно и обычно один раз в жизни*. Поэтому нет необходимости в наказании, а главные усилия следует направить на возмещение причиненного преступлением вреда. Однако это представление трансцендентально, оно не подтверждено практикой и не основано на криминологических исследованиях, как правило, не учитываемых при изменении уголовного законодательства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Водозазский Б. Ф., Вакутин Ю. А. Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (Прошлое и настоящее). — Омск : Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1979. — 38 с.
2. Гернет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. — М. : Изд-во ЦСУ СССР, 1927. — 270 с.
3. Гродзинский М. М. Профессиональная преступность и Уголовный кодекс РСФСР // Право и жизнь. — М., 1923. — Кн. 7–8. — С. 72–73.
4. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. — М. : Юрид. лит., 1990. — 304 с.
5. Жижиленко А. А. Имущественные преступления. — Л. : Наука и школа, 1925. — 226 с.
6. Немировский Э. Я. Учебник уголовного права. Общая часть. — Одесса : Изд. Акционер. Южно-Русского о-ва печ. дела, 1919. — 372 с.
7. Познышев С. В. Криминальная психология : Преступные типы — Л. : Гос. изд-во, 1926. — 255 с.
8. Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. — 2000. — № 11. — С. 134–139.
9. Скобликов П. А. Истребование долгов и организованная преступность. — М. : Юристъ, 1997
10. Скобликов П. А. Принцип максимальной толерантности в рамках противодействия преступности: современное российское законотворчество // Закон. — 2022. — № 2. — С. 163–170.

³³ Этот порядок еще более упрочивается и масштабируется благодаря таким новациям, как судебный штраф (Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ), и другим, рассмотреть которые в рамках статьи не представляется возможным. Отчасти данные вопросы проанализированы в иных работах автора. См., например: Скобликов П. А. Принцип максимальной толерантности в рамках противодействия преступности: современное российское законотворчество // Закон. 2022. № 2. С. 163–170.

³⁴ Утевский Б. Преступность и рецидив // Современная преступность (Преступление, пол, репрессия, рецидив) : По данным переписи мест заключения / под общ. ред. и с предисл. нар. комиссара внутр. дел А. Г. Белобородова ; Гос. ин-т по изучению преступности и преступника. Вып. 1. 1927. С. 39.

11. Скобликов П. А. Современная уголовная политика по вопросам защиты прав лиц, подвергающихся противоправному воздействию с целью взыскания задолженности // Академическая мысль. — 2018. — № 3 (4). — С. 62–68.
12. Утевский Б. Преступность и рецидив // Современная преступность (Преступление, пол, репрессия, рецидив) : По данным переписи мест заключения / под общ. ред. и с предисл. нар. комиссара внутр. дел А. Г. Белобородова ; Гос. ин-т по изучению преступности и преступника. — Вып. 1. — 1927.
13. Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Руководящие начала по уголовному праву: предыстория разработки, прообраз Общей части первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия) // Союз криминалистов и криминологов. — 2020. — № 2. — С. 106–121.
14. Шкредова Э. Г. Множественность преступлений в период становления советского уголовного законодательства // Современное право. — 2008. — № 6. — С. 104–111.

Материал поступил в редакцию 3 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vodolazskiy B. F., Vakutin Yu. A. Prestupnye gruppirovki, ikh obychai, traditsii, «zakony» (Proshloe i nastoyashchee). — Omsk: Omskaya vysshaya shkola militsii MVD SSSR, 1979. — 38 s.
2. Gernet M. N. Prestupnost i samoubiystva vo vremya voyny i posle nee. — M.: Izd-vo TsSU SSSR, 1927. — 270 s.
3. Grodzinskiy M. M. Professionalnaya prestupnost i Uголовnyy kodeks RSFSR // Pravo i zhizn. — M., 1923. — Kn. 7–8. — S. 72–73.
4. Gurov A. I. Professionalnaya prestupnost: proshloe i sovremennost. — M.: Yurid. lit., 1990. — 304 s.
5. Zhizhilenko A. A. Imushchestvennye prestupleniya. — L.: Nauka i shkola, 1925. — 226 s.
6. Nemirovskiy E. Ya. Uchebnik uголовnogo prava. Obshchaya chast. — Odessa: Izd. Aktsioner. Yuzhno-Russkogo o-va pech. dela, 1919. — 372 s.
7. Poznyshchev S. V. Kriminalnaya psikhologiya: Prestupnye tipy — L.: Gos. izd-vo, 1926. — 255 s.
8. Rozhkov A. Yu. Borba s besprizornostyu v pervoe sovetskoe desyatiletie // Voprosy istorii. — 2000. — № 11. — S. 134–139.
9. Skoblikov P. A. Istrebovanie dolgov i organizovannaya prestupnost. — M.: Yurist, 1997
10. Skoblikov P. A. Printsip maksimalnoy tolerantnosti v ramkakh protivodeystviya prestupnosti: sovremennoe rossiyskoe zakonotvorchestvo // Zakon. — 2022. — № 2. — S. 163–170.
11. Skoblikov P. A. Sovremennaya uголовnaya politika po voprosam zashchity prav lits, podvergayushchikhsya protivopравному vozdeystviyu s tselyu vzyiskaniya zadolzhennosti // Akademicheskaya mysl. — 2018. — № 3 (4). — S. 62–68.
12. Utevskiy B. Prestupnost i retsidiv // Sovremennaya prestupnost (Prestuplenie, pol, repressiya, retsidiv): Po dannym perepisi mest zaklyucheniya / pod obshch. red. i s predisl. nar. komissara vnutr. del A. G. Beloborodova; Gos. in-t po izucheniyu prestupnosti i prestupnika. — Vyp. 1. — 1927.
13. Chuchaev A. I., Gracheva Yu. V., Malikov S. V. Rukovodyashchie nachala po uголовnomu pravu: predystoriya razrabotki, proobraz obshchey chasti pervogo UK RSFSR, znachenie (k 100-letiyu prinyatiya) // Soyuz kriminalistov i kriminologov. — 2020. — № 2. — S. 106–121.
14. Shkredova E. G. Mnozhestvennost prestupleniy v period stanovleniya sovetskogo uголовnogo zakonodatelstva // Sovremennoe pravo. — 2008. — № 6. — S. 104–111.

Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования технологии искусственного интеллекта в юридической деятельности. Раскрывается проблема выделения слабого и сильного искусственного интеллекта, акцентируется внимание на возможности создания в будущем суперинтеллекта, что порождает уже сейчас необходимость пристального внимания ученых к вопросам внедрения системы этических ценностей в искусственный интеллект. Отдельное место в работе отводится проблемам создания датасетов, необходимых для обучения нейронных сетей, предназначенных для использования в юридической практике, а также их качеству. Анализируются конкретные примеры применения систем искусственного интеллекта в отечественной и зарубежной юридической практике. Обосновывается возможность рассмотрения использования искусственного интеллекта как отдельного вида правовой технологии. Делается вывод, что несмотря на большое количество успешно используемых в юридической практике разработок, основанных на системах искусственного интеллекта, все они являются примерами слабого искусственного интеллекта и выступают лишь как средство повышения эффективности деятельности юриста, но не заменяют его. Будущее юридической деятельности будет связано с эффективным сочетанием функционала искусственного интеллекта с творческими экспертными профессиональными способностями юриста.

Ключевые слова: правовая технология; искусственный интеллект; слабый искусственный интеллект; сильный искусственный интеллект; суперинтеллект; датасет; использование искусственного интеллекта в юридической практике; использование искусственного интеллекта в юридической деятельности; использование искусственного интеллекта как правовая технология.

Для цитирования: Березина Е. А. Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 25–38. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.025-038.

The Use of Artificial Intelligence in Juridical Activities

Elena A. Berezina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of the State and Law,
Yakovlev Ural State Law University
ul. Komsomolskaya, 21, Yekaterinburg, Russia, 620137
helalex@mail.ru

Abstract. The paper discusses the use of artificial intelligence technology in legal activities. The author examines the problem of differentiating between weak and strong artificial intelligence. Attention is focused on the possibility

© Березина Е. А., 2022

* Березина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
helalex@mail.ru

of creating a superintelligence in the future, which already creates the need for scientists to pay close attention to the issues of introducing a system of ethical values into artificial intelligence. The paper highlights the problems of creating datasets necessary for training neural networks intended for the use in legal practice, as well as their quality. The author analyzes specific examples of the use of artificial intelligence systems in domestic and foreign legal practice. The author also justifies the possibility of considering the use of artificial intelligence as a separate type of legal technology. It is concluded that despite the large number of developments successfully used in legal practice based on artificial intelligence systems, they are all examples of weak artificial intelligence and act only as a means of increasing the efficiency of a lawyer, but do not replace it. The future of legal activities will be associated with an effective combination of artificial intelligence functionality and creative expert professional skills of a lawyer.

Keywords: legal technology; artificial intelligence; weak artificial intelligence; strong artificial intelligence; superintelligence; dataset; use of artificial intelligence in legal practice; use of artificial intelligence in legal activity; use of artificial intelligence as legal technology.

Cite as: Berezina EA. Ispolzovanie iskusstvennogo intellekta v yuridicheskoy deyatel'nosti [The Use of Artificial Intelligence in Juridical Activities]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):25-38. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.025-038. (In Russ., abstract in Eng.).

Процессы информатизации, цифровизации, диджитализации права прочно вошли в нашу жизнь. «Мы вступаем в так называемую цифровую эпоху, которая может изменить и уже серьезно меняет наш мир»¹. Эти изменения оказывают сильное влияние на правовую сферу жизни общества. Стремительное развитие цифровых, информационных технологий влечет за собой и изменение правовых технологий. Появляются новые подходы к пониманию правовых технологий, разрабатываются новые классификации, которые позволят учесть влияние на правовую действительность процесса цифровизации, создаются новые юридические конструкции, принимаются нормативные правовые акты, которые упорядочивают новые виды общественных отношений, существенно меняются пределы правового регулирования.

Одним из наиболее интересных и перспективных направлений развития правовых технологий является применение искусственного интеллекта для решения различных юридических задач.

За более чем полувековой срок исследований в области искусственного интеллекта отечественными и зарубежными авторами сформулированы различные определения данного термина, отражающие позиции ученых и подходы к его изучению. Проблемы искусственного интеллекта затрагивались еще в прошлом веке такими известными исследователями, как Н. Винер², Р. Беллман³, А. Тьюринг⁴.

В настоящее время в РФ существует легальное определение искусственного интеллекта, закрепленное в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»⁵. Искусственный интеллект рассматривается как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные

¹ Корнев А. В. Дигитализация права: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 11.

² Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. 2nd revised ed. Paris : Hermann & Cie, Camb. Mass. (MIT Press), 1961.

³ Bellman R. An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computer Think? San Francisco : Boyd and Fraster Publishing Company, 1978.

⁴ Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. 1950. № 59. P. 433–460.

⁵ СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека».

В 1980 г. американский психолог Джон Сёрль предложил выделять два типа искусственного интеллекта: слабый и сильный⁶.

Слабый искусственный интеллект, для которого также используются такие термины, как узкий, осторожный, поверхностный, уже достаточно давно реализован в виде различных компьютерных программ, основное назначение которых заключается в решении определенных задач в какой-то предметной области. Например, к слабому искусственному интеллекту относятся программы управления беспилотными автомобилями, системы распознавания текстов и изображений, программы-генераторы музыки и стихов, голосовые помощники и т.д. Большинство современных программ искусственного интеллекта используют в своей основе нейронные сети, представляющие собой реализованную алгоритмически математическую модель человеческой нервной системы. Эквивалентность модели достигается за счет использования в ней нескольких слоев множества нейронов, каждый из которых является отдельным вычислительным элементом и имеет свои параметры. Данные, которые поступают в нейронную сеть, обрабатываются на каждом слое — подобно человеческой нервной системе. Как и человеческая нервная система, нейронная сеть способна к самообучению на основе предыдущего опыта. Для начального обучения нейронной сети используется датасет (dataset) — структурированная информация с размеченными данными. В датасете в табличном формате содержится выборка элементов, для каждого из которых уже указано, к какому классу он относится. В настоящее время программным разработчикам доступно большое количество датасетов для различных профессиональных сфер деятель-

ности. Смысл машинного обучения нейронной сети заключается в том, чтобы в дальнейшем на основе входных параметров она смогла их классифицировать и предсказать возможные исходы.

Среди большого количества готовых датасетов крайне мало датасетов для обучения нейросетей, предназначенных для использования в юридической практике. Основная причина недостаточности обучающего материала заключается в самой предметной области, в частности в специфичности юридических текстов, для которых характерно наличие сложных синтаксических конструкций и формализм. Существующие датасеты, как правило, созданы и размечены на основе текстов из художественной и деловой литературы. Для обучения же нейронной сети, которая сможет анализировать юридические документы и как функция искусственного интеллекта осуществлять прогнозирование, требуются датасеты, в которых содержатся тысячи проанализированных и размеченных юридических документов как нормативного, так и индивидуального характера. И если с доступом к нормативным правовым актам особых проблем не возникает, то с доступом к большим объемам актов правоприменения, а тем более актов реализации права, обнаруживаются сложности. Во-первых, получить подобные юридические тексты в необходимых количествах — достаточно трудная задача, так как возникают вопросы конфиденциальности информации, что влечет за собой ограниченность или недостаток исходных данных. Во-вторых, при формировании такого датасета требуется участие юриста высокой квалификации, так как IT-разработчики, имеющие, как правило, техническое образование, не обладают специальными юридическими знаниями правовых принципов, юридических конструкций, классификаций, не владеют понятийно-категориальным аппаратом юриспруденции, не имеют юридического мышления и достаточных профессиональных компетенций, не знают особенностей российской юридической

⁶ Впервые в журнале: The Behavioral and Brain Sciences. 1980. № 3. Р. 417–424.

Сёрль Дж. Сознание, мозг и программы / пер. А. Л. Блинова // URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6661> (дата обращения: 04.07.2022).

практики⁷, что может повлечь неадекватность представлений разработчика об особенностях конкретной юридической ситуации, а также возможность субъективной ошибочной интерпретации правовой информации. Недостаточность квалификации может привести к появлению «грязного» датасета, содержащего неверно размеченные примеры, что, в свою очередь, обусловит некорректную работу нейронной сети при дальнейшем использовании в юридической практике. Кроме того, дополнительным препятствием для машинного обучения юридических нейронных сетей, созданных отечественными разработчиками, является отсутствие возможности полноценного использования иностранных датасетов, не отражающих особенностей российской правовой системы в целом, а также особенностей российского законодательства и правоприменительной, правоинтерпретационной и правореализационной практик.

На важность формирования датасетов для обучения нейросетей, предназначенных для использования в юридической практике, уже обратили внимание и юристы-практики, и отечественные правоведы. Так, на прошедшем в Санкт-Петербурге юридическом форуме в рамках экспертной сессии по искусственному интеллекту АНО «Цифровая экономика» были обсуждены проблемы формирования датасетов, содержащих общедоступную информацию. Была подчеркнута ведущая роль государства в процессе создания датасетов и обеспечения доступа к ним: «Возможность создать единую фабрику данных делает государство уникальным оператором, который имеет в своем распоряжении практически неограниченное количе-

ство датасетов и их комбинаций»⁸. Эти датасеты смогут стать базой для машинного обучения нейросетей, отметили в Минцифре РФ.

Получение же качественного юридического отечественного датасета с последующим машинным обучением нейронной сети приблизит нас к построению искусственного интеллекта, с помощью которого можно, например, автоматизировать формулирование и проверку гипотез, анализировать судебные материалы и предсказывать исход гражданских и уголовных дел. Так, И. И. Черных полагает, что нейронные сети могут эффективно использоваться в работе судов, так как они обрабатывают «информацию, не лишенную субъективного элемента»⁹.

Следует заметить, что машинное обучение нейронной сети и искусственный интеллект часто отождествляют между собой, хотя это не совсем верный подход. Различие между машинным обучением и искусственным интеллектом заключается в том, что последний представляет собой гораздо более широкую область информационных технологий, частью которой, пусть и очень существенной, являются нейронные сети¹⁰. В качестве примера можно привести шахматный суперкомпьютер Deep Blue, разработанный компанией IBM, который в 1997 г. обыграл чемпиона мира Г. Каспарова. Аппаратная часть суперкомпьютера включала в себя 480 микропроцессоров, каждый из которых перебирал от 2 до 2,5 млн шахматных позиций в секунду. Программная часть вела расчет на несколько ходов вперед, для выбора окончательного хода использовалась оценочная функция¹¹. В суперкомпьютере Deep Blue, который считается одной из первых реализаций

⁷ Постный И. Искусственный интеллект в области юриспруденции // Хабр. 09.06.2020. URL: <https://habr.com/ru/post/506086/> (дата обращения: 04.07.2022).

⁸ Минцифры разработает концепцию доступа к госданным // Право. Новости. Практика. 2021. 18 мая. URL: https://pravo.ru/news/231679/?desc_search= (дата обращения: 04.07.2022).

⁹ Черных И. И. Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 58–72. С. 66.

¹⁰ McClelland C. The Difference Between Artificial Intelligence, Machine Learning, and Deep Learning // IoT for all. 2017. 4 Dec. URL: <https://medium.com/iotforall/the-difference-between-artificial-intelligence-machine-learning-and-deep-learning-3aa67bff5991> (дата обращения: 04.07.2022).

¹¹ Feng-hsiung Hsu. Behind Deep Blue — Building the Computer that Defeated the World Chess Champion. Princeton University Press, 2004. 328 p.

искусственного интеллекта, не использовались нейронные сети, он не обучался в ходе своей работы, в нем был реализован лишь перебор возможных решений на основе стандартных алгоритмов. Недостаточность алгоритмического подхода и необходимость машинного обучения проявились при создании суперкомпьютера для игры в го на доске 19 × 19 линий. Неэффективность применения алгоритмов перебора решений была обусловлена их большим количеством, экспоненциально растущим с развитием партии. Если в шахматах существует 20 возможных вариантов первого хода в начальной позиции, а после четвертого полухода число возможных позиций оценивается как 100 000 вариантов, то в игре го при 55 вариантах начального хода после четвертого полухода насчитывается уже 16 млрд возможных позиций¹². В 2015 г. компанией Google DeepMind была разработана программа AlphaGo, которая была полностью основана на машинном обучении многоуровневых нейронных сетей. Программа искусственного интеллекта анализировала сыгранные ранее партии профессиональных игроков и, основываясь на накопленном опыте, сама принимала решение при выборе очередного хода. Еще более продвинутой версией является программа AlphaGo Zero, представленная теми же разработчиками в 2017 г. В данной версии вообще не использовались партии, ранее сыгранные профессионалами, а в качестве базового обучения нейронной сети сообщались лишь правила игры в го. Далее программа искусственного интеллекта играла сама с собой, анализируя полученный опыт. После 21 дня обучения программа AlphaGo Zero достигла уровня предыдущих версий, а к 40-му дню превзошла их, обыграв со счетом 89:11 программу AlphaGo Master¹³.

Несмотря на очевидную полезность и эффективность компьютерных программ, способных имитировать некоторые когнитивные функции человека в определенной предметной области, ценность слабого искусственного интеллекта состоит лишь в предоставлении широких средств и возможностей для изучения сознания.

Сильный искусственный интеллект не является средством изучения сознания, поскольку он сам может быть отождествлен с сознанием, а значит, компьютер с заложенной программой сильного искусственного интеллекта способен к пониманию и когнитивной деятельности. Кроме того, в качестве свойств сильного искусственного интеллекта могут рассматриваться восприимчивость к окружению, осознание себя как субъекта, принятие решений в условиях неопределенности и т.д.

В научной литературе встречается точка зрения, что существует третий тип искусственного интеллекта — суперинтеллект. Шведский философ Ник Бостром рассматривает его как разум высшего порядка, который значительно превосходит когнитивные способности человека практически во всех областях¹⁴. Развивая в работе «Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии» свою мысль, шведский автор приходит к выводу, что «машины, наделенные сверхразумом, будут способны к разработке и конструированию еще более мощных машин. Таким образом, человеческий разум окажется отброшен далеко назад»¹⁵. Н. Бостром в своих работах поднимает проблему открытости разработки сильного искусственного интеллекта и суперинтеллекта, считая, что открытость может существенно повысить скорость совершенствования данной технологии, а это повлечет за собой утрату человеком контроля над искусственным интеллектом. Но этого нельзя допустить,

¹² Silver D., Hassabis D. AlphaGo: Mastering the ancient game of Go with Machine Learning // Google Research Blog. 2016. 27 Jan. URL: <https://ai.googleblog.com/2016/01/alphago-mastering-ancient-game-of-go.html> (дата обращения: 04.07.2022).

¹³ Mastering the game of Go without human knowledge // Nature. 2017. 19 October. Vol. 550. No. 7676. P. 354–359. URL: <https://www.nature.com/articles/nature24270> (дата обращения: 04.07.2022).

¹⁴ Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 149.

¹⁵ Бостром Н. Указ. соч. С. 18.

поскольку некоторые области применения искусственного интеллекта «вызывают особую озабоченность (включая военное применение, приложения для социального контроля и системные риски, связанные с возросшей зависимостью от сложных автономных процессов), и они должны обсуждаться соответствующими заинтересованными сторонами и контролироваться»¹⁶ компетентными органами, поэтому открытость должна быть характерна прежде всего для разработок в области контроля за развитием искусственного интеллекта. На закономерный вопрос: «Что делать?» — автор отвечает, что «нам следует сосредоточить силы на проблемах не просто важных, но неотложных в том смысле, что их нужно разрешить раньше, чем произойдет взрывное развитие интеллекта»¹⁷. Нужно прежде всего оставаться людьми, считает Бостром, сам того не замечая, приходя к выводу, который был сформулирован еще Платоном, что управлять должны лучшие, ученые, носители лучших человеческих качеств. У него даже один из последних параграфов называется «Всё лучшее в человеческой природе — шаг вперед!». Заканчивает Бостром свое исследование выводом, что «высший этический приоритет имеют такие вопросы, как снижение экзистенциального риска и выход на цивилизационную траекторию, которая ведет к лучшему исходу — на благо всего человечества»¹⁸.

Данный подход можно отнести к футуристическим вопросам в теории искусственного интеллекта, его возможному развитию в будущем.

Несмотря на активную деятельность ведущих научных лабораторий и многочисленные исследования ученых, на сегодня не известно ни одной реально существующей и использующейся на практике системы сильного искусственного интеллекта. В то же время отсутствуют доказательства того, что создание такой системы невозможно. Согласно проведенному в 2015 г. опросу ведущих мировых разработчиков, появление системы сильного искусственного интеллекта возможно не ранее чем через 45–50 лет¹⁹. Это дает возможность человечеству подготовиться к таким кардинальным изменениям, оценив все риски создания искусственного суперинтеллекта и выработав конкретные предложения по их минимизации и надежному контролю за развитием технологий, основываясь прежде всего на гуманистических и морально-этических нормах и ценностях. Например, технология Quixote, разработанная директором Лаборатории интеллектуальных развлечений Технологического института Джорджии Марком Ридлом и его коллегой Brentом Харрисоном, учит роботов, как вести себя при взаимодействии с людьми, и является частью более масштабного проекта по внедрению системы этических ценностей в искусственный интеллект. Исследователи, используя Quixote, оснастили искусственный интеллект множеством поучительных рассказов, которые позволяют ему сформировать представления об общепринятых социальных нормах²⁰.

В настоящее время не существует эффективного способа оценки степени развития искус-

¹⁶ Bostrom N. Strategic Implications of Openness in AI Development / Future of Humanity Institute, University of Oxford, Oxford, United Kingdom // Global Policy. 2017. 9 February. P. 10. URL: <https://nickbostrom.com/papers/openness.pdf> (дата обращения: 04.07.2022).

¹⁷ Бостром Н. Указ. соч. С. 386.

¹⁸ Бостром Н. Указ. соч.

¹⁹ Experts Predict When Artificial Intelligence Will Exceed Human Performance // MIT Technology Review. 2017. 31 May. URL: <https://www.technologyreview.com/2017/05/31/151461/experts-predict-when-artificial-intelligence-will-exceed-human-performance/> (дата обращения: 04.07.2022).

²⁰ Riedl M. O., Harrison B. Using Stories to Teach Human Values to Artificial Agents // Georgia Tech. 2016. 12 Feb. URL: <https://faculty.cc.gatech.edu/~riedl/pubs/aaai-ethics16.pdf> (дата обращения: 04.07.2022) ; Quixote — технология, способная снабдить искусственный интеллект общепринятыми моральными принципами // Информационные технологии / Робототехника. 2016. 25 февраля. URL: <https://dailytechinfo.org/infotech/7863-quixote-tehnologiya-sposobnaya-snabdit-iskusstvennyy-intellekt-obsheprinyatymi-moralnymi-principami.html> (дата обращения: 04.07.2022).

ственного интеллекта. «Эталоном междисциплинарных дискуссий по изучению базовых принципов создания, функционирования и применения в обществе компьютеров, которым приписывается (атрибутируется) “интеллект”, принято считать тест Тьюринга»²¹. Но даже разные варианты теста Тьюринга оценивают лишь способность к имитации человеческого поведения, но не наличие у машины интеллекта²².

Проанализируем системы искусственного интеллекта в юридической сфере. Как уже отмечалось выше, на практике используются только системы слабого искусственного интеллекта, способные к решению задач в узких и заранее ограниченных областях человеческой деятельности. Практически каждый человек уже имел опыт общения с такими системами, в частности с виртуальными собеседниками (чат-ботами) при работе в банковских и прочих сервисных приложениях, с системами распознавания лиц и отпечатков пальцев. Кроме того, слабый искусственный интеллект применяется в сфере управления беспилотными автомобилями, финансовой сфере, медицине и т.д. Все подобные системы представляют собой компьютерную реализацию алгоритмов, заранее заложенных разработчиками. Ряд таких интеллектуальных систем имеет функцию самообучения, основанную на использовании программных возможностей и средств современных нейронных сетей.

Актуальной темой научных исследований, на наш взгляд, является анализ проблемы использования систем искусственного интеллекта в юридической практике, которое может быть рассмотрено как разновидность правовой технологии. Использование искусственного интеллекта в юридической практике может быть отнесено к правовым технологиям в случае, если конечной целью его применения является достижение конкретного правового результата.

При этом можно выделить различные классификации правовых технологий. Например, по

сферам юридической деятельности можно говорить о правотворческих правовых технологиях (технологиях законотворчества и технологиях подзаконного правотворчества), правосистематизационных правовых технологиях, правоинтерпретационных технологиях, правореализационных и правоприменительных технологиях.

В зависимости от используемых субъектом — правовым технологом — средств можно классифицировать правовые технологии на три вида. Во-первых, правовые технологии, в которых используются собственно специально-юридические средства (правовые нормы, юридические факты, акты реализации и применения права, юридические конструкции, регулятивные модели, правовые понятия и др.). Во-вторых, правовые технологии, при осуществлении которых используются неюридические средства (например, компьютерные технологии). В-третьих, правовые технологии, связанные с использованием смешанных средств (и специально-юридических, и неюридических) для достижения правового результата.

К последним и будет относиться использование систем искусственного интеллекта в юридической практике, так как в этом случае, с одной стороны, применяются цифровые технологии, с другой стороны, использование этих цифровых технологий урегулировано правовыми нормами, то есть применены технологии правового регулирования, в частности технологии правотворчества, в которых использованы легальные дефиниции понятий «искусственный интеллект», «технологии искусственного интеллекта» и др., юридическая конструкция правоотношения, модели нормативного регулирования общественных отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта, правовая технология экспериментального правового режима.

Таким образом, сам искусственный интеллект, используемый в юридической практике,

²¹ Алексеев А. Ю. Философия искусственного интеллекта: концептуальный статус комплексного теста Тьюринга : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2015. С. 9.

²² Малышева Д. С., Касимов А. В. Технические и философские основания для создания сильного искусственного интеллекта (ч. I) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 3. С. 77.

не является правовой технологией, выступая в качестве цифровой, информационной технологии, но его использование субъектами права для достижения определенного правового результата может быть рассмотрено как правовая технология.

Исследуем, опираясь на отечественный и зарубежный опыт, конкретные примеры использования современных систем искусственного интеллекта, применяемых в юридической практике.

В сентябре 2021 г. международная ассоциация юристов IBA (International Bar Association) опубликовала отчет, в котором юридические организации различных стран дали ответы на вопросы, касающиеся практического применения систем искусственного интеллекта в собственных юрисдикциях²³. Английский юрист Трэйси Кэлверт, президент консультационной фирмы Oakalls Consultancy, выделила шесть направлений, в которых задействованы интеллектуальные системы: автоматизация юридической практики, правовое прогнозирование, конструирование юридических документов, юридические исследования и аналитика, распознавание голоса и роботизированные системы общения (чат-боты). Использование систем искусственного интеллекта во всех областях, за исключением чат-ботов, контролируется организацией SRA (Solicitors Regulation Authority). Отметим, что основным аргументом целесообразности применения систем искусственного интеллекта, с позиции английского юриста, считается в первую очередь удешевление процессов обработки юридических документов и экономия времени адвокатов и клиентов. Юридические компании могут работать на более высоком уровне с точки зрения производительности и эффективности.

Всё большее распространение получают программные средства семантического анализа с использованием искусственного интеллекта. Так, например, программная платформа Leverton позволяет анализировать тексты договоров и извлекать из них ключевые данные с целью их дальнейшего структурирования. При этом исходная информация может быть представлена в различных формах: рукописной, печатной, графической и т.д. Средствами искусственного интеллекта при анализе исходных данных являются алгоритмы оптического распознавания текстов, методы обработки естественного языка и определения структуры грамматического синтаксиса, методы распознавания образов. Технологии искусственного интеллекта платформы Leverton используются для автоматизации обработки информации о сделках по аренде недвижимости, сверки счетов, анализа текстов контрактов при подготовке к переговорам о заключении договоров, при проведении комплексных проверок, связанных с реорганизацией юридических лиц, с проверкой благонадежности компании, для проверки соблюдения нормативных требований при проверке текстов договоров²⁴.

Программная платформа Luminance, обладая мощными средствами семантического анализа, позволяет автоматизировать анализ юридических документов с целью выявления существенной юридически значимой информации и установления каких-либо аномалий. В данной системе искусственного интеллекта используется машинное обучение на основе нейронных сетей²⁵. Для ускорения процесса проверки договоров, повышения его эффективности и рентабельности используются технологии, разработанные Diligen, которые помогают определить существенные условия договора, облегчают

²³ Guidelines and Regulations to Provide Insights on Public Policies to Ensure AI's Beneficial Use as a Professional Tool // International Bar Association: the global voice of the legal profession. 2022. 17 June. URL: https://www.ibanet.org/PPID/Constituent/Multi-disply_Pract/anlbs-ai-report (дата обращения: 04.07.2022).

²⁴ Leverton. An MRI software company // URL: <https://leverton.ai/product/#technology> (дата обращения: 04.07.2022).

²⁵ Luminance. AI-Powered Legal Process Automation // URL: <https://www.luminance.com/overview.html> (дата обращения: 04.07.2022).

процесс анализа их текстов для осуществления юридической экспертизы, проведения аудита, лучшей систематизации договоров компании²⁶.

Программная разработка ROSS Intelligence упрощает поиск нормативных правовых актов и судебных дел, при этом запрос программа принимает на обычном, разговорном языке, используя для дальнейшего поиска алгоритмы распознавания речи и логические связи²⁷.

В качестве примера робота-юриста с использованием искусственного интеллекта можно привести программу DoNotPay, которая может обжаловать штрафы за парковку, подавать мелкие иски в суд, например за задержку или отмену рейса. Разработчики данного продукта выпустили и его мобильную версию, призывая «бороться с бюрократией одним нажатием кнопки»²⁸.

Одним из лидеров среди стран в области цифровизации права является Китай. С 2013 г. в КНР стали активно развиваться интеграция интернет-технологий в судебный процесс, проведение судебных процедур в онлайн-режиме, поддержка участников процесса программными средствами, использующими искусственный интеллект²⁹. Так, компьютерная программа FaXiaotao на основе заданных фактов анализирует похожие судебные дела, систематизирует вынесенные решения и рассчитывает вероятность выигрыша по данному делу. Кроме того, функционал данной программы позволяет оказывать юридические консультации и находить клиенту на начальной стадии судебного про-

цесса адвокатов, специализирующихся в определенной области³⁰.

Поскольку технологический прогресс в области искусственного интеллекта становится актуальной темой во всем мире, люди задаются вопросом, окажет ли развитие искусственного интеллекта влияние на правовую систему?³¹ В настоящее время технологии искусственного интеллекта могут не только помогать юристам в их деятельности, но в определенных случаях заменять работу юристов. В ряде провинций Китая используется программа «Мобильный микросуд», включающая в себя такие возможности, как онлайн-подача документов, проведение судебных заседаний в удаленном формате. Это значительно сокращает временные и финансовые затраты на проведение судебных заседаний, ограничивает физическое взаимодействие субъектов процесса, что имеет большое значение в период пандемии и карантинных мер. В то же время нельзя не отметить, что при общении в виртуальном пространстве нивелируется ряд факторов, присущих традиционным судебным заседаниям, например невербальное поведение обвиняемого и свидетелей, которое могло бы в какой-то степени повлиять на мнение судьи, присяжных заседателей.

Во многих странах программы искусственного интеллекта используются в деятельности полиции. Например, технология распознавания лиц широко применяется в общественных местах, на транспортных узлах, таких как аэропорты, вокзалы, станции метрополитена. Они могут

²⁶ Diligen. Machine Learning Powered Contract Analysis // URL: <https://www.diligen.com/> (дата обращения: 04.07.2022).

²⁷ Rossintelligence. Legal research software made for fast and in-depth research // URL: <https://rossintelligence.com/features> (дата обращения: 04.07.2022).

²⁸ DoNotPay — The World's First Robot Lawyer // URL: <https://donotpay.com/> (дата обращения: 04.07.2022).

²⁹ Непейвода Н. Правосудие на кончиках пальцев: опыт КНР // Закон.ру. Первая социальная сеть для юристов. 2020. 2 мая. URL: https://zakon.ru/blog/2020/5/2/pravosudie_na_konchikah_palcev_opyt_knr_83633 (дата обращения: 04.07.2022).

³⁰ Lu Xinshe. The legal robot is here! «Fa Xiaotao» on-site Miaoshou lawyer shocked the audience // URL: <https://www.programmingsought.com/article/60525400581/> (дата обращения: 04.07.2022).

³¹ Li J., Liu U., Yue L., Jin F., Xu Q., Xu C. Artificial Intelligence Governed by Laws and regulations // *Reconstructing Our Orders: Artificial Intelligence and Human Society* / ed. D. Jin. Shanghai : Shanghai University Press, Springer, 2019. 7 May. P. 64.

автоматически захватывать динамические изображения лиц, сравнивать их с изображениями в базах данных правоохранительных органов. Такие компьютерные программы играют важную роль в деятельности органов следствия, прокуратуры, полиции, службы безопасности, службы исполнения наказаний. Примером компьютерной программы на основе машинного обучения является система PredPol³², используемая в деятельности полиции США. Программа выдает прогноз о месте, времени и характере возможных преступлений. Благодаря прогнозным данным, полиция может увеличить количество патрульных нарядов в определенных точках города. PredPol рассматривается как правоохранительная технология и находится в топ-100 среди правительственных технологий (GovTech)³³. Цель PredPol с самого начала заключалась в том, чтобы помочь правоохранительным органам снизить уровень виктимизации путем выявления и патрулирования районов, где наиболее вероятно совершение определенных видов преступлений, и в то же время защищать неприкосновенность частной жизни и гражданские права жителей этих сообществ. Сравнительно недавно данная программа была усовершенствована и на ее основе разработана программа Geolitica. Она позволяет реализовывать правоохранительную технологию Data-Driven Approaches to Crime and Traffic Safety (DDACTS), использующую сформированные базы данных о времени и местоположении ранее совершенных преступлений для снижения уровня преступности и дорожно-транспортных происшествий³⁴.

В Российской Федерации Министерство внутренних дел так же активно работает над проблемой использования искусственного

интеллекта в деятельности правоохранительных органов. Например, одна из программ будет нацелена на поиск серийных убийц и подозреваемых на основе анализа биоматериалов, полученных на месте преступления. Российская компания — разработчик программного обеспечения в области нейронных сетей NTechLab создала для распознавания лиц систему FindFace SDK. Она уже продемонстрировала свою эффективность: в 2019 г. полицией Татарстана при помощи данной системы было задержано 11 лиц, совершивших преступления. FindFace использовалась на чемпионате мира по футболу 2018 г., где с помощью нее было поймано около 200 правонарушителей, и в Российском павильоне на Экспо-2020 в Дубае. Сейчас технологии NTechLab помогают создавать безопасную городскую среду в столице, Санкт-Петербурге, Альметьевске (Татарстан) и Рязани. Система FindFace является частью системы «Безопасный город» в Москве, она позволяет обеспечить безопасность массовых мероприятий, транспортную безопасность, розыск правонарушителей, розыск людей, пропавших без вести³⁵.

Компания NtechLab в 2021 г. признана мировым лидером по результатам независимого тестирования, проведенного Национальным институтом стандартов и технологий (США)³⁶.

В качестве средства автоматизации работы юристов можно привести и программную разработку российских исследователей Casebook, предназначенную для мониторинга судебных дел и проверки контрагентов. Данная система объединяет информацию обо всех участниках судебных дел, информационные базы арбитражных судов и судов общей юрисдикции и обладает набором функций по поиску, мони-

³² PredPol. The Predictive Policing Company // URL: www.predpol.com (дата обращения: 04.07.2022).

³³ PredPol Named to GovTech100 List for 5th Straight Year // PredPol. 2020. 14 Jan. URL: <https://blog.predpol.com/predpol-named-to-govtech100-list-for-5th-straight-year> (дата обращения: 04.07.2022).

³⁴ Using Geolitica to Implement DDACTS // Geolitica. 2022. 11 May. URL: <https://geolitica.com/blog/using-geolitica-to-implement-ddacts/> (дата обращения: 04.07.2022).

³⁵ Ntechlab. Платформа мультиобъектной видеоаналитики // URL: <https://ntechlab.ru/> (дата обращения: 04.07.2022).

³⁶ Tadviser Government. Business. IT. Company: NtechLab // URL: [https://tadviser.com/index.php/Company:NtechLab_\(NtechLab\)](https://tadviser.com/index.php/Company:NtechLab_(NtechLab)) (дата обращения: 04.07.2022).

торингу, анализу и тематическому обобщению этих данных³⁷.

Компанией «Гарант» разработан автоматизированный сервис «Сутяжник», который позволяет найти необходимую судебную практику по интересующему пользователя вопросу. Согласно утверждениям разработчиков, сервис создан на основе технологий LegalTech и является уникальной разработкой на рынке³⁸. Аналогичным функционалом обладает система «Правобот», использующая для подбора судебной практики ключевые слова или фрагменты текста³⁹.

Среди технологий слабого искусственного интеллекта, которые используются в российской правовой системе, можно назвать следующие:

1) технологии, позволяющие создавать правовые документы нормативного и индивидуального характера (конструкторы документов⁴⁰, функционирующие на базе типовых договоров, доверенностей, нормативных правовых актов и др., которые неизбежно требуют вмешательства юриста, поскольку только он сможет учесть особенности регулируемой правовой ситуации субъектного, объектного или содержательного характера);

2) технологии проверки данных о физических и юридических лицах, которые позволяют собрать информацию из общедоступных публичных реестров⁴¹ (ЕГРЮЛ, ЕГРИП, Федресурс и др.), например сервис «Прозрачный бизнес» позволяет получить комплексную информацию о налогоплательщике⁴²;

3) технологии, используемые справочными правовыми системами для сбора информации о судебной практике и действующих нормативных правовых актах, основанные на лингвистическом поиске по ключевым словам, фразам (СПС «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс»);

4) технологии электронного документооборота (автоматизированная система судебного делопроизводства Верховного Суда РФ, автоматизированная система протоколирования «Фемида» и др.);

5) технологии, основанные на теории распознавания образов, используемых в правоохранительной деятельности;

6) технологии, используемые в государственных автоматизированных системах для осуществления права граждан участвовать в управлении делами общества (ГАС «Выборы», ГАС «Управление»);

7) технологии, используемые для функционирования правовых порталов (официальный интернет-портал правовой информации, портал государственных услуг);

8) экспертные правовые системы (например, ЭС «Блок», ЭС «Автоэкс»);

9) технологии государственного контроля за деятельностью субъектов права (например, в ФНС РФ используется технология АСК «Налог-3»⁴³, основанная на применении искусственного интеллекта. Данная технология позволяет контролировать движение средств между счетами юридических и физических лиц);

³⁷ Casebook — система для мониторинга судебных дел и проверки контрагентов // URL: <https://help.casebook.ru/?cat=5> (дата обращения: 04.07.2022).

³⁸ Аналитическая система «Сутяжник». Робот-помощник для юриста // URL: <http://sutjazhnik.garant.ru/> (дата обращения: 04.07.2022).

³⁹ Правобот. Онлайн-сервис для поиска судебной практики // URL: <https://pravo-bot.ru/> (дата обращения: 04.07.2022).

⁴⁰ Например, конструктор правовых документов СПС «Гарант» // URL: <https://garant-pr.ru/LegalTech/kpd/> (дата обращения: 04.07.2022).

⁴¹ Постный И. Указ. соч.

⁴² Сервис «Прозрачный бизнес» ФНС РФ // URL: https://pb.nalog.ru/?from=blog_uprav_article (дата обращения: 04.07.2022).

⁴³ Приказ ФНС России от 14.03.2016 № ММВ-7-12/134 «Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе Федеральной налоговой службы (АИС «Налог-3»)» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195780/ (дата обращения: 04.07.2022).

10) технологии, позволяющие осуществлять правовую коммуникацию между субъектами права (модульная многопользовательская платформа для аппарата суда и участников судопроизводства «Судебный портал», ГАС «Правосудие», технологии видео-конференц-связи и др.).

С учетом рассмотренного можно сделать вывод, что сегодня на рынке программных средств, использующих искусственный интеллект, представлены и успешно применяются в юриспруденции уже достаточно много разработок, обладающих различным функциональным назначением. Международный и отечественный опыт однозначно указывает на то, что будущее в юриспруденции связано с такими системами. Возможно, через несколько лет профессия юриста трансформируется. В частности, ряд рутинных задач, связанных с поиском, анализом и систематизацией информации, уже осуществляют справочные информационные правовые системы, что позволяет юристам сосредоточиться на задачах более высокого уровня, таких как ведение переговоров, присутствие в суде, консультирование клиентов, решение творческих задач. Однако использование самых мощных компьютеров с обученными нейронными сетями и искусственным интеллектом не заменит полностью работу юриста. Способность искусственного интеллекта выполнять какие-то узкие, дискретные задачи ни в коей мере не заменит опыт, навыки, творческий подход, эмоциональный интеллект профессионального юриста.

Таким образом, использование искусственного интеллекта субъектами права для достижения определенного правового результата можно рассматривать в качестве правовой технологии. Ее ценность заключается именно в сочетании эффективности приложений искусственного интеллекта с творческими профессиональными возможностями юриста.

В качестве направлений дальнейшего изучения проблем использования искусственного интеллекта в юридической практике можно обозначить вопросы ответственности, которые неизбежно возникают при принятии решений, влекущих юридически значимый результат: открытым остается вопрос о степени ответственности за действия, совершенные искусственным интеллектом. Каким образом разграничивается ответственность между разработчиком программы и пользователем? Нужно определиться, может ли нейронная сеть иметь правосубъектность, чтобы отвечать за свои действия, а также решить вопрос обеспечения защиты информации от незаконного доступа к ней⁴⁴. Определенные наработки в этой области уже есть и в России, и в других странах. Необходимо обобщить этот опыт и использовать его при рассмотрении вопросов правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта при осуществлении различных видов юридической деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев А. Ю. Философия искусственного интеллекта: концептуальный статус комплексного теста Тьюринга : дис. ... д-ра филос. наук. — М., 2015. — 482 с.
2. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 496 с.
3. Корнев А. В. Дигитализация права: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6. — С. 11–18.
4. Малышева Д. С., Касимов А. В. Технические и философские основания для создания сильного искусственного интеллекта (ч. I) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. — 2016. — № 3. — С. 75–85.

⁴⁴ Яцуценко В. В. Проблемы и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11 (132). С. 192.

5. Сёрль Дж. Сознание, мозг и программы / пер. А. Л. Блинова // URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6661> (дата обращения: 04.07.2022).
6. Черных И. И. Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6 (103). — С. 58–72.
7. Яцуценко В. В. Проблемы и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 11 (132). — С. 187–193.
8. Bellman R. An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computer Think? — San Francisco : Boyd and Fraster Publishing Company, 1978. — 146 p.
9. Bostrom N. Strategic Implications of Openness in AI Development / Future of Humanity Institute, University of Oxford, Oxford, United Kingdom // Global Policy. — 2017. — 9 February. — P. 1–14. — URL: <https://nickbostrom.com/papers/openness.pdf> (дата обращения: 04.07.2022).
10. Feng-Hsiung Hsu. Behind Deep Blue — Building the Computer that Defeated the World Chess Champion. — Princeton : Princeton University Press, 2004. — 328 p.
11. Li J., Liu U., Yue L., Jin F., Xu Q., Xu C. Artificial Intelligence Governed by Laws and regulations // Reconstructing Our Orders: Artificial Intelligence and Human Society / ed. D. Jin. — Shanghai : Shanghai University Press, Springer, 2019. — P. 61–98.
12. Mastering the game of Go without human knowledge // Nature. — 2017. — 19 October. — Vol. 550. — No. 7676. — P. 354–359. — URL: <https://www.nature.com/articles/nature24270> (дата обращения: 04.07.2022).
13. McClelland C. The Difference Between Artificial Intelligence, Machine Learning, and Deep Learning // IoT for all. — 2017. — 4 Dec. — URL: <https://medium.com/iotforall/the-difference-between-artificial-intelligence-machine-learning-and-deep-learning-3aa67bff5991> (дата обращения: 04.07.2022).
14. Riedl M. O., Harrison B. Using Stories to Teach Human Values to Artificial Agents // Georgia Tech. — 2016. — 12 Feb. — URL: <https://faculty.cc.gatech.edu/~riedl/pubs/aaai-ethics16.pdf> (дата обращения: 04.07.2022).
15. Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. — 1950. — № 59. — P. 433–460.
16. Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. — 2nd revised ed. — Paris : Hermann & Cie, Camb. Mass. (MIT Press), 1961. — 212 p.

Материал поступил в редакцию 8 июля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev A. Yu. Filosofiya iskusstvennogo intellekta: kontseptualnyy status kompleksnogo testa Tyuringa: dis. ... d-ra filos. nauk. — M., 2015. — 482 s.
2. Bostrom N. Iskusstvennyy intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii / per. s angl. S. Filina. — M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. — 496 s.
3. Kornev A. V. Digitalizatsiya prava: problemy i perspektivy // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2019. — № 6. — S. 11–18.
4. Malysheva D. S., Kasimov A. V. Tekhnicheskie i filosofskie osnovaniya dlya sozdaniya silnogo iskusstvennogo intellekta (ch. I) // Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo. — 2016. — № 3. — S. 75–85.
5. Serl Dzh. Soznanie, mozg i programmy / per. A. L. Blinova // URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6661> (data obrashcheniya: 04.07.2022).
6. Chernykh I. I. Pravovoe prognozirovaniye v sfere grazhdanskogo sudoproizvodstva v usloviyakh razvitiya informatsionnykh tekhnologiy // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2019. — № 6 (103). — S. 58–72.

7. Yatsutsenko V. V. Problemy i perspektivy vnedreniya tsifrovyykh tekhnologiy v deyatel'nost organov prokuratury // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2021. — T. 16. — № 11 (132). — S. 187–193.
8. Bellman R. An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computer Think? — San Francisco: Boyd and Fraster Publishing Company, 1978. — 146 p.
9. Bostrom N. Strategic Implications of Openness in AI Development / Future of Humanity Institute, University of Oxford, Oxford, United Kingdom // Global Policy. — 2017. — 9 February. — P. 1–14. — URL: <https://nickbostrom.com/papers/openness.pdf> (data obrashcheniya: 04.07.2022).
10. Feng-Hsiung Hsu. Behind Deep Blue — Building the Computer that Defeated the World Chess Champion. — Princeton: Princeton University Press, 2004. — 328 p.
11. Li J., Liu U., Yue L., Jin F., Xu Q., Xu C. Artificial Intelligence Governed by Laws and regulations // Reconstructing Our Orders: Artificial Intelligence and Human Society / ed. D. Jin. — Shanghai: Shanghai University Press, Springer, 2019. — P. 61–98.
12. Mastering the game of Go without human knowledge // Nature. — 2017. — 19 October. — Vol. 550. — No. 7676. — P. 354–359. — URL: <https://www.nature.com/articles/nature24270> (data obrashcheniya: 04.07.2022).
13. McClelland S. The Difference Between Artificial Intelligence, Machine Learning, and Deep Learning // IoT for all. — 2017. — 4 Dec. — URL: <https://medium.com/iotforall/the-difference-between-artificial-intelligence-machine-learning-and-deep-learning-3aa67bff5991> (data obrashcheniya: 04.07.2022).
14. Riedl M. O., Harrison B. Using Stories to Teach Human Values to Artificial Agents // Georgia Tech. — 2016. — 12 Feb. — URL: <https://faculty.cc.gatech.edu/~riedl/pubs/aaai-ethics16.pdf> (data obrashcheniya: 04.07.2022).
15. Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. — 1950. — № 59. — P. 433–460.
16. Wiener N. Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. — 2nd revised ed. — Paris: Hermann & Cie, Camb. Mass. (MIT Press), 1961. — 212 p.

Конституционная реформа 2020 года: впервые закреплён самостоятельный конституционно-правовой статус арбитражных судов

Аннотация. В статье анализируются промежуточные итоги конституционной реформы 2020 г., затронувшей основы судостроительства на территории Российской Федерации. Высказывается и обосновывается предположение об изменении приоритетов и векторов законодательной работы в сфере арбитражного процессуального законодательства. На основании проведенного анализа истории создания арбитражных судов делается вывод о становлении и развитии арбитражных судов в качестве самостоятельной процессуальной формы осуществления судебной власти в современной России. Дана оценка роли профессора В. Ф. Яковлева в создании арбитражных судов в России. Автор отмечает важность закрепления конституционно-правового статуса системы арбитражных судов. Автор разделяет мнение, имеющее колоссальное теоретическое и практическое значение, о том, что деятельность арбитражных судов представляет собой форму осуществления судебной власти и в сфере гражданского, и в сфере административного судопроизводства. В контексте проблемы возможного «поглощения» единым Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации в том числе Арбитражного процессуального кодекса принятие поправок к Конституции снижает такую угрозу. Автор приходит к выводу о том, что нормы арбитражного процессуального права, совершенствуясь, претерпевая разные редакции, допуская споры и дискуссии на уровне науки и практики, сохранились как самостоятельная отрасль права, являясь, наряду с Конституцией РФ, фундаментальной основой самостоятельного правового статуса системы арбитражных судов.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; конституционная реформа; арбитражное процессуальное законодательство; судебная система; судостроительство; арбитражное судопроизводство; система арбитражных судов; конституционно-правовой статус арбитражных судов; арбитражное процессуальное право; реформа.

Для цитирования: Свириденко О. М. Конституционная реформа 2020 года: впервые закреплён самостоятельный конституционно-правовой статус арбитражных судов // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 39–45. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.039-045.

© Свириденко О. М., 2022

* Свириденко Олег Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заместитель Министра юстиции Российской Федерации
Житная ул., д. 14, стр. 1, г. Москва, Россия, 119991
info@minjust.gov.ru

The 2020 Constitutional Reform: An Independent Constitutional and Legal Status of Commercial (Arbitrazh) Courts being fixed for the First Time

Oleg M. Sviridenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Minister of Justice of the Russian Federation
Zhitnaya ul., d. 14, str. 1, Moscow, Russia, 119991
info@minjust.gov.ru

Abstract. The paper analyzes the interim results of the 2020 constitutional reform, which affected the foundations of the judiciary in the territory of the Russian Federation. The author assumes and justifies that there is a change in priorities and vectors of legislative work in the field of commercial (arbitrazh) procedural legislation. Based on the analysis of the history of the creation of commercial (arbitrazh) courts, the author makes a conclusion about the formation and development of commercial (arbitrazh) courts as an independent procedural form of the exercise of judicial power in modern Russia. An assessment of the role of Professor V.F. Yakovlev in the creation of commercial (arbitrazh) courts in Russia is given. The author notes the importance of fixing the constitutional and legal status of the system of commercial (arbitrazh) courts. The author shares the opinion, which is of enormous theoretical and practical importance, that the activity of commercial (arbitrazh) courts is a form of exercising judicial power both in the sphere of civil and administrative proceedings. In the context of the problem of a possible «absorption» by the unified Civil Procedure Code of the Russian Federation, including the Commercial (Arbitrazh) Procedure Code, the adoption of amendments to the Constitution reduces such a threat. The author concludes that the rules of commercial (arbitrazh) procedural law, being improved, undergoing different editions, allowing for disputes and discussions at the scientific and practical level, have been preserved as an independent branch of law. At the same time, these rules are, along with the Constitution of the Russian Federation, the fundamental basis of the independent legal status of the commercial (arbitrazh) courts system.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; constitutional reform; commercial (arbitrazh) procedural legislation; judicial system; judiciary; commercial (arbitrazh) proceedings; system of commercial (arbitrazh) procedure courts; constitutional and legal status of commercial (arbitrazh) procedure courts; commercial (arbitrazh) procedural law; reform.

Cite as: Sviridenko OM. Konstitutsionnaya reforma 2020 goda: vpervye zakreplen samostoyatelnyy konstitutsionno-pravovoy status arbitrazhnykh sudov [The 2020 Constitutional Reform: An Independent Constitutional and Legal Status of Commercial (Arbitrazh) Courts being fixed for the First Time]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):39-45. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.039-045. (In Russ., abstract in Eng.).

С 4 июля 2020 г. начали действовать поправки к Конституции России. Ранее их поддержали Государственная Дума, Совет Федерации, регионы и Конституционный Суд РФ. 1 июля завершилось общероссийское голосование, на котором изменения одобрило большинство граждан¹.

Основы судоустройства на территории России закреплены в гл. 7 Конституции РФ, в соответствии с ч. 3 ст. 118 которой судебная система Российской Федерации устанавливается Консти-

туцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом.

Принятие поправок к ч. 2 ст. 118 Конституции РФ для арбитражного судопроизводства ознаменовалось важным событием — закреплением конституционно-правового статуса системы арбитражных судов.

В соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции РФ правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Судебная власть после внесения изменения в Конституцию РФ осуще-

¹ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001>.

ствляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

Учеными и практиками данная новелла была воспринята как победа в многолетней дискуссии о том, является ли арбитражное судопроизводство самостоятельным или оно лишь часть гражданской отрасли права.

Трудно переоценить влияние Конституции на развитие юридической науки, а также всей сферы законодательного регулирования и правоприменительной практики.

Именно принятие поправки к ч. 2 ст. 118 Конституции РФ создало гарантии стабильности и определенности судоустройства Российской Федерации. Получили закрепление базовые предпосылки развития законодательства о судоустройстве и судопроизводстве в Российской Федерации.

Конституция РФ сегодня, впервые за 20 лет существования, упоминает, помимо 4 видов судопроизводства (конституционного, уголовного, гражданского, административного), **и арбитражное**.

До этого момента арбитражное судопроизводство в Конституции РФ не упоминалось. В федеральном законодательстве (Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 18.07.2019) «Об арбитражных судах в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и т.д.) упоминался арбитражный процесс.

Первый Арбитражный процессуальный кодекс РФ появился в 1992 г. взамен Правил рассмотрения хозяйственных споров СССР. После распада СССР на базе государственных арбитражей были созданы экономические арбитражные суды.

Первым документом, определявшим направления реформирования российской судебной

системы, явилась Концепция судебной реформы, разработанная в 1991 г.²

В рамках основных направлений судебной реформы были приняты Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и первый АПК РФ 1992 г. При этом каждый следующий АПК (1995, 2002 гг.) становился всё более процессуально совершенным. Статус федеральных конституционных законов, бесспорно, в определенном смысле подчеркнул значимость арбитражных судов в системе судопроизводства.

Создание арбитражных судов в России в основном заслуга доктора наук, профессора, члена-корреспондента РАН Вениамина Федоровича Яковлева — последнего Главного государственного арбитра СССР, единственного Председателя Высшего Арбитражного Суда СССР, первого Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ.

Профессор В. Ф. Яковлев внес огромный вклад в развитие науки, в создание и развитие системы арбитражных судов нашей страны. Первый Председатель ВАС РФ В. Ф. Яковлев отмечал, что название судов «арбитражные» «точно определяет суть нашей деятельности, указывая на преемственность преобразования»³.

При этом профессор отмечал, что в прессе «порой продолжают дискуссии об объединении арбитражных судов и судов общей юрисдикции под крышей единого суда. Однако для этого нет правовых оснований. При этом в мире наблюдается противоположная тенденция: наряду с судами общей юрисдикции развивается специализированное правосудие. Оно успешно функционирует в Англии, Франции, Германии в виде коммерческих судебных палат»⁴.

На определенном этапе, в период с 1993 по 2004 г., согласно ст. 127 Конституции РФ судебная система включала в себя суды общей юрисдикции, возглавляемые Верховным Судом РФ,

² Концепция судебной реформы 1991 г. была принята постановлением Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 (Ведомости СНД РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435).

³ Яковлев В. Ф. Избранные труды. Арбитражные суды: становление и развитие. М.: Статут, 2013. Т. 3. С. 181.

⁴ Из интервью В. Ф. Яковлева газете «Коммерсант» (№ 228, 04.12.2004, с. 3).

и арбитражные суды, возглавляемые Высшим Арбитражным Судом РФ⁵. Такая структура судебной власти в Российской Федерации представляла собой самостоятельные системы отдельных юрисдикций Российской Федерации.

Конституция РФ 1993 г. создала предпосылки и для самостоятельного законодательного регулирования отраслей процессуального законодательства, то есть **порядка рассмотрения дел арбитражными судами, отдельного от гражданского процессуального законодательства**.

В 1995 г. в развитие конституционных положений был принят Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации», который определил систему арбитражных судов и установил полномочия **арбитражного суда в качестве единственного** в Российской Федерации судебного органа, имеющего право рассматривать и разрешать в соответствии с АПК РФ отнесенные законом к его ведению **экономические споры**. Этот Закон также закрепил полномочия суда надзорной инстанции в системе арбитражных судов только за одним судом — Президиумом ВАС РФ, предусмотрел образование окружных арбитражных кассационных судов, не связанных с административно-территориальным делением, ввел апелляцию по всем делам, рассматриваемым в арбитражных судах, и решил многие иные вопросы судопроизводства, непосредственно влияющие на регулирование правил судопроизводства в арбитражных судах. В таком виде система в целом работала эффективно и приносила определенную пользу при разрешении споров в сфере бизнеса и предпринимательской деятельности.

В целях дальнейшего развития судебной системы и ее совершенствования в режиме полного обеспечения единообразия и стабильности судебной практики было принято решение о конституционных поправках в деятельности двух верховных судов. В результате этой реформы произведены существенные

изменения в судебной системе России 2014 г.: внесены поправки в Конституцию РФ, в рамках которых был упразднен ВАС РФ, исключено всякое упоминание об арбитражных судах (ст. 127 Конституции РФ исключена) и об арбитражном процессуальном законодательстве (п. «о» ст. 71 Конституции РФ изложен в новой редакции).

С объединением Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда фактически устройство арбитражной судебной системы утратило конституционную основу, поскольку кроме указания на два высших судебных органа — КС РФ и ВС РФ — никакие другие суды в Конституции РФ не назывались. Единственное, что имело позитивного для арбитражных судов, — это упоминание о них в Федеральном конституционном законе «О судебной системе», что давало возможность судебной системе сохранить арбитражные суды.

В соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» Высший Арбитражный Суд РФ был упразднен, а вопросы осуществления правосудия, отнесенные к его ведению, были переданы в юрисдикцию Верховного Суда РФ.

Верховный Суд РФ после упразднения ВАС РФ находится во главе двух отдельных подсистем судов — общей юрисдикции и арбитражных, поэтому он является высшим судебным органом, в том числе и по разрешению экономических споров и иных дел, подведомственных арбитражным судам.

В его составе с 2014 г. была образована Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, которой проделана значительная работа по формированию единой судебной арбитражной практики. Кроме того, была обеспечена реализация судебной реформы (в рамках программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020-е годы»⁶), которая приобретает всё более значимый характер. Более того, была систематизирована практика

⁵ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

⁶ Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020-е годы», утв. распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р // Российская бизнес-газета. 2012. 2 октября.

взаимодействия с Судебной коллегией по административным делам и с Судебной коллегией по гражданским делам по вопросам единообразия практики.

Однако, пожалуй, самым серьёзным достижением стало закрепление самостоятельного правового статуса арбитражного судопроизводства в России, в результате чего одной из важнейших черт судебного процесса должна стать его дифференциация в зависимости от вида суда.

Внесение поправки в ч. 2 и 3 ст. 118 Конституции РФ окончательно **закрепило самостоятельный правовой статус арбитражных судов в судебной системе РФ.**

Впервые в Конституции закреплено, что судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, **арбитражные суды**, мировые судьи субъектов Российской Федерации. Создание чрезвычайных судов не допускается.

До этого момента арбитражные суды в судебной системе РФ были поименованы в п. 2 ст. 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», согласно которому определяется действие федеральных, конституционных судов и мировых судей, составляющих судебную систему Российской Федерации. В настоящее время в Российской Федерации судебная система включает в себя арбитражные суды, суды общей юрисдикции и Конституционный Суд РФ.

Установление в ч. 2 и 3 ст. 118 Конституции России арбитражного судопроизводства стало конституционной основой становления и развития арбитражных судов в качестве самостоятельной процессуальной формы осуществления судебной власти в современной России.

При этом к экономическим спорам относятся дела, рассматриваемые в порядке как гражданского, так и административного судопроизводства, что, по мнению автора, даёт вполне обоснованные мотивы проводить аналогию с делением судов на общие и специализированные. Здесь следует отметить, что арбитражные суды законом не называются специализированными (к таковым относится только Суд по интеллек-

туальным правам в соответствии со ст. 3, 43.2 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в РФ»), поэтому называть арбитражные суды специализированными по отношению к судам общей юрисдикции не совсем обоснованно.

Арбитражные суды являются **одновременно судами для разрешения дел в сферах частного и публичного права**, что учтено в их внутренней организации и оформлено многолетней практикой (более 20 лет) применения АПК РФ.

Арбитражные суды осуществляют судебную власть путем разрешения экономических споров и иных дел, отнесенных к их ведению. Они имеют **собственную подведомственность**, порядок судопроизводства в них имеет специфику, установленную АПК РФ.

Арбитражный процесс основывается на соблюдении установленных федеральными законами правил судопроизводства, содержащихся в АПК РФ и других федеральных законах, в частности в Законе о банкротстве. Судебные акты арбитражных судов, вступившие в законную силу, признаются обязательными для исполнения на всей территории Российской Федерации, а на основании международных договоров и федеральных законов — и за ее пределами.

Мнение автора совпадает с мнением многих ученых и позволяет сделать вывод о том, что на уровне Конституции закреплено, что **деятельность арбитражных судов представляет собой форму осуществления судебной власти и в сфере гражданского, и в сфере административного судопроизводства.** С точки зрения теории и практики это, несомненно, прорыв в законодательном закреплении статуса арбитражных судов, поскольку с 2014 г. некоторыми учеными высказывались утверждения, что арбитражный процесс является лишь частью гражданского судопроизводства, не охватывая при этом административное судопроизводство. Однако данное утверждение представляется ошибочным и дискуссионным, поскольку спор о подведомственности между судами не допускается.

Аналогичной позиции придерживаются известные ученые-процессуалисты, в том числе доктор юридических наук, профессор В. В. Ярков, отмечая, что арбитражные суды — это органы

судебной власти в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, рассматривающие подведомственные им дела в порядке гражданского и административного судопроизводства, установленном Конституцией РФ, АПК РФ и другими федеральными законами⁷.

Представляется, что новые конституционные подходы к законодательному разграничению гражданско-правового процесса уведут, по сути, дискуссию в сторону от проблемы **единого Гражданского процессуального кодекса РФ**⁸ либо закрепляют право на наличие в предполагаемом едином ГПК РФ отдельного самостоятельного раздела, регламентирующего деятельность арбитражных судов, практически воспроизводящего действующий АПК РФ.

Принятие поправок к Конституции РФ имеет серьезное значение еще и потому, что есть основания полагать о снижении угрозы слияния Гражданского процессуального кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса РФ, Кодекса административного судопроизводства РФ. Ведь, как известно, в течение нескольких лет с 2014 г. продолжалась работа по созданию единого Гражданского процессуального кодекса. Этот кодекс мог бы «поглотить» АПК РФ, хотя он прошел российскую и международные правовые экспертизы.

Теперь же установлено, что в соответствии с ч. 3 ст. 128 Конституции РФ отраслевое процессуальное законодательство регулирует порядок осуществления гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

В этой связи необоснованным представляется мнение о том, что «параллельное существование арбитражных судов и судов общей юрисдикции», как отмечала Н. А. Чечина, «не только порождает сложности при определении подведомственности дел, но и не обеспечивает единства применения норм материального права»⁹.

Сторонниками данной точки зрения в качестве аргумента необходимости отказа от системы арбитражных судов указывалось на то, что существование системы арбитражных судов не способствовало единству судебной системы, единству подхода при осуществлении правосудия.

Таким образом, сам факт включения в 2020 г. в Конституцию РФ нормы арбитражного судопроизводства позволяет надеяться и на дальнейшую успешную реализацию доктрины арбитражного судопроизводства. **Нормы арбитражного процессуального права, совершенствуясь, претерпевая разные редакции, допуская споры и дискуссии на уровне науки и практики, сохранились как самостоятельная отрасль права, явившись, наряду с Конституцией РФ, фундаментальной основой самостоятельного правового статуса системы арбитражных судов.**

Можно с уверенностью отметить, что названные преобразования в судостроительстве Российской Федерации 2020 г. и их последствия имеют колоссальное значение для дальнейшего существования и развития арбитражного судопроизводства Российской Федерации, являются добротной основой изменений в сфере судопроизводства по экономическим делам, обеспечения эффективного механизма судебной защиты прав граждан и организаций. Конституционные изменения 2020 г., касающиеся судебной системы, несомненно, отразятся на процессуальном законодательстве, регулирующем правила судопроизводства в арбитражных судах.

Представляется очень важным в вопросах реформирования законодательства о судопроизводстве учитывать исторический опыт, который свидетельствует, что законодательные инициативы по развитию судостроительства, судопроизводства и статуса судей должны представлять собой логическое продолжение начального и современного этапа развития.

⁷ Арбитражный процесс : учебник. 7-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. В. Ярков. М. : Статут, 2017.

⁸ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 265–271 ; Малешин Д. Я. От концепции единого ГПК к общему Судебному кодексу // Вестник гражданского процесса. 2016. № 3. С. 10–24.

⁹ Чечина Н. А. Предмет и система гражданского процессуального права // Актуальные проблемы гражданского процесса / под ред. В. А. Мусина. СПб., 2002. С. 14, 15.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В. В. Ярков. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2017. — 752 с.
2. Малешин Д. Я. От концепции единого ГПК к общему Судебному кодексу // Вестник гражданского процесса. — 2016. — № 3. — С. 10–24.
3. Чечина Н. А. Предмет и система гражданского процессуального права // Актуальные проблемы гражданского процесса / под ред. В. А. Мусина. — СПб., 2002.
4. Яковлев В. Ф. Избранные труды. Арбитражные суды: становление и развитие. Т. 3. — М. : Статут, 2013. — 749 с.

Материал поступил в редакцию 1 июля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arbitrazhnyy protsess: uchebnik / otv. red. V. V. Yarkov. — 7-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2017. — 752 s.
2. Maleshin D. Ya. Ot kontseptsii edinogo GPK k obshchemu Sudebnomu kodeksu // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2016. — № 3. — S. 10–24.
3. Chechina N. A. Predmet i sistema grazhdanskogo protsessualnogo prava // Aktualnye problemy grazhdanskogo protsessa / pod red. V. A. Musina. — SPb., 2002.
4. Yakovlev V. F. Izbrannye trudy. Arbitrazhnye sudy: stanovlenie i razvitie. T. 3. — M.: Statut, 2013. — 749 s.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.046-059

М. А. Чекрыга*

Общественный контроль в муниципальных образованиях субъектов Российской Федерации Сибирского федерального округа

Аннотация. Развитие института общественного контроля, осуществляемого в муниципальных образованиях, является частью идеологии, в соответствии с которой видят свое развитие демократические государства. Целью работы является определение отдельных проблем, тормозящих развитие субъектов общественного контроля в муниципальных образованиях. Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, связанные с общественным контролем в муниципальных образованиях; предметом исследования выступают количественные, качественные характеристики субъектов общественного контроля, законодательство, регламентирующее их организацию и деятельность. В работе использованы диалектический, системный методы, методы анализа и синтеза, а также формально-юридический метод.

Исследование показало, что: а) развитие общественного контроля в муниципальных образованиях регионов Сибирского федерального округа осуществляется неравномерно; б) принятие Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» заложило основы для развития общественного контроля, однако не спровоцировало ожидаемой активности в использовании его норм; в) среди причин, препятствующих развитию рассматриваемого правового института можно отметить недостаточное информирование населения о возможностях, правовых основаниях, формах работы, процедуре создания, лучшем опыте работы субъектов общественного контроля; организационная причина — отсутствие систематического размещения необходимой информации о деятельности субъектов общественного контроля на сайтах муниципальных образований; некорректное применение норм Федерального закона № 212-ФЗ; правовые проблемы действующего правового регулирования (отсутствие необходимой правовой регламентации рассматриваемой сферы).

Ключевые слова: общественный контроль; общественная палата; общественный совет; формы работы субъектов общественного контроля; общественные палаты регионов; проблемы организации и деятельности субъектов общественного контроля; поддержка деятельности субъектов общественного контроля; органы местного самоуправления; правовые проблемы сферы общественного контроля; вовлечение граждан в общественную жизнь.

Для цитирования: Чекрыга М. А. Общественный контроль в муниципальных образованиях субъектов Российской Федерации Сибирского федерального округа // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 46–59. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.046-059.

© Чекрыга М. А., 2022

* Чекрыга Марина Александровна, консультант правового отдела аппарата Избирательной комиссии Новосибирской области
Красный просп., д. 18, г. Новосибирск, Россия, 630007
m.a.chekryga@list.ru

Public Control in Municipalities of Constituent Entities of the Russian Federation of the Siberian Federal District

Marina A. Chekryga, Legal Advisor, Legal Department, Office of the Election Commission,
Novosibirsk Region
prospekt Krasnyy, 18, Novosibirsk, Russia, 630007
m.a.chekryga@list.ru

Abstract. Development of public control as an independent institution carried out in municipalities constitutes a part of the ideology according to which democratic states proceed their development. The purpose of the study is to identify problems that hinder the development of subjects of public control in municipalities. The object of this study covers public relations related to public control in municipalities; the subject of the study includes quantitative and qualitative characteristics of subjects of public control, legislation regulating their organization and activities. Methodologically, the paper is based on dialectical and system methods, methods of analysis and synthesis, as well as the formal legal method.

The study showed that a) public control development in municipalities of the regions of the Siberian Federal District is carried out inconsistently; b) Federal Law No. 212-FZ dated 21 July 2014 «On foundations of public control in the Russian Federation» sets forth foundations for the development of public control, but it does not provoke the expected activity in the use of its norms; c) among the reasons hindering the development of the legal institution under consideration, the author names insufficient informing of the population about the possibilities, legal grounds, forms of work, the procedure for creation, the best experience of the subjects of public control, Organizational issues include the lack of systematic posting of the necessary information about the activities of subjects of public control on the websites of municipalities and incorrect application of the norms of Federal Law No. 212-FZ. Legal problems of the current legal regulation are caused by the lack of necessary legal regulation of the sphere under consideration).

Keywords: public control; public chamber; public council; forms of work of subjects of public control; public chambers of regions; problems of organization and activity of subjects of public control; support for the activities of subjects of public control; local governments; legal problems of the sphere of public control; involvement of citizens in public life.

Cite as: Chekryga MA. Obshchestvennyy kontrol v munitsipalnykh obrazovaniyakh subektov Rossiyskoy Federatsii Sibirskogo federalnogo okruga [Public Control in Municipalities of Constituent Entities of the Russian Federation of the Siberian Federal District]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):46-59. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.046-059. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Тенденцией современного мира, обладающего всеми возможностями обеспечения открытости процессов управления (цифровые технологии), а также располагающего различными способами вовлечения жителей в данные управленческие процессы, является использование института общественного контроля. В первую очередь такой контроль устанавливается за

наиболее важными, жизнеобеспечивающими общественными отношениями. Примером может послужить опыт Королевства Таиланд, который в своей Конституции 2007 г. предусмотрел расширенные возможности для общественного участия в контроле за окружающей природной средой, в управлении природными ресурсами¹.

Развитие института объясняется тем, что он «...произведен от права народа на народо-

¹ См.: Chompunth C. Public participation in environmental management in constitutional and legal frameworks // URL: <http://thescipub.com/abstract/10.3844/ajassp.2013.73.80> (дата обращения: 01.12.2021).

властие, гарантированное последнему международным и национальным законодательством как носителю государственного суверенитета и единственному источнику власти в том или ином национальном государстве»². Существует объективная востребованность сотрудничества общественных и государственных структур, вызванная информационной коммуникацией, усложнением культуры политического управления, поиском общегосударственной идеологии³. Решение вопросов общественного контроля связывается с практикой формирования конституционного правопорядка, с объективной необходимостью трансформации принципа независимости ветвей власти (их разделения) в принцип консолидации ветвей власти, среди которых: законодательная, исполнительная, судебная и ветвь народного контроля⁴. При этом важно определить баланс между обеспечением беспрепятственной работы государственного аппарата и осуществлением полноценного контроля за ним со стороны общества. Иначе осуществление мероприятий общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц будет саботироваться последними под прикрытием того, что данные мероприятия создают препятствия в организации и деятельности властного аппарата⁵.

Е. В. Маркина и А. Н. Позднышов отмечают, что сегодня «...подавляющая часть субъектов общественного контроля не обладает достаточ-

ной для принятия кардинальных решений квалификацией в контролируемой сфере, может быть ангажирована, заинтересована, иметь какие-либо субъективные причины для осуществления негативных действий в отношении контролируемых органов публичной власти»⁶. Безусловно, решение данного вопроса тесно связано с вопросом обязательности учета итогов контроля органами власти. М. С. Хачатрян отмечает: «С одной стороны, принцип обязательности принимаемых субъектами общественного контроля решений имеет огромное преимущество, так как в таком случае проблема игнорирования общественного мнения не будет иметь места. Однако в демократическом правовом государстве гражданское общество, которое является субъектом общественного контроля, не может принимать властных решений, поскольку иначе оно само станет, наряду с органами власти, осуществлять государственные полномочия, что неприемлемо для гражданского общества, которое само должно быть противовесом государственной власти»⁷. Деятельность органов публичной власти не должна ничем подменяться, но информация о функционировании органов публичной власти должна иметь гарантированно открытый характер с целью обеспечения своевременного воздействия общественности на деятельность органа власти, а также с целью обеспечения возможности обращения в контрольный (надзорный) орган. Эта позиция отвечает подходу западных демократий к определению общественного

² Гончаров В. В. Вопросы соотношения общественного контроля власти и народовластия (конституционно-правовой анализ) // Юрист. 2019. № 9. С. 45–52.

³ См.: Безруков А. В., Тепляшин И. В. Современная модель конституционного правопорядка: контуры формирования // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 77–88.

⁴ См.: Борисов Г. А., Румянцев М. Б. Правотворчество и баланс ветвей власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 16–19.

⁵ Гончаров В. В. Условия ограничения права граждан Российской Федерации на осуществление общественного контроля (конституционно-правовой анализ) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 4. С. 45–53.

⁶ Маркина Е. В., Позднышов А. Н. Расширение прав граждан Российской Федерации в сфере осуществления общественного контроля как способ предупреждения конституционных конфликтов // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 50–54.

⁷ Хачатрян М. С. Общественный контроль в Российской Федерации и народный контроль в СССР: сравнительно-правовой анализ моделей // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 11. С. 115–125.

контроля через «прозрачность» государства и «участие» в нем граждан⁸.

Сегодня на Западе сложилось несколько форм общественного контроля, среди которых: опросы общественного мнения, подписание петиций и предложений от общественных объединений, союзов и др.; общественные консультации, обсуждающие, комментирующие и оценивающие правительственные или муниципальные проекты; дискуссионные площадки и форумы, предназначенные для совместного принятия решений по разнообразным политическим вопросам представителями общественности, экспертами и чиновниками; интерактивный диалог через социальные сети между общественными организациями и органами власти⁹. Сказанное характеризует общественный контроль как актуальный институт.

Целью настоящей работы является определение отдельных проблем, тормозящих развитие субъектов общественного контроля в муниципальных образованиях.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с осуществлением общественного контроля в муниципальных образованиях субъектов Российской Федерации Сибирского федерального округа; предметом исследования выступают количественные, качественные характеристики субъектов общественного контроля, нормы действующего законодательства, регламентирующего организацию и деятельность субъектов общественного контроля.

В работе использованы диалектический, системный методы, методы анализа и синтеза, а также формально-юридический метод.

Данные об организации и о деятельности субъектов общественного контроля в муниципалитетах регионов СФО

В середине 2020 г. в муниципальных районах и городских округах Новосибирской области (в регионе 30 муниципальных районов и 5 городских округов) был организован опрос, показавший создание и функционирование незначительного числа субъектов общественного контроля в муниципальных образованиях. Результаты опроса, опубликованные в методическом пособии¹⁰, среди субъектов общественного контроля показали создание:

- общественных советов по независимой оценке качества деятельности учреждений культуры, учреждений социальной сферы, образовательной деятельности муниципальных районов — в количестве 5 (2013, 2014, 2016 гг. создания);

- общественных советов при главах и администрациях муниципальных районов, общественных советов муниципальных районов и городских округов, общественной палаты — 14 общественных советов и 1 общественная палата (2013–2020-е гг. создания). Из них 1 общественная палата (2013 г. создания) и 14 общественных советов, из которых по одному субъекту общественного контроля созданы в 2013, 2014, 2015, 2016, 2018 гг.; по 4 — в 2017 и 2019 гг.; 1 — в 2020 г.;

- общественных советов по вопросам общего образования и дополнительного образования — 2 (созданы в двух муниципальных районах в 2016 г.).

Указанные данные свидетельствуют о том, что субъекты общественного контроля созданы не во всех муниципальных образованиях.

⁸ Гончаров В. В. Правовое регулирование института общественного контроля: международный и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10. С. 155–171.

⁹ Рочева Е. А. К вопросу об общественном контроле // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2019. № 12. С. 200–206.

¹⁰ Сборник информационно-методических материалов «Формы участия граждан в осуществлении местного самоуправления: старосты сельских населенных пунктов, территориальное общественное самоуправление, общественный контроль в муниципальных образованиях» / авт.-сост. М. А. Чекрыга. Новосибирск : Арсенал, 2020.

В субъектах Российской Федерации СФО также созданы и функционируют общественные палаты и общественные советы муниципальных образований (см. таблицу¹¹):

Субъект Российской Федерации	Субъекты общественного контроля в муниципальных образованиях	
	Общественные палаты	Общественные советы
Алтайский край	2 общественные палаты в 2 городских округах	456 общественных советов при органах местного самоуправления (83 — в муниципальных районах; 6 — в городских поселениях; 351 — в сельских поселениях; 16 — в городских округах)
Иркутская область	21 общественная палата	41 общественный совет
Кемеровская область — Кузбасс	нет данных	91 общественный совет (55 — в городских округах; 22 — в муниципальных районах; 14 — в муниципальных округах)
Красноярский край	15 общественных палат в муниципальных районах; 9 — в городских округах	нет данных
Омская область	нет данных	нет данных
Республика Алтай	не созданы	11 общественных советов (в каждом муниципальном районе и городе Горно-Алтайске)
Республика Тыва	18 общественных советов при администрациях муниципалитетов	нет данных
Республика Хакасия	9 общественных палат (г. Абаза, г. Саяногорск, г. Сорск, Алтайский район, Аскизский район, Бейский район, Богградский район, Таштыпский район, Усть-Абаканский район)	1 общественный совет (Ширинский район)
Томская область	4 общественные палаты (совета) муниципальных образований	11 общественных советов при органах местного самоуправления

Следует отметить, что функционирование небольшого количества субъектов общественного контроля на местном уровне свойственно не только Новосибирской области. Данный факт Т. Н. Михеева и Г. Ю. Шабалин частично объясняют отсутствием в Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 212-ФЗ) прямой обязанности муниципальных властей по созданию органов общественного контроля¹². Но возникает вопрос, должна ли существовать данная обязанность? Предположительно инициатива создания общественных советов должна исхо-

дить от населения, а не быть обязанностью, с трудом реализуемой органами власти совместно с доверенными лицами «из народа». В связи с этим проблема видится в мотивации граждан, включая обеспечение рабочими юридическими механизмами, которые бы гарантировали учет мнения субъектов общественного контроля. Недостаточным является также уровень информационного обеспечения граждан о деятельности, возможностях субъектов общественного контроля.

Как показала практика, общественные советы, общественные палаты в Новосибирской области не создают собственных сайтов, ис-

¹¹ Формы участия граждан в осуществлении местного самоуправления: старосты сельских населенных пунктов, территориальное общественное самоуправление, общественный контроль в муниципальных образованиях : сборник информ.-метод. материалов / авт.-сост. М. А. Чекрыга. Новосибирск, 2020.

¹² Михеева Т. Н., Шабалин Г. Ю. Совершенствование законодательства об электоральном общественном контроле // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 3. С. 22–27.

пользуя страницы официальных сайтов органов местного самоуправления, обновляя информацию о своей деятельности от одного раза в квартал до раза в год. Для действующего субъекта общественного контроля этого недостаточно. Информация должна выкладываться по мере возникновения оснований. Как представляется, поводов для этого достаточно — участие в мероприятиях, среди которых заседания (пленарные, заседания комиссий), общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, участие в работе сессий районного совета депутатов, собрания трудовых коллективов и общественности, в информировании населения о деятельности органов местного самоуправления, анкетирование населения с целью оценки качества предоставления услуг учреждениями здравоохранения, участие в районных мероприятиях и акциях, в публичных слушаниях, в работе организационных комитетов, комиссий, рабочих групп органов местного самоуправления. Существование перечисленных форм работы свидетельствует об интеграции субъектов общественного контроля в сферу деятельности органов власти. На основании вышеизложенного предлагается законодательно закрепить «организующую» обязанность по распространению сведений о проведенной работе: пункт 5 ч. 2 ст. 10 Федерального закона № 212-ФЗ, предусматривающий обязанность субъектов общественного контроля при его осуществлении обнародовать информацию о своей деятельности и о результатах контроля, дополнить уточнением «по мере возникновения оснований, но не реже одного раза в квартал».

Выявленные проблемы

Результаты опубликованного в указанном выше методическом пособии опроса позволили обнаружить несколько проблем организации и дея-

тельности субъектов общественного контроля на местном уровне, среди которых:

- 1) низкая активность жителей, вовлекаемых в общественную работу;
- 2) слабая поддержка общественных палат со стороны глав муниципальных образований;
- 3) включение в составы общественных советов муниципальных служащих, затрудняющее общественный контроль за деятельностью органов муниципальной власти; дублирование составов участников и решаемых вопросов;
- 4) отсутствие в Федеральном законе № 212-ФЗ единых норм по созданию и организации деятельности муниципальных общественных палат (общественных советов), как и в законах регионов; нарушение внутренней логики указанного закона.

1. Вопрос вовлечения граждан в общественную жизнь не является легко решаемым. Об этом говорят и зарубежные авторы, описывая, например, опыт вовлечения граждан местными властями в планирование территорий: несмотря на то что обеспечение более широкого участия общественности в планировании дает множество преимуществ, зачастую его либо трудно достичь, либо оно остается относительно низким¹³. В целях решения проблемы низкой активности жителей в мероприятиях по общественному контролю за деятельностью органов публичной власти предлагается создавать условия для максимального информирования граждан о деятельности таких органов власти. Э. Н. Вольфсон пишет о том, что «с целью предоставления возможности гражданам для ознакомления с информацией о деятельности органа государственной власти (местного самоуправления) необходимо размещать данную информацию на его официальном сайте в сети “Интернет”, при этом регулярно ее обновляя. ... Актуализировать формы и способы обратной связи с гражданами, т.е. развивать онлайн-взаимодействие (“горячие линии”, опросы на официальных сайтах органов государственной

¹³ Wilson A., Tewdwr-Jones M., Comber R. Urban planning, public participation and digital technology: App development as a method of generating citizen involvement in local planning processes // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2399808317712515> (дата обращения: 01.12.2021).

власти и местного самоуправления и т.п.)»¹⁴. Т. К. Красильникова, Г. Г. Егоров, С. Ю. Казаченко, М. Г. Мартирисян предлагают использовать интернет-ресурсы, аналогичные сайту <http://regulation.gov.ru>, для общественного обсуждения проектов муниципальных нормативных правовых актов, а впоследствии возложить обязанность размещения таких проектов на органы местного самоуправления¹⁵. Это представляется оправданным, поскольку стало очевидным, что теорий управления недостаточно, чтобы понять преимущества и риски принимаемых решений, оказываемых услуг¹⁶. Например, в Болонье (Италия) успешным оказался проект «цифрового» взаимодействия граждан и местных властей, который включал в себя веб-сайт, выполняющий информативную функцию, далее — предоставление муниципальных онлайн-услуг, в последующем было запланировано проведение мероприятий, касающихся онлайн-взаимодействия с общественностью — общественных консультаций, составление бюджета с участием общественности¹⁷. В литературе можно встретить различные предложения, направленные на решение проблемы включения граждан в обсуждение проектов актов, документов. Они направлены на создание условий, максимально упрощающих поиск информации и участие в

контроле. Среди них и определение критерия общественной значимости проектов, по которым отграничиваются одни проекты от других, предлагаемых к обсуждению; и опубликование с проектом акта пояснительной информации; и вовлечение средств массовой информации в процесс распространения сведений об обсуждении актов, а также введение процедуры, обеспечивающей действительный учет результатов общественного обсуждения¹⁸. Учитывая, что инициатива общественного контроля должна исходить от граждан, в первую очередь необходима максимальная открытость и полнота информации о деятельности органа публичной власти. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» в пп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 13 предусматривает размещение в сети «Интернет» информации о деятельности органов местного самоуправления, к которой относятся тексты проектов муниципальных правовых актов, внесенных в представительные органы муниципальных образований. О собственных актах исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления, даже учитывая, что большую часть социально значимых вопросов решает администрация, в законе

¹⁴ Вольфсон Э. Н. Общественный контроль как механизм дебиюрократизации государственного управления и местного самоуправления // Сборник научных трудов по материалам IV Научно-практической конференции школьников, студентов и преподавателей с международным участием. Кемерово : Кузбасский гос. тех. ун-т имени Т.Ф. Горбачева, 2018. С. 14–22.

¹⁵ Красильникова Т. К., Егоров Г. Г., Казаченко С. Ю., Мартирисян М. Г. Институт общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов как один из механизмов действия электронной демократии и ее роль в формировании гражданского общества в России // Повсеместные вычисления и Интернет вещей: предпосылки для развития ИКТ. Исследования в области вычислительного интеллекта. Т. 826. Springer Cham, 2019. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_2 (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁶ Brandsen T., Steen T., Verschuere B. Co-creation and co-production in public services: Urgent issues in practice and research // URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85047050192&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&nlo=&nlr=&nls=&sid=c274db2f2dbfd6a7e5ae184f05c3814f&sot=b&sdt=b&sl=50&s=TITLE-ABS-KEY%28citizen+involvement+in+local+issues%29&relpos=75&citeCnt=18&searchTerm=> (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁷ Bartoletti R., Faccioli F. Public Engagement, Local Policies, and Citizens' Participation: An Italian Case Study of Civic Collaboration // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305116662187> (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁸ Базыкин А. Ю. Правовое регулирование общественного обсуждения нормативных правовых актов с использованием телекоммуникационных технологий // Журнал российского права. 2021. № 2. С. 171–182.

ничего не сказано. Как представляется, соответствующие изменения должны быть отражены в указанном законе.

2. Сегодня субъекты общественного контроля — реальность, которую необходимо принимать, поскольку эффектом от их работы является характеристика состояния легитимности органа власти, определение соответствующего уровня доверия общества к конкретному органу управления¹⁹. Однако указанные структуры не всегда удобны и не во всем защищены. Существует мнение, что действующее законодательство сводит на нет усилия субъектов общественного контроля, поскольку законом не установлено ответственности за воспрепятствование законной деятельности субъектов общественного контроля, что в совокупности с рекомендательным характером результатов общественного контроля нивелирует его значение²⁰. Действительно, гарантий деятельности субъектов общественного контроля на сегодняшний день нет, что позволяет высказать предложение закрепить в КоАП РФ ответственность за воспрепятствование осуществлению общественного контроля субъектами общественного контроля. Кроме этого, высказываются предложения «...определить на правовом уровне обязанности должностных лиц государственных органов во взаимодействии с институтами общественного контроля, чтобы установить ответственность этих должностных лиц за создание препятствий для общественного контроля»²¹. Однако норма,

предусматривающая права и обязанности субъектов общественного контроля, уже существует — статья 10 Федерального закона № 212-ФЗ. И этим правам корреспондируют права и обязанности должностных лиц. В силу чего правило об административной ответственности может иметь общую формулировку.

3. Включение в состав общественных советов муниципальных служащих, как представляется, должно быть исключено, поскольку Федеральный закон № 212-ФЗ прямо запрещает формирование субъектов общественного контроля с участием указанных лиц (ч. 4 ст. 13). Вопрос дублирования составов и решаемых вопросов должен быть преодолен путем проведения ревизии правовых документов, положенных в основу деятельности субъектов общественного контроля.

4. Вопросы юридических неточностей, содержащихся в Федеральном законе № 212-ФЗ²², недостаточности правового регулирования, установленного указанным документом, включая обсуждение предложений о кодификации Федерального закона № 212-ФЗ в Основы законодательства об общественном контроле с целью повышения уровня формализации правовых процедур²³, необходимости включения в круг субъектов общественного контроля общественных объединений, а также негосударственных некоммерческих организаций (поскольку на основании ст. 3 Федерального закона № 212-ФЗ они также вправе осуществлять общественный контроль)²⁴, а также неоправданно длительного

¹⁹ Тепляшин И. В. Общественные советы в системе субъектов общественного контроля // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 9. С. 3–7.

²⁰ Добряков Д. А. Общественный контроль как вид правозащитной деятельности в Российской Федерации // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского. М., 2021. С. 18–22.

²¹ Ахадова Д. Ф. Недостатки системы общественного контроля над органами государственной власти // Меридиан. 2019. № 15 (33). С. 1–5.

²² Тепляшин И. В. Участие институтов гражданского общества в формировании общественных советов при органах государственной власти: основные способы и некоторые проблемы // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 5–8.

²³ Свинин Е. В. Техничко-юридические средства укрепления правопорядка в сфере общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 4. С. 14–17.

²⁴ Белешев Н. А. Общественный контроль за деятельностью органов публичной власти как признак ее легитимности // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 12–13.

невнесения изменений в Федеральный закон № 212-ФЗ²⁵ обсуждаются давно. Среди них проблема незакрепления граждан среди субъектов общественного контроля²⁶, как и «...полное отсутствие специфических форм, методов, а также мероприятий общественного контроля в отношении законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации»²⁷.

В. В. Гриб писал об отсутствии какого-либо продвижения в вопросах правового регулирования деятельности общественных советов на региональном и местном уровне: «Несмотря на многочисленные дискуссии, типовые модельные законы об общественных советах при региональных и местных органах власти по прошествии пяти лет так и не были приняты»²⁸. Вместе с тем «государство вынуждено создавать механизмы для сдерживания самого себя. Одним из них как раз и является общественный контроль. При этом закрепленные в законодательстве формы и методы деятельности субъектов общественного контроля должны быть реально функционирующими, а не декларационными. В этой связи необходимо уделять пристальное внимание качеству действующего законодательства»²⁹. Несмотря на все ожидания, многократное обсуждение проблем нехватки правового регулирования, изменений в Федеральный закон № 212-ФЗ не внесено. Сегодня

на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания РФ представлен законопроект № 997950-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по развитию территориального общественного самоуправления»³⁰. Документом предложено перечень субъектов общественного контроля дополнить органами территориального общественного самоуправления. Рассмотрение законопроекта не завершено. Других законодательных инициатив не зафиксировано.

В условиях пандемии деятельность общественных советов продолжает требовать безостановочного течения процессов управления. Органы государственной власти, органы местного самоуправления не остановили свою работу, значительное число рабочих групп, совещаний, заседаний проводится в формате дистанционной связи. Данный опыт может быть использован в деятельности субъектов общественных советов, общественных палат. В связи с этим представляется целесообразным закрепление в типовых положениях об общественных советах нормы, предусматривающей возможность проведения заседаний удаленно (с использованием видео-конференц-связи). Данное правило может войти и в регламенты общественных палат субъектов Российской Федерации, а также муниципальных образований с использованием следующих формулировок: «Работа

²⁵ Савченко М. С., Гончаров В. В. Органы государственной безопасности в России как объект общественного контроля: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 55–59.

²⁶ Михеев Д. С., Ефремов А. А. Понятие и сущность общественного контроля деятельности органов местного самоуправления // Марийский юридический вестник. 2019. № 4 (31). С. 16–19; Белов В. Е. К вопросу о необходимости правового разграничения понятий общественного и гражданского контроля (на примере сферы государственных закупок) // Юрист. 2020. № 6. С. 11–18; Троицкая Т. В. Субъекты осуществления общественного контроля в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 220–229.

²⁷ Залесны Я., Штырлова М. Я., Гончаров В. В. Органы законодательной (представительной) власти субъектов Российской Федерации как объект общественного контроля // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 3. № 3. С. 45–49.

²⁸ Гриб В. В. Проблемы и тенденции развития правовых основ об общественном контроле: пять лет спустя // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 2–6.

²⁹ Свинин Е. В. Государство и общественный контроль: идеологические аспекты формирования правового порядка // *Ius publicum et privatum*. 2020. № 4 (9). С. 41–44.

³⁰ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2022).

общественной палаты осуществляется в очном формате. По решению председателя общественной палаты ее работа может быть организована в удаленном режиме (с использованием средств видео-конференц-связи). Если проведение заседания, начавшегося в удаленном режиме, по техническим причинам стало невозможным, председатель общественной палаты, председательствующий вправе объявить перерыв или закрыть заседание комиссии с перенесением нерассмотренных вопросов на другое заседание, которое должно быть проведено не позднее одного рабочего дня со дня начала проведения заседания.

Председатель Общественной палаты, председательствующий вправе объявить перерыв в иных случаях, но не более чем на 3 часа».

В соответствии с ч. 1 ст. 18 Федерального закона № 212-ФЗ общественный контроль осуществляется в формах общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, в иных формах, не противоречащих Федеральному закону № 212-ФЗ, а также в таких формах взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления, как общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и другие формы взаимодействия. Публичные слушания в соответствии с ч. 2 ст. 28 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» могут быть организованы представительным органом муниципального образования или главой муниципального образования. Частью 4 ст. 28 названного Федерального закона № 131-ФЗ предусмотрено определение порядка организации и проведения публичных слушаний уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования. Как показала практика, в порядок организации и проведения публичных слушаний включается значительное число вопросов: от назначения

публичных слушаний, организации регистрации, выступлений участников до оснований признания публичных слушаний несостоявшимися. В связи с этим указанная выше норма представляется некорректной в части, допускающей включение данного порядка в устав муниципального образования. Учитывая, что устав муниципального образования является основным нормативным правовым актом муниципального образования, регламентирующим работу всего муниципалитета, включение в него значительного по объему текста, посвященного публичным слушаниям, не представляется целесообразным. На основании изложенного из ч. 4 ст. 28 Федерального закона № 131-ФЗ предлагается исключить правило о возможности определения порядка организации и проведения публичных слушаний лишь уставом муниципального образования.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: развитие общественного контроля в муниципальных образованиях регионов СФО осуществляется неравномерно; принятие Федерального закона № 212-ФЗ заложило основы для развития общественного контроля, однако не спровоцировало повышенной активности в создании субъектов общественного контроля. Среди причин, препятствующих развитию рассматриваемого правового института: недостаточная активность населения, в том числе связанная с низкой информированностью населения о возможностях, правовых основаниях, формах работы, процедуре создания, об опыте деятельности субъектов общественного контроля; наличие правовых проблем действующего законодательства (отсутствие необходимой правовой регламентации рассматриваемой сферы, длительное невнесение изменений в правовое поле, регулирующее рассматриваемую сферу отношений).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ахадова Д. Ф. Недостатки системы общественного контроля над органами государственной власти // Меридиан. — 2019. — № 15 (33). — С. 1–5.
2. Базыкин А. Ю. Правовое регулирование общественного обсуждения нормативных правовых актов с использованием телекоммуникационных технологий // Журнал российского права. — 2021. — № 2. — С. 171–182.
3. Безруков А. В., Тепляшин И. В. Современная модель конституционного правопорядка: контуры формирования // Журнал российского права. — 2021. — № 1. — С. 77–88.
4. Белешев Н. А. Общественный контроль за деятельностью органов публичной власти как признак ее легитимности // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 3. — С. 12–13.
5. Белов В. Е. К вопросу о необходимости правового разграничения понятий общественного и гражданского контроля (на примере сферы государственных закупок) // Юрист. — 2020. — № 6. — С. 11–18.
6. Борисов Г. А., Румянцев М. Б. Правотворчество и баланс ветвей власти // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 9. — С. 16–19.
7. Вольфсон Э. Н. Общественный контроль как механизм деbüroкратизации государственного управления и местного самоуправления // Сборник научных трудов по материалам IV Научно-практической конференции школьников, студентов и преподавателей с международным участием. — Кемерово : Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2018. — С. 14–22.
8. Гончаров В. В. Вопросы соотношения общественного контроля власти и народовластия (конституционно-правовой анализ) // Юрист. — 2019. — № 9. — С. 45–52.
9. Гончаров В. В. Правовое регулирование института общественного контроля: международный и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 10. — С. 155–171.
10. Гончаров В. В. Условия ограничения права граждан Российской Федерации на осуществление общественного контроля (конституционно-правовой анализ) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2019. — № 4. — С. 45–53.
11. Гриб В. В. Проблемы и тенденции развития правовых основ об общественном контроле: пять лет спустя // Российская юстиция. — 2019. — № 9. — С. 2–6.
12. Добряков Д. А. Общественный контроль как вид правозащитной деятельности в Российской Федерации // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского. — М., 2021. — С. 18–22.
13. Залесны Я., Штырлова М. Я., Гончаров В. В. Органы законодательной (представительной) власти субъектов Российской Федерации как объект общественного контроля // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2020. — Т. 35. — № 3. — С. 45–49.
14. Красильникова Т. К., Егоров Г. Г., Казаченок С. Ю., Мартыросян М. Г. Институт общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов как один из механизмов действия электронной демократии и ее роль в формировании гражданского общества в России // Повсеместные вычисления и Интернет вещей: предпосылки для развития ИКТ. Исследования в области вычислительного интеллекта / Е. Попкова (ред.). — Т. 826. — Springer Cham, 2019. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_2.
15. Маркина Е. В., Позднышов А. Н. Расширение прав граждан Российской Федерации в сфере осуществления общественного контроля как способ предупреждения конституционных конфликтов // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 5. — С. 50–54.
16. Михеев Д. С., Ефремов А. А. Понятие и сущность общественного контроля деятельности органов местного самоуправления // Марийский юридический вестник. — 2019. — № 4 (31). — С. 16–19.
17. Михеева Т. Н., Шабалин Г. Ю. Совершенствование законодательства об электоральном общественном контроле // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 3. — С. 22–27.
18. Рочева Е. А. К вопросу об общественном контроле // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. — 2019. — № 12. — С. 200–206.

19. Савченко М. С., Гончаров В. В. Органы государственной безопасности в России как объект общественного контроля: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 5. — С. 55–59.
20. Сборник информационно-методических материалов «Формы участия граждан в осуществлении местного самоуправления: старосты сельских населенных пунктов, территориальное общественное самоуправление, общественный контроль в муниципальных образованиях» / авт.-сост. М. А. Чекрыга. — Новосибирск : Арсенал, 2020. — 108 с.
21. Свинин Е. В. Государство и общественный контроль: идеологические аспекты формирования правового порядка // *Ius publicum et privatum*. — 2020. — № 4 (9). — С. 41–44.
22. Свинин Е. В. Техничко-юридические средства укрепления правопорядка в сфере общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2021. — № 4. — С. 14–17.
23. Тепляшин И. В. Общественные советы в системе субъектов общественного контроля // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — № 9. — С. 3–7.
24. Тепляшин И. В. Участие институтов гражданского общества в формировании общественных советов при органах государственной власти: основные способы и некоторые проблемы // Российская юстиция. — 2018. — № 6. — С. 5–8.
25. Троицкая Т. В. Субъекты осуществления общественного контроля в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2020. — № 4 (135). — С. 220–229.
26. Хачатрян М. С. Общественный контроль в Российской Федерации и народный контроль в СССР: сравнительно-правовой анализ моделей // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2015. — № 11 — С. 115–125.
27. Bartoletti R., Faccioli F. Public Engagement, Local Policies, and Citizens' Participation: An Italian Case Study of Civic Collaboration // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305116662187> (дата обращения: 01.12.2021).
28. Brandsen T., Steen T., Verschuere B. Co-creation and co-production in public services: Urgent issues in practice and research // URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85047050192&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&nlo=&nlr=&nls=&sid=c274db2f2dbfd6a7e5ae184f05c3814f&sot=b&sdt=b&sl=50&s=TITLE-ABS-KEY%28citizen+involvement+in+local+issues%29&relpos=75&citeCnt=18&searchTerm=> (дата обращения: 01.12.2021).
29. Chompunth C. Public participation in environmental management in constitutional and legal frameworks // URL: <http://thescpub.com/abstract/10.3844/ajassp.2013.73.80> (дата обращения: 01.12.2021).
30. Wilson A., Tewdwr-Jones M., Comber R. Urban planning, public participation and digital technology: App development as a method of generating citizen involvement in local planning processes // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2399808317712515> (дата обращения: 01.12.2021).

Материал поступил в редакцию 7 апреля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akhadova D. F. Nedostatki sistemy obshchestvennogo kontrolya nad organami gosudarstvennoy vlasti // Meridian. — 2019. — № 15 (33). — S. 1–5.
2. Bazykin A. Yu. Pravovoe regulirovanie obshchestvennogo obsuzhdeniya normativnykh pravovykh aktov s ispolzovaniem telekommunikatsionnykh tekhnologiy // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2021. — № 2. — S. 171–182.
3. Bezrukov A. V., Teplyashin I. V. Sovremennaya model konstitutsionnogo pravoporyadka: kontury formirovaniya // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2021. — № 1. — S. 77–88.

4. Beleshev N. A. Obshchestvennyy kontrol za deyatelnostyu organov publichnoy vlasti kak priznak ee legitimnosti // *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. — 2021. — № 3. — S. 12–13.
5. Belov V. E. K voprosu o neobkhodimosti pravovogo razgranicheniya ponyatiy obshchestvennogo i grazhdanskogo kontrolya (na primere sfery gosudarstvennykh zakupok) // *Yurist*. — 2020. — № 6. — S. 11–18.
6. Borisov G. A., Rumyantsev M. B. Pravotvorchestvo i balans vetvey vlasti // *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. — 2020. — № 9. — S. 16–19.
7. Volfson E. N. Obshchestvennyy kontrol kak mekhanizm debyurokratizatsii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya // *Sbornik nauchnykh trudov po materialam IV Nauchno-prakticheskoy konferentsii shkolkov, studentov i prepodavateley s mezhdunarodnym uchastiem*. — Kemerovo: Kuzbasskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet imeni T.F. Gorbacheva, 2018. — S. 14–22.
8. Goncharov V. V. Voprosy sootnosheniya obshchestvennogo kontrolya vlasti i narodovlastiya (konstitutsionno-pravovoy analiz) // *Yurist*. — 2019. — № 9. — S. 45–52.
9. Goncharov V. V. Pravovoe regulirovanie instituta obshchestvennogo kontrolya: mezhdunarodnyy i zarubezhnyy opyt // *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. — 2019. — № 10. — S. 155–171.
10. Goncharov V. V. Usloviya ogranicheniya prava grazhdan Rossiyskoy Federatsii na osushchestvlenie obshchestvennogo kontrolya (konstitutsionno-pravovoy analiz) // *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu»*. — 2019. — № 4. — S. 45–53.
11. Grib V. V. Problemy i tendentsii razvitiya pravovykh osnov ob obshchestvennom kontrole: pyat let spustya // *Rossiyskaya yustitsiya*. — 2019. — № 9. — S. 2–6.
12. Dobryakov D. A. Obshchestvennyy kontrol kak vid pravozashchitnoy deyatelnosti v Rossiyskoy Federatsii // *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora F. M. Rudinskogo*. — M., 2021. — S. 18–22.
13. Zalesny Ya., Shtyrlova M. Ya., Goncharov V. V. Organy zakonodatel'noy (predstavitel'noy) vlasti subektov Rossiyskoy Federatsii kak obekt obshchestvennogo kontrolya // *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2020. — T. 35. — № 3. — S. 45–49.
14. Krasilnikova T. K., Egorov G. G., Kazachenok S. Yu., Martirosyan M. G. Institut obshchestvennogo obsuzhdeniya proektov normativnykh pravovykh aktov kak odin iz mekhanizmov deystviya elektronnoy demokratii i ee rol v formirovanii grazhdanskogo obshchestva v Rossii // *Povsemestnye vychisleniya i Internet veshchey: predposylki dlya razvitiya IKT. Issledovaniya v oblasti vychislitel'nogo intellekta* / E. Popkova (red.). — T. 826. — Springer Cham, 2019. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-13397-9_2.
15. Markina E. V., Pozdnyshov A. N. Rasshirenie prav grazhdan Rossiyskoy Federatsii v sfere osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolya kak sposob preduprezhdeniya konstitutsionnykh konfliktov // *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. — 2020. — № 5. — S. 50–54.
16. Mikheev D. S., Efremov A. A. Ponyatie i sushchnost obshchestvennogo kontrolya deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya // *Mariyskiy yuridicheskii vestnik*. — 2019. — № 4 (31). — S. 16–19.
17. Mikheeva T. N., Shabalin G. Yu. Sovershenstvovanie zakonodatelstva ob elektoralnom obshchestvennom kontrole // *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. — 2021. — № 3. — S. 22–27.
18. Rocheva E. A. K voprosu ob obshchestvennom kontrole // *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendentsii*. — 2019. — № 12. — S. 200–206.
19. Savchenko M. S., Goncharov V. V. Organy gosudarstvennoy bezopasnosti v Rossii kak obekt obshchestvennogo kontrolya: konstitutsionno-pravovye aspekty // *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. — 2020. — № 5. — S. 55–59.
20. *Sbornik informatsionno-metodicheskikh materialov «Formy uchastiya grazhdan v osushchestvlenii mestnogo samoupravleniya: starosty selskikh naselennykh punktov, territorialnoe obshchestvennoe samoupravlenie, obshchestvennyy kontrol v munitsipalnykh obrazovaniyakh»* / avt.-sost. M. A. Chekryga. — Novosibirsk: Arsenal, 2020. — 108 s.
21. Svinin E. V. Gosudarstvo i obshchestvennyy kontrol: ideologicheskie aspekty formirovaniya pravovogo poriyadka // *Ius publicum et privatum*. — 2020. — № 4 (9). — S. 41–44.

22. Svinin E. V. Tekhniko-yuridicheskie sredstva ukrepleniya pravoporyadka v sfere obshchestvennogo kontrolya za deyatelnostyu ugolovno-ispolnitelnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii // Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. — 2021. — № 4. — S. 14–17.
23. Teplyashin I. V. Obshchestvennye sovery v sisteme subektov obshchestvennogo kontrolya // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2019. — № 9. — S. 3–7.
24. Teplyashin I. V. Uchastie institutov grazhdanskogo obshchestva v formirovaniy obshchestvennykh sovetov pri organakh gosudarstvennoy vlasti: osnovnye sposoby i nekotorye problemy // Rossiyskaya yustitsiya. — 2018. — № 6. — S. 5–8.
25. Troitskaya T. V. Subekty osushchestvleniya obshchestvennogo kontrolya v Rossii // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2020. — № 4 (135). — S. 220–229.
26. Khachatryan M. S. Obshchestvennyy kontrol v Rossiyskoy Federatsii i narodnyy kontrol v SSSR: sravnitelno-pravovoy analiz modeley // Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs. — 2015. — № 11 — S. 115–125.
27. Bartoletti R., Faccioli F. Public Engagement, Local Policies, and Citizens' Participation: An Italian Case Study of Civic Collaboration // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305116662187> (data obrashcheniya: 01.12.2021).
28. Brandsen T., Steen T., Verschuere B. Co-creation and co-production in public services: Urgent issues in practice and research // URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85047050192&origin=resultslist&sort=plf-f&src=s&nlo=&nlr=&nls=&sid=c274db2f2dbfd6a7e5ae184f05c3814f&sot=b&sdt=b&sl=50&s=TITLE-ABS-KEY%28citizen+involvement+in+local+issues%29&relpos=75&citeCnt=18&searchTerm=> (data obrashcheniya: 01.12.2021).
29. Chompunth C. Public participation in environmental management in constitutional and legal frameworks // URL: <http://thescipub.com/abstract/10.3844/ajassp.2013.73.80> (data obrashcheniya: 01.12.2021).
30. Wilson A., Tewdwr-Jones M., Comber R. Urban planning, public participation and digital technology: App development as a method of generating citizen involvement in local planning processes // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2399808317712515> (data obrashcheniya: 01.12.2021).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.060-067

Ю. И. Мигачев*,
М. М. Поляков**,
Г. Ф. Чекмарев***

Публичные органы власти в Российской Федерации и зарубежных странах

Аннотация. В статье раскрыты основополагающие доктринальные и правовые аспекты организации системы публичной власти в Российской Федерации и зарубежных странах. Подвергнуты критическому анализу подходы и мнения отечественных ученых применительно к категориям «публичное управление», «публичные органы власти», «публичный контроль». В работе обобщен опыт функционирования различных зарубежных государственных органов, осуществляющих публичное управление в различных сферах. Авторы подчеркивают, что закрепление публичной власти в зарубежных странах предоставляет любому индивиду возможность для более тесного взаимодействия с органом публичной власти. Отдельное внимание в статье уделено субъектному составу системы публичной власти. В Российской Федерации к ним относятся не только органы государственной власти и местного самоуправления, но и большое количество организаций, наделенных публичными полномочиями. В статье рассмотрены особенности трансформации современного публичного управления в условиях цифровизации. Отдельное внимание уделено использованию цифровых технологий в целях противодействия коррупции в публичном управлении.

© Мигачев Ю. И., Поляков М. М., Чекмарев Г. Ф., 2022

* *Мигачев Юрий Иванович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
juri.migachev@yandex.ru

** *Поляков Максим Михайлович*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
maxpol84@yandex.ru

*** *Чекмарев Геннадий Федорович*, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Военного университета Министерства обороны РФ, кандидат юридических наук, доцент.

Большая Садовая ул., д. 14, г. Москва, Россия, 125047
vu-nu@mil.ru

Ключевые слова: право; государственное управление; публичное управление; система публичной власти; публичные органы власти; публичные органы власти зарубежных стран; цифровые технологии; цифровизация; коррупция; противодействие коррупции.

Для цитирования: Мигачев Ю. И., Поляков М. М., Чекмарев Г. Ф. Публичные органы власти в Российской Федерации и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 60–67. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.060-067.

Public State Authorities in the Russian Federation and Foreign Countries

Yury I. Migachev, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
juri.migachev@yandex.ru

Maxim M. Polyakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
maxpol84@yandex.ru

Gennadiy F. Chekmarev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of the State and Law, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
ul. Bolshaya Sadovaya, d. 14, Moscow, Russia, 125047
vu-nu@mil.ru

Abstract. The paper examines fundamental doctrinal and legal aspects of organization of the system of public power in the Russian Federation and foreign countries. The authors analyze approaches and opinions of Russian scholars in relation to categories of «public administration», «public authorities», «public control». The paper summarizes the experience of functioning of various foreign state bodies that carry out public administration in various fields. The authors emphasize that consolidation of public power in foreign countries provides any individual with the opportunity for closer interaction with the public authority. Special attention is paid to the elements of the system of public power. In the Russian Federation, they include not only state and local government bodies, but also a large number of organizations exercising public powers. The article discusses peculiarities of transformation of modern public administration in conditions of digitalization. Special attention is paid to the use of digital technologies in order to combat corruption in public administration.

Keywords: law; state administration; public administration; public state authority system; public authorities; public state authorities of foreign countries; digital technologies; digitalization; corruption; anti-corruption.

Cite as: Migachev Yul, Polyakov MM, Chekmarev GF. Publichnye organy vlasti v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh stranakh [Public State Authorities in the Russian Federation and Foreign Countries]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):60-67. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.060-067. (In Russ., abstract in Eng.).

В Конституции Российской Федерации после принятия в марте 2020 г. поправки, касающейся вопросов организации и функционирования публичной власти, появилось новое понятие — «публичная власть». Кроме того, в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ содержится состав

единой системы публичной власти, в которую входят органы местного самоуправления и органы государственной власти.

В Российской Федерации публичное управление рассматривалось в науке административного права как административная категория с

учетом компаративного подхода зарубежных государств, объединяя различные теории государственного и муниципального управления.

Большинство современных ученых-правоведов представляют данную категорию в виде государственного администрирования, правовых основ деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, вопросов, связанных с публичной службой. Такой административный подход, с точки зрения зарубежных ученых, расширился включением в эту категорию: стратегического планирования, особенностей взаимосвязей публичных органов власти и бизнеса, лоббизма, а также правового регулирования правового статуса индивида и самих публичных органов власти.

По мнению В. Е. Чуркина, публичное управление в лице публичных органов власти необходимо рассматривать в правовом смысле как отношения гражданина и органов публичной власти, коллектива и публичного управления, а также особенности взаимоотношений всего общества¹. Подход указанного автора к категории публичного управления достаточно широкий: так, он считал, что публичная власть должна реализовываться в системе законодательной, исполнительной и судебной власти. Вместе с тем либеральная доктрина изначально критиковала коллективную форму публичного управления, поскольку в ее понимании государство должно занять нейтральную позицию по отношению к своим гражданам, так как свобода индивида и экономическая свобода лежат во главе угла основных демократических ценностей.

А. Н. Пилипенко в монографической работе «Публичный контроль во Франции» пишет, что концепция публичного интереса, выражающая всеобщую заинтересованность индивида, общества и государства, находит критический подход в странах Европейского Союза, которые стоят на страже частных интересов определенных лоббистских групп².

Французская Республика до настоящего времени вынуждена отказываться от своей кон-

цепции публичных услуг, а попытка включить ее в Амстердамский договор была отклонена. Однако Франция не отказывается от закрепления в законодательстве публичного финансового права, публичного финансового контроля, публичной службы, публичных работ и т.д. Во Франции действует Министерство публичных счетов и действий, которое отвечает за публичные расходы и доходы, а также регулирует вопросы государственной службы. Подобные органы появились и в ряде зарубежных стран, в своей компетенции они имеют функции публичного управления, например Министерство публичных дел в Боливии.

С точки зрения административно-правовой науки публичная власть вступила в век цифровизации, цифровой трансформации государственного управления и построения сервисного государства. Согласно французским концептуальным положениям публичные органы власти всё больше действуют по запросам общественных структур, так или иначе строя свою политику, опираясь на экономические и социальные потребности граждан той или иной страны.

В соответствии с теорией публичного контроля появляются его новые принципы. Например, правило двойного контроля (*Le controle a deux yeux*) дает возможность осуществлять публичный контроль различными контролирующими органами в сферах экономики, бюджетной политики и борьбы с коррупцией. Эффективность применения данного принципа состоит в том, что контроль осуществляется на различных уровнях и представляет собой четкое разделение контрольных полномочий в публичной финансовой сфере — Министерство экономики и финансов и Министерство публичных счетов и действий.

На страже публичного финансового контроля во Франции стоят Главная инспекция финансов, финансовые контролеры, которые действуют в каждом министерстве (без их согласия не принимаются важнейшие экономические финансовые решения), Налоговая служба, финансовый омбудсмен Министерства эконо-

¹ Чуркин В. Е. Опыт зарубежного управления. М. : Юрист, 2006. С. 4–5.

² Пилипенко А. Н. Публичный контроль во Франции. М. : Инфра-М, 2019. С. 22.

мики и финансов, Бюджетная служба и службы по борьбе с коррупцией и отмыыванием преступных доходов. Часть вышеуказанных служб подведомственна Министерству экономики и финансов и Министерству публичных дел и действий, что дает возможность более эффективно осуществлять публичные контрольные функции.

Рассматривая публичный характер органов государственной власти в Испании, необходимо отметить включение в систему публичной власти нескольких уровней. Они включают в себя центральную администрацию, администрацию автономий, местные органы власти и органы, наделенные публичными полномочиями. К ним относятся Банк Испании, учебные заведения, а также публичные корпорации на территориальном уровне, которые подчиняются местной администрации (например, спортивные организации).

В Италии к публичным органам власти относятся государственные организации, которые оказывают содействие общественным институтам с целью реализации публичных функций в масштабе государства, а также предоставление государственных услуг и производство продукции общественного характера.

Вопросы структуры органов публичной власти в зарубежных странах нельзя отделять от взаимодействия различных государственных структур в законодательной, исполнительной и судебной ветвях власти, несмотря на принцип разделения властей. Всё это требует создания единых правил согласованной политики для общества, государства и граждан. Они должны выражаться в формах и методах деятельности органов публичной власти (административная процедура, административная ответственность органов публичной власти, административная юстиция и административное обжалование).

Закрепление публичной власти в зарубежных странах показывает, насколько важны возможности взаимоотношений между обществом и гражданином, когда любой индивид взаимо-

действует с органом публичной власти, включая контрольное воздействие на принимаемое государственное решение.

Во Франции законодательно закреплено право гражданина на доступ к административным документам: каждый французский гражданин может ознакомиться с принимаемыми на муниципальном уровне решениями, получить консультацию по местному бюджету, а если ему откажут в получении запрашиваемой информации, он имеет право обратиться в специальную комиссию, занимающуюся административными вопросами.

Концепция прозрачности публичного управления напрямую связана с вопросами публичного и общественного контроля. В Китайской Народной Республике публичный контроль напрямую связан с борьбой с коррупцией. На местном уровне специальные комитеты могут проводить дознание для установления фактов коррупционных правонарушений, а в дальнейшем, при установлении виновности лица, привлечь его к ответственности.

Согласно действующей в Китае системе социального доверия выставляются специальные баллы для награждения, а в случае совершения административных правонарушений отрицательные баллы могут привести к привлечению к ответственности. Это касается в первую очередь юридических лиц и чиновников в случае нарушения финансовых, экологических и трудовых норм, закрепленных в законодательстве.

В России в научной литературе также значительное место уделяется вопросам конституционно-правового регулирования и построения системы осуществления публичной власти³. В связи с этим целесообразно остановиться на вопросах реализации публичной власти с учетом конституционно-правовых принципов.

Публичное управление в Российской Федерации представляет собой деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, оно должно способствовать развитию гражданского общества, которое оказывает воз-

³ См., например: *Зенин С. С.* Система публичной власти в Российской Федерации: новые подходы к правовому регулированию в условиях конституционной реформы // *Lex russica*. 2020. № 12 (169). С. 42–53.

⁴ СЗ РФ. 2020. № 50. Ст. 8039.

действие на принятие политических, экономических решений.

В Конституции Российской Федерации и в Федеральном законе от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»⁴ раскрывается понятие и сущность единой публичной власти в России, которая включает следующие структурные элементы: федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и иные государственные органы.

21 декабря 2021 г. был принят Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах публичной власти в субъектах РФ»⁵, который в соответствии с конституционными нормами закрепил систему органов публичной власти на уровне субъектов Российской Федерации. Принятие этого закона связано с усилением централизованных начал в публичном управлении и попыткой дать развитие на региональном уровне экономических и финансовых начал.

Впервые установлена зависимость устойчивого и эффективного развития региона от практического взаимодействия публичных органов власти. Укрепление административной вертикали власти связано с введением жестких ограничений по отношению к главе субъекта Российской Федерации (требование к отсутствию иностранного гражданства, наличию счетов в иностранных банках и т.д.). Он реализует свои полномочия по руководству исполнительной властью и своим нормативным правовым актом определяет ее структурные начала.

Нововведением является то, что Президент РФ, в случаях нарушения законодательства и принятия нормативных правовых актов, противоречащих конституционному и федеральному законодательству, имеет право применить к высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации следующие меры наказания: выговор, предупреждение, отрешение от должности. Это связано с тем, что глава субъекта

Российской Федерации одновременно является лицом, замещающим государственную должность как на федеральном уровне, так и в субъекте Российской Федерации. Совершение административной вертикали дает возможность своевременно и быстро реагировать в случае возникновения каких-либо чрезвычайных ситуаций.

М. Н. Кобзарь-Фролова рассматривает систему органов публичной власти, состоящую, по ее мнению, из отдельных институтов и подынститутов, в этом сложном иерархическом построении обладающих соответствующими признаками, закрепленными в российском законодательстве⁶. К иным государственным органам, входящим в систему публичной власти, относятся Государственный Совет РФ, Центральный банк РФ, Счетная палата РФ, Прокуратура РФ и Центральная избирательная комиссия РФ.

С этим можно было бы согласиться, но в Российской Федерации за чертой этой классификации остается большое количество организаций, наделенных публичными (государственными) полномочиями в других, не менее важных сферах. В российской правовой науке их принято называть юридическими лицами публичного права. Рассматривая правовое положение данных организаций, необходимо констатировать, что они не входят в систему органов исполнительной власти и не относятся к органам местного самоуправления. В первую очередь к ним относятся государственные корпорации, публично-правовые компании, внебюджетные фонды, Пенсионный фонд Российской Федерации. Пытаясь систематизировать сложную конструкцию юридических лиц публичного права, необходимо отметить, что к ним можно отнести ряд акционерных обществ, фонды, некоммерческие организации общественного характера, например государственно-общественные объединения, а также ряд организаций, осуществляющих управление в сфере промышленности и транспорта.

⁵ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 21.12.2021. № 0001202112210031.

⁶ Кобзарь-Фролова М. Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 2. С. 196.

Механизм передачи государственно-властных полномочий представляет собой наделение частью своих функций этих организаций. При этом передача данных полномочий влечет сочетание государственно-правовых и частных интересов (государственно-частное партнерство). Механизм передачи государственно-властных полномочий или наделения этими полномочиями организаций должен иметь двойную направленность. С одной стороны, необходимо с юридической позиции закрепить процедуру данного механизма, а с другой — предусмотреть конкретные меры государства в случае нарушений со стороны этих организаций. Решение о передаче полномочий принимается на основе федеральных законов или административных договоров. Механизм передачи полномочий закрепляется в федеральных законах о государственных корпорациях, в федеральном законе о земельном кадастре и нормативных правовых актах ряда министерств.

В настоящее время необходимо рассмотреть цифровизацию публичного управления, которая представляет собой одно из направлений государственной политики и играет важную роль в теории и практике деятельности органов публичной власти — как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах.

Современное государство всё больше и больше нуждается в цифровых технологиях в связи с получением громадного потока информации, необходимостью проведения административных реформ с учетом современных реалий. Соответственно, всё более актуальным становится вопрос, как публичное управление государства на всех его уровнях может действовать достаточно эффективно и решать стоящие перед ним проблемы в условиях глобального информационного пространства.

Публичные органы власти собирают громадные потоки информации, используют новый подход к цифровой экономике за счет использования больших информационных данных, которые представляют собой сбор, накопление, генерацию и хранение их огромного массива.

В чем состоит сущность публичного управления в условиях цифровизации?

Цифровизация в первую очередь охватывает следующие сферы: государственные услуги, полная автоматизация документов и распространение цифрового удостоверения личности с электронной подписью по опыту зарубежных стран. Кроме этого, она охватывает сферу инноваций и построения в управленческой сфере цифрового правительства.

В зарубежных странах процесс трансформации публичного управления охватывает создание и аккумулирование цифровой экономики, реализацию современных информационных технологий, создание продуктов искусственного интеллекта в различных сферах деятельности. Трансформация экономики должна привести к ускоренной цифровизации публичного управления и развитию концепции постиндустриального общества.

Существует множество определений категорий цифровой трансформации в публичном управлении, однако единого подхода к понятийному аппарату данной конструкции до сих пор не создано. Длительное время вышеуказанная категория охватывала две основные позиции с оцифровкой данных и особенностями их хранения в цифровом формате.

Категория цифровой трансформации получила существенное развитие с учетом новых социально-экономических механизмов развития Российской Федерации. Представленный механизм стал охватывать различные институты и инструменты публичного управления, которые напрямую связаны с совершенствованием публично-управленческих отношений и их влиянием на функциональный состав триединой системы власти с целью взаимодействия всех субъектов публичного управления как на горизонтальном, так и на вертикальном уровне.

Рассматривая формы цифровой трансформации публичного управления в административно-правовой сфере, необходимо выделить следующие их составляющие: органы публичной власти в целом, органы исполнительной власти, государственные служащие, государственные и частные компании и сами граждане. Таким образом, взаимодействие указанных структур происходит между самими органами публичной власти, между органами исполнительной власти

и коммерческими структурами, между органами исполнительной власти и гражданами.

Соответственно, цифровизация в публичном управлении представляет собой, по сути, важнейший процесс, с помощью которого реализуются механизмы в области цифровых технологий в деятельности органов государственного управления и местного самоуправления (различные цифровые онлайн-платформы, искусственный интеллект), оказывающие колоссальное воздействие на все стороны и сферы общественной жизни. Применяя соответствующие цифровые технологии с учетом имеющейся компетенции, публичные органы власти проводят различные статистические исследования, перепись населения, мониторинг в сфере экономических показателей и окружающей среды, различные опросы в области образования и здравоохранения.

В Российской Федерации был принят ряд нормативных правовых актов, напрямую регулирующих вопросы государственного управления в сфере цифровизации, которые касались развития информационного общества, информационной безопасности, искусственного интеллекта и развития экономики⁷.

Создана единая информационная среда в соответствии с федеральным проектом «Цифровое государственное управление» в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», реализуется специальная система управления данными. Представляется возможным, что технологическим основанием современной концепции публичного управления должны стать цифровые и электронные платформы, которые будут представлять открытые и технические механизмы при свободном обращении ресурсов. Эти платформы дадут возможность определять контент, кото-

рый будет распространяться соответствующими способами, и осуществлять взаимодействие их пользователей. Упорядочение и распространение их в обществе, создание новых цифровых продуктов дадут важнейший толчок в рамках развития публичного управления. Они оказывают большое влияние на активное участие граждан в развитии научного познания и создания определенной надстройки в развивающихся социальных коммуникационных отношениях, затрагивающих, по сути, все сферы в рамках публичного управления.

Противодействие коррупции в публичном управлении самым тесным образом связано с использованием современных цифровых и информационных технологий. Их применение позволяет существенно снизить уровень коррупционных рисков в рамках функционирования органов публичного управления. Данному обстоятельству активно способствовала модернизация государственных и муниципальных услуг. Конкретными результатами данного процесса стали:

- разработка и внедрение единого портала государственных и муниципальных услуг;
- создание электронной системы оценки качества государственных и муниципальных услуг;
- межведомственное информационное взаимодействие в системе функционирования органов публичного управления и др.

В частности, «Госуслуги»⁸ обеспечивают оказание государственных и муниципальных услуг в электронном виде, что значительно снижает вероятность использования должностными лицами публичных органов своих полномочий в корыстных целях. Кроме того, на портале размещена справочная информация для физических и юридических лиц о порядке оказания госуслуг,

⁷ См.: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. № 50. Ст. 7074 ; Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030-е годы» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 281 ; Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817 ; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁸ URL: gosuslugi.ru (дата обращения: 03.07.2022).

организован поиск по тематике, ведомству, жизненной ситуации, представлены образцы документов, ссылки на сервисы госучреждений и ведомств.

На основании постановления Правительства РФ от 12.12.2012 № 1284 была внедрена информационно-аналитическая система мониторинга качества государственных услуг (ИАС МКУ)⁹, которая охватывает деятельность многих органов публичного управления (Министерство внутренних дел РФ, Федеральная налоговая служба, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом и др.). Граж-

дане России имеют возможность оставить отзыв о качестве предоставленной государственной услуги при помощи специального сайта «Ваш контроль»¹⁰.

Таким образом, введение в законодательство Российской Федерации новой правовой категории — «единая система публичной власти», а также организация и деятельность органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в новых условиях требуют от ученых серьезного научного осмысления и практических рекомендаций по совершенствованию законодательства в этой области, в том числе и с учетом зарубежного опыта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зенин С. С. Система публичной власти в Российской Федерации: новые подходы к правовому регулированию в условиях конституционной реформы // *Lex russica*. — 2020. — № 12 (169). — С. 42–53.
2. Кобзарь-Фролова М. Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // *Сибирское юридическое обозрение*. — 2021. — Т. 18. — № 2. — С. 192–203.
3. Пилипенко А. Н. Публичный контроль во Франции. — М.: Инфра-М, 2019. — 256 с.
4. Чиркин В. Е. Опыт зарубежного управления. — М.: Юрист, 2006. — 183 с.

Материал поступил в редакцию 6 июля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zenin S. S. Sistema publichnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii: novye podkhody k pravovomu regulirovaniyu v usloviyakh konstitutsionnoy reformy // *Lex russica*. — 2020. — № 12 (169). — S. 42–53.
2. Kobzar-Frolova M. N. Sistema organov publichnoy vlasti Rossiyskoy Federatsii: ponyatie, kharakternye priznaki, vzaimodeystvie // *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*. — 2021. — T. 18. — № 2. — S. 192–203.
3. Pilipenko A. N. Publichnyy kontrol vo Frantsii. — M.: Infra-M, 2019. — 256 s.
4. Chirkin V. E. Opyt zarubezhnogo upravleniya. — M.: Yurist, 2006. — 183 s.

⁹ Постановление Правительства РФ от 12.12.2012 № 1284 «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений)...» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7219.

¹⁰ URL: <https://vashkontrol.ru> (дата обращения: 03.07.2022).

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.068-083

С. В. Сабаева*

Сравнительно-правовой анализ условий содержания и обеспечения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания, подведомственных МВД России

Аннотация. Статья посвящена исследованию материально-бытовых условий содержания, медицинского обеспечения, питания, проведения свиданий и других прав лиц в местах принудительного содержания, подведомственных МВД России. Выделены особенности правового статуса данных лиц применительно к нахождению их: 1) в дежурной части; 2) в специальном приемнике для содержания лиц, арестованных в административном порядке; 3) в изоляторе временного содержания подозреваемых и обвиняемых; 4) в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей; 5) в центре временного содержания иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации. Результаты анализа федеральных законов, административно-правовых актов позволили сделать вывод о целесообразности выработки единого Стандарта условий содержания и обеспечения прав лиц, находящихся в местах краткосрочного пребывания. Предложена структура Стандарта, который может быть подготовлен на основе международных стандартов и может носить методический характер.

Ключевые слова: места принудительного содержания; места кратковременного пребывания; стандарт защиты прав человека; условия содержания; права человека; дежурные части; специальные приемники; изоляторы временного содержания; центры временного содержания иностранных граждан; центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей; органы МВД России; общественные наблюдательные комиссии.

Для цитирования: Сабаева С. В. Сравнительно-правовой анализ условий содержания и обеспечения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания, подведомственных МВД России // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 68–83. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.068-083.

© Сабаева С. В., 2022

* Сабаева Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 s.sabaeva@mail.ru

Comparative Law Analysis of Detention Conditions and Ensuring the Rights of Persons in Places of Forced Detention under the Jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Svetlana V. Sabaeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
s.sabaeva@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of detention, conditions of medical care, nutrition, visiting rights as well as other rights of persons in places of forced detention under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author determines the features of the legal status of these persons in relation to their location: 1) in a report room of a police station; 2) in a special reception center for detention of persons under administrative arrest; 3) in a temporary detention facility for suspects and the accused; 4) in a temporary detention center for juvenile offenders; 5) in a temporary detention center for foreign citizens or stateless persons subject to administrative expulsion from the Russian Federation. Results of the analysis of federal laws and administrative and legal acts made it possible to conclude that it is advisable to develop a single standard of detention conditions and ensuring the rights of persons in centers of short-term detention. The author proposes the structure of the Standard which can be prepared on the basis of international standards and that can be of a methodological nature.

Keywords: places of forced detention; centers of short-term detention; standard of human rights protection; detention conditions; human rights; report room; special receivers; temporary detention facilities; temporary detention centers for foreign citizens; temporary detention centers for juvenile offenders; bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia; public monitoring commissions.

Cite as: Sabaeva SV. Sravnitelno-pravovoy analiz usloviy soderzhaniya i obespecheniya prav lits, nakhodyashchikhsya v mestakh prinuditelnogo soderzhaniya, podvedomstvennykh MVD Rossii [Comparative Law Analysis of Detention Conditions and Ensuring the Rights of Persons in Places of Forced Detention under the Jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):68-83. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.068-083. (In Russ., abstract in Eng.).

Под условиями содержания лиц, лишенных свободы, находящихся в местах принудительного пребывания, в том числе кратковременного, понимаются условия, в которых реализуются закрепленные Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, федеральными

законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации права и обязанности указанных лиц (с учетом установленной законом совокупности требований и ограничений)¹.

Если в отношении лиц, находящихся в местах принудительного содержания (далее — МПС), подведомственных ФСИН России, дей-

¹ В их числе: право на личную безопасность и охрану здоровья; право на получение квалифицированной юридической помощи и в необходимых случаях право пользоваться помощью переводчика; право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, в общественные наблюдательные комиссии; право на доступ к правосудию; право на получение информации, непосредственно затрагивающей права и свободы, в том числе необходимой для их реализации; право на свободу совести и вероисповедания; право на материально-бытовое обеспечение, обеспечение жилищно-бытовых, санитарных условий и питанием, прогулки; право на самообразование и досуг, создание условий для осуществления трудовой деятельности, сохранения социально полезных связей и последующей адаптации к жизни в обществе. Условия содержания лишенных свободы лиц должны соответствовать требованиям, установленным законом, с учетом режима места принудительного содержания, поэтому существенные отклонения от таких требований могут рассматриваться в качестве нарушений указанных условий. См.:

ствуют Международные пенитенциарные стандарты в сфере исполнения уголовных наказаний², то в отношении лиц, находящихся в МПС, подведомственных МВД России³, таких единых стандартов, в том числе национальных, нет⁴. При этом российские суды за совершение административного правонарушения назначают такое наказание, как административный арест, около 1 млн граждан ежегодно (в 2018 г. — свыше 946 тыс.; в 2019 г. — 925 148; в 2020 г. — 750 145; в 2021 г. — 808 280)⁵. Ежегодно в отношении более 0,5 млн граждан применяется такая мера процессуального обеспечения, как доставление и административное задержание (в 2018 г. официально было доставлено 525 958, задержано 544 603 человек; в 2019 г. доставлено 540 596, задержано 547 854; в 2020 г. доставлено 392 712, задержано 398 405; в 2021 г. — 396 883 и 391 155 соответственно), то есть еще до вынесения судом решения. Сроки нахождения в них значительно меньше, чем в учреждениях уголовно-исполнительной системы, но риск нарушения прав граждан тем не менее существует. Однако в силу краткосрочности пребывания они не все-

гда сознают, что их права нарушены. Значительному числу иностранных граждан назначается такое наказание, как административное выдворение: в 2019 г. — 123 790; в 2020 г. — 33 599; в 2021 г. — 32 876.

В связи с этим проанализируем уровень законодательного (подзаконного) регулирования различных аспектов условий содержания в этих местах краткосрочной изоляции от общества⁶ по следующим направлениям:

1) материально-бытовые условия содержания, размещения, соблюдение требований гигиены, санитарных требований, требований пожарной безопасности, распорядка дня; обеспечение одеждой, предметами первой необходимости;

2) качество питания, возможность приобретения продуктов, их хранения;

3) охрана здоровья и медицинское обеспечение;

4) возможность встречаться с родственниками и близкими, возможность ежедневных прогулок, отправления религиозных обрядов;

5) открытость деятельности (информационная обеспеченность, право переписки, теле-

постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

² Например: Рекомендация Rec(2006)2 Комитета министров Совета Европы государствам-членам. Европейские пенитенциарные (тюремные) правила. Принята 11.01.2006 на 952-м заседании представителей министров; Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Приняты в г. Женеве 30.08.1955 // Документ опубликован не был. См.: СПС «КонсультантПлюс».

³ В частности, лиц, отбывающих административный арест, находящихся в дежурных частях органов внутренних дел, центрах временного содержания иностранных граждан, несовершеннолетних правонарушителей, изоляторах временного содержания.

⁴ См.: Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2018. 191 с.; Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов / А. А. Акмалова, В. М. Капицын. М.: Инфра-М, 2018. 395 с.

⁵ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 04.07.2022).

⁶ Это центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей; специальные помещения для содержания задержанных лиц дежурных частей территориальных органов МВД России: районные ОВД, линейные ОВД на транспорте и в метрополитене (в том числе до решения вопроса о наличии состава уголовного преступления); изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых (в рамках уголовного процесса), специальные приемники для содержания лиц, подвергнутых административному аресту; центры временного содержания иностранных граждан, подлежащих административному выдворению, депортации или реадмиссии.

фонной связи, подачи обращений, получения юридической помощи).

1. Материально-бытовые условия содержания, размещения, соблюдение требований гигиены, санитарных требований, требований пожарной безопасности, распорядка дня; обеспечение одеждой, предметами личной гигиены и иными предметами первой необходимости

Условия содержания лиц, находящихся в специальных приемниках (далее — спецприемники), регламентируются прежде всего Федеральным законом от 26.04.2013 № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста»⁷ (далее — Закон № 67-ФЗ). В нем закреплено, что норма санитарной площади составляет 4 кв. м на одного человека (ст. 13). На законодательном уровне закреплены также корреспондирующие обязанности сотрудников органов внутренних дел⁸. Минимальная норма материально-бытового обеспечения закреплена в постановлении Правительства РФ от 11.04.2005 № 205⁹. В ведомственном нормативном правовом акте — приказе МВД России от 10.02.2014 № 83 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста»¹⁰ (далее — приказ МВД России № 83) — регламентированы процедуры помывки, санитарной обработки, досмотра поступивших передач, заказа разрешенных к хранению това-

ров, наименования вещей, выдаваемых во временное бесплатное пользование (для общего и индивидуального пользования), требования к оборудованию помещений.

Условия содержания подозреваемых и обвиняемых в изоляторах временного содержания (в рамках уголовного процесса) (далее — ИВС) регламентированы Федеральным законом от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹¹ (далее — Закон № 103-ФЗ). Норма санитарной площади в камере на одного человека устанавливается в размере 4 кв. м. Во исполнение положений федерального законодательства принято постановление Правительства РФ от 11.04.2005 № 205 (далее — постановление Правительства РФ № 205). В приказе МВД России от 22.11.2005 № 950 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел»¹² (далее — приказ МВД России № 950) регламентированы процедуры помывки в душе, санитарной обработки, наименования вещей, выдаваемых во временное бесплатное пользование (для общего и индивидуального пользования), требования к оборудованию помещений, процедуры досмотра поступивших посылок, приобретения разрешенных товаров, подписки на газеты и журналы.

Указания на условия содержания в центрах временного содержания иностранных граж-

⁷ СЗ РФ. 2013. № 17. Ст. 2034.

⁸ Так, администрация, сотрудники и медицинские работники места отбывания административного ареста обязаны выполнять санитарные и гигиенические требования, обеспечивающие охрану здоровья лиц, подвергнутых административному аресту, в том числе проводить при необходимости их принудительную санитарную обработку в порядке, определенном Правилами внутреннего распорядка. Санитарная обработка лиц, подвергнутых административному аресту, проводится в присутствии администрации или сотрудников места отбывания административного ареста одного пола с обрабатываемыми лицами (п. 6 ст. 14 Закона № 67-ФЗ).

⁹ Постановление Правительства РФ от 11.04.2005 № 205 «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений...» // СЗ РФ. 2005. № 16. Ст. 1455.

¹⁰ Российская газета. 2014. № 148.

¹¹ СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

¹² Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 51.

дан, подлежащих административному выдворению, депортации или реадмиссии (далее — ЦВСИГ), закреплены в Федеральном законе от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹³. Однако они имеют бланкетный характер¹⁴. На основании данных норм постановлением Правительства РФ от 30.12.2013 № 1306¹⁵ закреплены правила раздельного содержания, нормы санитарной площади¹⁶, нормы материально-бытового обеспечения, процедуры помывки. Перечень запрещенных предметов детально не регламентирован: пункт 45 содержит норму общего характера¹⁷. Постановление Правительства РФ от 08.04.2013 № 310¹⁸ закрепляет необходимый перечень помещений в зда-

нии ЦВСИГ. В приказе ФМС России от 26.09.2014 № 534¹⁹ регламентированы типовые требования к техническому оснащению указанных зданий и помещений (с лимитом наполнения до 1 000 человек), включая такие помещения, как душевые, постирочные и сушилки их личного белья, помещения для хранения уборочного инвентаря, санузлы, комнаты для временной изоляции лиц, у которых произошел нервный срыв, и др.

Условия содержания в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (далее — ЦВСНП) в Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» не

¹³ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

¹⁴ Статья 35.1 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» закрепляет, что условия и порядок содержания (пребывания), в том числе вопросы первичного медико-санитарного обеспечения, иностранных граждан в специальных учреждениях устанавливаются Правительством РФ. Типовые требования к проектированию, техническому оснащению и оборудованию специальных учреждений устанавливаются федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел.

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 30.12.2013 № 1306 «Об утверждении Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел РФ или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии» // СЗ РФ. 2014. № 2 (ч. I). Ст. 130.

¹⁶ Иностранные граждане содержатся в специальных учреждениях в комнатах, норма санитарной площади которых составляет не менее 6 кв. м на 1 человека, при установке 2-ярусных кроватей — не менее 4,5 кв. м на 1 человека. Помещение для размещения семьи имеет площадь не менее 15 кв. м (п. 11 постановления Правительства РФ от 30.12.2013 № 1306).

¹⁷ Запрещаются прием иностранными гражданами, содержащимися в специальных учреждениях, и передача им предметов, веществ и продуктов питания, которые представляют опасность для жизни и здоровья людей или могут быть использованы в качестве орудия преступления.

¹⁸ Например, контрольно-пропускного пункта; приемного отделения с санпропускником и дезинфекционной камерой; медицинского отделения; инфекционного изолятора; административно-хозяйственных помещений; помещений дежурной службы; служебных помещений; помещений для содержания иностранных граждан; помещений для приготовления (разогрева) пищи и для организации питания; помещений для приема пищи; спортивного зала (по возможности). См.: постановление Правительства РФ от 08.04.2013 № 310 «Об утверждении требований, предъявляемых к зданиям с прилегающими земельными участками, передаваемым субъектами Российской Федерации в целях размещения специальных учреждений Федеральной миграционной службы...» // СЗ РФ. 2013. № 15. Ст. 1795.

¹⁹ Приказ ФМС России от 26.09.2014 № 534 «Об утверждении типовых требований к проектированию, техническому оснащению и оборудованию специальных учреждений Федеральной миграционной службы и ее территориальных органов...» // Российская газета. 2014. № 291.

закреплены²⁰; административно-правовые акты Правительства РФ также не принимались. Имеются отдельные приказы МВД России, например от 01.09.2012 № 839 «О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей»²¹. В другом приказе МВД России, не имеющем прямого отношения к условиям содержания несовершеннолетних правонарушителей, — от 28.12.2006 № 1101 «Об утверждении норм положенности, номенклатуры, сроков эксплуатации мебели и отдельных материально-технических средств для служебных помещений органов внутренних дел Российской Федерации», в приложении № 2, имеется перечень помещений в ЦВСНП с соответствующей мебелью: классная комната, мастерская или комната для труда, игровая комната, библиотека, клуб для содержащихся, спальная комната, гарде-

робная (для каждой группы), душевая и ваннные комнаты, раздевалка, кладовая для хранения вещей доставленных, комната психологической релаксации. Действует также приказ Минпросвещения России от 13.11.2018 № 203²².

Указание на условия содержания в специальных помещениях для содержания задержанных лиц дежурных частей территориальных органов МВД России (районных ОВД, линейных ОВД на транспорте, в метрополитене) (далее — дежурные части) содержится в КоАП РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Однако в нем закреплена лишь бланкетная норма²³. При этом условия содержания, порядок медицинского обслуживания задержанных лиц в территориальных органах МВД России различаются в зависимости от того, на основании чего было задержано лицо, и, соответственно, регламентируются разными постановлениями Правительства РФ. Так, постановле-

²⁰ В нем отражены лишь общие нормы о правовом положении несовершеннолетних правонарушителей, обоснованность их содержания и соблюдение административной процедуры помещения в ЦВСНП (СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177).

²¹ В нем закрепляется, что несовершеннолетние в зависимости от пола, возраста и степени общественной опасности их поведения размещаются в отдельных спальных помещениях, которые оборудуются мебелью и инвентарем в соответствии с приказами МВД России. Режим дня составляется с учетом круглосуточного пребывания несовершеннолетних в ЦВСНП, отдельно для учебного времени и времени каникул. Образовательный процесс организуется по программе общеобразовательной школы. Режим содержания несовершеннолетних в ЦВСНП обеспечивается должностными лицами ЦВСНП. Несовершеннолетние находятся под круглосуточным наблюдением должностных лиц ЦВСНП в условиях, исключающих возможность самовольного ухода и совершения правонарушения (п. 25–29). См.: приказ МВД России от 01.09.2012 № 839 «О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей» (вместе с Инструкцией по организации деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей) // Российская газета. 2012. № 290.

²² Он закрепляет нормы и порядок обеспечения за счет средств федерального бюджета бесплатным питанием, бесплатным комплектом одежды, обуви и мягким инвентарем несовершеннолетних и лиц, достигших возраста 18 лет, находящихся в федеральных учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. См.: приказ Минпросвещения России от 13.11.2018 № 203 «Об утверждении норм и порядка обеспечения за счет средств федерального бюджета бесплатным питанием, бесплатным комплектом одежды, обуви и мягким инвентарем несовершеннолетних и лиц, достигших возраста восемнадцати лет, находящихся в федеральных учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2022).

²³ Помещения должны отвечать санитарным требованиям и исключать возможность их самовольного оставления; условия содержания задержанных лиц, нормы питания и порядок оказания медицинской помощи таких лиц определяются Правительством РФ; несовершеннолетние, в отношении которых применено административное задержание, содержатся отдельно от взрослых лиц (ст. 27.6 КоАП РФ).

ние Правительства РФ от 16.04.2012 № 301²⁴ не распространяется на лиц, задержанных за административное правонарушение. В нем закреплена норма санитарной площади 4 кв. м на одного человека, условия раздельного размещения, разрешенные предметы и продукты питания сформулированы в общем виде²⁵, процедура выведения задержанных для отправления естественных надобностей. В постановлении Правительства РФ от 15.10.2003 № 627²⁶ закреплена норма площади — не менее 2 кв. м на одного задержанного, аналогичные условия раздельного размещения и выведения задержанных для отправления естественных надобностей, разрешенные предметы и продукты питания также сформулированы в общем виде. В приказе МВД России от 30.04.2012 № 389²⁷ закреплены требования к оборудованию служебных помещений, помещений для задержанных, перечень разрешенных предметов (в приложениях).

Таким образом, материально-бытовые условия содержания в местах принудительного содержания, подведомственных МВД России, существенно различаются. Например, основные из них могут быть закреплены в федеральных законах (условия содержания в спецприемниках, дежурных частях), другие могут содержать бланкетные нормы (в ЦВСИГ, дежурных частях) или могут быть не закреплены вообще (в ЦВСНП). Положения федеральных законов устанавливают нормы санитарной площади 4 кв. м на человека (спецприемники, ИВС), постановления Правительства РФ могут устанавливать 2 и 4 кв. м (дежурные части), 6 кв. м на человека (ЦВСИГ) или не устанавливать ее (в ЦВСНП).

Перечень разрешенных товаров (возможность их самостоятельного приобретения или получения от родственников) может быть закреплён в ведомственном приказе детально (спецприемники, ИВС) или в общем виде (дежурные части, ЦВСИГ), а также может не регламентироваться (ЦВСНП). Кроме того, предмет регулирования ведомственных нормативных актов, закрепляющих материально-бытовые условия содержания, также весьма различаются: это могут быть правила внутреннего распорядка, типовые требования к проектированию, техническому оснащению и оборудованию специальных помещений, нормы положенности, номенклатуры, сроков эксплуатации мебели и отдельных материально-технических средств, Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части, а также в самом общем виде — «О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей». Различные наименования нормативных актов, регулирующих сходные общественные отношения, не способствуют единству правового регулирования и могут порождать проблемы правоприменения.

2. Качество питания, возможность приобретения продуктов, их хранения

На основании ст. 13 Закона № 67-ФЗ лица в **спецприемниках** обеспечиваются бесплатным питанием в соответствии с актами Правительства РФ (постановление Правительства РФ

²⁴ Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 301 «Об утверждении Положения об условиях содержания, нормах питания и порядке медицинского обслуживания задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 17. Ст. 1975.

²⁵ Запрещается прием и передача задержанным лицам предметов, веществ и продуктов питания, которые представляют опасность для жизни и здоровья человека или могут быть использованы в качестве орудия преступления (п. 20 постановления Правительства РФ от 16.04.2012 № 301).

²⁶ Постановление Правительства РФ от 15.10.2003 № 627 «Об утверждении Положения об условиях содержания лиц, задержанных за административное правонарушение, нормах питания и порядке медицинского обслуживания таких лиц» // СЗ РФ. 2003. № 42. Ст. 4077.

²⁷ См.: приказ МВД России от 30.04.2012 № 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан» // Российская газета. 2012. № 189.

№ 205). Порядок выдачи продуктов питания закреплен приказом МВД России № 83.

Как следует из ст. 22 Закона № 103-ФЗ, подозреваемые и обвиняемые обеспечиваются бесплатным питанием также по нормам, определяемым Правительством РФ. В ИВС им предоставляется право приобретать по безналичному расчету различные предметы первой необходимости. Положения законодательства в части питания (включая постановление Правительства РФ № 205) воспроизведены в приказе МВД России № 950.

Обеспечение питанием иностранных граждан в **ЦВСИГ** регламентируется не федеральным законом, а постановлением Правительства РФ от 30.12.2013 № 1306 (наименования продуктов питания аналогичны тем, которые предоставляются лицам, содержащимся в ИВС, но более разнообразные продукты питания предусмотрены для несовершеннолетних). Приказом ФМС России от 26.09.2014 № 534 закреплены требования к помещениям для приготовления (разогрева) пищи, моечной, помещения для хранения чистой посуды, помещения для приема пищи (оборудуются столами на 4–6 мест).

Обеспечение питанием несовершеннолетних в **ЦВСНП** регламентируется не федеральными законами или постановлением Правительства РФ, а ведомственными актами. Так, согласно приказу Минпросвещения России от 13.11.2018 № 203 нормы обеспечения бесплатным питанием отличаются для двух возрастных категорий (8–10 лет и 11–18 лет) и более разнообразны по сравнению с нормами, утвержденными МВД России. В приказе МВД России от 28.12.2006 № 1101²⁸ (приложение № 2) имеется

перечень помещений в ЦВСНП с соответствующей мебелью: обеденный зал, кладовая для продуктов, комната мойки и хранения тары, комната заготовки и разделки продуктов.

Обеспечение питанием лиц, задержанных в **дежурных частях** на срок более 3 часов, регламентируется подзаконными актами — постановлениями Правительства РФ. Вне зависимости от оснований задержания они обеспечиваются питанием аналогично лицам в ИВС.

Таким образом, в рассмотренных МПС обеспечение питанием различается незначительно, поскольку преимущественно регламентировано единым подзаконным актом — постановлением Правительства РФ № 205. Отличаются они для несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСИГ и ЦВСНП. При этом нормы питания в ЦВСНП закреплены в ведомственном акте Минпросвещения России, в иных местах принудительного содержания МВД России — постановлениями Правительства РФ. В ИВС также предоставлено право приобретать по безналичному расчету определенные товары (закреплено в федеральном законе).

3. Охрана здоровья и медицинское обеспечение, доступность обслуживания²⁹

В соответствии со ст. 17 Закона № 67-ФЗ лица в **спецприемниках** имеют право на получение первой помощи и медицинской помощи. В соответствии со ст. 3.9 КоАП РФ, административный арест не может применяться к инвалидам I и II групп. Подзаконным актом³⁰ утверждены заболевания, препятствующие отбыванию адми-

²⁸ Распоряжение МВД России от 17.12.2020 № 1/14287 «Об утверждении нормативных затрат на обеспечение функций МВД России и подведомственных казенных учреждений в части закупок товаров, работ, услуг» // Документ опубликован не был. См.: СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ В том числе обеспеченность лекарственными препаратами с надлежащими сроками годности, своевременность, правильность диагностики, тождественность оказания медицинской помощи состоянию здоровья, лечебная и профилактическая направленность, последовательность, регулярность и непрерывность лечения, конфиденциальность, информированность пациента, документированность, профессиональная компетентность медицинских работников, обеспечение лица техническими средствами реабилитации и услугами, предусмотренными индивидуальной программой реабилитации или абилитации инвалида.

³⁰ Постановление Правительства РФ от 12.12.2014 № 1358 «Об утверждении перечня заболеваний, препятствующих отбыванию административного ареста» // СЗ РФ. 2014. № 51. Ст. 7442

нистративного ареста. Приказом МВД России № 83 закреплены процедуры внешнего осмотра, вызова медицинского работника, оказания первой помощи, извещения соответствующих государственных органов (п. 60–64); указано, что спецприемники обеспечиваются аптечкой для оказания первой помощи. Другим специальным ведомственным актом — приказом Минздрава России от 30.12.2016 № 1028н — утвержден порядок медицинского освидетельствования данной категории лиц³¹.

Согласно ст. 24 Закона № 103-ФЗ, оказание медицинской помощи в ИВС организуется в соответствии с законодательством в сфере охраны здоровья. Приказом МВД России № 950 закреплено, что подозреваемые и обвиняемые могут обращаться за помощью к медицинскому работнику, дежурному и начальнику ИВС во время ежедневного обхода камер и опроса содержащихся лиц. Совместным приказом МВД РФ № 1115, Минздрава РФ № 475 от 31.12.1999³² определены основные задачи медицинских работников ИВС, содержание

медицинской помощи, процедуры первичного и иных медицинских осмотров, опросов, извещений об инфекционном заболевании, о пищевом отравлении, процедуры реанимационных и иных необходимых мероприятий, направленных на сохранение жизни больного, доставления заболевшего в ближайшее государственное или муниципальное учреждение здравоохранения, приема медикаментов, примерный табель оснащения медицинским имуществом здравпункта и средств, входящих в аптечку (приложения № 1 и 3).

Оказание медицинской помощи иностранным гражданам и лицам без гражданства в ЦВСИГ регламентировано не специальными федеральными законами, а только подзаконными актами: постановлениями Правительства РФ от 30.12.2013 № 1306 и от 06.03.2013 № 186³³; в приказе ФМС России от 26.09.2014 № 534 закреплены основные требования к оснащению кабинета медицинского работника, размещения медицинского отделения с инфекционным изолятором.

К ним отнесены любые острые инфекционные заболевания в тяжелой стадии и (или) заразные для окружающих; злокачественные новообразования IV стадии, нарушения свертываемости крови и другие геморрагические состояния; сахарный диабет с осложнениями; другие болезни эндокринной системы, расстройств питания и нарушения обмена веществ в тяжелой стадии; психические расстройства и расстройства поведения, требующие оказания экстренной медицинской помощи; эпилепсия, эпилептический статус; другие болезни нервной системы в тяжелой стадии; слепота обоих глаз; болезни кожи, сопровождающиеся генерализованным поражением и (или) тяжелым течением; системные поражения соединительной ткани; любые заболевания, травмы и отравления, требующие оказания экстренной медицинской помощи; инвалидность I группы.

³¹ Медицинское освидетельствование проводится не позднее 24 часов с момента поступления лица в место отбывания административного ареста (либо в течение 2 часов с момента поступления лица сотрудник одного пола с данным лицом осуществляет его опрос о состоянии здоровья и наружный (телесный) осмотр). При наличии жалоб на плохое самочувствие и (или) признаков заболевания (травмы) у лица, подвергнутого административному аресту, сотрудник обязан немедленно вызвать медицинского работника или выездную бригаду скорой медицинской помощи). См.: приказ Минздрава России от 30.12.2016 № 1028н «Об утверждении Порядка медицинского освидетельствования лиц, подвергнутых административному аресту» // Российская газета. 2017. № 24.

³² Приказ МВД РФ № 1115, Минздрава РФ № 475 от 31.12.1999 (ред. от 24.12.2009) «Об утверждении Инструкции о порядке медико-санитарного обеспечения лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания органов внутренних дел» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2000. № 11.

³³ В них закреплено, что медицинская помощь в экстренной форме при внезапных острых заболеваниях, состояниях, при обострении хронических заболеваний, представляющих угрозу жизни пациента, оказывается иностранным гражданам медицинскими организациями бесплатно. Иностранные граждане,

Оказание медицинской помощи несовершеннолетним в **ЦВСНП** также регламентируется не специальным законом, но общими положениями Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³⁴. Специального подзаконного нормативного правового акта, регламентирующего особенности оказания медицинской помощи в ЦВСНП, также не принято. Лишь приказ МВД России от 28.12.2006 № 1101 в приложении № 2 указывает на наличие в ЦВСНП процедурной комнаты, амбулаторной комнаты и медицинского изолятора.

Специальные нормы федеральных законов в отношении оказания медицинской помощи лицам, задержанным в **дежурных частях** полиции, отсутствуют. Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 301, в котором закреплён порядок медицинского обслуживания задержанных лиц, как уже отмечалось выше, не распространяется на лиц, задержанных за административное правонарушение. Приказ МВД России от 30.04.2012 № 389 уточняет процедуру опроса задержанных о состоянии здоровья³⁵.

Таким образом, уровень правового регулирования норм о медицинском обеспечении в рассмотренных местах принудительного содержания различается: в одних случаях общие гарантии закреплёны в федеральных законах (специприемники, ИВС), в других — только постановлением Правительства РФ (ЦВСИГ, дежурные части), в ЦВСНП — общими положениями об

охране здоровья несовершеннолетних. Процедуры оказания медицинской помощи также регламентируются с разной степенью детальности, а также зависят от наличия ведомственных актов МВД России (дежурные части), Минздрава России (специприемники), их совместного приказа (ИВС) или отсутствия таковых (ЦВСИГ, ЦВСНП). Закрепляется и разный объём прав, например, право получения в посылках лекарственных препаратов закреплено только для лиц, содержащихся в специприемниках и дежурных частях.

4. Возможность встречаться с родственниками и близкими, осуществлять ежедневные прогулки, религиозные обряды

В силу ст. 10 Закона № 67-ФЗ лицам в **специприемниках** один раз предоставляется *свидание с близкими лицами* продолжительностью до одного часа. На основе данных положений приказ МВД России № 83 закрепляет, что на свидание приглашаются одновременно не более двух лиц (п. 38–39).

Законом № 67-ФЗ (п. 21 ч. 1 ст. 7) закреплено право лиц, отбывающих административный арест, на ежедневную прогулку (в дневное время продолжительностью не менее одного часа). В развитие данного положения пункты 29–36 приказа МВД России № 83 уточняют процедуру и условия реализации этого права³⁶.

являющиеся застрахованными лицами в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», имеют право на бесплатное получение медицинской помощи в рамках обязательного медицинского страхования. См.: постановление Правительства РФ от 06.03.2013 № 186 «Об утверждении Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 10. Ст. 1035.

³⁴ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

³⁵ Так, перед водворением в помещение для задержанных оперативный дежурный проводит опрос лица о наличии у него хронических заболеваний и жалоб на состояние здоровья. Результаты опроса заносятся в протокол о задержании. Регламентируется порядок действий оперативного дежурного, если доставленное лицо имеет видимые ранения, телесные повреждения или находится в состоянии, требующем срочного медицинского вмешательства (при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих жизни и здоровью), а также в случае заявления с его стороны об ухудшении состояния здоровья, причинения себе телесных повреждений, попытки самоубийства в помещении дежурной части.

³⁶ Администрация места отбывания административного ареста организует согласно распорядку дня места отбывания административного ареста ежедневные прогулки лиц, подвергнутых административному

Пунктом 14 ч. 1 ст. 7 Закона № 67-ФЗ предусмотрено также право на отправление религиозных обрядов (при условии соблюдения правил внутреннего распорядка и прав других лиц). Для оказания духовной помощи могут приглашать священнослужителей (встречи осуществляются под наблюдением администрации или сотрудников).

Согласно Закону № 103-ФЗ, в ИВС может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц продолжительностью до трех часов каждое под контролем сотрудников (на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело). Кроме того, им разрешается вести переписку без ограничения числа получаемых и отправляемых телеграмм и писем (ст. 20), получать без ограничения количества посылки общим весом не более 30 кг в месяц; из своих средств отправлять денежные переводы (ст. 25). Приказ МВД России № 950 закрепляет, что письма и заполненные бланки телеграмм принимаются представителем администрации ежедневно (п. 86–93).

Подозреваемые и обвиняемые имеют право на ежедневную прогулку продолжительностью не менее одного часа, несовершеннолетние — не менее двух часов, а водворенные в карцер — один час (п. 130–135). Кроме того, они могут отправлять религиозные обряды под контролем администрации ИВС (п. 104–107).

Права иностранных граждан, содержащихся в ЦВСИГ, закреплены не в федеральном законе, а в ведомственных актах:

1) в приказе МВД России от 30.12.2016 № 935³⁷ (в примечании): беременным женщинам и женщинам (либо одному из родителей) с детьми в возрасте до 3 лет продолжительность прогулок не ограничивается. Отправление религиозных обрядов, пользование настольными

играми, периодическими изданиями, просмотр телепередач и прослушивание радио осуществляются в дневное время суток;

2) в приказе ФМС России от 26.09.2014 № 534 закреплены особенности расположения прогулочных дворов и помещений для посетителей.

В отношении несовершеннолетних правонарушителей, находящихся в ЦВСНП, рассматриваемые права специально не закреплены ни в федеральном законе, ни в ведомственных актах.

Право встречаться с родственниками и близкими, осуществлять ежедневные прогулки, религиозные обряды не предусмотрено в отношении лиц, находящихся в дежурных частях.

Таким образом, уровень правового регулирования возможностей встречаться с родственниками и близкими, осуществлять ежедневные прогулки, религиозные обряды в рассмотренных местах существенно различается: в одних случаях общие нормы закреплены в федеральных законах (спецприемники, ИВС), в других — в ведомственных актах (ЦВСИГ) либо не регламентируются (ЦВСНП, дежурные части). Объем закрепленных прав также неодинаков: свидание с близкими родственниками лицам в спецприемниках предоставляется продолжительностью до одного часа в течение месяца, в ИВС — не более 2 свиданий в месяц продолжительностью до 3 часов каждое. Ежедневные прогулки продолжительностью не менее 1 часа предоставляются лицам в спецприемниках, ИВС. Для лиц, находящихся в ЦВСИГ, нормы закреплены только в отношении беременных женщин и женщин (либо одного из родителей) с детьми в возрасте до 3 лет (продолжительность прогулок не ограничивается). Относительно остальных мест принудительного содержания законодательство не содержит конкретных положений.

аресту, в дневное время продолжительностью не менее одного часа. Прогулка проводится на территории места отбывания административного ареста в прогулочных дворах, которые оборудуются скамейками для сидения и навесами от дождя.

³⁷ Приказ МВД России от 30.12.2016 № 935 «Об утверждении Примерного (типового) распорядка дня специальных учреждений Министерства внутренних дел РФ или его территориального органа...» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2022).

Право отправления религиозных обрядов и возможность встречаться со священнослужителями закреплены только в отношении лиц, находящихся в спецприемниках и ИВС. Подозреваемым и обвиняемым гарантируются права вести переписку с родственниками, получать посылки, отправлять денежные переводы, возможность привлекаться к труду.

5. Открытость деятельности (информационная обеспеченность, право переписки, телефонной связи, подачи обращений, на юридическую помощь, получение посылок и передач)

Законом № 67-ФЗ закреплены следующие особенности реализации прав граждан, находящихся в **спецприемниках**:

1) в целях получения юридической помощи предоставляется возможность *свиданий с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без огра-*

ничения числа таких свиданий, продолжительностью до 2 часов (ст. 11);

2) *письменные обращения* должны быть направлены администрацией не позднее 5 часов с момента их подачи.

Во исполнение названных положений приказом МВД России № 83 закрепляется ряд гарантий³⁸.

Уголовно-процессуальным кодексом РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ закреплены следующие права подозреваемых в ИВС:

1) в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю он имеет *право на один телефонный разговор на русском языке*, о чем делается отметка в протоколе задержания;

2) *право на обращения* в соответствии с процессуальным законодательством.

Закон № 103-ФЗ уточняет процедуру и гарантии их реализации³⁹. Кроме того, закрепляются *права на свидания с защитником с момента*

³⁸ Так, письма и заполненные бланки телеграмм от лиц, подвергнутых административному аресту, принимаются администрацией места отбывания административного ареста ежедневно в соответствии с распорядком дня места отбывания административного ареста (п. 73–76). Досмотр поступающей и отправляемой письменной корреспонденции производится комиссией в составе двух сотрудников места отбывания административного ареста в присутствии лица, подвергнутого административному аресту. Цензура поступающей и отправляемой письменной корреспонденции не допускается. Результаты досмотра поступающей и отправляемой письменной корреспонденции отражаются в акте, в котором приводится в том числе описание конверта (при его наличии). Акт подписывается членами комиссии и лицом, подвергнутым административному аресту (п. 22–23). Личный прием лиц, подвергнутых административному аресту, администрацией места отбывания административного ареста осуществляется ежедневно, кроме выходных и праздничных дней, в течение рабочего времени (п. 25–28); посылка, бандероль, передача, письменная корреспонденция вручаются лицу, подвергнутому административному аресту, в день их приема, в кратчайшие сроки, а в случае временного убийства лица, подвергнутого административному аресту, из места отбывания административного ареста — после его возвращения (п. 88–91); телефонные разговоры предоставляются лицам, подвергнутым административному аресту, с помощью личных средств связи либо стационарных телефонов-автоматов при наличии технической возможности, в порядке очередности, устанавливаемой администрацией места отбывания административного ареста по предварительной записи в журнале учета выдачи (приема) личных средств связи и зарядных устройств лицам, подвергнутым административному аресту, и предоставленных телефонных разговоров. Телефонные разговоры лиц, подвергнутых административному аресту, осуществляются в присутствии администрации или сотрудников места отбывания административного ареста либо при их отсутствии с помощью средств аудиовизуального контроля (п. 98–103).

³⁹ Лицо или орган, в производстве которых находится уголовное дело, обязаны незамедлительно известить одного из близких родственников подозреваемого или обвиняемого также об изменении места его содержания под стражей (ст. 7). Предложения, заявления и жалобы подозреваемых и обвиняемых,

фактического задержания, с нотариусом; возможность участвовать в гражданско-правовых сделках (ст. 29).

Во исполнение положений законодательства приказом МВД России № 950 закрепляется также:

1) *предоставление информации о правах и об обязанностях*⁴⁰;

2) *право участвовать в семейно-правовых отношениях* (п. 113).

Особенности реализации права переписки, телефонной связи, подачи обращений, на юридическую помощь, получение посылок и передач для лиц в **ЦВСИГ** не регламентируются ни специальными федеральным законом, ни подзаконными актами. Лишь в приказе МВД России от 30.12.2016 № 935 (в примечании) закреплено, что пользование услугами телефонной связи предоставляется ежедневно в соответствии с распорядком дня данного учреждения, за ис-

ключением времени ночного сна, приема пищи, санитарных и гигиенических мероприятий.

Для **ЦВСНП**, напротив, рассматриваемые права закреплены в федеральном законе, но без механизма реализации в ведомственных актах. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в ст. 22 закрепляет, что переписка несовершеннолетнего с государственными и общественными организациями⁴¹ цензуре не подлежит.

Особенности реализации *права на телефонный разговор* задержанных лиц, находящихся в **дежурных частях**, регламентированы Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»⁴². Приказ МВД России от 30.04.2012 № 389 в приложении № 1 также предусматривает, что в служебном помещении в общедоступных местах для информирования и разъ-

адресованные в органы государственной власти, органы местного самоуправления и общественные объединения, направляются через администрацию места содержания под стражей. Ответы на предложения, заявления и жалобы объявляются подозреваемым и обвиняемым под расписку и приобщаются к их личным делам. По просьбе подозреваемых и обвиняемых за счет их средств администрация места содержания под стражей делает копию ответа и выдает ее на руки. Ответы на устные заявления подозреваемых и обвиняемых объявляются им в течение суток. В случае назначения дополнительной проверки ответ дается в течение 5 суток. Ответ на письменную жалобу в адрес администрации должен быть дан в течение 10 суток (ст. 21).

⁴⁰ Указанная информация может предоставляться подозреваемым и обвиняемым как в письменном виде, так и устно. По их просьбе выдаются во временное пользование Закон № 103-ФЗ и приказ МВД России № 950. Для написания предложений, заявлений и жалоб подозреваемым и обвиняемым по их просьбе выдаются письменные принадлежности (бумага, шариковая ручка) (п. 93–103). Право на личный прием начальником ИВС или уполномоченными им лицами осуществляется ежедневно, кроме выходных и праздничных дней, в течение рабочего времени (п. 153–158).

⁴¹ С органами, осуществляющими контроль за деятельностью ЦВСНП органов внутренних дел, судом, прокуратурой, Уполномоченным по правам человека в РФ, Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка, Уполномоченным по правам человека в субъекте РФ, уполномоченным по правам ребенка в субъекте РФ, общественной наблюдательной комиссией, образованной в соответствии с законодательством Российской Федерации. Корреспонденция несовершеннолетних, адресованная указанным органам и должностным лицам, не позднее одних суток (за исключением выходных и праздничных дней) направляется по принадлежности (ст. 22).

⁴² Задержанное лицо в кратчайший срок, но не позднее трех часов с момента задержания, если иное не установлено уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации или настоящей статьей, имеет право на один телефонный разговор в присутствии сотрудника полиции в целях уведомления близкого родственника (родственника) или близкого лица о своем задержании и месте нахождения. Такое уведомление по просьбе задержанного лица может сделать сотрудник полиции.

яснения доставленным лицам их прав *должна быть размещена определенная правовая информация*⁴³.

Таким образом, в законодательстве степень открытости деятельности мест принудительного содержания, подведомственных МВД России, различна, поскольку это обусловлено особенностью статуса находящихся в них лиц (различны процедуры поступления, уведомления об этом родственников, возможности изменения МПС, длительность нахождения в них). Однако базовые конституционные права также регламентированы по-разному. Так, право на свидания с адвокатами закреплено федеральными законами только в отношении лиц, находящихся в спецприемниках, ИВС. Право подачи письменного обращения регламентируется в отношении пребывания в спецприемниках, ИВС, а также ЦВСНП. Право приема посылок, бандеролей, передач закреплено ведомственными актами в отношении только спецприемников. Обязанность предоставить информацию о правах и об обязанностях, о режиме содержания, дисциплинарных требованиях, порядке подачи обращения закреплена только ведомственными актами в отношении лиц, находящихся в ИВС, дежурных частях.

Результаты сравнительно-правового анализа условий содержания и обеспечения прав лиц, находящихся в МПС, подведомственных МВД России, показали, что они регламентированы в нормативных правовых актах различной юридической силы, отличающихся предметом правового регулирования. В отличие от лиц, лишенных свободы и находящихся в местах принудительного содержания ФСИН России⁴⁴, осо-

бенности реализации базовых прав, например, иностранных граждан в ЦВСИГ, несовершеннолетних в ЦВСНП закреплены преимущественно в подзаконных актах либо вообще не упоминаются⁴⁵. С учетом ч. 3 ст. 55 Конституции РФ гарантирование прав и свобод человека, пределы их ограничений должны быть закреплены только федеральным законом, а процедура их осуществления, обеспеченная обязанностью соответствующих должностных лиц МВД России, — в том числе в правовых актах управления, регламентирующих их правомочия (соответствующих правилам внутреннего распорядка, административных регламентах и пр.).

На основании вышеизложенного представляется целесообразной выработка единого Стандарта условий содержания и обеспечения прав лиц, находящихся в МПС, подведомственных МВД России (далее — Стандарт), включающего в себя особенности обращения с отдельными категориями таких лиц (например, женщин, несовершеннолетних). Факт и сроки нахождения в различных местах принудительного содержания обуславливают особенности административно-правового статуса находящихся в них лиц: в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей; специальных помещениях для содержания задержанных лиц дежурных частей территориальных органов МВД России (в том числе до решения вопроса о наличии состава уголовного преступления); изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых; специальных приемниках для содержания лиц, подвергнутых административному аресту; центрах временного содержания иностранных граждан, подлежащих

⁴³ Например, выписки из положений Конституции РФ, КоАП РФ, Уголовного кодекса РФ, УПК РФ, Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Наставления и иных нормативных правовых актов, определяющих порядок выяснения обстоятельств факта задержания или доставления лиц, доставленных в дежурную часть, служебные номера телефонов и адреса должностных лиц, которым могут быть обжалованы действия, связанные с необоснованным доставлением, задержанием или порядком содержания доставленных лиц.

⁴⁴ Федеральный закон № 103-ФЗ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ.

⁴⁵ См.: Методическое пособие для членов общественных наблюдательных комиссий и иных лиц, посещающих места принудительного содержания (подведомственные МВД России) / авт.-сост. С. В. Сабаева. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. 266 с.

административному выдворению, депортации или реадмиссии.

В соответствии со ст. 45 Конституции РФ, основные конституционные права должны быть гарантированы государством и, соответственно, должны предусматривать надежный механизм обеспечения. В связи с этим основными разделами разрабатываемого Стандарта могут быть следующие:

1) материально-бытовые условия содержания, размещения, соблюдение требований гигиены, санитарных требований, требований пожарной безопасности, распорядка дня; обеспечение одеждой, предметами первой необходимости;

2) качество питания, возможность приобретения продуктов, их хранения;

3) охрана здоровья и медицинское обеспечение;

4) возможность встречаться с родственниками и близкими, осуществлять ежедневные прогулки, религиозные обряды;

5) открытость деятельности (информационная обеспеченность, право переписки, телефонной связи, подачи обращений, на юридическую помощь).

Предлагаемый Стандарт может носить методический характер. Он может быть подготовлен на основе международных стандартов⁴⁶ общественными наблюдательными комиссиями совместно с Общественной палатой РФ, правозащитными и иными общественными организациями, экспертным сообществом, уполномоченными по правам человека и иными специализированными институтами государственной защиты, представителями Минюста России, МВД России. По итогам общественной экспертизы он может, во-первых, стать основой

⁴⁶ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» определяет, что правовую основу деятельности российской полиции составляют Конституция РФ, а также общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации (ст. 3). В Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка от 17.12.1979 (Резолюция 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН) определяется, что при выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и защищают человеческое достоинство, поддерживают и защищают права человека (ст. 2). В Декларации Совета Европы от 08.05.1979 «О полиции» определяется, что полицейский должен выполнять возложенные на него законом обязанности по защите своих сограждан и общества от насилия, грабежа и других общественно опасных действий, как это установлено законом (ст. 1). Полицейские стандарты обеспечения прав и свобод человека и гражданина являются производными от общих, доктринальных положений, содержащихся в целом ряде международных документов, посвященных правам человека. Согласно Модельному закону от 07.12.2002 «О полиции (милиции)», полиция — это система государственных органов исполнительной власти, призванная защищать жизнь и здоровье человека, его права и свободы, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, наделенная правом принуждения (ст. 1). Знаковым документом, действующим на европейском континенте, является Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950. В ней закрепляется практически тот же перечень прав и свобод, что и в других международно-правовых документах, посвященных правам человека и гражданина. В частности, согласно Конвенции никто не должен подвергаться пыткам, а также бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (ст. 3). Конвенция закрепляет право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 5), а также право на уважение частной и семейной жизни (ст. 8), свободу собраний и объединений (ст. 11) и др. В процесс обеспечения рассмотренных и ряда других прав и свобод непосредственным образом вовлечены полицейские силы каждого государства. Это делает работу полиции ключевой в вопросах обеспечения прав и свобод граждан. См.: Адмиралова И. А. Международно-правовые стандарты обеспечения прав и свобод граждан и деятельность полиции // Российская юстиция. 2017. № 4. С. 27–30.

для совершенствования федеральных законов о защите прав лиц, находящихся в МПС в России, а также подзаконных нормативных правовых актов; во-вторых, он может быть предложен в

качестве регионального правозащитного стандарта условий содержания и обеспечения прав лиц, находящихся в МПС, подведомственных МВД России, например для стран СНГ⁴⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел. — М. : Юнити-Дана: Закон и право, 2018. — 191 с.
2. Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов / А. А. Акмалова, В. М. Капцын. — М. : Инфра-М, 2018. — 395 с.
3. Методическое пособие для членов общественных наблюдательных комиссий и иных лиц, посещающих места принудительного содержания (подведомственные МВД России) / авт.-сост. С. В. Сабаева. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. — 266 с.

Материал поступил в редакцию 2 мая 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Administrativno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost organov vnutrennikh del. — M.: Yuniti-Dana: Zakon i pravo, 2018. — 191 s.
2. Obespechenie prav cheloveka v deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov / A. A. Akmalova, V. M. Kapitsyn. — M.: Infra-M, 2018. — 395 s.
3. Metodicheskoe posobie dlya chlenov obshchestvennykh nablyudatel'nykh komissiy i inykh lits, poseshchayushchikh mesta prinuditelnogo soderzhaniya (podvedomstvennye MVD Rossii) / avt.-sost. S. V. Sabaeva. — M.: Izdatelskiy tsentr Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2021. — 266 s.

⁴⁷ В соответствии со ст. 3, 5 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995), никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию; каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, в соответствии с национальным законодательством принадлежит право на разбирательство судом его дела относительно законности его ареста или содержания под стражей; все лица, лишенные свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности.

NFT как объект правового регулирования

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы невзаимозаменяемого токена — NFT. В работе рассматривается понятие и виды токенов. Предлагается авторское определение токена как единицы учета в распределенном реестре, репрезентующей в цифровой форме финансовые инструменты или иные активы, которая выражает экономическую ценность представляемых объектов и позволяет осуществлять связанные с ними права. По общераспространной точке зрения NFT служит средством цифрового выражения какого-то конкретного объекта, обладает присущими исключительно ему характеристиками (признаками) в силу чего, он не может быть обменян на другой токен, а стоимость одного NFT не обуславливается стоимостью других токенов. Автор отмечает, что перечисленные особенности не во всех случаях присущи NFT. Кроме того, на примере NFT обращается внимание на проблему искусственной ограниченности механизма правового регулирования принципиально новых цифровых объектов. Определено, что применительно к NFT на сегодняшний день в Российской Федерации и законодатель, и регулятор финансового рынка сохраняют статус-кво: государство вмешивается в общественные отношения, складывающиеся в процессе оборота невзаимозаменяемых токенов, только если операции с ними нарушают закон. Между тем можно ожидать, что рано или поздно вопросы выпуска и обращения NFT на финансовом рынке получат свое нормативно-правовое разрешение.

Ключевые слова: NFT, токены; невзаимозаменяемые токены; финансовый мониторинг; финансовая пирамида; Банк России; Росфинмониторинг; виртуальные активы; финансовый рынок; финансовый контроль.

Для цитирования: Ситник А. А. NFT как объект правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 84–93. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.084-093.

NFT as an Object of Legal Regulation

Aleksandr A. Sitnik, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
aasitnik@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the legal nature of a non-fungible token — NFT. The paper discusses the concept and types of tokens. The author defines a token as a unit of accounting in a distributed ledger that digitally represents financial instruments or other assets that expresses the economic value of the objects being represented and allows the rights associated with them to be exercised. According to a common point of view, NFT serves as a means of digital expression of a particular object, it has characteristics (signs) inherent exclusively

© Ситник А. А., 2022

* Ситник Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
aasitnik@msal.ru

to it, by virtue of which it cannot be exchanged for another token, and the cost of one NFT is not conditioned by the cost of other tokens. The author notes that the listed features are not inherent in NFT in all cases. In addition, using the example of NFT, the author draws attention to the problem of artificial limitations of the mechanism of legal regulation of fundamentally new digital objects. It is determined that, with regard to NFT, today in the Russian Federation, both the legislator and the financial market regulator maintain the status quo: the state intervenes in public relations that develop during the turnover of non-fungible tokens only if transactions involving them violate the law. Meanwhile, it can be expected that eventually the problems of the issue and circulation of NFT in the financial market will receive their regulatory and legal resolution.

Keywords: NFT, tokens; non-fungible tokens; financial monitoring; pyramid scheme; Bank of Russia; Rosfinmonitoring; virtual assets; financial market; financial control.

Cite as: Sitnik AA. NFT kak obekt pravovogo regulirovaniya [NFT as an Object of Legal Regulation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):84-93. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.084-093. (In Russ., abstract in Eng.).

Невзаимозаменяемые токены (non-fungible token, NFT) — относительно новый цифровой феномен, который в последнее время привлек внимание широкой общественности и представителей научного юридического сообщества. Были высказаны различные мнения о правовой природе, возможных моделях правового регулирования выпуска и обращения NFT, а также перспективах дальнейшего развития NFT-рынка. Вместе с тем, если отбросить все «цифровые» аспекты, можно увидеть, что в истории человечества регулярно возникают ситуации ажиотажного интереса (и как следствие — спроса) на принципиально новые объекты. Здесь уместно провести параллель с одним из наиболее известных исторических примеров стремительно возникших (и столь же быстро лопнувших) рыночных пузырей — нидерландской «тюльпаноманией» 1636–1637 гг. На ее пике стоимость одной луковицы тюльпана превышала 10-кратный размер годового дохода квалифицированного рабочего. Однако, как только люди почувствовали, что вложили в цветочные луковицы большую часть своих денежных средств, они стали массово избавляться от них, что привело к краху рынка и убыткам для населения¹. В этом смысле NFT принципиально не отличаются от иных подобных объектов. Вместе тем, несмотря на скептическую

оценку будущего NFT-рынка, в целом можно ожидать, что даже после спада ажиотажа NFT продолжат свое существование как неотъемлемая часть новой цифровой реальности.

Понятие и виды токенов. Перед тем как рассмотреть вопросы, связанные с правовой природой NFT, логично обратиться к анализу более общей категории — токенов.

В самом общем виде *токен — это единица учета в распределенном реестре, репрезентирующая в цифровой форме финансовые инструменты или иные активы, которая выражает экономическую ценность представляемых объектов и позволяет осуществлять связанные с ними права*.

Вместе с тем следует понимать, что токен — многоаспектное явление. Рассматриваемое слово происходит от английского token — знак, символ, жетон, талон. Изначально токен — это монетовидный жетон, например жетон шахтера или жетон для игровых автоматов. В дальнейшем данный термин также стал обозначать электронный ключ безопасности, устройство для идентификации, а сейчас в IT-лексиконе используется для обозначения шифров, владение которыми дает в сети определенные возможности². Именно в последнем значении токен и будет рассматриваться далее.

¹ Prosad J. M., Kapoor S., Sengupta J. Theory of Behavioral Finance // Handbook of Research on Behavioral Finance and Investment Strategies: Decision Making in the Financial Industry, 2015. P. 2.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона № 419059-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/827EDED-92F1-46AE-A576-71C8113EB77C> (дата обращения: 14.07.2021).

На сегодня понятие токена в российском законодательстве не закрепляется. Отсутствует единый подход к определению данного явления и в юридической доктрине.

20 марта 2018 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен проект федерального закона «О цифровых финансовых активах»³, которым предлагалась общая концепция регулирования отношений, возникающих при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых финансовых активов, а также при осуществлении прав и исполнении обязанностей по смарт-контрактам. Под токеном законопроект № 419059-7 предлагал понимать вид цифрового финансового актива, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем (эмитентом) с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых транзакций. Как было отмечено в пояснительной записке к данному законопроекту, токены, как и криптовалюта, должны были признаваться имуществом. При этом указанные объекты разграничивались в зависимости от количества эмитентов — эмитентом токена могло выступать только одно лицо, криптовалюты — множество эмитентов/майнеров. Между тем из окончательной редакции Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ понятие токена было исключено.

Как отмечает Л. Ю. Василевская, «объект в “цифре” существует в виде токена (Token), который рассматривается, с одной стороны, как цифровой код объекта, а с другой — как цифровой ключ, по которому системе удастся определить “владельца” токена. Цифровой ключ позволяет идентифицировать “своего” пользователя системы с целью допуска к токену для совершения с ним транзакций, а также дает команду

системе для блокировки действий “чужого” лица с токеном. Таким образом, он выполняет в информационной системе функцию распознавания управомоченного лица»⁵. При этом автор отождествляет понятия «токен» и «цифровые права». Действительно, как было указано в пояснительной записке к проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», понятие «цифровое право» заменило термин «токен», поскольку оно в большей степени отвечает традициям российского права. В то же время можно согласиться с мнением М. А. Рожковой, которая считает, что нет оснований ставить знак равенства между токенами и цифровыми правами. Так, в соответствии с п. 1 ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Из анализа данного определения М. А. Рожкова делает вывод о том, что оно «однозначно подтверждает отход от первоначальной концепции законопроекта, согласно которой... под цифровыми правами понимались исключительно токены. В итоге понятие “цифровые права”, по сути, превратилось в обозначение зафиксированных в электронной (цифровой) форме имущественных прав, которые отвечают двум признакам: во-первых, они должны быть прямо названы в качестве цифровых в законе; во-вторых, они должны приобретаться, осуществляться и отчуждаться на информационной платформе, “отвечающей установленным законом признакам”. Иными словами, “цифровыми” права, закрепленные в электронной форме, могут стать только при условии соответствия двум названным в Кодек-

³ Законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/16A3CC43-AF85-49EC-9821-2D0C8F1E7E8A> (дата обращения: 14.07.2021).

⁴ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

⁵ Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 114.

се формальным признакам, причем это могут быть вовсе не токены»⁶.

Определение токена также было предложено в докладе Центрального банка Российской Федерации для общественных консультаций «Цифровой рубль». В частности, Банк России рассматривает токен как единицу учета в сети блокчейн, которая используется для представления цифрового баланса в определенном активе или учета взаимозаменяемых цифровых активов. В докладе подчеркивается, что токены, как правило, применяются для создания деривативов на базе распределенных реестров⁷.

Дискуссионным остается вопрос о соотношении таких понятий, как «токен» и «криптовалюта». Согласно первой позиции, одной из разновидностей токенов являются расчетные токены (собственно криптовалюта)⁸. В то же время всё чаще токены и криптовалюты рассматриваются в качестве самостоятельных объектов⁹. Например, по мнению Л. Г. Ефимовой, отождествление токенов и криптовалют ведет к ошибочному распространению законодательства о ценных бумагах на выпуск криптовалют¹⁰. Разграничиваются токены и криптовалюты по целому ряду факторов. В частности, эмиссия токенов и верификация операций с ними может осуществляться как централизованно, так и децентрализованно, применительно же к криптовалютам эмиссия и верификация транзакций происходят исключительно децентрализованно. Технологически криптовалюты функционируют на базе собственного блокчейна, токены — не

всегда. Таким образом, с широкой точки зрения токены могут включать в свой состав криптовалюты, а с узкой — они являются самостоятельными объектами.

Официальные органы и организации предлагают различные классификации токенов. Одна из наиболее распространенных в настоящее время классификаций была предложена Швейцарской службой по надзору на финансовых рынках (Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA)). В частности, выделено четыре группы токенов:

— *платежные токены* (синоним криптовалют) предназначены для использования в настоящее время или в будущем в качестве средства платежа для приобретения товаров или услуг либо в качестве средства перевода денег или ценностей;

— *утилитарные токены* предназначены для предоставления цифрового доступа к приложениям или услугам посредством инфраструктуры, основанной на блокчейн-технологии;

— *токены активов* репрезентуют активы, такие как долговые обязательства или права на участие в капитале эмитента токенов. Токены активов предоставляют право на получение доли в будущих доходах компании. Таким образом, с точки зрения выполняемой экономической функции такие токены аналогичны акциям, облигациям и дериватам;

— *гибридные токены* — сочетают свойства как ценных бумаг, так и средства платежа¹¹.

⁶ Рожкова М. А. Цифровые права (digital rights) — что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе?. URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse#_ftn4 (дата обращения: 14.07.2021).

⁷ Доклад Банка России для общественных консультаций «Цифровой рубль» (октябрь 2020 г.) // URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 14.07.2021).

⁸ FINMA (16 February 2018). Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) // URL: <https://www.finma.ch/en/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/wegleitung-ico.pdf?la=en> (дата обращения: 14.07.2021); Цинделиани И. А. Правовая природа цифровых финансовых активов: частноправовой аспект // Юрист. 2019. № 3. С. 37.

⁹ Цареградская Ю. К. Правовое регулирование и юридическое сопровождение ICO: учебное пособие. М.: Проспект, 2021. С. 12.

¹⁰ Ефимова Л. Г. Некоторые аспекты правовой природы криптовалюты // Юрист. 2019. № 3. С. 12–19.

¹¹ FINMA (16 February 2018). Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs).

Совет по финансовой стабильности (Financial Stability Board) в докладе от 10.12.2018 определил цифровой токен как любую цифровую репрезентацию интереса (возможный перевод «выгоды». — А. С.), которая может обладать ценностью, в частности предоставлять право на получение дохода или выполнение определенных функций, или не иметь определенной стоимости или направления использования¹². В докладе подчеркнуто, что криптоактивы могут функционировать в виде или иметь характеристики цифрового средства обращения, которое не обеспечивается эмитентом (например, биткойн), или иного цифрового токена, включая токены ценных бумаг (securities tokens), токены, обеспеченные активами (asset-backed tokens), предоставляющие долю в праве собственности на имущество, или так называемые утилитарные токены (utility tokens), используемые для получения доступа к товарам или услугам на определенной цифровой платформе. Таким образом, можно сделать вывод, что криптоактивы, выполняющие функцию средства обращения, также рассматриваются Советом по финансовой стабильности в качестве токена.

В 2020 г. Организация экономического сотрудничества и развития выпустила доклад «Токенизация активов и возможные последствия для финансовых рынков». Для целей доклада такие понятия, как крипто-токены, цифровые активы, токены, основанные на технологии распределенного реестра, и цифровые токены, используются как взаимозаменяемые. В свою очередь, токенизация охарактеризована как процесс цифрового представления существующего реального актива в распределенном реестре. Совет по финансовой стабильности определяет токенизацию как представление традиционных активов, например финансовых инструментов, корзины залоговых обязательств или материальных (реальных) активов на базе технологии распределенного реестра. Токенизация активов

включает репрезентацию реальных активов в реестре путем связывания и внедрения на основе соглашения экономической ценности и прав, производных от данных активов, в цифровые токены, созданные в блокчейне¹³.

Основываясь на всем вышесказанном, заключим, что токен может быть рассмотрен с нескольких точек зрения, в частности как цифровое выражение активов, единица учета в распределенном реестре, выражающая ценность того или иного объекта и (или) объем прав на них, финансовый инструмент, цифровой код, ключ идентификации субъекта, обладающего обязательственными и иными правами в отношении репрезентуемых объектов. Токен не может быть достаточно полно охарактеризован с одной точки зрения — только комплексный подход позволяет раскрыть все грани данного явления.

NFT: понятие и сущность. Если большая часть токенов репрезентует неуникальные, взаимозаменяемые объекты, в силу чего один токен может быть обменян на другой, то невзаимозаменяемый токен (NFT) служит средством цифрового выражения какого-то конкретного объекта, обладает присущими исключительно ему характеристиками (признаками), в силу чего он не может быть обменян на другой токен, а стоимость одного NFT не обуславливается стоимостью других токенов. Подобный подход к характеристике NFT можно считать общепринятым.

NFT может выступать:

а) цифровой копией (цифровым двойником, цифровой тенью) другого объекта. В частности, невзаимозаменяемый токен может служить репрезентацией:

— объекта материального мира (например, картины, документа на бумажном носителе, здания);

— другого нематериального объекта (музыкального произведения с текстом или без текста, аудиовизуального произведения, литературного произведения и т.д.).

¹² FSB (10 October 2018). Crypto-asset markets: potential channels for future financial stability implications // URL: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P101018.pdf> (дата обращения: 14.07.2021).

¹³ OECD (2020). The Tokenisation of Assets and Potential Implications for Financial Markets, OECD Blockchain Policy Series. URL: <https://www.oecd.org/finance/The-Tokenisation-of-Assets-and-Potential-Implications-for-Financial-Markets.pdf> (дата обращения: 14.07.2021).

Создание подобного NFT приводит к раздвоению объекта: в обороте находится как «оригинал», так и его цифровой двойник. В подобной роли NFT может использоваться в утилитарных целях: удостоверить подлинность «оригинала» (например, диплома, сертификата, коллекционного предмета и т.д.), опосредовать осуществление прав (передача токена может свидетельствовать о переходе права собственности на основной объект), подтверждать выполнение каких-либо обязанностей (в том числе по уплате налогов или сборов);

б) самостоятельным нематериальным объектом — такие NFT не дублируют другой нематериальный объект, а содержат его внутри себя (чаще всего речь идет о произведениях изобразительного искусства). Таким образом, основной объект уже находится внутри токена и они представляют собой единое целое.

Следовательно, при помощи NFT можно токенизировать практически что угодно, поскольку он является лишь записью в распределенном реестре. Вместе с тем в последнее время стало общепринятым подразумевать под NFT в первую очередь цифровую копию произведений искусства и иных объектов интеллектуальной собственности. В данной сфере NFT, с одной стороны, решают целый ряд проблем, связанных с обеспечением соблюдения авторских прав в цифровой среде, однако с другой — сами могут вести к нарушению таких прав, поскольку чаще всего при создании NFT не осуществляется проверка авторства и базой невзаимозаменяемого токена может служить чужое произведение искусства.

Как бы то ни было, уникальность каждого конкретного NFT не должна переоцениваться. Поскольку невзаимозаменяемые токены выступают лишь надстройкой к другому объекту (в том числе в случае, когда они «вшиты» в него), применительно к такому базовому объекту может быть создано любое количество NFT. Кроме того, выступая объектом гражданского оборота, NFT может быть обменян на другой NFT; заключение подобной сделки зависит лишь

от воли ее участников. Не вполне корректно говорить и о том, что стоимость одних NFT не влияет на стоимость других. Так, всё чаще стали выпускать тематические коллекции NFT, в рамках которых отдельные токены стоят одинаково¹⁴. Таким образом, цена невзаимозаменяемого токена на криптобирже зависит от ценности той или иной коллекции¹⁵. В данном случае можно провести параллель с коллекционными карточками, фантиками и другими предметами коллекционирования. Разница лишь в том, что NFT имеют цифровую форму выражения.

В то же время очевидно, что цена NFT определяется в первую очередь их уникальностью — применительно к токенизированным произведениям искусства приобретатели платят за эксклюзивность. В этом отношении ценообразование токена сходно с процессом определения цены произведения искусства. В целом же любая оценка предполагает элемент субъективности.

Сам по себе феномен NFT и широкий интерес к нему со стороны общественности стал результатом главным образом информационной компании в средствах массовой информации. Многие начали рассматривать NFT в качестве «новой криптовалюты» и поспешили вложить в них деньги на раннем этапе, чтобы получить наибольшую выгоду. Следовательно, можно сказать, что основным ценообразующим фактором стал информационный шум в средствах массовой информации («хайп»), фундаментом которого, в свою очередь, послужили ассоциации с криптовалютой. В этом отношении «эксклюзивность» как основа стоимости NFT отступила на второй план. При этом наблюдается парадоксальная ситуация: чем больше NFT обращается на рынке, тем они менее эксклюзивны и, соответственно, менее ценны. Таким образом, популярность невзаимозаменяемых токенов наносит ущерб их главной особенности — уникальности.

Проблемы правового регулирования выпуска и обращения NFT. Общественные отношения, возникающие в процессе выпуска и обращения NFT, носят сложный, комплексный

¹⁴ В то же время в стоимость отдельных NFT в коллекциях может зависеть от их редкости.

¹⁵ Recommended collections // URL: <https://www.binance.com/en/nft/home> (дата обращения: 01.10.2022).

характер, что обуславливает их включенность в предмет сразу нескольких отраслей российского права, в частности информационного, гражданского и финансового права.

Сегодняшнее законодательство не дает ответа на вопрос, чем же является NFT для целей правового регулирования. Можно утверждать, что невзаимозаменяемые токены не являются цифровыми активами по смыслу Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ: они предоставляют возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Не являются NFT и цифровой валютой: они не выполняют функцию средства платежа, а функция средства обращения значительно ограничена. Представляется, что с точки зрения гражданского права уместнее всего рассматривать NFT в качестве цифровых прав. В то же время, исходя из ст. 141.1 ГК РФ, без прямого указания законодателя NFT не могут быть квалифицированы в качестве цифровых прав. На данном примере выкристаллизовывается более общая проблема — искусственная ограниченность механизма правового регулирования принципиально новых цифровых объектов. Можно уверенно прогнозировать, что в ближайшем будущем, вследствие развития науки и технологий, процесс возникновения цифровых существностей и связанных с ними видов деятельности, требующих особого правового регулирования, продолжится. Подтверждением служит анализ тенденций последних десятилетий — за относительно небольшой по историческим меркам период возникли такие новые явления, как электронные денежные средства, токены в целом и NFT в частности, криптовалюты и т.д. Очевидно, что принятие отдельного закона применительно к каждому новому объекту не является эффективным решением. Более правильным видится закрепление в законодательстве перечня общих признаков цифровых прав и общих начал их обращения, с тем чтобы субъекты гражданского

оборота могли самостоятельно квалифицировать инновационные цифровые объекты как цифровые права. В случае же необходимости возможно принятие специальных законов, закрепляющих особенности выпуска и обращения таких цифровых объектов с учетом их специфики.

Говоря о финансово-правовой составляющей анализируемого вопроса, отметим, что NFT в настоящий момент не рассматриваются в качестве полноценного объекта финансово-правового регулирования. Так, С. А. Швецов в период нахождения в должности первого заместителя председателя Банка России подчеркивал: позиция регулятора заключается в том, что NFT не является финансовым инструментом и Банк России не видит себя в качестве основного института, который регулирует обороты NFT-токенов¹⁶. Вместе с тем полагаем, что правильнее говорить о том, что NFT не являются финансовыми инструментами в строгом, легальном смысле этого слова, поскольку правовой режим их обращения не закреплён законодательно. Тем не менее невозможно отрицать тот факт, что NFT — товар, торгуемый на криптобиржах (правовой статус операторов которых сейчас также законодательно не определен).

Одна из особенностей NFT заключается в вариативности их использования: они могут выступать самостоятельным объектом оборота, а могут быть частью какого-либо более сложного цифрового продукта. Так, имеются примеры применения невзаимозаменяемых токенов для передачи активов внутри компьютерных игр. В 2017 г. стала популярна игра CryptoKitties, в которой участники могут покупать, продавать и разводить виртуальных кошек. Каждая такая «кошка» уникальна и не может быть скопирована, воспроизведена или уничтожена. Игра построена на блокчейне Ethereum, что предоставляет игрокам возможность переносить виртуальные объекты в иные приложения¹⁷.

В последнее время получили распространение мобильные приложения, действующие по системе Move-to-Earn («Двигайся, чтобы зара-

¹⁶ В Банке России высказались о регулировании NFT-токенов // URL: <https://1prime.ru/banks/20210728/834321120.html> (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁷ NFT // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/NFT> (дата обращения: 01.10.2022).

батьвать»), суть которых заключается в том, что участники приобретают «NFT-кроссовки» и в процессе физической активности (бега или ходьбы) им начисляются токены. В последующем токены можно потратить на улучшение характеристик «кроссовок» или вывести через криптобиржи. NFT-кроссовки можно продавать, сдавать в «аренду» или обменивать. Вместе с тем финансовая составляющая бизнес-моделей подобных приложений вызывает ряд серьезных нареканий. Например, в одном из наиболее известных Move-to-Earn мобильных приложений STEPN участникам начисляются токены Green Satoshi Token (GST), имеющие неограниченную эмиссию. В связи с этим привлечение большего количества участников и возрастание их физической активности ведет к увеличению выпуска токенов в обращение и к снижению их цены. Вследствие действия данного объективного (и хорошо всем известного) экономического закона стоимость GST с апреля по август 2022 г. упала более чем в 4 раза¹⁸. Таким образом, важно правильно воспринимать рассматриваемый тип мобильных приложений: они служат хорошим мотиватором для занятия спортом, однако их не следует рассматривать в качестве источника стабильного заработка. Более того, описанная модель может содержать признаки финансовой пирамиды — если разработчики мобильного приложения получают доход исключительно за счет привлечения новых участников. Для противодействия подобного рода практикам Банк России в рамках надзора на финансовом рынке осуществляет мониторинг, направленный на

выявление компаний и проектов с признаками нелегальной деятельности¹⁹. В целях снижения вовлеченности граждан и организаций в незаконную деятельность и, соответственно, предотвращения нарушения прав и законных интересов потребителей финансовых услуг Банк России раскрывает перечень компаний с признаками финансовых пирамид²⁰. В 2022 г. в данный перечень были включены экономические игры NFT GAME Project и NFT GAME, а также проекты/компании NFTPump, CRYPTONFT, NFTBoom, NFTfair, BI-NFT.TECH, NFTMAINER, RACKNFT и др.²¹

Кроме того, операции с NFT могут рассматриваться в качестве объекта финансового мониторинга — если они осуществляются (или есть подозрение в том, что они проводятся) в целях легализации преступных доходов или финансирования терроризма. Здесь следует, однако, отметить, что на основании Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»²² контроль в сфере ПОД/ФТ проводится в отношении операций с цифровыми валютами и цифровыми финансовыми активами, которыми, как уже подчеркивалось, NFT не являются. Вместе с тем, исходя из разъяснений ФАТФ, в ряде случаев невзаимозаменяемые токены могут рассматриваться в качестве виртуальных активов и, соответственно, попадать в фокус внимания органов финансового мониторинга (финансовой разведки). Как отмечено в Обновленном руководстве ФАТФ (октябрь 2021 г.)²³, NFT уникальны, на практике используются в

¹⁸ Что такое STEPN и криптовалюта GMT? // URL: <https://forklog.com/cryptorium/chto-takoe-stepn> (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁹ Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке // URL: <https://cbr.ru/inside/warning-list/> (дата обращения: 01.10.2022).

²⁰ А также иных признаков незаконной деятельности, в частности нелегального кредитора и нелегального профессионального участника рынка ценных бумаг.

²¹ Полный список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке // URL: <https://cbr.ru/Queries/UniDbQuery/DownloadExcel/123126?FromDate=10%2F25%2F2022&ToDate=10%2F25%2F2022&posted=False> (дата обращения: 01.10.2022).

²² СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

²³ FATF (2021). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. // URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/Updated-Guidance-VA-VASP.pdf> (дата обращения: 01.10.2022).

качестве предметов коллекционирования, а не платежных или инвестиционных инструментов и в целом не являются виртуальными активами для целей стандартов ФАТФ. Тем не менее юрисдикциям следует применять стандарты ФАТФ по виртуальным активам в отношении NFT в тех случаях, когда они выполняют те же функции, что и виртуальные активы (используются для оплаты или в инвестиционных целях)²⁴. Таким образом, для целей ПОД/ФТ невзаимозаменяемые токены целесообразно рассматривать в качестве разновидности имущества.

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что на сегодняшний день в Российской Федерации и законодатель, и регулятор финансового рынка сохраняют «статус-кво» в

вопросе регулирования обращения NFT: государство вмешивается в общественные отношения, складывающиеся в процессе оборота невзаимозаменяемых токенов, только если операции с ними нарушают закон. Между тем можно ожидать, что рано или поздно вопросы выпуска и обращения NFT (и даже шире — цифровых объектов) на финансовом рынке получат свое нормативно-правовое разрешение, для чего потребуются закрепить: статус операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск и оборот таких объектов, требования к допуску указанных субъектов на финансовый рынок, порядок проведения операций, правила осуществления надзора со стороны Банка России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. В Банке России высказались о регулировании NFT-токенов // URL: <https://1prime.ru/banks/2021/0728/834321120.html> (дата обращения: 01.10.2022).
2. *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 5. — С. 111–119.
3. Доклад Банка России для общественных консультаций «Цифровой рубль» (октябрь 2020 г.) // URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 14.07.2021).
4. *Ефимова Л. Г.* Некоторые аспекты правовой природы криптовалюты // Юрист. — 2019. — № 3. — С. 12–19.
5. *Рожкова М. А.* Цифровые права (digital rights) — что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? // URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights_chno_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse#_ftn4 (дата обращения: 14.07.2021).
6. *Цареградская Ю. К.* Правовое регулирование и юридическое сопровождение ICO : учебное пособие. — М. : Проспект, 2021. — 768 с.
7. *Цинделиани И. А.* Правовая природа цифровых финансовых активов: частноправовой аспект // Юрист. — 2019. — № 3. — С. 34–41.
8. Что такое STEPn и криптовалюта GMT? // URL: <https://forklog.com/cryptorium/chno-takoe-stepn> (дата обращения: 01.10.2022).
9. FATF (2021). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers // URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/Updated-Guidance-VA-VASP.pdf> (дата обращения: 01.10.2022).
10. FATF (2022). Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets/VASPs // URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/Targeted-Update-Implementation-FATF%20Standards-Virtual%20Assets-VASPs.pdf> (дата обращения: 01.10.2022).

²⁴ FATF (2022). Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets/VASPs. П. 37 // URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/Targeted-Update-Implementation-FATF%20Standards-Virtual%20Assets-VASPs.pdf> (дата обращения: 01.10.2022).

11. FINMA (16 February 2018). Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) // URL: <https://www.finma.ch/en/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/wegleitung-ico.pdf?la=en> (дата обращения: 14.07.2021).
12. FSB (10 October 2018). Crypto-asset markets: potential channels for future financial stability implications // URL: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P101018.pdf> (дата обращения: 14.07.2021).
13. OECD (2020). The Tokenisation of Assets and Potential Implications for Financial Markets, OECD Blockchain Policy Series // URL: <https://www.oecd.org/finance/The-Tokenisation-of-Assets-and-Potential-Implications-for-Financial-Markets.pdf> (дата обращения: 14.07.2021).
14. Prosad J. M., Kapoor S., Sengupta J. Theory of Behavioral Finance // Handbook of Research on Behavioral Finance and Investment Strategies: Decision Making in the Financial Industry. — 2015. — P. 1–24.

Материал поступил в редакцию 1 октября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. V Banke Rossii vyskazalis o regulirovanii NFT-tokenov // URL: <https://1prime.ru/banks/20210728/834321120.html> (data obrashcheniya: 01.10.2022).
2. Vasilevskaya L. Yu. Token kak novyy obekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii tsifrovogo prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2019. — № 5. — S. 111–119.
3. Doklad Banka Rossii dlya obshchestvennykh konsultatsiy «Tsifrovoy rubl» (oktyabr 2020 g.) // URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (data obrashcheniya: 14.07.2021).
4. Efimova L. G. Nekotorye aspekty pravovoy prirody kriptovalyuty // Yurist. — 2019. — № 3. — S. 12–19.
5. Rozhkova M. A. Tsifrovye prava (digital rights) — chto eto takoe i nuzhny li oni v Grazhdanskom kodekse? // URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse#_ftn4 (data obrashcheniya: 14.07.2021).
6. Tsaregradskaya Yu. K. Pravovoe regulirovanie i yuridicheskoe soprovozhdenie ICO: uchebnoe posobie. — M.: Prospekt, 2021. — 768 s.
7. Tsindeliiani I. A. Pravovaya priroda tsifrovyykh finansovykh aktivov: chastnopravovoy aspekt // Yurist. — 2019. — № 3. — S. 34–41.
8. Chto takoe STEPn i kriptovalyuta GMT? // URL: <https://forklog.com/cryptorium/chto-takoe-stepn> (data obrashcheniya: 01.10.2022).
9. FATF (2021). Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers // URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/Updated-Guidance-VA-VASP.pdf> (data obrashcheniya: 01.10.2022).
10. FATF (2022). Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets/VASPs // URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/Targeted-Update-Implementation-FATF%20Standards-Virtual%20Assets-VASPs.pdf> (data obrashcheniya: 01.10.2022).
11. FINMA (16 February 2018). Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) // URL: <https://www.finma.ch/en/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/wegleitung-ico.pdf?la=en> (data obrashcheniya: 14.07.2021).
12. FSB (10 October 2018). Crypto-asset markets: potential channels for future financial stability implications // URL: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P101018.pdf> (data obrashcheniya: 14.07.2021).
13. OECD (2020). The Tokenisation of Assets and Potential Implications for Financial Markets, OECD Blockchain Policy Series // URL: <https://www.oecd.org/finance/The-Tokenisation-of-Assets-and-Potential-Implications-for-Financial-Markets.pdf> (data obrashcheniya: 14.07.2021).
14. Prosad J. M., Kapoor S., Sengupta J. Theory of Behavioral Finance // Handbook of Research on Behavioral Finance and Investment Strategies: Decision Making in the Financial Industry. — 2015. — P. 1–24.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109

С. Е. Чаннов*

Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права¹

Аннотация. В статье анализируется возможность и целесообразность признания роботов и систем искусственного интеллекта субъектами либо квазисубъектами права. Автор констатирует наличие трех подходов к пониманию субъекта права: 1) формально-юридического (позитивистского); 2) антропоцентрического; 3) юснатуралистического. Только в рамках последнего делается попытка выделить объективно существующие признаки субъекта права. При этом, в отличие от квазисубъекта, субъект права всегда обладает таким признаком, как свобода воли. Решение вопроса о наличии собственной воли у робота (системы искусственного интеллекта) зависит от понимания самого понятия «воля», которое также является далеко не однозначным. Автор выделяет два основных подхода к понятию воли: 1) воля как проявление самосознания; 2) воля как способность к достижению поставленной цели. Современные роботы (системы искусственного интеллекта) не обладают самосознанием, поэтому в рамках данного подхода придание им статуса субъекта права возможно только в неопределенной перспективе. Второй подход к пониманию воли может быть применен ко многим уже существующим системам. Таким образом, автор констатирует, что потенциальная возможность наделения субъектностью роботов (систем искусственного интеллекта) существует. Однако неочевидны преимущества такого решения по сравнению с их рассмотрением в качестве квазисубъектов права. В связи с этим обосновывается, что введение в правовую сферу такого принципиально нового субъекта права, как робот (система искусственного интеллекта), является преждевременным. Впрочем, существует объективная необходимость признания ряда из них квазисубъектами права, представляющими собой определенную правовую ценность.

Ключевые слова: робот; система искусственного интеллекта; субъект права; правосубъектность; антропоцентризм; электронное лицо; свобода воли; самосознание; квазисубъект права; права личности.

Для цитирования: Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 94–109. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00355.

© Чаннов С. Е., 2022

* Чаннов Сергей Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС, профессор кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии
Соборная ул., д. 23/25, каб. 406, г. Саратов, Россия, 410031
sergeychannov@yandex.ru

Robot (Artificial Intelligence System) as a Subject (Quasi-Subject) of Law²

Sergey E. Channov, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labor Law, Stolypin Volga Institute of Management (RANEPA branch); Professor, Department of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy
ul. Sobornaya, d. 23/25, kab. 406, Saratov, Russia, 410031
sergeychannov@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the possibility and expediency of recognizing robots and artificial intelligence systems as subjects or quasi-subjects of law. The author states that there are three approaches to understanding the subject matter: 1) the formal legal (positivist) approach; 2) the anthropocentric approach; and 3) the naturalistic approach. Only within the framework of the latter, attempts are made to identify objectively existing features of the subject of law. At the same time, unlike a quasi-subject, the subject of law always has such a feature as freedom of will. The solution to the question of whether a robot (an artificial intelligence system) has its own will depends on understanding the concept of «will» itself, which is also far from unambiguous. The author identifies two main approaches to the concept of will: 1) the will as a manifestation of self-consciousness; 2) the will as the ability to achieve a goal. Modern robots (artificial intelligence systems) do not have self-awareness, therefore, within the framework of this approach, giving them the status of a legal entity is possible only in an indefinite perspective. The second approach to understanding the will can be applied to many already existing systems. Thus, the author states that the potential for subjectivity of robots (artificial intelligence systems) exists. However, the advantages of such a solution are not obvious in comparison with their consideration as quasi-subjects of law. In this regard, it is justified that the introduction into the legal sphere of such a fundamentally new subject of law as a robot (an artificial intelligence system) is premature. However, there is an objective need to recognize a number of them as quasi-legal entities that represent a certain legal value.

Keywords: robot; artificial intelligence system; subject of law; legal personality; anthropocentrism; electronic person; free will; self-awareness; quasi-subject of law; individual rights.

Cite as: Channov SE. Robot (sistema iskusstvennogo intellekta) kak subekt (kvazisubekt) prava [Robot (Artificial Intelligence System) as a Subject (Quasi-Subject) of Law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):94-109. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109. (In Russ., abstract in Eng.).

Одним из показателей развития (эволюции) права является появление новых субъектов права. Развитие и внедрение цифровых технологий в этом плане привлекает внимание многих специалистов. Речь в первую очередь идет о системах искусственного интеллекта. Как отмечает М. Б. Добробаба, в последнее время актуализируется вопрос о том, каким правовым статусом — объекта или субъекта права — будет наделен искусствен-

ный интеллект³. При этом, наряду с указанными системами, идеи о возможности наделения правосубъектностью высказываются и на счет роботизированных систем (роботов), поскольку «в будущем планируется переложение на робота всё большего количества функций, которые выполняет человек»⁴. В литературе имеется позиция, согласно которой правосубъектностью могут наделаться не все роботы, а роботы-агенты (электронные агенты)⁵.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00355.

³ Добробаба М. Б. Искусственный интеллект: объект или субъект права? // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки : материалы конференций в рамках X Московской юридической недели : в 5 ч. М., 2021. С. 303.

⁴ Юридическая концепция роботизации : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М. : Проспект, 2019. С. 29.

⁵ Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. Т. 6. № 55. С. 46–62.

В связи с этим сразу оговоримся, что, принимая во внимание нетождественность понятий «роботизированная система (робот)» и «система искусственного интеллекта (искусственный интеллект)», мы в дальнейшем в данной статье, используя первый термин, применительно к вопросу о правосубъектности будем вести речь только о тех роботах, которые обладают элементами искусственного интеллекта (интеллектуальные роботы). Под системами же искусственного интеллекта (далее в статье — СИИ) будут пониматься в узком смысле те системы, которые не обладают признаками, характерными для роботов, в первую очередь не наделены возможностью непосредственно воздействовать на объекты материального мира.

Чем же обусловлена постановка вопроса о возможности наделения СИИ и роботов статусом субъекта (либо квазисубъекта) права? Ключевой особенностью здесь выступает автономность указанных систем, понимаемая как возможность осуществления функций, ради которых они созданы, в течение более или менее длительного времени без участия человека. Неслучайно в резолюции Европейского парламента 2017 г. упоминается о правосубъектности роботов только как о долгосрочной перспективе, относящейся исключительно к наиболее продвинутому и автономным роботам⁶. При этом увеличение автономности, достигаемое для СИИ путем использования самообучения, как правило, сопровождается уменьшением возможности контроля над их «поведением».

Другая специфическая черта СИИ — это то, что обрабатываемый ими объем данных не может быть осознан человеческим мозгом, а

внутреннее состояние системы не может быть редуцировано к понятным человеку причинно-следственным связям, по этой причине заранее предсказать точные действия системы искусственного интеллекта в новой ситуации невозможно. Таким образом, объективно отсутствует субъект, который мог или должен был предвидеть последствия действий системы в конкретных обстоятельствах. Данное обстоятельство затрудняет применение к СИИ многих традиционных правовых механизмов, например механизма ответственности, поскольку и разработчик, и владелец самообучающейся СИИ становятся объективно неспособны абсолютно точно предсказать ее действия в конкретной ситуации и «отвечать» за него⁷.

Соответственно, перед юристами встают вопросы: можно ли признать роботов (СИИ) субъектами либо квазисубъектами права? Нужно ли это делать? Каким требованиям (критериям) они должны отвечать для этого?

Для того чтобы попытаться ответить на них, представляется необходимым прежде всего обратиться к самому понятию субъектов и квазисубъектов права.

Понятие субъекта права. Категория «субъект права» играет ключевую роль в юридической науке, поскольку является «главным компонентом (подсистемой) и одновременно центром, ядром правовой системы»⁸. При этом в современных юридических исследованиях можно встретить разные взгляды на понимание сущности субъекта права. Как представляется, принципиально здесь могут быть выделены три подхода, которые мы обозначим как: 1) формально-юридический (позитивистский); 2) антропоцентрический; 3) юснатуралистический.

⁶ Civil law rules on robotics European Parliament. Legislative Observatory // URL: [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2015/2103\(INL\)](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2015/2103(INL)) (дата обращения: 12.06.2022).

⁷ Незнамов А. В., Смит Б. У. Робот не виноват! Взгляд из России и США на проблему ответственности за вред, причиненный роботами // Закон. 2019. № 5. С. 135–156; Горохова С. С. Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. 2021. № 6. С. 60–67.

⁸ Алексеев С. С. Теория государства и права : учебник. М. : Норма, 2005. С. 446.

⁹ Астахов Д. В., Назарова Ю. Ю. Субъект права как теоретико-правовая и отраслевая категория: генезис сущности и особенности правового статуса // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 4. С. 52; Марченко Н. М. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 592.

Формально-юридический (позитивистский) подход. Первый подход является наиболее простым и в целом основывается на тезисе: субъектом права признается лицо, обладающее в соответствии с законом правосубъектностью⁹. «Таким образом, субъектами права являются лица или организации, за которыми признано законом особое юридическое свойство (качество) правосубъектности, дающее возможность участвовать в различных правоотношениях с другими лицами и организациями»¹⁰. Соответственно, сторонники позитивистского подхода к сущности субъекта права выделяют лишь два его признака — правоспособность и дееспособность¹¹.

Здесь необходимо подчеркнуть, что рассмотрение вопроса о статусе субъекта права в юридико-прикладном аспекте (субъект тот, кто наделен правосубъектностью в установленном порядке) в принципе видится нам вполне необходимым для практических целей. Однако следует понимать, что наделение какого-либо образования статусом субъекта права не может, во всяком случае, не должно осуществляться произвольно. В. А. Белов и К. А. Блинковский применительно к субъектам гражданского права верно отмечают, что «хоть законодатель и исходит из предположения о том, что субъектом гражданского права может стать лишь то правовое явление, которое он прямо таковым назовет, на самом деле это не так: субъектом является не тот, кто таковым прямо назван в законе, а тот, кто обладает чертами субъекта»¹². Иными словами, государство может придать статус субъекта права вообще любому образованию, в том числе роботу (СИИ) — просто своей волей. Однако для того, чтобы такое реше-

ние было обоснованным, необходимо прежде всего ответить на вопросы: есть ли объективные критерии для такого наделения? В какой момент оно становится необходимо и/или целесообразно? Верно отмечает И. Л. Честнов, что подход, сводящий субъекта права просто к некоему юридическому статусу, приданному законодателем, «не дает возможности показать обусловленность законодательного решения, а следовательно — решить вопрос о формировании субъекта права. С другой стороны, при этом не учитываются личностные характеристики субъекта, без которых в принципе социальное (юридически значимое в том числе) действие невозможно»¹³.

В этом плане позитивистский подход, хотя и является формально точным, носит всё же лишь инструментальный характер, позволяя определить наличие статуса субъекта права в конкретных ситуациях, но не дает ничего в теоретическом плане применительно к сущности исследуемого нами вопроса.

Антропоцентрический подход. Не менее распространенным в отечественной юриспруденции является антропоцентрический подход к определению сущности субъекта права, основывающийся на признании первичным субъектом права человека (физического лица), в дополнение к которому качество правосубъектности может признаваться и за какими-либо общностями людей. В качестве примера здесь можно привести позицию С. И. Архипова. Указанный специалист, отмечая многоаспектность вариантов рассмотрения субъекта права, полагает возможным дать общее его определение как «совокупности заключенных в специальную юридическую форму (в форму юридического

¹⁰ Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А. И. Абрамова, С. А. Боголюбов, А. В. Мицкевич [и др.] ; под ред. А. С. Пиголкина. М. : Городец, 2003. 544 с.

¹¹ *Иванский В. П.* К определению человека как субъекта права XXI века сквозь призму информационно-квантовой концепции права // Административное право и процесс. 2016. № 1. С. 50.

¹² *Белов В. А., Блинковский К. А.* Гражданско-правовое регулирование корпоративных отношений с участием гражданско-неправоспособных (не обладающих юридической личностью) организаций // Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт, 2009. С. 263.

¹³ *Честнов И. Л.* Проблема субъекта права в современной юридической науке // Юридическая мысль. 2007. Т. 41. № 3. С. 92.

лица или индивида) правовых качеств человека»¹⁴. В рамках данного подхода им выделяются индивидуальные и коллективные (юридические лица, нации и народы), внутриорганизационные и сложные (составные) субъекты права.

В современной отечественной правовой науке, как правило, в глобальном плане выделяются всего два вида субъектов права: физические лица и их объединения (социальные лица). Различается только перечень последних, к ним могут относить: государство; муниципальные образования; иные публичные образования; государственные органы и органы местного самоуправления; зависимые территории; народы, борющиеся за свою независимость; юридические лица; международные межправительственные и неправительственные организации и др.¹⁵

Таким образом, в рамках данного подхода все без исключения субъекты права «привязаны» к человеку, поскольку социальные лица признаются таковыми лишь как общности определенных групп людей. Как отмечает С. И. Архипов, общим основанием, из которого возникают все существующие субъекты права, является человек как правовой феномен. Юридические лица, в том числе государства, иные публичные корпорации, индивиды как субъекты права получают от него в результате эманации свои правовые качества (правовую волю, правовое сознание и т.д.), являющиеся их «субстратом»¹⁶. Указанное обстоятельство делает, на наш взгляд, невозможным признание роботов и СИИ субъектами права. Можно согласиться с высказываемым в научной литературе мнением о том, что определение правового статуса робота (СИИ) и юридического лица имеют

много общего, «поскольку правовой статус того и другого, по существу, является юридической фикцией и реального, собственного содержания не имеет»¹⁷. Однако, в отличие от юридического лица, представляющего собой в конечном счете объединение людей, у робота (СИИ) такое изначальное качество отсутствует.

Более правильно, на наш взгляд, ставить вопрос о правосубъектности робота (СИИ) в качестве принципиально нового образования — «электронного лица»¹⁸, дополняющего физических лиц и «социальных лиц» в качестве субъекта права. Подобное решение вопроса, на наш взгляд, существенно отличается от придания роботам (СИИ) статуса субъекта права «по аналогии» с теми же юридическими лицами, поскольку заключается в признании появления принципиально нового субъекта права по отношению к существовавшим ранее. При этом именно появление новых субъектов права выступает одним из индикаторов развития (эволюции) права, проистекающего в последние десятилетия особенно активно под влиянием современных цифровых технологий.

Однако для его реализации необходимо вернуться к вопросу, о котором мы уже говорили выше: определить, какие критерии делают необходимым и целесообразным придание конкретному образованию статуса субъекта права (не сводя при этом их к человеку как правовому феномену), а затем попытаться определить, насколько они применимы к роботам и СИИ. Иными словами, речь идет о выделении сущностных признаков субъекта права. Указанная задача ставится в рамках подхода, который мы обозначаем как юснатуралистический, базирующийся на наработках школы естественного права.

¹⁴ Архипов С. И. Субъекты права: теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 8–9.

¹⁵ Правоведение : учебное пособие / под ред. С. Н. Попова, Н. А. Ульяновой. Барнаул : Изд-во АГАУ, 2006 ; Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. М., 2010. С. 532.

¹⁶ Архипов С. И. Указ. соч. С. 9–10.

¹⁷ Серова О. А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы // Гражданское право. 2018. № 3. С. 22–24 ; Морхат П. М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 1–8.

¹⁸ Ястребов О. А. Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения. 2017. № 1. С. 189–203 ; Чубукова С. Г. Информационная правосубъектность: цифровая трансформация // Информационное право. 2019. № 3. С. 24–28.

Юснатуралистический подход. Анализ юридической литературы свидетельствует о том, что специалисты выделяют достаточно большое количество различных признаков (критериев выделения) субъекта права, среди которых чаще всего называются: организационное единство; возможность обладания правами и обязанностями, а также самостоятельной их реализации; способность принимать юридически значимые решения; возможность нести юридическую ответственность за свои противоправные поступки; обособленность (имущественная и организационная); возможность правовой индивидуализации; наличие собственной воли, целей и интересов и др.¹⁹ На наш взгляд, вполне очевидно, что указанные признаки неодинаковы по своей сущности. Большая часть из них носит такой же формально-юридический (инструментальный) характер, как правоспособность и дееспособность, выделяемые в рамках позитивистского подхода (возможность обладания правами и обязанностями, а также самостоятельной их реализации; способность принимать юридически значимые решения; возможность нести юридическую ответственность и др.). Они точно так же появляются у лица не благодаря каким-то его особым свойствам, а исключительно по воле законодателя. Соответственно, оценка возможности применения их к роботам (СИИ) ничего не дает нам в плане анализа обоснованности наделения их статусом субъекта права.

Иное значение имеет такой признак, как наличие собственной воли (свободы воли), целей и интересов (некоторые авторы считают его единым признаком, другие разделяют на несколько). Вполне очевидно, что собственная воля не

может появиться у какого-либо образования просто потому, что так захотел законодатель.

Воля как признак субъекта права. Наличие свободной воли в качестве важнейшего признака субъекта права приводится, например, В. Е. Чиркиным. «Субъект права — это самостоятельное (автономное в пределах закона) образование, имеющее свои интересы, цели, волю, права и обязанности, выполняющее свою роль в обществе, участвующее в создании норм права и (или) правоотношениях»²⁰. По нашему мнению, именно наличие воли концептуально отличает субъектов права от квазисубъектов. В юридической литературе отмечается, что квазисубъект права, в отличие от субъекта, обладает лишь некоторыми его признаками, при «отсутствии других необходимых признаков, что не допускает признание правосубъектности в целом»²¹. Как представляется, у квазисубъекта действительно могут отсутствовать различные признаки субъекта, однако те из них, которые мы классифицировали как формально-юридические (инструментальные), могут закрепляться за ним в различных сочетаниях законодателем. Только воля, а также увязанные с ее наличием цели и интересы не могут возникать у квазисубъекта права в любом случае. Как отмечают Н. И. Уздимаева и А. С. Козуров: «Воля концентрирует в себе все особенности любого субъекта права»²². Соглашаясь с данным тезисом, отметим, что воля, будучи *необходимым* признаком субъекта права, не делает таковым любую сущность, обладающую ею, автоматически. Так, в римском праве рабы, бесспорно обладавшие собственной волей *de facto*, тем не менее рассматривались не как субъекты, а как объекты права (*res non persona*)²³.

¹⁹ Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2007. 352 с. ; Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 60–83 ; Долинская В. В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 6–17.

²⁰ Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. С. 35.

²¹ Пономарева Е. В. Указ. соч. С. 9.

²² Уздимаева Н. И., Козуров А. С. Субъект права: основные подходы к пониманию // Контентус. 2020. № 4. С. 138.

²³ Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998.

С учетом изложенного вопрос о реальной возможности (необходимости) признания робота (СИИ) субъектом права упирается в наличие у него собственной воли, которая, в свою очередь, связана с возможностью возникновения у него своих целей и интересов. При этом, как верно отмечает Е. В. Пономарева, к роботам (СИИ) неприменим тезис о наличии у них воли по аналогии с волей юридического лица, «поскольку механизмы формирования воли юридического лица и “воли” робота совершенно отличны. Воля юридического лица является неким юридическим абстрагированием от воли лиц»²⁴. В силу указанного сложно согласиться с позицией исследователей, предлагающих рассматривать вопросы правосубъектности роботов как новых видов юридических лиц²⁵.

Обращаясь же к непосредственно понятию воли как признаку субъекта, мы сталкиваемся с тем, что оно само — как в праве, так и в философии и психологии — является далеко не однозначным.

Воля как проявление самосознания. Как правило, большинство исследователей так или иначе увязывают волю с самосознанием. «Воля — сознательная регуляция субъектом своей деятельности и поведения...»²⁶; «воля — активная сторона сознания (наличие не только желания, но и стремления применить знания, совершить целенаправленное действие)»²⁷; «воля, как и многие другие психологические термины (восприятие, мышление, память), — это обобщенное понятие, обозначающее определенный класс психических явлений, процессов и действий,

объединенных единой функциональной задачей — сознательным и преднамеренным управлением поведением и деятельностью человека»²⁸ и др. Точно так же и в юриспруденции воля, понимаемая как способность лица руководить своими действиями, рассматривается как часть правосознания²⁹. Соответственно, лишь обладатель самосознания может иметь действительно собственные цели, интересы, желания, побуждающие его к действию, и т.п.

С учетом изложенного вопрос о правосубъектности робота (СИИ) — в рамках данного подхода — напрямую вытекает из вопроса о наличии у указанных систем самосознания.

Можно ли говорить о наличии у роботов (СИИ) самосознания в настоящее время или в ближайшей перспективе? Прежде всего, здесь необходимо отметить, что само понятие роботов и систем искусственного интеллекта весьма неоднородно, поскольку их существует огромное количество разновидностей, значительно отличающихся друг от друга.

Понятие робота и искусственного интеллекта. Для начала констатируем, что не только в юриспруденции, но и вообще в науке нет единого, общепризнанного понятия «робот». В целом его можно определить как телесный искусственный объект или систему, обладающую способностью физически проявлять себя, в том числе чувствовать, обрабатывать и воздействовать на окружающий мир в некоторой степени³⁰. Существуют различные классификации роботов по различным основаниям³¹, однако общим для всех роботов является наличие хотя

²⁴ Пономарева Е. В. Указ. соч. С. 100.

²⁵ Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 45 ; Бегишев И. Р. Искусственный интеллект и робот как правовые категории // Безопасность бизнеса. 2020. № 6. С. 36.

²⁶ Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М. : Политиздат, 1985. С. 48.

²⁷ Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права). Душанбе : Дониш, 1983. С. 12.

²⁸ Ильин Е. П. Психология воли. 2-е изд. СПб. : Питер, 2009. С. 55.

²⁹ Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 217.

³⁰ Calo R. Robotics and the New Cyberlaw // Californian Law Review. 2015. Vol. 103. No. 3. P. 513.

³¹ Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М. : Инфотропик Медиа, 2018. 232 с.

бы минимальной степени автономности. При этом, хотя не все роботы обладают элементами искусственного интеллекта³², как уже отмечалось нами выше, говорить о признании субъектами (квазисубъектами) права можно только в отношении тех, которые им хотя бы в какой-то степени наделены. Соответственно, вопрос о наличии или об отсутствии самосознания целесообразно ставить и рассматривать именно применительно к СИИ.

Как справедливо отмечает В. А. Лаптев, «понятие “искусственный интеллект” (AI) является одновременно изученной и дискуссионной научной категорией, по-разному определяемой учеными различных специальностей»³³. С технической точки зрения искусственный интеллект представляет собой автоматическое программное управление, при котором алгоритмы не задаются оператором заранее, а создаются внутри системы самостоятельно на основе кодированных описаний различного вида целей, представлений о действиях и информации о внешнем окружении³⁴. С позиций юриспруденции искусственный интеллект — это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе — виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия, обладающая рядом свойств и способностей (свойствами субстантивности и автономности; способностями принимать и реализовы-

вать решения; адаптировать свое поведение, в том числе самообучаться и т.д.)³⁵. Ключевой в дефиниции искусственного интеллекта является способность на определенном уровне воспроизводить мышление человека (именно потому он и именуется интеллектом).

Однако способность моделировать (воспроизводить) интеллектуальную деятельность еще не означает наличия самосознания. Подобное воспроизводство — это именно имитация: СИИ способны в той или иной степени решать задачи, решаемые с помощью человеческого мышления, однако это не значит, что их функционирование аналогично последнему. Искусственный интеллект, даже очень успешно имитирующий человеческий интеллект, всё же может не обладать самосознанием³⁶.

Сильный и слабый искусственный интеллект. Здесь необходимо отметить, что сами СИИ очень разнообразны и существенно различаются применительно к возможностям решения указанных задач. В связи с этим специалисты предлагают различать несколько видов искусственного интеллекта, среди которых чаще всего называют «сильный» и «слабый». Под слабым искусственным интеллектом предлагается понимать исключительно программу, работающую по заданным алгоритмам³⁷, при этом в конкретной сфере его способность к решению задач значительно превосходит человеческое мышление³⁸.

Наиболее неоднозначен вопрос о сущности сильного искусственного интеллекта. Одни исследователи понимают под таковым исключительно такую технологию ИИ, которая по своим

³² Александров О. П., Казахбаева Г. У. Роботы и искусственный интеллект // Наука, техника и образование. 2016. № 12. С. 31–32.

³³ Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 82.

³⁴ Шестак В. А., Волеводз А. Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. С. 198.

³⁵ Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1. С. 94–95.

³⁶ Понкин И. В., Редькина А. И. Указ. соч. С. 97.

³⁷ Сёрл Дж. Открывая сознание заново / пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М. : Идея-Пресс, 2002. 256 с.

³⁸ Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта.

ментальным свойствам и характеру функционирования была бы идентична человеческому сознанию³⁹, то есть не модель человеческого разума, а «сам разум в том же смысле, что и в отношении человека»⁴⁰. Другие понимают интеллект, не имеющий с человеческим ничего общего, но способный решать в совокупности аналогичные по сложности либо более сложные задачи. Третьи — любой интеллект, осознающий себя в качестве самостоятельной личности, независимо от того, будет ли он сопоставим с интеллектом человека или даже будет существенно уступать ему по возможностям интеллектуальной деятельности⁴¹.

Не затрагивая саму суть данной дискуссии, применительно к предмету настоящей статьи отметим, что субъектом права в рамках рассматриваемого подхода к пониманию воли может быть только робот (СИИ), способный мыслить и осознавать себя. Стало быть, таковым может быть лишь сильный искусственный интеллект, обладающий самосознанием.

Однако практически все специалисты сходятся в том, что о существовании сильного искусственного интеллекта говорить преждевременно⁴². Соответственно, в рамках подхода, связывающего волю лица с наличием у него самосознания, существующие роботы (СИИ) никак не могут рассматриваться в качестве субъектов права.

Понятие квазисубъектов права. В то же время вполне обоснованно говорить о признании их квазисубъектами права. Под квазисубъектом права понимается образование, признаваемое законодателем, либо судебной системой, либо правовым сообществом в качестве правообладателя (носителя субъективных

прав) при отсутствии необходимых для участия в правовой коммуникации признаков субъекта права⁴³.

Таким образом, квазисубъект — это определенное правовое явление, за которым на официальном либо доктринальном уровне считается обоснованным признавать отдельные элементы правосубъектности при невозможности придания ему статуса полноценного субъекта права. Квазисубъект в этом плане выступает несомненной искусственной конструкцией, создаваемой для удобства правоприменения.

А. И. Пономарева указывает, что принципиальное отличие субъектов права как участников правовой коммуникации от квазисубъектов заключается в том, что первые обладают не только субъективными правами, но и юридическими обязанностями. «Что касается квазисубъектов права, то по общему правилу они признаются лишь управомоченными, но не обязанными лицами, т.е. в коммуникативном смысле не являются настоящими, действительными субъектами юридических отношений»⁴⁴. Нам, однако, представляется, что приведенный вывод сделан на основе анализа таких традиционно выделяемых квазисубъектов, как нации, трудовые коллективы, семьи и т.п., для которых закрепление именно их прав является действительно важным. Роботы (СИИ), которых, кстати, Е. В. Пономарева также относит к квазисубъектам, являются принципиально иными образованиями, наделение правами которых отнюдь не видится обязательным (хотя и возможным), в то время как закрепление их обязанностей (в неразрывном единстве с вопросами ответственности), вполне очевидно, необходимо. Поэтому, с нашей точки зрения, квазисубъект отли-

³⁹ Searle J. R. Is the Brain's Mind a Computer Program? // Scientific American. 1990. Vol. 262. No. 1. January.

⁴⁰ Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 8.

⁴¹ Bokovnya A. Y. et al. Legal Approaches to Artificial Intelligence Concept and Essence Definition // Revista San Gregorio. 2020. Vol. 41. P. 115–121.

⁴² Canivet G. Les facteurs de transformation du droit // Enjeux numeriques. 2018. Vol. 3. P. 38–43 ; Записная Т. В. О формировании цифрового медицинского права // Медицинское право. 2022. № 1. С. 34–38 ; Добробаба М. Б. Указ. соч.

⁴³ Пономарева Е. В. Указ. соч. С. 8–9.

⁴⁴ Пономарева Е. В. Указ. соч. 10.

чается от субъекта права отсутствием любого из обязательных признаков последнего — какого конкретно, зависит от его специфики.

Обусловлено это тем фактом, что сама по себе правовая конструкция квазисубъекта призвана заменять субъекта права в тех случаях, когда это удобно для правоприменения, однако придание квазисубъекту всех элементов правосубъектности либо нецелесообразно, либо объективно невозможно.

Если говорить о наборе качеств, присущих некоторым роботам (СИИ), несложно увидеть, что при желании на законодательном уровне они могут быть наделены большинством из них (как мы отмечали выше, значительная часть признаков субъекта права носит формально-юридический характер). Собственно, на практике это уже нередко имеет место. Так, В. А. Лаптев констатирует, что, например, промышленный AI-робот может иметь регистрацию (предположим, в Ростехнадзоре) и учетный номер; обладать хозяйственной компетенцией, соответствующей целям его деятельности; обладать имущественной базой, поскольку он априори представляет собой материальную ценность; его можно привлечь к юридической ответственности⁴⁵ и т.д. Нет сомнений, что такой подход будет иметь развитие в законодательстве и далее, что детерминировано необходимостью обеспечения автономности работы наиболее продвинутых роботов (СИИ), разграничением ответственности за их действия и т.д. Однако принципиально невозможным остается наделение робота (ИИ) таким признаком субъекта права, как наличие свободы воли, а также собственных целей и интересов, поскольку данный признак не может быть закреплен за ним чьим-либо решением; применительно к нему законодатель может лишь констатировать его наличие или отсутствие.

Воля как способность к достижению поставленной цели. Вместе с тем рассмотрен-

ный выше подход является абсолютно верным лишь в рамках подходов, согласно которым свобода воли (и вообще наличие воли) увязывается с самосознанием. Однако, как было отмечено выше, в науке существуют и иные подходы к пониманию воли лица. В частности, некоторые специалисты рассматривают данное явление как способность к постановке цели и достижению ее посредством преодоления препятствий⁴⁶; относительно самостоятельный механизм регуляции поведения дееспособного субъекта, которое последовательно осуществляется в правовых пределах и ориентировано на достижение конкретного результата⁴⁷.

В этом ключе, на наш взгляд, вполне можно говорить о наличии воли у робота (СИИ) в силу наличия у него определенных алгоритмов (заданных изначально либо сформированных в рамках его функционирования, в том числе путем самообучения), которые позволяют ему ставить цели и определять необходимые действия для их достижения.

Если же робот (СИИ) в указанном смысле обладает волей к достижению определенных целей, допустимым видится и признание его уже не квазисубъектом, а полноценным субъектом права. Такая возможность тем более актуализируется с учетом процессов эволюции права под воздействием цифровых технологий, в рамках которых могут изменяться в том числе и подходы к самой сущности субъекта права.

Правовые и иные последствия признания роботов (СИИ) субъектами (квазисубъектами) права. В связи с этим, на наш взгляд, уместно поставить вопрос: а в чем, собственно, заключается отличие в последствиях признания робота (СИИ) субъектом либо квазисубъектом права (если ли оно вообще имеется)? Как было показано выше, робота (СИИ) при желании можно формально-юридически наделить всеми признаками субъекта, позволяющими ему при необходимости осуществлять хозяй-

⁴⁵ Лаптев В. А. Указ. соч. С. 88.

⁴⁶ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность / отв. ред. В. К. Райхер. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 36.

⁴⁷ Лазарева О. В. Понятие и структура воли: правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 42.

ственную деятельность, владеть имуществом, обладать деликтоспособностью и т.п. Так есть ли разница, будет ли он числиться субъектом (если при этом будет презюмироваться наличие у него собственной воли в том или ином понимании) либо квазисубъектом права?

Здесь необходимо отметить, что некоторые специалисты высказывают опасения относительно признания роботов (СИИ) субъектами права, мотивируя это тем, что указанное обстоятельство выведет их из-под контроля человека. К примеру, Ю. Н. Харари в своем получившем широкую известность труде «Номо Deus. Краткая история будущего» пишет: «Законы человеческого общества уже признают “субъектами права” интерсубъективные сущности, такие как корпорации и нации. Хотя Toyota или Аргентина не имеют ни тела, ни разума, они являются субъектами международного права, которые могут владеть землей и деньгами, а также привлекать и привлекаться к суду. Не исключено, что в недалеком будущем такой же статус получат и алгоритмы. И тогда ничто не помешает алгоритму сделаться хозяином транспортной империи или венчурного фонда и перестать подчиняться желаниям человеческих особей»⁴⁸. Ссылаясь на эту позицию, А. П. Семитко подчеркивает недопустимость признания искусственного интеллекта субъектом права ни в настоящее время, ни в каком-либо будущем, указывая на угрожающие последствия такого решения для всего человечества⁴⁹.

Нам, однако, подобные опасения видятся сильно преувеличенными. Теоретическая возможность полного выхода роботов (СИИ) из-под контроля человека и ее последствия («бунт машин») достаточно активно дискутируется на страницах философской литературы, а также

в жанре научной фантастики. Не затрагивая вопрос о реалистичности подобного сценария в принципе, отметим, что, на наш взгляд, он никак не может быть обусловлен таким формальным моментом, как признание роботов (СИИ) субъектами права. Вопрос контроля над их «поведением» лежит всё же в технологической сфере, и нам достаточно сложно представить, что конкретная система перестанет подчиняться командам человека только потому, что в нее будет введена информация о том, что с какого-то момента она стала «субъектом права».

По нашему мнению, с точки зрения правовых последствий большего внимания заслуживает вопрос о возможной *необходимости* закрепления за роботами (СИИ) каких-то определенных прав в случае признания их полноценными субъектами права. Логика здесь может основываться на том, что, к примеру, человек как субъект права в рамках современной правовой доктрины является обладателем некоторого объема базовых неотъемлемых прав, таких как право на жизнь, право на правоспособность, право на физическую целостность и т.п.⁵⁰ Возникает вопрос: а не потребуется ли в случае признания робота (СИИ) субъектом права защищать и гарантировать подобные права со стороны государства? Во всяком случае, ряд специалистов называют в связи с этим такие права искусственного интеллекта, как право на функционирование (на «жизнь»); право на энергообеспечение; право на самообучение; право не подвергаться «издевательствам» и др.⁵¹ Разумеется, приведенные «естественные» права признаются в настоящее время отнюдь не за любым субъектом права, а лишь за человеком в качестве такового. Применительно, например, к юридическим лицам

⁴⁸ Харари Ю. Н. Номо Deus. Краткая история будущего. М. : Синдбад, 2019. С. 378.

⁴⁹ Семитко А. П. Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаревой «Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые основы разграничения» // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 1. С. 70.

⁵⁰ Osiatynski W. Human Rights and their Limits. N. Y., 2009. P. 176.

⁵¹ Например: Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 276 ; Ужов Ф. В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 358 ; Баловсяк Н. Право на убийство: есть ли у людей право уничтожать роботов // URL: <https://uip.me/2017/05/people-vs-robots/> (дата обращения: 02.08.2022).

как субъектам правовая доктрина не выделяет какой-то перечень неотъемлемых прав.

Однако, с нашей точки зрения, робот (СИИ) как потенциальный субъект права ближе к физическим лицам, чем к социальным. Юридическое лицо обладает волей лишь как проекцией воли других лиц, в то время как рассуждения о воле и самосознании робота (СИИ) приводят нас к выводу о наличии (либо об отсутствии) указанных элементов у них самих. С этих позиций робот (СИИ) ближе, например, к животным, чем к юридическим лицам.

Между тем дискуссия о наделении животных неотъемлемыми правами как следствие их признания субъектами права ведется достаточно давно и активно⁵², более того, в некоторых странах они уже признаются и защищаются на конституционном уровне. Соответственно, если животные будут отнесены к субъектам права и наделены в этом качестве некоторыми неотъемлемыми правами, государства уже будут *обязаны* эти права обеспечить (в то время как сейчас они лишь по собственному усмотрению ограничивают жестокое обращение с животными). Проводя параллели, подчеркнем, что роботы (СИИ) как субъекты права смогут «pretendовать» на защиту от жестокого обращения и, соответственно, обращаться в государственные органы в случае нарушения данного права.

Впрочем, как мы видим, данный вопрос на концептуальном уровне уходит в сферу био- и, возможно, техноэтики и в этом качестве не может быть решен исключительно в рамках юридической науки. Вместе с тем отметим всё же,

что увязка закрепления неотъемлемых прав с приданием статуса субъекта права нам не кажется бесспорной. Субъект права может наделяться различными правами в различных сферах, однако отнюдь не обязательно признание за ним неких неотъемлемых прав. Наверное, можно признать объективную необходимость (в рамках существующей морали) закрепления указанных прав за системами, относимыми к сильному искусственному интеллекту, в плане обладания ими самосознания и в этом максимально близкими к человеку. Однако, как отмечалось выше, создание таких систем пока вопрос неясной перспективы.

Таким образом, с нашей точки зрения, придание роботам (СИИ) статуса субъекта права не повлечет за собой в обозримом будущем каких-то явных негативных последствий. В то же время не видны и преимущества такого решения по сравнению с рассмотрением роботов (СИИ) в качестве квазисубъектов права. Исходя из философского принципа Оккама не умножать сущности без крайней на то необходимости, мы полагаем, что введение в правовую сферу такого принципиально нового субъекта права, как робот (СИИ), является преждевременным (хотя не исключено, что такая необходимость появится). В то же время существует объективная необходимость признания ряда из них квазисубъектами права, представляющими собой определенную правовую ценность. Всё это также свидетельствует об эволюционных процессах права под воздействием современных цифровых технологий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров О. П., Казахбаева Г. У. Роботы и искусственный интеллект // Наука, техника и образование. — 2016. — № 12. — С. 31–33.
2. Алексеев С. С. Теория государства и права : учебник. — М. : Норма, 2005. — С. 496.
3. Анисимов А. П. Права животных в российском и зарубежном праве // Аграрное и земельное право. — 2016. — № 1 (133). — С. 103–108.

⁵² Фрэнсион Г., Чарльстон А. Права животных: аболюционистский подход // URL: https://veganism.ru/wp-content/uploads/2019/10/Prava_Zhivotnykh_Abolitsionistskiy.pdf (дата обращения: 02.08.2022) ; Анисимов А. П. Права животных в российском и зарубежном праве // Аграрное и земельное право. 2016. № 1 (133). С. 103–108.

4. *Архипов В. В., Наумов В. Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. — 2017. — Т. 6. — № 55. — С. 46–62.
5. *Архипов С. И.* Субъекты права: теоретическое исследование. — СПб., 2004. — 466 с.
6. *Астахов Д. В., Назарова Ю. Ю.* Субъект права как теоретико-правовая и отраслевая категория: генезис сущности и особенности правового статуса // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. — 2013. — № 4. — С. 51–55.
7. *Баловсяк Н.* Право на убийство: есть ли у людей право уничтожать роботов // URL: <https://uip.me/2017/05/people-vs-robots/> (дата обращения: 02.08.2022).
8. *Бегишев И. Р.* Искусственный интеллект и робот как правовые категории // Безопасность бизнеса. — 2020. — № 6. — С. 32–36.
9. Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. — М., 2010. — 704 с.
10. *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность / отв. ред. В. К. Райхер. — М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948. — 839 с.
11. *Витко В.* Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 2. — С. 5–22.
12. *Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А.* Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — № 4. — С. 24–48.
13. *Горохова С. С.* Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. — 2021. — № 6. — С. 60–67.
14. *Добробаба М. Б.* Искусственный интеллект: объект или субъект права? // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки : материалы конференций в рамках X Московской юридической недели : в 5 ч. — М., 2021. — С. 303–308.
15. *Долинская В. В.* Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2012. — № 2. — С. 6–17.
16. *Записная Т. В.* О формировании цифрового медицинского права // Медицинское право. — 2022. — № 1. — С. 34–38.
17. *Иванский В. П.* К определению человека как субъекта права XXI века сквозь призму информационно-квантовой концепции права // Административное право и процесс. — 2016. — № 1. — С. 48–53.
18. *Ильин Е. П.* Психология воли. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 2009. — 368 с.
19. *Иоффе О. С.* Советское гражданское право. — М., 1967. — 494 с.
20. Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. — М. : Юрайт, 2009. — 678 с.
21. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М. : Политиздат, 1985. — 432 с.
22. *Лазарева О. В.* Понятие и структура воли: правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019. — № 4 (129). — С. 38–49.
23. *Лаптев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 2. — С. 79–102.
24. *Марченко Н. М.* Теория государства и права : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2008. — 636 с.
25. *Морхат П. М.* К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. — 2018. — № 4. — С. 1–8.
26. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018. — 420 с.
27. *Незнамов А. В., Смит Б. У.* Робот не виноват! Взгляд из России и США на проблему ответственности за вред, причиненный роботами // Закон. — 2019. — № 5. — С. 135–156.

28. *Ойгензихт В. А.* Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права). — Душанбе : Дониш, 1983. — 256 с.
29. *Покровский И. А.* История римского права. — СПб., 1998. — 555 с.
30. *Понкин И. В., Редькина А. И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». — 2018. — Т. 22. — № 1. — С. 91–109.
31. *Пономарева Е. В.* Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2019. — 208 с.
32. Правоведение : учебное пособие / под ред. С. Н. Попова, Н. А. Ульяновой. — Барнаул : Изд-во АГАУ, 2006. — 323 с.
33. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. — М. : Инфотропик Медиа, 2018. — 232 с.
34. *Семитко А. П.* Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаревой «Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые основы разграничения» // Вестник Гуманитарного университета. — 2020. — № 1. — С. 69–75.
35. *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново / пер. с англ. А. Ф. Грязнова. — М. : Идея-Пресс, 2002. — 256 с.
36. *Серова О. А.* Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы // Гражданское право. — 2018. — № 3. — С. 22–24.
37. Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А. И. Абрамова, С. А. Боголюбов, А. В. Мицкевич [и др.] ; под ред. А. С. Пиголкина. — М. : Городец, 2003. — 544 с.
38. *Ужов Ф. В.* Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 3. — С. 357–360.
39. *Уздимаева Н. И., Козуров А. С.* Субъект права: основные подходы к пониманию // Контентус. — 2020. — № 4. — С. 135–143.
40. *Фрэнсион Г., Чарльстон А.* Права животных: аболюционистский подход // URL: https://veganism.ru/wp-content/uploads/2019/10/Prava_Zhivotnykh_Abolitsionistskiy.pdf (дата обращения: 02.08.2022).
41. *Харари Ю. Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. — М. : Синдбад, 2019. — 492 с.
42. *Честнов И. Л.* Проблема субъекта права в современной юридической науке // Юридическая мысль. — 2007. — Т. 41. — № 3. — С. 90–94.
43. *Чиркин В. Е.* Юридическое лицо публичного права. — М., 2007. — 351 с.
44. *Чубукова С. Г.* Информационная правосубъектность: цифровая трансформация // Информационное право. — 2019. — № 3. — С. 24–28.
45. *Шестак В. А., Волеводз А. Г.* Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — № 2. — С. 197–206.
46. Юридическая концепция роботизации : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. — М. : Проспект, 2019. — 240 с.
47. *Ястребов О. А.* Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения. — 2017. — № 1. — С. 189–203.
48. *Bokovnya A. Y. et al.* Legal Approaches to Artificial Intelligence Concept and Essence Definition // Revista San Gregorio. — 2020. — Vol. 41. — P. 115–121.
49. *Calo R.* Robotics and the New Cyberlaw // Californian Law Review. — 2015. — Vol. 103. — No. 3. — P. 513–563.
50. *Canivet G.* Les facteurs de transformation du droit // Enjeux numeriques. — 2018. — Vol. 3. — P. 38–43.
51. Civil law rules on robotics European Parliament. Legislative Observatory // URL: [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2015/2103\(INL\)](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2015/2103(INL)) (дата обращения: 12.06.2022).
52. *Searle J. R.* Is the Brain's Mind a Computer Program? // Scientific American. — 1990. — Vol. 262. — No. 1. January. — P. 25–31.
53. *Osiatynski W.* Human Rights and their Limits. — N. Y., 2009. — 233 p.

Материал поступил в редакцию 5 августа 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aleksandrov O. P., Kazakhbaeva G. U. Roboty i iskusstvennyy intellekt // Nauka, tekhnika i obrazovanie. — 2016. — № 12. — S. 31–33.
2. Alekseev S. S. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. — M.: Norma, 2005. — S. 496.
3. Anisimov A. P. Prava zhivotnykh v rossiyskom i zarubezhnom prave // Agrarnoe i zemelnoe pravo. — 2016. — № 1 (133). — S. 103–108.
4. Arkhipov V. V., Naumov V. B. Iskustvennyy intellekt i avtonomnye ustroystva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike // Trudy SPIIRAN. — 2017. — T. 6. — № 55. — S. 46–62.
5. Arkhipov S. I. Subekty prava: teoreticheskoe issledovanie. — SPb., 2004. — 466 s.
6. Astakhov D. V., Nazarova Yu. Yu. Subekt prava kak teoretiko-pravovaya i otraslevaya kategoriya: genezis sushchnosti i osobennosti pravovogo statusa // Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsialnaya sfera, tekhnologii. — 2013. — № 4. — S. 51–55.
7. Balovsyak N. Pravo na ubiystvo: est li u lyudey pravo unichtozhat robotov // URL: <https://uip.me/2017/05/people-vs-robots/> (data obrashcheniya: 02.08.2022).
8. Begishev I. R. Iskustvennyy intellekt i robot kak pravovye kategorii // Bezopasnost biznesa. — 2020. — № 6. — S. 32–36.
9. Bolshoy yuridicheskiy slovar / pod red. A. V. Malko. — M., 2010. — 704 s.
10. Venediktov A. V. Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost / otv. red. V. K. Raykher. — M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. — 839 s.
11. Vitko V. Analiz nauchnykh predstavleniy ob avtore i pravakh na rezultaty deyatelnosti iskusstvennogo intellekta // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2019. — № 2. — S. 5–22.
12. Gadzhiev G. A., Voynikanis E. A. Mozhet li robot byt subektom prava (poisk pravovykh norm dlya regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki)? // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. — 2018. — № 4. — S. 24–48.
13. Gorokhova S. S. Tekhnologii na osnove iskusstvennogo intellekta: perspektivy i otvetstvennost v pravovom pole // Yurist. — 2021. — № 6. — S. 60–67.
14. Dobrobaba M. B. Iskustvennyy intellekt: obekt ili subekt prava? // Novelly Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i zadachi yuridicheskoy nauki: materialy konferentsiy v ramkakh X Moskovskoy yuridicheskoy nedeli: v 5 ch. — M., 2021. — S. 303–308.
15. Dolinskaya V. V. Pravovoy status i pravosubektnost // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2012. — № 2. — S. 6–17.
16. Zapisnaya T. V. O formirovanii tsifrovogo meditsinskogo prava // Meditsinskoe pravo. — 2022. — № 1. — S. 34–38.
17. Ivanskiy V. P. K opredeleniyu cheloveka kak subekta prava XXI veka skvoz prizmu informatsionno-kvantovoy kontseptsii prava // Administrativnoe pravo i protsess. — 2016. — № 1. — S. 48–53.
18. Ilin E. P. Psikhologiya voli. — 2-e izd. — SPb.: Piter, 2009. — 368 s.
19. Ioffe O. S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo. — M., 1967. — 494 s.
20. Korporativnoe pravo: aktualnye problemy teorii i praktiki / pod obshch. red. V. A. Belova. — M.: Yurayt, 2009. — 678 s.
21. Kratkiy psikhologicheskii slovar / sost. L. A. Karpenko; pod obshch. red. A. V. Petrovskogo, M. G. Yaroshevskogo. — M.: Politizdat, 1985. — 432 s.
22. Lazareva O. V. Ponyatie i struktura voli: pravovoy aspekt // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2019. — № 4 (129). — S. 38–49.
23. Laptev V. A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. — 2019. — № 2. — S. 79–102.
24. Marchenko N. M. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. — 2-e izd., pererab. i dop. — M., 2008. — 636 s.
25. Morkhat P. M. K voprosu o pravosubektnosti «elektronnogo litsa» // Yuridicheskie issledovaniya. — 2018. — № 4. — S. 1–8.
26. Morkhat P. M. Pravosubektnost iskusstvennogo intellekta v sfere intellektualnoy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2018. — 420 s.

27. Neznamov A. V., Smit B. U. Robot ne vinovat! Vzgl'yad iz Rossii i SShA na problemu otvetstvennosti za vred, prichinnenny robotami // *Zakon*. — 2019. — № 5. — С. 135–156.
28. Oygenzikht V. A. Vol'ya i voleizyavlenie (Ocherki teorii, filosofii i psikhologii prava). — Dushanbe: Donish, 1983. — 256 s.
29. Pokrovskiy I. A. Istoriya rimskogo prava. — SPb., 1998. — 555 s.
30. Ponkin I. V., Redkina A. I. Iskustvennyy intellekt s tochki zreniya prava // *Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. — 2018. — Т. 22. — № 1. — С. 91–109.
31. Ponomareva E. V. Subekty i kvazisubekty prava: teoretiko-pravovye problemy razgranicheniya: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2019. — 208 s.
32. *Pravovedenie: uchebnoe posobie* / pod red. S. N. Popova, N. A. Ulyanovoy. — Barnaul: Izd-vo AGAU, 2006. — 323 s.
33. *Regulirovanie robototekhniki: vvedenie v «robopravo»*. Pravovye aspekty razvitiya robototekhniki i tekhnologii iskustvennogo intellekta / pod red. A. V. Neznamova. — M.: Infotropik Media, 2018. — 232 s.
34. Semitko A. P. Retsenziya na dissertatsiyu E. V. Ponomarevoy «Subekty i kvazisubekty prava: teoretiko-pravovye osnovy razgranicheniya» // *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*. — 2020. — № 1. — С. 69–75.
35. Serl Dzh. Otkryvaya soznanie заново / per. s angl. A. F. Gryaznova. — M.: Ideya-Press, 2002. — 256 s.
36. Serova O. A. Roboty kak uchastniki tsifrovoy ekonomiki: problemy opredeleniya pravovoy prirody // *Grazhdanskoe pravo*. — 2018. — № 3. — С. 22–24.
37. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov* / A. I. Abramova, S. A. Bogolyubov, A. V. Mitskevich [i dr.]; pod red. A. S. Pigolkina. — M.: Gorodets, 2003. — 544 s.
38. Uzhov F. V. Iskustvennyy intellekt kak subekt prava // *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*. — 2017. — № 3. — С. 357–360.
39. Uzdimaeva N. I., Kozurov A. S. Subekt prava: osnovnye podkhody k ponimaniyu // *Kontentus*. — 2020. — № 4. — С. 135–143.
40. Frenson G., Charlton A. Prava zhivotnykh: abolyutsionistskiy podkhod // URL: https://veganism.ru/wp-content/uploads/2019/10/Prava_Zhivotnykh_Abolitsionistskiy.pdf (data obrashcheniya: 02.08.2022).
41. Kharari Yu. N. Nomo Deus. Kratkaya istoriya budushchego. — M.: Sindbad, 2019. — 492 s.
42. Chestnov I. L. Problema subekta prava v sovremennoy yuridicheskoy nauke // *Yuridicheskaya mysl*. — 2007. — Т. 41. — № 3. — С. 90–94.
43. Chirkin V. E. Yuridicheskoe litso publichnogo prava. — M., 2007. — 351 s.
44. Chubukova S. G. Informatsionnaya pravosubektnost: tsifrovaya transformatsiya // *Informatsionnoe pravo*. — 2019. — № 3. — С. 24–28.
45. Shestak V. A., Volevodz A. G. Sovremennye potrebnosti pravovogo obespecheniya iskustvennogo intellekta: vzglyad iz Rossii // *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. — 2019. — № 2. — С. 197–206.
46. *Yuridicheskaya kontseptsiya robotizatsii: monografiya* / otv. red. Yu. A. Tikhomirov, S. B. Nanba. — M.: Prospekt, 2019. — 240 s.
47. Yastrebov O. A. Diskussiya o predposylkakh dlya prisvoeniya robotam pravovogo statusa «elektronnykh lits» // *Voprosy pravovedeniya*. — 2017. — № 1. — С. 189–203.
48. Bokovnya A. Y. et al. Legal Approaches to Artificial Intelligence Concept and Essence Definition // *Revista San Gregorio*. — 2020. — Vol. 41. — P. 115–121.
49. Calo R. Robotics and the New Cyberlaw // *Californian Law Review*. — 2015. — Vol. 103. — No. 3. — P. 513–563.
50. Canivet G. Les facteurs de transformation du droit // *Enjeux numeriques*. — 2018. — Vol. 3. — P. 38–43.
51. Civil law rules on robotics European Parliament. Legislative Observatory // URL: [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2015/2103\(INL\)](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2015/2103(INL)) (data obrashcheniya: 12.06.2022).
52. Searle J. R. Is the Brain's Mind a Computer Program? // *Scientific American*. — 1990. — Vol. 262. — No. 1. January. — P. 25–31.
53. Osiatynski W. Human Rights and their Limits. — N. Y., 2009. — 233 p.

Особенности институтов информированного согласия и права собственности при правовом регулировании отношений, связанных с биологическим материалом человека

Аннотация. Статья содержит анализ правового регулирования отношений, складывающихся по поводу биологического материала человека, в частности вопросов права собственности. Детально изучены некоторые примеры зарубежной судебной практики, которые позволяют оценить процесс формирования международного и национального законодательства, регулирующего данные отношения. Рассмотрены аспекты правового регулирования деятельности биобанков по вопросам хранения, передачи и утилизации биологического материала человека, а также получения информированного согласия. Ставится вопрос о необходимости разграничения правового регулирования в связи с конкуренцией права собственности на биологический материал человека с субъективным правом на неприкосновенность частной жизни и личности. Сделан вывод о необходимости найти баланс с учетом увеличения логистической возможности получения и передачи биологического материала, включая международную передачу, а также особенностей получения генетической и геномной информации, обмена и распространения результатов исследований и интернационализации исследований.

Ключевые слова: право частной собственности; биологический материал человека; геномная информация; биобанк; информированное согласие; претензионная медицина; биоэтика; биомедицина; неприкосновенность частной жизни; права и свободы человека и гражданина.

Для цитирования: Пестрикова А. А., Смorchкова Л. Н. Особенности институтов информированного согласия и права собственности при правовом регулировании отношений, связанных с биологическим материалом человека // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 110–120. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.110-120.

© Пестрикова А. А., Смorchкова Л. Н., 2022

* Пестрикова Анастасия Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета
Белорусская ул., д. 14, г. Тольятти, Россия, 445020
anastasia801@yandex.ru

** Смorchкова Лариса Николаевна, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН
ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019
l.smorchkova@mail.ru

Features of Institutions of Informed Consent and Property Rights in Legal Regulation of Relations Related to Human Biological Material

Anastasia A. Pestrikova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law of Togliatti State University
ul. Belorusskaya, d. 14, Togliatti, Russia, 445020
anastasia801@yandex.ru

Larisa N. Smorchkova, Dr. Sci. (Law), Leading Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
ul. Znamenka, 10, Moscow, Russia, 119019
l.smorchkova@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the legal regulation of relations that are developing regarding human biological material, in particular issues concerning property rights. Some examples of foreign judicial practice have been studied in detail, which allow the authors to assess the process of formation of international and national legislation regulating these relations. The author examines aspects of the legal regulation of biobanks' activities regarding storage, transfer and disposal of human biological material, as well as obtaining informed consent. The question is raised about the need to differentiate legal regulation in connection with the competition between the ownership of human biological materials between the right to privacy and personality. It is concluded that it is necessary to find a balance taking into account the increase in logistical possibility of obtaining and transferring biological material, including international transfer, as well as peculiarities of obtaining genetic and genomic information, exchange and dissemination of research results and internationalization of research.

Keywords: private property right; human biological material; genomic information; biobank; informed consent; claim medicine; bioethics; biomedicine; privacy; human and civil rights and freedoms.

Cite as: Pestrikova AA, Smorchkova LN. Osobennosti institutov informirovannogo soglasiya i prava sobstvennosti pri pravovom regulirovanii otnosheniy, svyazannykh s biologicheskim materialom cheloveka [Features of Institutions of Informed Consent and Property Rights in Legal Regulation of Relations Related to Human Biological Material]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):110-120. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.110-120. (In Russ., abstract in Eng.).

Мировая медицина давно активно использует биологический материал человека в различных целях, в том числе в научно-исследовательских, но вопрос о праве собственности на такого рода объекты материального мира и, соответственно, о пределах прав биологического владельца (донора) на полученные результаты его использования всё еще остается открытым и в международном праве, и в ведущих национальных правовых системах.

В становлении правоотношений в этой сфере очень показательна история Генриетты Лакс. В 1950 г. она посетила медицинский центр Джона Хопкинса для лечения рака шейки матки. В ре-

зультате некоторые из ее клеток были использованы для создания одной из самых научно ценных и финансово прибыльных клеточных линий, которые и сегодня применяются в лабораториях. Ее клеточная линия была положена в основу разработки вакцины против полиомиелита, а также задействована в противораковых исследованиях, в получении отдельных научных результатов экстракорпорального оплодотворения, генетики и клонирования. Согласие на дальнейшее использование клеток у Генриетты Лакс не брали, поскольку в то время правил об информированном согласии на использование биологического материала человека еще не существовало¹.

¹ Javitt G. Why Not Take All of Me? Reflections on the Immortal Life of Henrietta Lacks and the Status of Participants in Research Using Human Specimens // *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 731–734.

В 1981 г. в США появились Общие правила, которые применялись ко всем исследованиям с участием людей. Согласно Общим правилам исследователь должен был предоставить субъекту исследования информацию о рисках и выгодах и получить его согласие, которое касалось только субъекта исследования и не охватывало последующее использование и исследования с биологическим материалом человека². Кроме того, данные правила не применялись в отношении трупов и неидентифицированных, анонимных или общедоступных образцов.

Случай Генриетты Лакс привел к дебатам при пересмотре Общих правил. Профессор Центра биоэтики и социальных наук Мичиганского университета отметил, что не все образцы биологического материала одинаковые, часто клеточные линии берутся у больных раком. Образцы должны быть сохранены и культивированы как можно скорее после их извлечения, и это дает мало возможностей для получения информированного согласия, поскольку люди уделяют больше внимания рискам в результате операции, а не рискам, связанным с дальнейшими научными исследованиями и использованием образцов биологического материала.

В 2015 г. в Общие правила были внесены изменения, призванные расширить толкование понятия «субъект исследования», чтобы охватить биологические материалы человека независимо от возможности их идентификации. Это еще одна проблема — информированное согласие часто связано с идентификацией донора. Но какие образцы считать идентифицируемыми, если в настоящее время с помощью технологии генетического секвенирования можно идентифицировать любую ткань и клетку?

Если любой образец считать идентифицированным, то теоретически донор может в любой момент отозвать его. Но исследования часто стоят десятки тысяч долларов и проводятся в течение десятилетий, абсолютное право донора на отзыв

своего образца биологического материала делает невозможным любые исследования. Многие ученые придерживаются позиции, что они вкладывают свое время и труд в создание клеточных линий, поэтому они вправе рассчитывать именно на имущественные интересы. Право должно определить баланс между частной жизнью и ценностью для науки и общества биологического материала, взятого у донора с его согласия.

Если исходить из позиции, что любой биологический материал может быть идентифицирован, то право донора на его отзыв и необходимость получения информированного согласия приведет к невозможности проводить любые исследования. Мелисса Голдштейн, профессор биоэтики, права и политики Университета Дж. Вашингтона, участник дебатов по пересмотру Общих правил, предполагает, что проблема конфиденциальности в исследованиях биологического материала человека должны решаться так же, как и в других областях, где правительство или корпорации собирают огромные объемы персональных данных (например, авиакомпании, социальные сети и т.п.). По закону они обязаны проводить оценку риска, в ходе которой они оценивают вероятность нарушения конфиденциальности данных и устанавливают меры безопасности. Оценка риска, по ее словам, должна проводиться для всех видов биологического материала человека, а не только в отношении определенных видов тканей или клеток.

Для описания сбора и хранения биологического материала человека используются различные термины: «биобанки», «биореакторы», «генетические базы данных», «базы данных исследований человека» и др. Европейский совет определил биобанк как сбор биологического материала, который имеет популяционную основу, создан для представления биологических материалов и данных, включающих персональные данные, которые могут включать медицинскую и генетическую информацию, для исследовательских проектов³.

² 45 c.F. R. Section 46 (2009). См. также: *Belisle J. Recognizing a Quasi-Property Right in Biomaterials // UC Irvine Law Review. 2013. Vol. 3. No. 3. P. 778.*

³ Recommendation Rec(2006)4 of the Committee of Ministers to member states on research on biological materials of human origin and its Explanatory Memorandum (adopted by the Committee of Ministers on 15 March 2006 at the 958th meeting of the Ministers' Deputies).

В настоящее время биобанки превращаются в исследовательскую платформу, в рамках которой могут проводиться будущие исследования при развитии науки и технологий на основе уже имеющегося биологического материала человека. Отношения, возникающие в связи с таким использованием, включают в себя множество субъектов. Это не только доноры и исследователи, но также конечные пользователи полученных исследований (финансируемые на уровне как государства, так и частного бизнеса), а также клиницисты при применении результатов в медицинской практике. В связи с этим возникает множество вопросов, требующих правового разрешения: вывод участников и доноров из отношений по хранению, использованию и передаче биоматериала человека, владение и контроль за сбором образцов и информацией, коммерциализация хранения, использования и передачи биоматериалов, включая распределение прибыли, и др.

Прогресс в медицине зависит от инноваций и применения результатов лабораторных исследований в клинической практике. Поэтому исследователи нуждаются в биологическом материале и использовании его в различных целях не только в момент сбора, но и в последующем. Правовое регулирование должно и обеспечивать возможность для проведения исследований, и защищать интересы доноров биологического материала, четко разграничивать личный и общественный интерес. Поэтому биобанки обладают потенциалом для развития науки и медицины, предоставляя возможность сбора и обмена (включая международный обмен, что особенно важно при исследовании редких болезней) биоматериалов. А обмен биологическим материалом возможен только при условии, что все участвующие стороны применяют общие методы сбора, хранения и маркировки образцов, а также способы обработки и передачи данных.

Развитие генной инженерии и генных технологий, упрощение и снижение стоимости генетических манипуляций с биологическим

материалом человека ставит новые задачи для строгого регулятивного и организационного контроля — необходимо принимать во внимание правовые, этические и социальные ограничения. Залогом успешности системы управления биобанками и международным обменом биологическим материалом человека являются единообразие и обеспечение качества сбора и хранения биоматериала, прозрачность при принятии решений и использовании полученных результатов исследований, практика проведения исследований в соответствии с этикой и законом, эффективность регулятивных и охранительных правовых норм.

В настоящее время отсутствует единый международный стандарт, каждая страна устанавливает свои правила регулирования деятельности биобанков, а также отношений, связанных с получением, хранением, передачей, использованием и утилизацией биологического материала человека. Расхождения в законодательном регулировании между странами препятствуют эффективному сотрудничеству биобанков и развитию сетей, а значит, есть угроза для защиты данных и сбора биологического материала человека. Важно разработать руководящие принципы для распространения и обмена образцами и данными, которые будут соответствовать международным и этическим нормам, обеспечивать безопасность прав собственности, включая интеллектуальную собственность, обеспечивать доступность данных и материалов для научного сообщества по всему миру.

Примером такого сотрудничества может стать европейский проект BBMRI, целью которого является создание управляемой сети всех европейских биобанков⁴. BBMRI стремится гармонизировать стандарты, касающиеся сбора, хранения и анализа образцов, синхронизировать сбор данных и соответствующую инфраструктуру для баз данных, обеспечить правовое сопровождение и финансовую основу биобанков. На подготовительном этапе был создан список биобанков, который включал 250 центров из 21 европейской страны и представил более

⁴ Roazzi P., Benedetto C. D., Bravo E., D'Agnolo G. Biobank Networking: The European Network Initiative and the Italian Participation // Biopreserv Biobank. 2001. No. 9. P. 175–179.

16 млн образцов для исследовательских целей в международном сообществе⁵.

Как международное, так и национальное правовое регулирование должно обеспечить соотношение и слаженную систему институтов собственности, конфиденциальности, защиты частной жизни и неприкосновенности личности. Одним из важнейших аспектов является разработка информированного согласия, которое обеспечит защиту прав донора при хранении и передачи его образцов. В нем должны быть учтены потенциальные выгоды и риски, методы и способы проведения исследований с биологическим материалом, порядок его использования, посмертное использование, вопросы конфиденциальности информации, варианты отказа и другие вопросы.

Информированное согласие является краеугольным камнем этического проведения исследований с участием людей. Исходя из этического принципа уважения личности, цель информированного согласия состоит в том, чтобы субъекты были осведомлены о рисках и потенциальных выгодах и приняли добровольное решение об участии в исследовании. Однако достижения в области генетических и геномных исследований, в частности растущее появление крупномасштабных популяционных исследований и геномных баз данных, поставили под сомнение традиционные концепции информированного согласия.

Определение модели информированного согласия при обмене биологическими образцами и данными человека остается проблемой в контексте совместных международных исследований. Примером являются геномные исследования и биобанкинг в Африке, при проведении которых используется практика получения широкого согласия на все проводимые и будущие исследования.

Так, в процессе геномного исследования в районах Кассена-Нанкана в 2016 г. (проект H3

Africa AWI-Gen, приняли участие 126 человек) использовался трехэтапный процесс получения согласия: во-первых, первоначальный контакт с потенциальными участниками на уровне сообщества, чтобы проинформировать и пригласить заинтересованных к дальнейшему участию; во-вторых, групповые обсуждения со всеми потенциальными участниками, в которых разъясняют суть проекта; в-третьих, индивидуальное информированное согласие на участие в проекте или отказ от него. Но по итогам работы оказалось, что многие участники не в полной мере осознали суть проекта, их образцы биологического материала были использованы в других целях или переданы на хранение⁶.

С учетом сложности проведения такого рода исследований и коммуникативных барьеров существует необходимость укрепления культурной компетентности и языковых навыков при взаимодействии с различными категориями субъектов исследований. При разработке эффективного процесса информированного согласия для геномных исследований исследователи должны учитывать информацию, которая может понадобиться участникам для понимания рисков и потенциальных выгод участия в исследовании с учетом культурного контекста или других особых обстоятельств участников (включая язык, грамотность и отношение к согласию и участию в исследованиях).

Интересным примером служит история с получением информированного согласия у членов племени хавасупай, которые с 1990 г. добровольно сдавали образцы крови исследователям из Университета штата Аризона, чтобы определить генетическую предрасположенность к диабету. Данная взаимосвязь не была установлена. Образцы были использованы для проведения других исследований, в частности шизофрении, инбридинга, географического происхождения племени, хотя данные исследования угрожали культурным и религиозным ценностям пле-

⁵ Kunst A. E. Socioeconomic inequalities in health in Central and Eastern Europe: synthesis of results of eight new studies // *Int J Public Health*. 2009. No. 54. P. 197–200.

⁶ Tindana P., Depuur C., Vries J. de, Seeley J., Parker M. Informed consent in genomic research and biobanking: taking feedback of findings seriously // *Global Bioethics*. 2020. № 31. P. 200–215. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/11287462.2020.1717896>.

мени. В частности, было доказано, что предки племени мигрировали из Азии через замерзшее Баренцево море, что противоречило традиционной религиозной вере о возникновении племени в Большом каньоне и могло подорвать право на племенные земли⁷.

В 2005 г. был подан иск против исследователей Университета штата Аризона. Истцы утверждали о нескольких правонарушениях: отсутствие информированного согласия, искажение информации, мошенничество, умышленное и небрежное причинение эмоционального расстройства, нарушение гражданских прав и халатность и др. Истцы также утверждали, что дали информированное согласие только для исследований диабета, но не на другие исследования. Суд отказал в иске, указав, что было получено общее информированное согласие на исследования «для изучения причин поведенческих и медицинских расстройств».

Данное дело показало все пробелы института информированного согласия. Если нет понуждения и передача образцов была добровольной, то информированное согласие формально присутствует, даже если цели получения и использования образцов искажены, изменены, четко не определены. Один из исследователей заявил, что они просто занимались научными изысканиями и форма информированного согласия была максимально упрощена для представителей племени, для которых английский язык является вторым языком и многие из 650 членов племени окончили только среднюю школу⁸. В итоге суд отклонил все претензии истцов, дело было морально оправдано только в 2010 г., когда Университет штата Аризона выплатил 700 000 долл. 41 члену племени, вернул оставшиеся образцы крови, а также предоставил стипендии и оказал помощь в создании клиники.

Институт информированного согласия должен соотноситься с институтом права собственности, чтобы выстроить концепцию правового регули-

рования общественных отношений с биологическим материалом человека. Юридические и этические вопросы, связанные с правом собственности на биологический материал, — это второй наиважнейший аспект, требующий решения при выработке универсальных принципов правового регулирования. Следует ли рассматривать биологический материал человека как объект гражданских прав или только как субъективное право на неприкосновенность частной жизни и личности? Утрачиваются ли права на него при отказе донора от биологического материала и передаче его другому субъекту или возможно расщепление правомочий?

История Генриетты Лакс, описанная в начале статьи, не единственная. Право собственности на биологический материал человека остается открытым вопросом как национальных правовых системах, так и в наднациональном праве. В одних случаях биологический материал человека признается объектом собственности, в других он характеризуется через субъективные права на неприкосновенность частной жизни. Наибольшее количество ярких примеров различных подходов к решению этой проблемы дает нам юридическая практика США.

Классическим по вопросам права собственности на биологический материал человека стало так называемое дело Мура, штат Калифорния. Суд не признал клетки селезенки Мура его собственностью, клеточная линия, полученная на их основе, была признана собственностью исследователей, которые запатентовали ее и получили прибыль. Особо следует подчеркнуть, что суд признал собственностью исследователей и ген, полученный из клеток селезенки Мура, поскольку они его выявили и выделили⁹.

Еще один пример показывает непоследовательность нормативного регулирования отношений собственности и института получения информированного согласия. В штате Техас в процессе реализации программы скрининга крови новорожденных собирались образцы

⁷ Harmon A. Indian Tribe Wins Fight to Limit Research of Its DNA // New York Times. April 21, 2010.

⁸ Tilousi v. Arizona State Univ. Bd. of Regents, No. 04-CV-1290, 2005 WL 6199562, at *1, *3 (D. Ariz., March 3, 2005).

⁹ Moore v. Regents of the University of California, 793 p. 2d 479 (Cal. 1990).

крови, часто без уведомления родителей, с целью выявления и лечения различных генетических заболеваний. Однако Техас и некоторые другие штаты стали хранить образцы крови в течение неопределенного срока и сделали их доступными для других исследований. Группа родителей предъявила иск в суд на агентство здравоохранения штата за нарушение прав на неприкосновенность частной жизни и свободу, так как образцы крови содержат личную медицинскую и генетическую информацию¹⁰. В результате судебного разбирательства в штате Техас был принят закон, предусматривающий возможность родителей отказаться от проведения исследований. Суд также обязал в течение 70 дней уничтожить 5 млн образцов крови, взятых у новорожденных за последние 7 лет.

В аналогичном иске в штате Миннесота Верховный суд штата постановил, что использование образцов крови новорожденных для исследований без получения письменного информированного согласия нарушает Закон о генетической конфиденциальности¹¹. Тем не менее общего законодательного подхода к данным вопросам так и не сложилось и нормативное регулирование отличается от штата к штату¹². В некоторых штатах США образцы крови признаются собственностью штата, в других департаменту здравоохранения предоставляются полномочия на использование образцов крови, но право собственности при этом не обозначается конкретно¹³.

Не всё ясно с правом собственности на биологический материал человека даже в тех случаях, когда он является объектом сделки купли-продажи. Штат Калифорния, например, признает куплю-продажу яйцеклеток только в целях лечения бесплодия, но не для иссле-

довательских целей¹⁴. В 1995 г. в Калифорнийском университете врачи незаконно присваивали яйцеклетки женщин, обратившихся за лечением бесплодия, и передавали их другим пациентам. Прокуроры не смогли выдвинуть обвинение за кражу, так как яйцеклетки не признаются законодательством как объект права собственности. В результате был принят специальный закон, предусматривающий ответственность в виде штрафа до 50 000 долл. за кражу человеческих яйцеклеток и лишение свободы до 5 лет за преднамеренную передачу человеческой спермы, яйцеклеток или эмбрионов без письменного согласия доноров и реципиентов¹⁵.

Чтобы предложить правовое решение дилеммы о праве собственности на биологический материал человека, необходимо обратиться к сущности ее правовой природы с тем пониманием, что большинство развитых национальных правовых систем признают первичность, абсолютность, полноту, публичность, самостоятельность и независимость права собственности от других прав. И потому выработанный в настоящей работе подход можно использовать как для развития правового регулирования общественных отношений, связанных с оборотом биологического материала человека и использования его для научных исследований, в России, так и для унифицированного международного правового регулирования.

В основе понимания права собственности в государствах романо-германской правовой семьи лежит классическая триада — правомочия владения, пользования, распоряжения. Эта триада является скорее продуктом европейской средневековой юриспруденции, а не римского частного права. Но не набор правомочий собственника в отношении тех или иных объектов

¹⁰ Beleno v. Texas Dept. of State Health Services, U. S. District Court for W. Dist. Texas (March 2009).

¹¹ Bearder v. Minnesota, 806 N.W. 2d 766 (Minn. 2011).

¹² Suter S. Did You Give the Government Your Baby's DNA? Rethinking Consent in Newborn Screening // Minnesota Journal of Health Law, Science & Technology. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 729–790.

¹³ Lewis M. H. et al. State Laws Regarding the Retention and Use of Residual Newborn Screening Blood Samples // Pediatrics. 2011. Vol. 127. No. 4. P. 703–712.

¹⁴ Rao R. Coercion, Commercialization, and Commodification: The Ethics of Compensation for Egg Donors in Stem Cell Research // Berkeley Technology Law Journal. 2006. Vol. 21. No. 3. P. 1055–1066.

¹⁵ Bailey E. Wilson Signs Bill Making Theft of Human Eggs a Crime // LA Times. September 26, 1996.

определяет абсолютность его сущности и отличает право собственности от всех других вещных и обязательственных прав.

Согласно философии собственности Гегеля, право собственности производно только от воли, оно обуславливает объективацию свободной воли в наличном бытии — в обладании собственностью как своей¹⁶. Сходные идеи высказывались русскими дореволюционными идеологами правовой мысли — Н. А. Бердяевым, В. С. Соловьевым, Б. Н. Чичериным¹⁷.

Применительно к пониманию права собственности в советский период академик А. В. Венедиктов также говорил о сведении собственного волевого момента к воле собственника (преимущественно государства в тот исторический период)¹⁸. Вопрос о том, в чем распоряжении находятся те или иные объекты, ставится прежде всего как проблема юридически закрепленной правопорядком за тем или иным субъектом власти над этими объектами¹⁹. И только право собственности осуществляется своей властью и в своих интересах, в отличие от всех других вещных и обязательственных прав.

Эта же точка зрения находит свое отражение и в современных российских научных трудах в области права собственности. Так, Е. А. Суханов считает, что правомочия собственника устраняют, исключают всех других лиц от какого-либо воздействия на принадлежащее ему имущество, если на то нет его воли²⁰. К. И. Скловский видит сущность собственности в проявлении в ней личности собственника, его воли и интересов²¹.

Таким образом, можно обобщить, что правовую природу права собственности составляет воля собственника, его власть над определенными объектами материальной действительности, проявляя которую он распоряжается ими и тем самым реализует свои интересы. Данную

концепцию можно использовать для понимания права собственности человека как донора его биологического материала.

Безусловно, обладая правом собственности на все составляющие части своего биологического тела, человек, преследуя какие-либо свои интересы (от спасения своей жизни или жизни близкого родственника до получения материального вознаграждения), вправе распорядиться отделяемыми без ущерба своему здоровью биологическими материалами. При этом не должно иметь значения, свободно отделяемыми являются эти биологические материалы (слюна, сперма, волосы) либо для их получения необходимы медицинские манипуляции (кровь, клетки, органы, ткани и др.). Условия, на которых донор готов это сделать, должны в полной мере отражать его интерес в отчуждении.

При признании человека собственником своего биологического тела и его составляющих конкуренция права собственности на биологический материал человека с субъективным правом на неприкосновенность частной жизни и личности приобретает совсем другое видение. Ведь донор, выражая свою волю на получение от него биологического материала, тем самым выражает волю на доступ к его биологической личности и всей информации, которую может нести его биологический материал. Тем самым добровольно он ограничивает конфиденциальность и неприкосновенность частной жизни, но опять-таки исключительно на условиях, обговоренных в полной мере.

В качестве юридического инструмента, призванного устранить противоречия и не допустить последующие правовые коллизии, как раз и применяется институт информированного согласия. С точки зрения потенциального донора, сбор и хранение биологического материала

¹⁶ Гегель Г.-В.-Ф. Философия права. М., 1990. С. 52.

¹⁷ См., например: Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998; Русская философия собственности XVIII–XX вв.: сборник. СПб.: Ганза, 1993.

¹⁸ Венедиктов А. В. Право государственной социалистической собственности // Вопросы советского гражданского права. М., Л., 1945. С. 77, 106.

¹⁹ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. С. 175.

²⁰ Суханов Е. А. Право собственности в гражданском кодексе // Закон. 1995. № 11. С. 23.

²¹ См.: Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. М.: Дело, 2000. С. 132–144.

человека для целей медицинских исследований всегда требует четко определенной цели на индивидуальной основе, которая соответствовала бы интересу донора. Следовательно, цель сбора, хранения и использования биологического материала должна быть как можно конкретнее обозначена при получении информированного согласия донора. Цель может быть выражена конкретно в отношении одного субъекта и одного использования, может быть выражена в отношении использования биоматериала для комплекса исследований.

Но нельзя исключать использование биоматериала в общественных интересах отдельного государства или всего человечества в целом. И такая цель также может отвечать интересам потенциального донора и предопределять его волю на передачу своего биоматериала. Но использование биоматериала в общественных интересах требует иной формы информированного согласия и иного правового регулирования отношений по передаче, хранению, использованию биологического материала человека, включая трансграничную передачу.

Если используется модель общего или широкого согласия, донор должен быть проинформирован о возможности использования его биологического материала, включая возможность проведения трансграничных медицинских и научных исследований. Однако важно и при таком подходе оставить возможность для исключения отдельных видов использования и передачи. Изменение объема и цели использования биоматериала человека требует получения повторного согласия, но, как представляется, исключением может быть невозможность получения повторного согласия в силу объективных причин (смерть донора и невозможность идентифицировать наследников, невозможность определить местонахождение донора по истечении определенного срока), а также в случае, если научный интерес или потенциальная медицинская польза от использования биоматериала человека перевешивают интересы донора.

В зависимости от полученного информированного согласия и планируемых научных или медицинских исследований должен определяться и срок хранения биологического мате-

риала человека: он может храниться определенный период или бессрочно. Поэтому важно в информированном согласии определить возможность отозвать свое согласие. Правовые последствия отзыва согласия на использование и хранение биологического материала должны быть также определены. Это либо анонимизация образцов, либо полное уничтожение и образцов, и связанных с ними данных.

Но важно учитывать, что не могут быть удалены данные завершенных исследований или опубликованных результатов исследований, то есть открытый и международный обмен результатами исследований, проводимых с биологическим материалом человека, является также гарантией правомерного использования биоматериала.

Таким образом, на биологический материал человека, отделенный и переданный в целях, четко определенных и зафиксированных в информированном согласии, у добровольно подписавшего его донора не может сохраниться право собственности. Ведь он абсолютно определенно выразил свою волю на отчуждение объекта своей собственности — какого-либо рода биологического материала и передал его в безвозмездном или возмездном (материально или получением встречной услуги) порядке.

Но у донора сохраняется право на неприкосновенность частной жизни и свободу личности в части, не оговоренной целями передачи биоматериала в информированном согласии. Поэтому изымать из биологического материала человека какую-либо индивидуализирующую его информацию (биологического, медицинского или генетического характера, например) за рамками целей, закрепленных в информированном согласии, и использовать ее вне проводимых исследований, тем самым нарушая конфиденциальность, недопустимо. Даже когда этого требуют продолжающиеся научные исследования или иные общественные интересы и независимо от того, кому принадлежит право собственности на биологический материал.

Важность информированного согласия становится всё более очевидной из-за роста биобанков и их роли в персонализации медицины. Спор относительно клеток Генриетты Лакс в

наше время невообразим. Усиление контроля за сбором и хранением биологического материала человека приводит, с одной стороны, к более планомерной защите, а с другой — к замедлению развития науки и медицины. Необходим баланс с учетом увеличения логистической возможности получения и передачи биологического материала, получения генетической и геномной информации, обмена и распространения результатов исследований, а также интерна-

ционализации исследований. Этические и правовые нормы должны быть гармонизированы в международном аспекте. Правила должны охватывать сбор, транспортировку, хранение, передачу и утилизацию биологического материала человека, генерацию данных, их использование и обмен. И только международная унификация норм позволит обеспечить всемерную защиту прав участвующих в данных отношениях субъектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. — М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948.
2. Венедиктов А. В. Право государственной социалистической собственности // Вопросы советского гражданского права. — М., Л., 1945.
3. Гегель Г.-В.-Ф. Философия права. — М., 1990.
4. Русская философия собственности XVIII–XX вв. : сборник. — СПб. : Ганза, 1993.
5. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. — М. : Дело, 2000.
6. Суханов Е. А. Право собственности в гражданском кодексе // Закон. — 1995. — № 11.
7. Чичерин Б. Н. Философия права. — СПб. : Наука, 1998.
8. Bailey E. Wilson Signs Bill Making Theft of Human Eggs a Crime // LA Times. — September 26, 1996.
9. Belisle J. Recognizing a Quasi-Property Right in Biomaterials // UC Irvine Law Review. — 2013. — Vol. 3. — No. 3. — P. 767–799.
10. Harmon A. Indian Tribe Wins Fight to Limit Research of Its DNA // New York Times. — April 21, 2010.
11. Javitt G. Why Not Take All of Me? Reflections on the Immortal Life of Henrietta Lacks and the Status of Participants in Research Using Human Specimens // Minnesota Journal of Law, Science & Technology. — 2010. — Vol. 11. — No. 2. — P. 713–754.
12. Kunst A. E. Socioeconomic inequalities in health in Central and Eastern Europe: synthesis of results of eight new studies // Int J Public Health. — 2009. — No. 54. — P. 7197–200.
13. Lewis M. H. et al. State Laws Regarding the Retention and Use of Residual Newborn Screening Blood Samples // Pediatrics. — 2011. — Vol. 127. — No. 4. — P. 703–712.
14. Rao R. Coercion, Commercialization, and Commodification: The Ethics of Compensation for Egg Donors in Stem Cell Research // Berkeley Technology Law Journal. — 2006. — Vol. 1. — No. 3. — P. 1055–1066.
15. Roazzi P., Benedetto C. D., Bravo E., D'Agnolo G. Biobank Networking: The European Network Initiative and the Italian Participation // Biopreserv Biobank. — 2001. — No. 9. — P. 175–179.
16. Suter S. Did You Give the Government Your Baby's DNA? Rethinking Consent in Newborn Screening // Minnesota Journal of Health Law, Science & Technology. — 2014. — Vol. 15. — No. 2. — P. 729–790.
17. Tindana P., Depuur C., Vries J. de, Seeley J., Parker M. Informed consent in genomic research and biobanking: taking feedback of findings seriously // Global Bioethics. — 2020. — No. 31. — P. 200–215. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/11287462.2020.1717896>.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Venediktov A. V. Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost. — M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1948.
2. Venediktov A. V. Pravo gosudarstvennoy sotsialisticheskoy sobstvennosti // Voprosy sovetskogo grazhdanskogo prava. — M., L., 1945.
3. Gegel G. V. F. Filosofiya prava. — M., 1990.
4. Russkaya filosofiya sobstvennosti XVIII–XX vv.: sbornik. — SPb.: Ganza, 1993.
5. Sklovskiy K. I. Sobstvennost v grazhdanskom prave. — M.: Delo, 2000.
6. Sukhanov E. A. Pravo sobstvennosti v grazhdanskom kodekse // Zakon. — 1995. — № 11.
7. Chicherin B. N. Filosofiya prava. — SPb.: Nauka, 1998.
8. Bailey E. Wilson Signs Bill Making Theft of Human Eggs a Crime // LA Times. — September 26, 1996.
9. Belisle J. Recognizing a Quasi-Property Right in Biomaterials // UC Irvine Law Review. — 2013. — Vol. 3. — No. 3. — P. 767–799.
10. Harmon A. Indian Tribe Wins Fight to Limit Research of Its DNA // New York Times. — April 21, 2010.
11. Javitt G. Why Not Take All of Me? Reflections on the Immortal Life of Henrietta Lacks and the Status of Participants in Research Using Human Specimens // Minnesota Journal of Law, Science & Technology. — 2010. — Vol. 11. — No. 2. — P. 713–754.
12. Kunst A. E. Socioeconomic inequalities in health in Central and Eastern Europe: synthesis of results of eight new studies // Int J Public Health. — 2009. — No. 54. — P. 7197–200.
13. Lewis M. H. et al. State Laws Regarding the Retention and Use of Residual Newborn Screening Blood Samples // Pediatrics. — 2011. — Vol. 127. — No. 4. — P. 703–712.
14. Rao R. Coercion, Commercialization, and Commodification: The Ethics of Compensation for Egg Donors in Stem Cell Research // Berkeley Technology Law Journal. — 2006. — Vol. 1. — No. 3. — P. 1055–1066.
15. Roazzi P., Benedetto C. D., Bravo E., D'Agnolo G. Biobank Networking: The European Network Initiative and the Italian Participation // Biopreserv Biobank. — 2001. — No. 9. — P. 175–179.
16. Suter S. Did You Give the Government Your Baby's DNA? Rethinking Consent in Newborn Screening // Minnesota Journal of Health Law, Science & Technology. — 2014. — Vol. 15. — No. 2. — P. 729–790.
17. Tindana P., Depuur C., Vries J. de, Seeley J., Parker M. Informed consent in genomic research and biobanking: taking feedback of findings seriously // Global Bioethics. — 2020. — No. 31. — P. 200–215. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/11287462.2020.1717896>.

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.121-130

А. А. Мартынова*

Содержание критериев приобретательной давности в доктрине и правоприменительной практике¹

Аннотация. Автором статьи проведен дифференцированный анализ материалов практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов по делам о приобретении права собственности в порядке приобретательной давности за 2020–2021 гг. Исследование проведено с целью определения степени влияния правовых позиций, которые были выработаны в отечественной судебной практике, на проект реформирования института приобретательной давности в России. В результате анализа массива судебных постановлений автором было установлено содержание критериев приобретательной давности в правоприменительной практике российских судов, выявлены проблемы порядка признания права собственности на недвижимое имущество в порядке приобретательной давности в судебном порядке и предложены пути их решения. Сформулирован вывод о подготовке проекта российской реформы института приобретательной давности без учета правовых позиций, выработанных в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов по делам о приобретении права собственности в порядке приобретательной давности.

Ключевые слова: гражданское право; реформа вещного права в России; приобретательная давность; давностное владение; вещное право; концепция развития законодательства о вещном праве; добросовестность владения; критерии давностного владения; регистрация прав на недвижимость; проблемы реформирования института приобретательной давности.

Для цитирования: Мартынова А. А. Содержание критериев приобретательной давности в доктрине и правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 121–130. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.121-130.

The Content of Acquisitive Prescription Criteria in the Doctrine and Law Enforcement Practice²

Alevtina A. Martynova, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
merelery@gmail.com

Abstract. The author analyzed the practice of general jurisdiction courts and commercial (arbitrazh) procedure courts in cases related to acquiring property rights by way of acquisitive prescription heard in 2020–2021. The

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90076.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-311-90076.

© Мартынова А. А., 2022

* *Мартынова Алевтина Алексеевна*, аспирант кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
merelery@gmail.com

aim of the study is to determine the degree of influence of legal positions that have been developed in domestic judicial practice on the project of reforming the institution of acquisitive prescription in Russia. The analysis of the array of court decisions resulted in the determination of the content of the acquisitive prescription criteria in law enforcement practice of Russian courts, identification of the problems related to the procedure for recognizing the right of ownership of real estate in the order of acquisitive prescription in court, and proposals for solving them. The author makes conclusions about the preparation of a draft Russian reform of the institution of acquisitive prescription without taking into account the legal positions developed in the practice of courts of general jurisdiction and commercial (arbitrazh) courts in cases of acquiring property rights by way of acquisitive prescription.

Keywords: civil law; reform of right to thing in Russia; acquisitive prescription; adverse possession; right to things; concept of the development of legislation on property rights; possession in good faith; adverse possession criteria; real estate registration; problems of reforming the institution of acquisitive prescription.

Cite as: Martynova AA. Soderzhanie kriteriev priobretatelnoy davnosti v doktrine i pravoprimeritelnoy praktike [The Content of Acquisitive Prescription Criteria in the Doctrine and Law Enforcement Practice]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):121-130. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.121-130. (In Russ., abstract in Eng.).

На протяжении современного этапа развития гражданского права положения института приобретательной давности находятся в фокусе как теоретического, так и практического интереса цивилистов. В свете предстоящих изменений ключевых положений отечественного вещного права³ исследования элементов указанного института гражданского права приобретают всё большую актуальность.

Исходя из имеющихся доктринальных исследований, представляется необходимым проведение практико-ориентированного научного исследования, основанного на дифференцированном анализе материалов практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов по делам о приобретении права собственности в порядке приобретательной давности. Подобный дифференцированный анализ позволит сформировать научно обоснованную позицию по определению степени влияния результатов судебной практики по спорам о приобретении права собственности в порядке приобретательной давности на проект реформы института приобретательной давности в Российской Федерации.

На основе результатов анализа судебной практики предполагается:

1) определить правовые позиции о содержании критериев приобретательной давности, выработанные в правоприменительной практике;

2) установить проблемы при определении содержания элементов института приобретательной давности в судебном порядке и предложить способы их решения.

В процессе настоящего научного исследования были проанализированы судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанции, принятые в рамках как гражданского судопроизводства, так и арбитражного, в Московском регионе за 2020–2021 гг. и размещенные в СПС «КонсультантПлюс»: судами общей юрисдикции — Московским городским судом (112)⁴, Московским областным судом (3), Вторым кассационным судом (53), Первым кассационным судом (64) и арбитражными судами — Деятым арбитражным апелляционным судом (70), Десятым арбитражным апелляционным судом (19), Арбитражным судом Московского округа (22). Таким образом, в Московском регионе в 2020–2021 гг. суды общей юрисдикции (апелляционной и кассационной инстанции) рассмотрели более чем в два раза больше дел, чем арбитражные суды (апелляционной и касса-

³ Концепция развития законодательства о вещном праве // URL: <http://privlaw.ru/.soviet-po-kodifikacii/conceptions/konceptsiya1/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁴ Цифры приведены по состоянию на 13 мая 2022 г. согласно картотеке поиска судебных дел СПС «КонсультантПлюс».

ционной инстанции): 232 против 111 судебных постановлений.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что механизм приобретения права собственности в порядке приобретательной давности направлен на реализацию частного интереса, а именно интереса физических лиц, поскольку они являются основными инициаторами рассмотрения дел в гражданском процессе.

Следуя буквальному толкованию положений ст. 234 Гражданского кодекса РФ, для приобретения права собственности в порядке приобретательной давности необходимо установление наличия в совокупности следующих критериев — добросовестности, открытости и непрерывности владения.

Несмотря на достаточную доктринальную разработанность темы содержания критериев давностного владения, стоит отметить, что больший научный интерес традиционно прикован к критерию добросовестности давностного владения. Так, в контексте рассмотрения проекта реформы института приобретательной давности часть представителей цивилистики критикует предложение о достаточности только критериев открытости и непрерывности давностного владения для приобретения права собственности в порядке приобретательной давности, апеллируя при этом к нелогичности данного предложения ввиду сохранения добросовестности как принципа поведения участников гражданского оборота⁵ либо отмечая необходимость дополнительных мер, направленных на предотвращение «самозахватов» имущества, включая компенсации надлежащему собственнику от недобросовестного давностного владельца⁶. А. С. Подмаркова в качестве недостатка отмечает также

оценочный характер критерия добросовестности давностного владения, который препятствует единому универсальному толкованию⁷.

Однако, на наш взгляд, оценочный характер критерия добросовестности давностного владения не стоит рассматривать как его отрицательное свойство. Напротив, он позволяет применить гибкий подход к разнообразию правоотношений, в результате которых возможно (или невозможно) возникновение права собственности в силу приобретательной давности. Критерии приобретательной давности, в том числе добросовестность давностного владения, не могут быть своеобразным чек-листом, перечисляющим только конкретные действия, обладающие потенциальной возможностью к порождению соответствующих правовых последствий, поскольку при таком подходе, очевидно, имеется риск упущения какого-либо действия, способного быть рассмотренным в качестве добросовестного, ввиду многообразия вариантов поведения участников гражданского оборота.

Вместе с тем излагаются также мнения об отсутствии необходимости сохранения данного критерия. Так, В. А. Багаев отмечает тенденцию к толкованию понятия добросовестности в широчайшем смысле (не всегда оправданное подведение большего числа ситуаций под давностное добросовестное владение)⁸. Р. Р. Репин предлагает разграничивать ординарную (добросовестную) и специальную (недобросовестную) приобретательную давность в отношении бесхозяйных вещей⁹.

Перед анализом конкретных судебных постановлений возникают закономерные вопросы, ответы на которые обладают как теоретическим,

⁵ Коновалов А. В. К вопросу о добросовестности давностного владения // Вестник гражданского права. 2016. № 6 ; Груздев В. В. Гражданско-правовое значение добросовестности // Право и экономика. 2016. № 12.

⁶ Подмаркова А. С. Условия приобретательной давности и необходимость их реформирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 109–138.

⁷ Подмаркова А. С. Указ. соч.

⁸ Багаев В. А. Значение добросовестности владения для приобретательной давности // Закон. 2013. № 12. С. 163–174.

⁹ Репин Р. Р. О действии приобретательной давности в отношении бесхозяйных вещей // Закон. 2021. № 6. С. 156–168.

так и практическим значением. Устанавливается ли судом при рассмотрении дела содержание всех трех критериев приобретательной давности либо, установив отсутствие, например, добросовестности владения у давностного приобретателя, суд ограничивается указанным, не переходя к определению содержания оставшихся критериев приобретательной давности — открытости и непрерывности владения? Есть ли действительная необходимость установления судом содержания всех легально закрепленных характеристик владения в порядке приобретательной давности при условии первоначального выявления отсутствия одной из них?

По результатам проведенного анализа массива судебных постановлений было отмечено, что суды при рассмотрении дел о приобретении права собственности на вещь в порядке приобретательной давности, как правило, начинают с установления факта наличия критерия добросовестности давностного владения. В случае констатации отсутствия данного элемента приобретательной давности суды, как правило, не устанавливают содержание остальных легальных критериев давностного владения.

На наш взгляд, указанная позиция судов обусловлена их чрезвычайной загруженностью и, как следствие, вынужденной необходимостью использования принципа процессуальной экономии, позволяющего осуществить судебное разбирательство в краткие сроки и сократить время на подготовку мотивированного решения суда.

С практической точки зрения действительно логично и разумно ограничиться рассмотрением содержания только одного из трех необходимых критериев давностного владения, поскольку ввиду законодательно закрепленного условия о необходимости установления трех характеристик давностного владения в совокупности отсутствие одной из них означает презюмируемое решение суда об отказе в удовлетворении иска о признании права собственности в порядке приобретательной давности.

С теоретической точки зрения подобный подход, безусловно, вызывает сожаление и влечет закономерное обеднение цивилистической науки ввиду отсутствия практически ориентиро-

ванных исследований, основанных на изучении полноценных правовых позиций правоприменительной практики по вопросу содержания критериев давностного владения.

Переходя непосредственно к результатам анализа материалов судебной практики в части определения содержания критериев приобретательной давности в правоприменительной практике, вновь отметим, что в преобладающем количестве исследованных судебных постановлений рассмотрение начинается с установления содержания критерия добросовестности давностного владения.

Прежде всего стоит упомянуть, что рекомендуемое судам при рассмотрении дел о признании права собственности в порядке приобретательной давности содержание характеристик давностного владения приведено в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». Так, в части содержания критерия добросовестности давностного владения указанное совместное постановление закладывает отсутствие информации, в том числе отсутствие обязанности по получению такой информации («лицо не знало и не должно было знать»), у владельца о том, что не имеется оснований возникновения у него права собственности.

Приведенное рекомендательное содержание характеристики добросовестности давностного владения применено в 70 % изученных дел (37 из 53) Второго кассационного суда общей юрисдикции, в 75 % дел (84 из 112) Московского городского суда, в 76 % дел (61 из 80) Первого кассационного суда общей юрисдикции и в 100 % дел (3 из 3) Московского областного суда, в 76 % дел (29 из 38) Арбитражного суда Московского округа, в 82 % дел (77 из 94) Девятого арбитражного апелляционного суда, в 90 % дел (26 из 29) Десятого арбитражного апелляционного суда.

Указанное свидетельствует об общей тенденции повсеместного применения принципа процессуальной экономии, характерной как для

судов общей юрисдикции, так и для арбитражных судов. Отдельно необходимо отметить, что 30 % рассмотренных судебных постановлений Второго кассационного суда общей юрисдикции изложены максимально сжато, без дополнительного исследования содержания каких-либо критериев давностного владения.

Несмотря на то что, исходя из анализа судебной практики по делам рассматриваемой категории, суды в целом не отходят от разъяснений указанного совместного постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ № 10/22, однако к единообразию в понимании содержания критерия добросовестности прийти так и не удалось, учитывая правовую позицию Верховного Суда РФ о возможности действия эффекта приобретательной давности даже в случае наличия титульного собственника¹⁰. Указанная формулировка свидетельствует об отходе от строгого подхода к пониманию критерия добросовестности давностного владения и расширению его содержания, позволяющего рассматривать значительно больше вариантов поведения давностного владельца в качестве добросовестного (своего рода *soft approach*).

Наряду с этим, Конституционный Суд РФ сформулировал следующую позицию относительно содержания критерия добросовестности: «Понимание добросовестности давностного владения, подразумевающее, что лицо при получении владения должно полагать себя собственником имущества, лишает лицо, длительное время владеющее имуществом как своим, заботящееся об этом имуществе, несущее расходы на его содержание и не нарушающее при этом прав иных лиц, возможности легализовать такое владение, вступает в противоречие с целями, заложенными в статье 234 ГК Российской Федерации»¹¹. Следовательно, добросовестность давностного владельца предполагается даже в том случае, если он осозна-

вал отсутствие оснований для возникновения у него права собственности, что не согласуется с толкованием рассматриваемого критерия, изложенного в п. 15 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ № 10/22: «Давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности».

Однако, на наш взгляд, справедлив тезис о том, что, несмотря на вышеуказанную позицию, Конституционный Суд РФ в целом не поддерживает тенденцию к *soft approach* в вопросе об установлении критерия добросовестности в действиях давностного владельца. Напротив, согласно тому же постановлению № 48-П Конституционного Суда РФ стандарт критерия добросовестности повышен: «Для приобретательной давности правообразующее значение имеет прежде всего не отдельное событие, состоявшееся однажды (как завладение вещью), а добросовестное длительное открытое владение, когда владелец вещи ведет себя как собственник, при отсутствии возражений со стороны других лиц; при таких условиях определение добросовестности приобретателя в сделке, влекущей мгновенное приобретение права собственности, и добросовестности давностного владельца, влекущей возникновение права собственности лишь по истечении значительного давностного срока, должно предполагаться различным».

Таким образом, с учетом указанных разъяснений конституирующим моментом при рассмотрении вопроса об установлении критерия добросовестности для целей приобретательной давности является оценка длительного открытого владения вещью, при котором владелец ведет себя как собственник при отсутствии возражений и правопритязаний со стороны других лиц, а не определение наличия критерия добро-

¹⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.01.2015 № 127-КГ14-9 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 78-КГ19-29 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.10.2019 № 4-КГ19-55.

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Волкова».

совестности лишь на момент получения вещи во владение.

Между тем анализ материалов судебной практики показывает, что в настоящее время отсутствует единообразное применение разъяснений Конституционного Суда РФ, изложенных в постановлении № 48-П. Так, Девятый арбитражный апелляционный суд при рассмотрении дела № А40-134020/2020 указал на то, что «под добросовестным владельцем понимают того, кто приобретает вещь внешне правомерными действиями и при этом не знает и не может знать о правах иных лиц на данное имущество. Добросовестность давностного владельца определяется прежде всего на момент получения имущества во владение, причем в данный момент давностный владелец не имеет оснований считать себя кем-либо, кроме как собственником соответствующего имущества».

При этом Арбитражный суд Московского округа при рассмотрении дела № А40-87388/2020 учел рассматриваемые разъяснения высшего судебного органа конституционного контроля и отметил, что «добросовестность владельца выступает лишь в качестве одного из условий, необходимых прежде всего для возвращения вещи в гражданский оборот, преодоления неопределенности ее принадлежности в силу владения вещью на протяжении длительного срока».

В свою очередь, Московский городской суд при рассмотрении гражданского дела № 33-40065/2021 также указывает на необходимость учета выявленного постановлением № 48-П конституционно-правового смысла п. 1 ст. 234 ГК РФ, являющегося обязательным, и отмечает, что «понимание добросовестности давностного владения, подразумевающее, что лицо при получении владения должно полагать себя собственником имущества, лишает лицо, длительное время владеющее имуществом как своим, заботящееся об этом имуществе, несущее расходы на его содержание и не нарушающее при этом прав иных лиц, возможности легализовать

такое владение, вступает в противоречие с целями, заложенными в статье 234 ГК РФ».

Наконец, необходимо отметить, что отсутствие единообразия применения указанных разъяснений Конституционного Суда РФ, изложенных в постановлении № 48-П, относительно момента, на который должно проверяться давностное владение имуществом, объясняется крайней непопулярностью данных указаний. Так, они не были применены ни в одном из постановлений Второго кассационного суда общей юрисдикции (из 53), Московского областного суда (из 3) и Десятого арбитражного апелляционного суда (из 29). Московский городской суд обратился к данным разъяснениям лишь в 1 из 112 дел (0,008 %), Первый кассационный суд общей юрисдикции — в 10 из 80 дел (12,5 %), Арбитражный суд Московского округа — в 7 из 38 дел (18,4 %), Девятый арбитражный апелляционный суд — в 7 из 94 дел (7,4 %).

Вместе с тем планируемые изменения вещного права также касаются критерия добросовестности владеющего лица по давности. Концепция развития гражданского законодательства безапелляционно требует отказаться от такого реквизита давностного владения, как добросовестность. В пункте 1 ст. 242 проекта изменений в ГК РФ не нашлось места для данного критерия приобретательной давности: «Лицо, не являющееся собственником вещи, но открыто и непрерывно владеющее как своей собственной недвижимой вещью в течение пятнадцати лет либо движимой вещью в течение пяти лет, а лицо, владеющее движимой или недвижимой вещью, выбывшей из владения собственника помимо его воли, — в течение тридцати лет, приобретает право собственности на эту вещь (приобретательная давность)»¹². Одновременно с этим в п. 2 ст. 214 проекта изменений в ГК РФ закрепляется правило о признании владения добросовестным, пока судом не установлено иное.

Следовательно, несмотря на неоднозначность судебной практики в части толкования

¹² Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2314.

содержания критерия добросовестности давностного владения, не выявлено тенденции к снижению его значимости при рассмотрении споров о праве собственности в порядке приобретательной давности. Исходя из анализа судебной практики не установлено и дополнительных действий либо обстоятельств, которые могут быть рассмотрены судом в качестве замены предлагаемого к упразднению критерия добросовестности.

В связи с этим, на наш взгляд, указанное предложение реформы института приобретательной давности сформулировано без учета материалов судебной практики по делам о признании права собственности в порядке приобретательной давности.

Дополнительно отметим, что отсутствие необходимости установления добросовестности давностного владения влечет достаточность лишь двух критериев — открытости и непрерывности давностного владения — для признания права собственности в силу приобретательной давности. Необходимо подчеркнуть, что в ранее проведенном исследовании¹³ было установлено наличие дополнительных критериев, указывающих на добросовестность приобретения права собственности в порядке приобретательной давности, выработанных в прецедентном праве Англии, Гонконга, Австралии (например, улучшение имущества, осуществление арендных платежей). Учитывая же отсутствие прецедентного характера правовых позиций российской судебной практики, сформулированных в рамках рассмотрения споров о праве собственности в порядке приобретательной давности (равно как и других споров), подобное игнорирование результатов судебной и правоприменительной практики при разработке проекта реформы института приобретательной давности в Российской Федерации влечет риск легитимизации так называемого права вора.

Таким образом, анализ материалов судебной практики позволил установить содержание

добросовестности как критерия приобретательной давности:

— убежденность владельца в правомерности своего владения и достаточности основания, по которому получено имущество, для признания собственником (решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.06.2020 по делу № А40-289221/19-35-2371);

— приобретение вещи внешне правомерными действиями и отсутствие знаний о правах иных лиц на данное имущество (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.06.2021 № 09АП-25195/2021 по делу № А40-134020/2020);

— отсутствие целенаправленного завладения имуществом помимо воли титульного владельца, с учетом отсутствия связи с определением по аналогии со ст. 302 ГК РФ (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.11.2020 № 09АП-53825/2020 по делу № А40-57304/2020);

— необходимость учета оценки длительного открытого владения, когда владелец вещи ведет себя как собственник при отсутствии возражений и правопритязаний со стороны других лиц, принимая во внимание, что добросовестность владельца выступает лишь одним из условий, необходимых прежде всего для возвращения вещи в гражданский оборот, преодоления неопределенности ее принадлежности в силу владения вещью на протяжении длительного срока (постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.10.2021 № Ф05-24741/2021 по делу № А40-87388/2020);

— отсутствие добросовестного заблуждения давностного владельца о наличии у него права собственности на имущество, поскольку столь длительное владение вещью, право на которую отсутствует, предполагает, что давностный владелец способен знать об отсутствии у него такого права, особенно в отношении недвижимого имущества, возникновение права на которое по общему правилу требует формального основания и регистрации в публичном реестре.

¹³ Мартынова А. А. Актуальные проблемы реформирования института приобретательной давности в России, Англии, Гонконге и Австралии // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 10; Мартынова А. А. Критерии давностного владения в условиях реформирования института приобретательной давности России, Англии, Гонконге и Австралии // Экономика. Право. Общество. 2021. № 3.

Требование о добросовестном заблуждении в течение всего срока владения противоречит смыслу ст. 234 ГК РФ, без какого-либо разумного объяснения препятствует возвращению вещи в гражданский оборот и лишает лицо, открыто и добросовестно владеющее чужой вещью как своей, заботящееся об этом имуществе и несущее расходы на его содержание, не нарушая при этом ничьих прав, права легализовать такое владение, оформив право собственности на основании ст. 234 ГК РФ (апелляционное определение Московского городского суда от 24.11.2021 по делу № 33-47459/2021).

Выявлена также проблема определения момента, на который должен выдерживаться критерий добросовестности: момент завладения спорным имуществом либо необходимость поддержания добросовестности в течение всего срока владения. Полагаем, что при разрешении указанного вопроса необходимо руководствоваться актуальными разъяснениями конституционно-правового смысла п. 1 ст. 234 ГК РФ, изложенными в постановлении Конституционного Суда РФ № 48-П.

Переходя к установлению правоприменимого содержания критериев открытости и непрерывности давностного владения, необходимо подчеркнуть, что основной проблемой в данном контексте является редкое обращение к развернутому описанию указанных характеристик как после установления отсутствия добросовестности давностного владения, так и в случае вывода о наличии критерия добросовестности. Так, суды ограничиваются весьма кратким изложением содержания критериев открытости и непрерывности давностного владения.

Как и в случае с определением содержания добросовестности владения при рассмотрении дел о признании права собственности в порядке приобретательной давности, суды руководствуются пунктом 15 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ № 10/22.

Вместе с тем планируемые изменения вещного права не только сохраняют критерии открытости и непрерывности давностного владения,

но и наделяют их более конституирующим значением, чем в настоящее время. Поскольку необходимость соблюдения критерия добросовестности в процессе осуществления владения по давности, а также дополнительные критерии давностного владения в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации¹⁴, Концепции развития законодательства о вещном праве¹⁵ и проекте федерального закона № 47538-6 отсутствуют, соблюдение критериев открытости и непрерывности давностного владения становится необходимым и достаточным для разрешения вопроса о возможности признания права собственности в порядке приобретательной давности.

Следовательно, полагаем, что отсутствие развернутых правовых позиций в части установления наличия соответствующих критериев влечет риск увеличения количества легитимированных самозахватов недвижимого имущества.

В результате исследования массива судебных постановлений установлено следующее содержание критериев открытости и непрерывности:

— владение недвижимым имуществом осуществлялось открыто, как своим собственным, намного более 15 лет, какое-либо иное лицо в течение всего периода владения не предъявляло своих прав в отношении жилого дома и не проявляло к нему интереса, местный орган исполнительной власти либо другое лицо в установленном порядке не поднимали вопроса о законности владения (определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.11.2015 № 32-КГ15-16, определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.07.2015 № 41-КГ15-16);

— владение спорным жилым домом началось в 1967 г., являлось добросовестным, поскольку осуществлялось по соглашению с его предполагаемым собственником о купле-продаже этого дома, и без перерыва продолжалось истцами в силу универсального правопреемства после смерти наследодателя. Владение спорным домом как наследодателем, так и истцами осуществлялось открыто, как своим собствен-

¹⁴ URL: <http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/koncepciya1/>.

¹⁵ URL: <http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/koncepciya5/>.

ным, никакое иное лицо в течение всего их владения не предъявляло своих прав на данный дом и не проявляло к нему интереса как к своему собственному (определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.01.2015 № 127-КГ14-9);

— на протяжении более 25 лет осуществлялось открытое пользование спорным имуществом как единым (было понесено бремя по его содержанию, сделан ремонт, оплачены коммунальные услуги, в подтверждение чего представлены квитанции, платежные поручения, а также справка о финансовом лицевого состоянии счета (апелляционное определение Московского городского суда от 24.11.2021 по делу № 33-47459/2021);

— длительность открытого и непрерывного владения в совокупности с положениями об отказе от права собственности и о бесхозяйных вещах, а также о начале течения срока приобретательной давности с момента истечения срока давности для истребования вещи предполагают, что титульный собственник либо публичное образование, к которому имущество должно перейти в силу бесхозяйности либо выморочности имущества, не проявляли какого-либо интереса к этому имуществу, не заявляли о своих правах на него, фактически отказались от прав на него, устранились от владения имуществом и его содержания (апелляционное определение Московского городского суда от 30.09.2021 по делу № 33-39884/2021).

Следовательно, признаками открытости давностного владения являются внесение обя-

зательных платежей за пользование спорным имуществом, осуществление действий по обеспечению сохранности спорного имущества (ремонт, реконструкция), а также отсутствие каких-либо правопритязаний и интереса со стороны иных лиц. При этом непрерывность давностного владения, как правило, является следствием доказанного факта открытого владения спорным имуществом, в частности датами открытия финансово-лицевых счетов, датами и периодами внесения обязательных платежей, датами регистрации по месту жительства.

Таким образом, рассмотрев детально правовые позиции относительно установления содержания критериев добросовестности, открытости и непрерывности давностного владения, а также процентное соотношение рассмотренных дел в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства, приходим к выводу о необходимости учета правовых позиций, выработанных судебной практикой, при подготовке проекта реформы института приобретательной давности. Поскольку именно при вынесении решений о наличии либо об отсутствии соответствующего права становятся очевидны проблемы, возникающие вследствие применения конкретных норм права, требующие решения в том числе посредством изменения законодательства. Однако в результате анализа массива судебной практики приходим к выводу об отсутствии учета выработанных правовых позиций судов при подготовке текущего проекта реформирования института приобретательной давности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Багаев В. А. Значение добросовестности владения для приобретательной давности // Закон. — 2013. — № 12. — С. 163–174.
2. Груздев В. В. Гражданско-правовое значение добросовестности // Право и экономика. — 2016. — № 12.
3. Коновалов А. В. К вопросу о добросовестности давностного владения // Вестник гражданского права. — 2016. — № 6.
4. Подмаркова А. С. Условия приобретательной давности и необходимость их реформирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 2. — С. 109–138.
5. Репин Р. Р. О действии приобретательной давности в отношении бесхозяйных вещей // Закон. — 2021. — № 6. — С. 156–168.

Материал поступил в редакцию 25 июля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bagaev V. A. Znachenie dobrosovestnosti vladeniya dlya priobretatelnoy davnosti // Zakon. — 2013. — № 12. — S. 163–174.
2. Gruzdev V. V. Grazhdansko-pravovoe znachenie dobrosovestnosti // Pravo i ekonomika. — 2016. — № 12.
3. Konovalov A. V. K voprosu o dobrosovestnosti davnostnogo vladeniya // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2016. — № 6.
4. Podmarkova A. S. Usloviya priobretatelnoy davnosti i neobkhodimost ikh reformirovaniya // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2021. — № 2. — S. 109–138.
5. Repin R. R. O deystvii priobretatelnoy davnosti v otnoshenii beskhozyaynykh veshchey // Zakon. — 2021. — № 6. — S. 156–168.

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.131-139

Е. Ю. Усольцев*

Интерес как основание квалификации злоупотребления потребителем правом

Аннотация. Злоупотребление субъективным гражданским правом представляет собой одно из самых сложных для понимания явлений правовой действительности, корни которого уходят во времена Древнего Рима. Если относительно критериев гражданско-правового деликта в цивилистике более-менее сложился консенсус, то по вопросу идентификации злоупотребительных действий единого мнения не существует. Автор статьи на примере злоупотребления правом со стороны потребителя доказывает, что ключевую роль в решении данной проблемы может играть интерес, определяющий целевую направленность всех предусмотренных законом для этого субъекта правомочий — удовлетворение личных или семейных потребностей. В таком контексте подробно анализируется соотношение объективного и субъективного интересов, а также влияние процесса их реализации на механизм правоосуществления. В то же время делается вывод, что интерес не является универсальным основанием признания недобросовестного поведения злоупотреблением правом, т.е. в зависимости от вида правоотношений и специфики правового статуса его участников критерии квалификации злоупотребления правом могут различаться. Именно этим объясняется непрекращающаяся долгие годы дискуссия о сущности данного феномена.

Ключевые слова: злоупотребление правом; недобросовестное осуществление гражданских прав; категория интереса; субъективное право; объективный интерес; потребительский интерес; потребитель; потребность; потребительские отношения; Закон о защите прав потребителей; предпринимательская деятельность; продавец; товар; услуга; договор участия в долевом строительстве.

Для цитирования: Усольцев Е. Ю. Интерес как основание квалификации злоупотребления потребителем правом // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 131–139. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.131-139.

Interest as Grounds for Consumer Rights Abuse Classification

Egor Yu. Usoltsev, Justice of the Peace, 1st Court District, Chanovskiy Judicial District, Novosibirsk Region, Judicial Department Office, Novosibirsk Region; Postgraduate Student, Department of Civil and Business Law, Novosibirsk State University of Economics and Management «NSUEM»
Zheleznodorozhnaya ul., d. 4/1, Novosibirsk, Russia, 630132
usoltsev_egor@bk.ru

Abstract. The abuse of subjective civil right is one of the most difficult legal phenomena to understand, the roots of which go back to the time of Ancient Rome. There is more or less consensus in civil law regarding the criteria for

© Усольцев Е. Ю., 2022

* Усольцев Егор Юрьевич, мировой судья 1-го судебного участка Чановского судебного района Новосибирской области Управления Судебного департамента в Новосибирской области, аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»
Железнодорожная ул., д. 4/1, г. Новосибирск, Россия, 630132
usoltsev_egor@bk.ru

a civil tort, but there is no consensus on the identification of abusive actions. Studying a case of abuse of the right by consumers, the author proves that the key role in solving this problem can be in the interest that determines the aim of all the powers provided for by law for this subject: the satisfaction of personal or family needs. In this context, the ratio of objective and subjective interests, as well as the impact of the process of their implementation on the mechanism of law enforcement, is analyzed in detail. At the same time, it is concluded that interest is not a universal basis for recognizing dishonest behavior as an abuse of the right, i.e. depending on the type of legal relationship and the specifics of the legal status of its participants, the criteria for classifying the abuse of the right may vary. This explains the ongoing long-term discussion about the essence of this phenomenon.

Keywords: abuse of the right; unfair exercise of civil rights; category of interest; subjective right; objective interest; consumer interest; consumer; need; consumer relations; Law on Consumer Rights Protection; entrepreneurial activity; salesman; product; service; share building agreement.

Cite as: Usoltsev EYu. Interes kak osnovanie kvalifikatsii zloupotrebleniya potrebitelem pravom [Interest as Grounds for Consumer Rights Abuse Classification]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):131-139. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.131-139. (In Russ., abstract in Eng.).

Римскому праву были присущи две противоположные по своему содержанию сентенции: *qui jure suo utitur, neminem laedit* — «осуществляющий свое право не отвечает за вред, причиняемый им при этом окружающим»¹ и *malititis non est indulgendum* — «злоупотребление непростительно»², что создавало правовую неопределенность: возникал вопрос, позволено ли управомоченному лицу пользоваться своими правами абсолютным образом, без учета чужих интересов, или любое субъективное право должно осуществляться с соблюдением границ, ограждающих права и свободы других индивидов, переход за которые недопустим.

Если проанализировать положения Конституции РФ, то можно увидеть, что, с одной стороны, она провозглашает свободу экономической деятельности (ч. 1 ст. 8), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34), право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). Но, с другой стороны, в ней же говорится: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17), «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц» (ч. 2 ст. 36),

«права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц...» (ч. 3 ст. 55).

Аналогично складывается ситуация и с Гражданским кодексом РФ, в ст. 1 которого в качестве принципов частноправового регулирования указываются свобода договора, недопустимость вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав (п. 1). При этом в силу п. 1 ст. 9, п. 3 ст. 10 ГК РФ физические и юридические лица осуществляют принадлежащие им гражданские права по своему усмотрению, а их добросовестность презюмируется. В то же время ГК РФ устанавливает некоторые ограничения осуществления субъективных прав: «Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц» (п. 2 ст. 209), «собственник земельного участка вправе использовать по своему усмотрению все, что находится над и под поверхностью этого участка, если иное не предусмотрено законами о недрах, об использовании воздушного пространства, иными законами и не нарушает прав других лиц» (п. 3 ст. 261), «обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нем обязанностей, если

это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора» (п. 1 ст. 415). Более того, пункт 1 ст. 10 ГК РФ прямо запрещает осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, а также использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции.

С. В. Мусарский приведенную дихотомию называет системой сдержек и противовесов³. Но, по сути, она означает, что проблема сохранения прочности субъективных прав при одновременном ограничении их осуществления, известная еще римскому праву, актуальна и в наши дни, а в некоторых областях правового регулирования, таких как розничная торговля и оказание гражданам услуг, данная проблема даже усиливается из-за особенностей правового положения участников этих правоотношений.

В отсутствие легальной дефиниции злоупотребления правом доктрина предлагает множество его определений. По мнению Ю. А. Тарасенко, теория злоупотребления правом на сегодня в основном представлена тремя концепциями. Одна группа ученых отрицает саму возможность употреблять право во зло, поскольку такие действия совершаются за пределами объективного права. Представители второго направления признают злоупотребление правом искусственной конструкцией, лишенной всякого практического смысла. И наконец, ученые третьего направления являются сторонниками концепции злоупотребления правом. Но и здесь отсутствует единство. Злоупотребление определяют и как умышленное вредоносное дей-

ствие, и как осуществление субъективного права в противоречии с доброй совестью и добрыми нравами, и как особый тип гражданского правонарушения и т.д.⁴ Кроме того, можно встретить теории, сочетающие элементы разных подходов к пониманию злоупотребления правом.

Таким образом, в настоящее время насчитывается не менее 15 различных концепций злоупотребления правом, которые, в свою очередь, можно разделить на содержательные и рамочные. Содержательные концепции имеют своей целью определение сущности данного явления, а рамочные — обоснование возможности самого существования злоупотребления правом⁵. Поскольку концепции, которые опровергают злоупотребительное поведение как реальное явление правовой действительности или ставят под сомнение логичность термина, его обозначающего, в рамках современной парадигмы не имеют широкого распространения, востребованы содержательные концепции, в которых формулируются признаки злоупотребления правом, разрабатываются классификации его форм и исследуются правовые категории и явления, находящиеся в тесной взаимосвязи со злоупотреблением правом.

Для настоящего исследования релевантна теория интереса. «Соприкосновение интересов лиц, облеченных в оболочку субъективных прав, может порождать их столкновение ввиду того, что право одного... может оказаться несовместимым с правом другого...»⁶. Поэтому, вне всякого сомнения, роль интереса является ведущей для раскрытия сущности и значения злоупотребления субъективным гражданским правом.

Правовой наукой предлагаются различные подходы к пониманию интереса. Согласно

¹ Доманжо В. П. Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом // Ученые записки Казанского императорского университета. Кн. V. 1913. С. 1.

² Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом : монография. 3-е изд., доп. М. : Юрайт, 2019. С. 86.

³ См.: Мусарский С. В. Основные взгляды на сущность злоупотребления правом в зарубежном и отечественном гражданском праве. М. : Зерцало-М, 2021. С. 81.

⁴ См.: Тарасенко Ю. А. Злоупотребление правом // Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. / отв. ред. В. А. Белов. 2-е изд., стер. М. : Юрайт, 2020. Т. 1. С. 455–456.

⁵ См.: Мусарский С. В. Указ. соч. С. 96–99.

⁶ Тарасенко Ю. А. Указ. соч. С. 462.

Р. Иерингу, «интерес в смысле субъективном указывает на чувство зависимости в жизни (das Gefühl der Lebensbedingtheit). Основание, в силу которого меня интересует известная вещь или отношение, заключается в том, что я чувствую в моем существовании и благосостоянии, в моем довольстве или счастье свою зависимость от них. Интересы, следовательно, это суть жизненные требования (Lebensbedürfnisse) в широком смысле»⁷. В. М. Хвостов определяет интерес как всякую «потребность, равно как и благо, к которому лицо стремится для ее удовлетворения»⁸. Если обратиться к позитивному праву, то согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют гражданские права своей волей и в своем интересе, а из содержания п. 1 ст. 980 ГК РФ видно, что действия в интересе совершаются исходя из выгоды или пользы заинтересованного лица. Следовательно, наличие интереса законодатель связывает исключительно с выгодой для субъекта. С. Д. Радченко при объяснении сущности злоупотребления правом также делает вывод о том, что лицо, обладая субъективными правами, должно иметь интерес в их осуществлении. При этом имеется в виду не всякий, а лишь признаваемый (охраняемый) законом интерес. Поэтому осуществление права при отсутствии в этом интереса управомоченного лица и есть то самое зло, против которого направлен запрет злоупотребления правом⁹.

Таким образом, интерес можно рассматривать в двух значениях: субъективном и объективном. Определение субъективного интереса зависит от отношения самого управомоченного лица к окружающим его объектам: благам, потребностям, условиям жизни, от того, насколько

для него важен результат реализации того или иного субъективного права. Однако правовой охраной пользуется объективный интерес, который не порождается сознанием, а существует в действительности в форме связи субъекта с окружающими условиями. Эта связь проявляется в виде общественных отношений, содержанием которых является потребность лица. Интерес представляет собой потребность, присущую человеку как социальному субъекту, т.е. потребность, имеющую социальный характер¹⁰. Следовательно, интерес с научной точки зрения носит объективный характер, а процесс его реализации — объективно-субъективный, поскольку протекает в психике человека.

В одной из последних монографий, посвященных проблеме злоупотребления правом, в научный оборот введено понятие вмененного интереса — проекции объективно существующего интереса у любого разумного субъекта в определенных общественных отношениях, отраженной в законе. Адекватность нормативного выражения такого интереса минимизирует риск злоупотребления правом — «ситуации, когда действие в формальных пределах права может стать действием вне интереса, этим правом защищаемого»¹¹. Другими словами, злоупотребление правом имеет место в случае «несоответствия субъективного права или какой-либо его составляющей субъективному же интересу, это право обосновывающему»¹². Существует также индивидуальный интерес, частично являющийся объективным и, следовательно, не зависящим от субъекта, который им обладает. Данный интерес поддается объективной оценке и устанавливается судом при непосредственном рассмотрении конкретного гражданско-право-

⁷ Иеринг Р. Интерес и право // Избранные труды : в 2 т. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2006. Т. 1. С. 535.

⁸ Хвостов В. М. Система римского права. М. : Юрайт, 2022. С. 62.

⁹ См.: Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 54, 59.

¹⁰ См.: Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. М. : Статут, 2002. С. 20–21.

¹¹ Вольфсон В. Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве : монография. М. : Проспект, 2020. С. 12.

¹² Вольфсон В. Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. С. 14.

вого спора, поэтому именуется подлинным. При отсутствии злоупотребления правом подлинный интерес направлен на получение материального блага, предоставляемого субъективным правом. Причем субъективное право, являясь правовым благом, должно предоставлять его обладателю только такую выгоду, которая точно соответствовала бы этому подлинному интересу. Таким образом, злоупотребление правом может иметь место и по отношению к субъективному праву в целом, когда предполагаемый им объем благ целиком не предназначен для удовлетворения подлинного интереса правообладателя, и по отношению к какой-либо его составляющей, когда управомоченное лицо превышает минимальную квоту интереса, в пределах которой оправдывается его притязание на сообщаемую благом выгоду¹³. При этом основным параметром состояния интереса, принимаемого для целей «теста на злоупотребление правом», является добросовестность, наличие которой чаще всего, но не всегда свидетельствует об отсутствии злоупотребления правом¹⁴.

В рамках потребительских отношений реализуется как минимум два объективных интереса: а) предпринимательский интерес, обеспечиваемый эквивалентно-возмездным характером указанных отношений и целевой направленностью предпринимательской деятельности; б) потребительский интерес, обусловленный направленностью на удовлетворение потребностей индивида. Эти интересы разнонаправлены, что объясняет наличие потенциальной конфликтности между участниками рассматриваемых правоотношений¹⁵. В силу своей особой правовой

природы потребительский интерес имеет приоритет перед предпринимательским¹⁶. С одной стороны, он носит частный характер, поскольку направлен на удовлетворение потребностей конкретного гражданина или членов его семьи. С другой же стороны, как справедливо отмечает О. Ю. Ильина, частный интерес не может быть реализован вне публичного правопорядка, а публичный интерес утрачивает всякий смысл, если он прямо или косвенно не направлен на обеспечение реализации частного интереса¹⁷. Следовательно, потребительский интерес проявляет себя и как частный интерес конкретного лица, и как публичный интерес государства.

Согласно преамбуле Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей»¹⁸ *потребитель* — это гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) *исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности*. Отсюда объективный интерес, ради которого потребитель должен вступать в правоотношение с продавцом, производителем либо лицом, оказывающим услугу или выполняющим работу, направлен на удовлетворение его личных, домашних или семейных нужд. Данный интерес является базовым, поскольку определяет внутреннее содержание всех субъективных прав потребителя. При этом цель выгоды у потребителя всё же может присутствовать, но она всегда будет выступать в качестве факультативной. Данный подход должен лежать в основе

¹³ См.: Вольфсон В. Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. С. 16–17.

¹⁴ См.: Вольфсон В. Л. Недобросовестность как диагноз злоупотребления субъективным гражданским правом. М. : Проспект, 2021. С. 63.

¹⁵ См.: Анисимов В. А. Особенности гражданско-правовой квалификации недобросовестного поведения участников потребительских отношений как злоупотребления правом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 110.

¹⁶ См.: Анисимов В. А. Актуальные проблемы гражданско-правовой охраны потребительского интереса // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 2. С. 35.

¹⁷ См.: Ильина О. Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 34.

¹⁸ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

понимания всего механизма осуществления и защиты субъективных прав потребителя. Таким образом, основным квалифицирующим признаком злоупотребления правом со стороны потребителя является осуществление им правомочий преимущественно с целью получения для себя какой-либо материальной выгоды, а не удовлетворения личных (домашних, семейных) потребностей или защиты нарушенного права.

Как отмечает В. А. Анисимов, злоупотребление правом участником потребительских отношений является средством достижения желаемого экономического результата для нарушителя, а причинение убытков своему контрагенту — лишь неизбежное следствие подобного нарушения, поскольку в гражданско-правовых обязательствах злоупотребления направлены в большей степени на получение необоснованных преимуществ для управомоченного субъекта, чем на причинение вреда другому лицу¹⁹. Поэтому для данного вида отношений характерны злоупотребления в форме недобросовестного правоосуществления, а шикана и обход закона с противоправной целью здесь не имеют широкого распространения.

Как следует из определения Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2020 № 88-16962/2020²⁰, истец (покупатель) и ответчик (продавец) заключили договор купли-продажи автомобиля, в результате чего продавец передал покупателю автомобиль, а последний принял автомобиль и оплатил его стоимость. При этом, как следовало из акта приема-передачи, переданный истцу автомобиль находился в исправном техническом состоянии и в полной комплектации. Однако в экземпляре покупателя имелась рукописная запись продавца — консультанта отдела продаж: «Обязуемся установить новый передний бампер в течение трех месяцев за счет дилерского центра...». Позднее истец обратился к продавцу с претензией, в которой просил выплатить стоимость нового бампера и неустойку, но получил отказ. Суд

первой инстанции искивые требования также оставил без удовлетворения, посчитав, что на момент подписания акта приема-передачи истец не имел претензий к ответчику по принятому автомобилю, а продавец-консультант, сделавший в одном из экземпляров акта запись об обязанности установки нового бампера, не был уполномочен ответчиком на решение данного вопроса. Кроме того, в ходе рассмотрения дела было установлено, что в результате ДТП бампер автомобиля получил повреждения, которые были устранены по направлению страховой компании. Суд апелляционной инстанции согласился с такими выводами, дополнительно указав, что в предъявлении истцом требований о взыскании стоимости нового переднего бампера и неустойки, после того как он получил от страховой компании денежное возмещение за ремонт и установку бампера, усматриваются признаки недобросовестности и злоупотребления правом. Восьмой кассационный суд вышеприведенные судебные акты оставил без изменения. В указанном споре поведение покупателя нельзя квалифицировать в качестве шиканы, поскольку очевидно, что цель его обращения к продавцу с требованием возместить стоимость нового бампера и выплатить неустойку была направлена на получение материальной выгоды, а не причинение имущественного вреда ответчику. По крайней мере, обратное доказать весьма сложно, если только истец сам не подтвердит факт совершения указанных действий с исключительным намерением причинить второй стороне ущерб. Говорить о наличии обхода закона также не приходится, так как потребитель в данном случае не эксплуатирует юридико-технический формализм позитивного права, а в классическом виде выходит за рамки осуществления субъективного права и охраняемого законом интереса. Поэтому в приведенной ситуации потребитель злоупотребляет правом в форме заведомо недобросовестного правоосуществления.

¹⁹ См.: Анисимов В. А. Методологические проблемы исследования злоупотребления субъективными гражданскими правами участниками потребительских отношений // Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцев, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2017. С. 328–329.

В свете исследуемой проблемы может показаться, что своими правами злоупотребляет только потребитель. Однако это не так. На практике потребитель чаще становится жертвой недобросовестных действий своего контрагента.

В качестве примера можно привести гражданское дело, рассмотренное Верховным Судом РФ 9 февраля 2021 г.²¹, согласно которому между истцом и ответчиком было заключено два договора участия в долевом строительстве. По одному договору ответчик обязался построить и передать истцу квартиру, а по другому — подсобное нежилое помещение (место на подземной парковке). При этом цена нежилого помещения составила 1 000 руб. Поскольку застройщик не исполнил свои обязательства, истец отказался от второго договора и попросил в судебном порядке взыскать с ответчика разницу между рыночной стоимостью переданного парковочного места и уплаченными за него денежными средствами (1 000 руб. застройщик возместил добровольно). Суд первой инстанции посчитал, что стоимость объекта долевого строительства в 1 000 руб. не отражает его действительную стоимость и что такая цена была определена застройщиком в качестве акционного предложения в связи с заключением с истцом договора долевого участия на приобретение квартиры в том же доме, ввиду чего отказал во взыскании стоимости нежилого помещения, а действия истца, направленные на ее получение, признал злоупотреблением правом. Апелляционная и кассационная судебные инстанции с такими выводами согласились. Однако Судебная коллегия приняла во внимание, что договоры долевого участия как на квартиру, так и на подсобное помещение истцом были заключены по предложению застройщика и по предложенной им цене, при этом гражданин добросовестно и разумно полагал получить квартиру с подсобным помещением по указанной в договоре цене, но ожидаемого результата не получил по вине ответчика, вследствие чего у него возникло право требовать то, на что рас-

считывал, принимая предложение ответчика при заключении договоров. В результате со ссылкой на ст. 10 ГК РФ, но уже применительно к застройщику судебные акты нижестоящих судов были отменены с направлением дела на новое апелляционное рассмотрение.

Анализируя обстоятельства данного дела, можно предположить, что застройщик, предлагая истцу парковочное место стоимостью 1 000 руб., стремился заключить с истцом договор долевого участия в отношении жилого помещения, т.е. получить прибыль, что соответствует его объективному интересу, учитывая цель любой предпринимательской деятельности. Поэтому для квалификации злоупотребления правом со стороны застройщика интерес теряет всякое значение, а основным критерием злоупотребительных действий становится факт причинения имущественного вреда участнику долевого строительства. Что касается ошибочного признания судами действий истца злоупотреблением правом, то интерес в данном контексте снова приобретает имманентный характер. Исходя из общего объективного интереса, определяющего целевое назначение всех субъективных прав потребителя, действия последнего должны быть направлены в первую очередь на удовлетворение личных или семейных нужд. При этом охраняемый законом интерес не может зависеть от стоимости товара (услуги или работы), поскольку она согласуется сторонами в ходе переговорного процесса, а следовательно, не составляет содержание субъективного права, имеющего абстрактный, а не конкретный характер. Отсюда заключение потребителем договора долевого участия в отношении подсобного помещения стоимостью ниже рыночной, а также предъявление в последующем требования о взыскании разницы между его рыночной стоимостью и фактически уплаченными денежными средствами в связи с неисполнением застройщиком обязательств не может свидетельствовать о выходе потребителя за пределы вмененного интереса и не влечет

²⁰ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.02.2021 № 45-КГ20-29-К7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

признание таких действий злоупотреблением правом. Отсюда можно заключить, что злоупотребление правом со стороны потребителя и со стороны предпринимателя имеют разную правовую природу и основания.

Таким образом, злоупотребление потребителем правом представляет собой намеренное недобросовестное осуществление принадлежащего данному субъекту правомочия в противоречии с заложенным в нем интересом, направленное на получение дохода или иной материальной выгоды. Такое поведение имеет место, когда гражданин приобретает товар или услугу не только для удовлетворения своих личных, домашних или семейных потребностей, но и с целью получения необоснованной компенсации, а, предъявляя своему контрагенту претензию или обращаясь с иском в суд, стремится не столько восстановить нарушенное право,

сколько взыскать в свою пользу штрафные санкции. При этом цель получения материальной выгоды для потребителя, злоупотребляющего правом, выступает в качестве основной, доминирующей над всеми остальными. Поэтому ключевой категорией для признания поведения потребителя недобросовестным является интерес. Причем значение имеет как субъективный, так и объективный интерес, соотношение которых и будет определять наличие или отсутствие злоупотребления правом. Однако интерес не является универсальным критерием, поскольку теряет определяющее значение при квалификации злоупотребительных действий второго участника рассматриваемых правоотношений (продавца, производителя, исполнителя), что связано с общей направленностью предпринимательской деятельности на извлечение прибыли.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Анисимов В. А.* Актуальные проблемы гражданско-правовой охраны потребительского интереса // Юридический вестник Самарского университета. — 2017. — Т. 3. — № 2. — С. 31–38.
2. *Анисимов В. А.* Методологические проблемы исследования злоупотребления субъективными гражданскими правами участниками потребительских отношений // Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей. Ежегодник. — Вып. 2. 2017 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцев, О. А. Кузнецова. — М. : Статут, 2017. — С. 325–333.
3. *Анисимов В. А.* Особенности гражданско-правовой квалификации недобросовестного поведения участников потребительских отношений как злоупотребления правом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 5 (118). — С. 107–114.
4. *Вольфсон В. Л.* Недобросовестность как диагноз злоупотребления субъективным гражданским правом. — М. : Проспект, 2021. — 80 с.
5. *Вольфсон В. Л.* Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве : монография. — М. : Проспект, 2020. — 144 с.
6. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. А. Белов. — 2-е изд., стер. — М. : Юрайт, 2020. — 484 с.
7. *Доманжо В. П.* Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом // Ученые записки Казанского императорского университета. — Кн. V. — 1913. — С. 1–16.
8. *Иеринг Р.* Избранные труды : в 2 т. Т. 1. — СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2006. — 616 с.
9. *Ильина О. Ю.* Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006. — 42 с.
10. *Михайлов С. В.* Категория интереса в российском гражданском праве. — М. : Статут, 2002. — 205 с.
11. *Мусарский С. В.* Основные взгляды на сущность злоупотребления правом в зарубежном и отечественном гражданском праве. — М. : Зерцало-М, 2021. — 100 с.

12. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом : монография. 3-е изд., доп. — М. : Юрайт, 2019. — 241 с.
13. Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2008. — 25 с.
14. Хвостов В. М. Система римского права. — М. : Юрайт, 2022. — 540 с.

Материал поступил в редакцию 24 мая 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anisimov V. A. Aktualnye problemy grazhdansko-pravovoy okhrany potrebitelskogo interesa // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. — 2017. — T. 3. — № 2. — S. 31–38.
2. Anisimov V. A. Metodologicheskie problemy issledovaniya zloupotrebleniya subektivnymi grazhdanskimi pravami uchastnikami potrebitelskikh otnosheniy // Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh statey. Ezhegodnik. — Vyp. 2. 2017 / otv. red. A. V. Gabov, V. G. Golubtsev, O. A. Kuznetsova. — M.: Statut, 2017. — S. 325–333.
3. Anisimov V. A. Osobennosti grazhdansko-pravovoy kvalifikatsii nedobrosovestnogo povedeniya uchastnikov potrebitelskikh otnosheniy kak zloupotrebleniya pravom // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2017. — № 5 (118). — S. 107–114.
4. Volfson V. L. Nedobrosovestnost kak diagnoz zloupotrebleniya subektivnym grazhdanskim pravom. — M.: Prospekt, 2021. — 80 s.
5. Volfson V. L. Protivodeystvie zloupotrebleniyu pravom v rossiyskom grazhdanskom zakonodatelstve: monografiya. — M.: Prospekt, 2020. — 144 s.
6. Grazhdanskoe pravo. Aktualnye problemy teorii i praktiki: v 2 t. T. 1 / otv. red. V. A. Belov. — 2-e izd., ster. — M.: Yurayt, 2020. — 484 s.
7. Domanzho V. P. Otvetstvennost za vred, prichinennyy putem zloupotrebleniya pravom // Uchenye zapiski Kazanskogo imperatorskogo universiteta. — Kn. V. — 1913. — S. 1–16.
8. Iering R. Izbrannye trudy: v 2 t. T. 1. — SPb.: Izdatelstvo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr-Press», 2006. — 616 s.
9. Ilina O. Yu. Chastnye i publichnye interesy v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2006. — 42 s.
10. Mikhaylov S. V. Kategoriya interesa v rossiyskom grazhdanskom prave. — M.: Statut, 2002. — 205 s.
11. Musarskiy S. V. Osnovnye vzglyady na sushchnost zloupotrebleniya pravom v zarubezhnom i otechestvennom grazhdanskom prave. — M.: Zertsalo-M, 2021. — 100 s.
12. Porotikova O. A. Problema zloupotrebleniya subektivnym grazhdanskim pravom: monografiya. 3-e izd., dop. — M.: Yurayt, 2019. — 241 s.
13. Radchenko S. D. Zloupotreblenie pravom v grazhdanskom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. — M., 2008. — 25 s.
14. Khvostov V. M. Sistema rimskogo prava. — M.: Yurayt, 2022. — 540 s.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.140-150

В. Г. Фомина*

Причинно-следственная связь в делах, связанных с возмещением вреда, причиненного ненадлежащим оказанием медицинских услуг

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей установления судом причинно-следственной связи между противоправным действием (бездействием) причинителя вреда и возникшим вредом при рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного ввиду ненадлежащего оказания медицинских услуг. На основе анализа судебной практики рассмотрена квалификация судом юридически значимой причинно-следственной связи. Поднимается также вопрос о значении и об оценке судом заключения судебно-медицинского эксперта при установлении причинно-следственной связи между дефектами в оказанной медицинской услуге и возникшим вредом. Исследован опыт установления причинно-следственной связи в судебном процессе Англии и Германии. Рассмотрено использование доктрин *res ipsa loquitur*, *condicio sine qua non*, «полностью управляемых рисков» в процессе установления причинно-следственной связи при рассмотрении данной категории дел с учетом специфики организации медицинской деятельности, в том числе и в сложных клинических случаях.

Ключевые слова: гражданский процесс; причинение вреда; доказательственные презумпции; деликтная ответственность; обязанности по доказыванию; предмет доказывания; причинно-следственная связь; противоправность; медицинское вмешательство; медицинские услуги.

Для цитирования: Фомина В. Г. Причинно-следственная связь в делах, связанных с возмещением вреда, причиненного ненадлежащим оказанием медицинских услуг // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 140–150. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.140-150.

© Фомина В. Г., 2022

* Фомина Валерия Георгиевна, аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vfominalaw@yandex.ru

Causal Relationship in Cases Related to Compensation for Harm Caused by Improper Provision of Medical Services

Valeriya G. Fomina, Postgraduate Student, Department of Civil and Administrative Litigation, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vfominalaw@yandex.ru

Abstract. The paper studies some peculiarities of establishing by the court of a causal relationship between the unlawful action (inaction) of the tortfeasor and the resulting harm in considering compensation cases for harm caused due to improper provision of medical services. Having analyzed the judicial practice, the author considers the way the court classifies a legally significant causal relationship. The author raises a question about the significance and assessment by the court of a forensic medical expert opinion in establishing a causal relationship between defects in the medical service provided and the resulting harm. The experience of establishing a causal relationship in the litigation of England and Germany has been studied. The use of the doctrines of *res ipsa loquitur*, *condicio sine qua non*, «fully managed risks» in the process of establishing a causal relationship when considering this category of cases, taking into account the specifics of the organization of medical activity, including in complex clinical cases, is considered.

Keywords: civil proceedings; causing harm; evidentiary presumptions; tort liability; burden of proof; subject of proof; causal relationship; wrongfulness; medical intervention; medical services.

Cite as: Fomina VG. Prichinno-sledstvennaya svyaz v delakh, svyazannykh s vozmeshcheniem vreda, prichinnenogo nenadlezhashchim okazaniem meditsinskikh uslug [Causal Relationship in Cases Related to Compensation for Harm Caused by Improper Provision of Medical Services]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):140-150. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.140-150. (In Russ., abstract in Eng.).

Причинно-следственная связь относится к одному из обязательных фактов предмета доказывания при рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного ввиду ненадлежащего оказания медицинских услуг. Причинно-следственная связь имеет объективный характер, отображает существующую в действительности связь между действием (бездействием) и наступившими последствиями и имеет отношение только к определенному случаю.

Обязанность доказывания причинно-следственной связи между возникшим вредом и противоправным действием (бездействием) ответчика возлагается на истца. В связи с тем, что истец не обладает специальными знаниями в области медицины, вопрос определения причинно-следственной связи ставится, как правило, на разрешение судебно-медицинской

экспертизы. Определение причинно-следственной связи относится к одной из сложных (диагностических) задач судебно-медицинской экспертизы¹. Из статьи 58 Федерального закона от 21.11.2011 № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»² следует, что судебно-медицинская экспертиза представляет собой исследование, которое проводится в целях установления причинно-следственной связи. Приказ Минздрава СССР от 21.07.1988 № 579 «Об утверждении квалификационных характеристик врачей-специалистов»³ указывает на обязанность врача судебно-медицинского эксперта обладать умением устанавливать причинно-следственную связь между повреждением и неблагоприятным исходом. Необходимо помнить, что причинно-следственная связь между допущенным дефектом оказания медицинской услуги

¹ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2018. С. 18.

² СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

³ СПС «КонсультантПлюс».

и неблагоприятным исходом должна быть установлена на всех этапах лечения пациента (сбор анамнеза, диагностические манипуляции, процесс лечения, проведение оперативного вмешательства). Для судебно-медицинского эксперта причиной является определенное воздействие на живой организм, которое должно закономерно и неотвратимо, с определенной временной последовательностью привести к своему закономерному следствию. Отсутствие причинно-следственной связи на любом из этапов оказания медицинской услуги влечет за собой утрату связи между противоправным действием (бездействием) исполнителя и возникшим вредом.

В соответствии со ст. 67 ГПК РФ после оценки судом представленного заключения судебно-медицинской экспертизы причинно-следственная связь приобретает юридическое значение. Согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном решении»⁴ заключение эксперта не является исключительным средством доказывания и подлежит оценке в совокупности с иными доказательствами по делу. Суд оценивает представленное заключение на соответствие требованию допустимости, в частности проводит анализ на соблюдение компетентности эксперта, его незаинтересованности в исходе дела, а также процессуального порядка подготовки, назначения и проведения экспертизы.

В Российской Федерации юридически значимой является такая причинно-следственная связь, при наличии которой неблагоприятные последствия возникли вследствие противоправных действий (бездействия) исполнителя. При наличии только абстрактной возможности наступления вреда причинно-следственная связь между поведением и неблагоприятным последствием отсутствует. Установление причинно-следственной связи должно производиться от следствия к причине. Это обусловлено тем, что действия или бездействие зафиксировать не

всегда представляется возможным, в отличие от конкретного результата.

Е. П. Шевчук обращает внимание, что причинно-следственная связь по делам о возмещении вреда здоровью при оказании медицинских услуг имеет две составляющие. Во-первых, факт наличия связи между действиями (бездействием) врача и повреждением здоровья; во-вторых, факт связи между повреждением здоровья и расходами на дополнительное лечение, обследование, реабилитацию⁵.

Несмотря на то что на законодательном уровне не предусмотрено разграничение причинно-следственной связи на прямую и связь, обусловленную косвенными условиями, в юридической практике такое разделение присутствует. Согласно теории прямых и косвенных связей юридическое значение приобретает такая связь, при которой следствие возникает непосредственно из действий (бездействия) причинителя вреда с учетом объективных закономерностей и в условиях, имеющих место до совершения действия. При изменении причинителем вреда окружающей обстановки в виде отступления от обычных условий, способствующих наступлению вреда, устанавливается косвенная связь⁶.

Ю. Б. Фогельсон, следуя «доктрине непосредственной причины», указывал на то, что юридически значимой является причинно-следственная связь, в которой непосредственной причиной возникшего вреда становится правонарушительное действие (бездействие). Косвенное участие в причинении вреда не может рассматриваться в качестве достаточного основания для возмещения вреда. Вследствие чего не может быть условием для возложения ответственности на правонарушителя.

Причинная связь, обусловленная косвенными условиями, свидетельствует о том, что действие (бездействие) ответчика находится за пределами определенного случая, следовательно, за пределами юридически значимой причинной связи⁷. В делах о возмещении вреда, связанного

⁴ Российская газета. 2003. № 260.

⁵ Шевчук Е. П. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2. С. 62.

⁶ Кофман В. И. Границы теоретически значимого причинения // Правоведение. 1960. № 3. С. 50–58.

с ненадлежащим оказанием медицинских услуг, судом в качестве причины возникшего вреда рассматривается не только поведение исполнителя, которое прямо (непосредственно) связано с исходом. Отсутствие в законе указания на характер причинной связи между противоправным поведением исполнителя и возникшим вредом в качестве юридически значимой используется в судебной практике как основание для установления юридически значимой косвенной связи (связи, обусловленной косвенными условиями)⁸. В частности, выявленные при проведении судебно-медицинской экспертизы дефекты в оказании медицинской услуги могут состоять в косвенной связи (связи, обусловленной косвенными условиями) с ухудшением состояния здоровья пациента. Суд устанавливает косвенную связь при наличии дефектов, выявленных при оказании медицинской услуги, которые могли способствовать ухудшению состояния здоровья пациента и ограничить право на своевременное получение медицинской услуги. Связь, обусловленная косвенными условиями, устанавливается там, где причина порождает результат опосредованно, где создается возможность его возникновения. Возможность фактически реализуется в силу естественных причин, либо поведения самого потерпевшего, либо действиями третьего лица. Допущенные дефекты лечения не всегда являются причиной возникшего вреда или смерти пациента. Причиной может стать патология, существующая у пациента, а дефекты, допущенные в процессе лечения (снижение лечебных мероприятий), выступают в качестве негативного условия протекания заболевания.

Например, в суд обратилась пациентка в связи с некачественным оказанием медицинской услуги. Ей была проведена ринопластика, после которой образовался остеомелит костей носа. Согласно заключению эксперта, нарушение,

вмененное ответчику, в виде несоблюдения должной профилактики инфекционных осложнений у пациентки путем лечения антибиотиками и гипсовой лангетки не находилось в прямой причинно-следственной связи с наступившими последствиями. Прямая причинно-следственная связь между возникшей инфекцией и недостаточностью профилактических мер не могла быть установлена в связи с неоднозначным характером эффективности мер. Даже при проведении полного комплекса консервативного лечения риск развития инфекционных осложнений после оперативного вмешательства сохранялся на высоком уровне. В результате была установлена косвенная связь, подтвержденная заключениями экспертов. В пользу истца были взысканы денежная компенсация морального вреда и стоимость оказанной медицинской услуги. Дефекты, допущенные при оказании медицинской услуги, были квалифицированы судом как «условия, которые стали причиной, не позволившей изменить характер течения патологического процесса»⁹.

На достижение благоприятного результата в процессе лечения может повлиять не только дефект в деятельности медицинского работника, но и состояние здоровья пациента, естественное течение болезни. В таких случаях должен использоваться метод исключения вероятных причин возникновения вреда у пациента. Для этого необходимо установить все обстоятельства, которые послужили причиной неблагоприятного результата и дифференцировать значение каждого из них в процессе оказания медицинской услуги.

Так, например, можно рассмотреть следующий случай из судебной практики. Пациентка обратилась в суд с требованием к стоматологической клинике. После протезирования у истицы возникли жалобы на сухость во рту и на губах, извращение вкуса, постоянные «сглатыва-

⁷ Габай П. Г., Зарипова Л. А. Значение причинно-следственных связей при рассмотрении гражданских и уголовных дел о причинении смерти или вреда здоровью. М. : Российский следователь, 2018. С. 10.

⁸ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.12.2021 № 88-28054/2021, 2-1591/2020.

⁹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25.06.2020 № 88-6211/2020 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

вания», боли в горле и на кончике языка, жжение слизистой оболочки, эрозии языка. Диагноз ответчиком установлен не был и надлежащее лечение не проведено. В течение полугода пациентка самостоятельно проходила дополнительные обследования в других медицинских организациях. В результате был поставлен диагноз «гальванический синдром»¹⁰. При таком диагнозе требовалось снять всю металлокерамическую конструкцию и заменить ее на безметалловую керамику. Суд первой инстанции взыскал в пользу истца ущерб в полном объеме. Суд апелляционной инстанции оставил решение в силе. По результатам экспертизы было установлено, что ответчик все медицинские манипуляции провел правильно. Между лечением пациентки в клинике и развитием «гальванического синдрома» установлена клинически подтвержденная связь. При этом отмечается, что протезирование могло быть только одним из факторов развития выявленного синдрома. У пациентки наблюдался комплекс болезней, которые наслаивались друг на друга, некоторые из которых могли быть обусловлены «гальванозом». Суд кассационной инстанции не согласился с позицией нижестоящих судов. В решении суды ограничивались цитированием выводов заключений экспертов, медицинской документации. Обоснование выводов о ненадлежащем оказании медицинской услуги, причинившей вред здоровью, в решении отсутствовало. Суд не указал, какие именно действия (бездействие) ответчика свидетельствовали об оказании медицинской услуги ненадлежащего качества и привели к развитию «гальваноза». Заключение экспертов также не содержало указание на точную причину возникшего вреда¹¹.

Таким образом, выявленная множественность симптомов у пациента затруднила процесс проведения судебно-медицинской экс-

пертизы и не позволила определить истинную причину неблагоприятного исхода. При наличии вероятностного заключения о наличии или об отсутствии факта необходимо отграничивать истинную причину возникшего вреда от обстоятельств, которые опосредованно повлияли на неблагоприятный исход лечения. Каждое из обстоятельств, создавших фоновый риск, должно быть не только исследовано при проведении судебно-медицинской экспертизы, но и проанализировано судом при оценке заключения относительно воздействия на состояние здоровья пациента. Следует учитывать в совокупности представленные доказательства и при необходимости назначать проведение судебно-медицинской экспертизы качества оказания медицинской услуги.

В науке в качестве одного из способов установления истинной причины возникшего вреда предлагалось использование теории неравноценности условий, в соответствии с которой суд должен определить наличие или отсутствие связи; при этом проводить детальный анализ «степени причинения» не требуется¹². Таким образом, из множества причин, которые могли послужить основанием возникновения вреда, выделяется причина (причины) без разделения их на прямую или связь, обусловленную косвенными условиями.

Выработать единые критерии установления судом причинно-следственной связи не представляется возможным. Конкретное рассматриваемое судом дело о возмещении вреда имеет свои особенности, каждый исход обусловлен определенной причиной или их совокупностью. Представляется правильным подход, при котором суд, используя свои знания и опыт, учитывая заключение судебно-медицинских экспертов, среди нескольких возможных причин определит основное обстоятельство, которое

¹⁰ Патологическое, электрохимическое воздействие на ткани полости рта (см.: Юмашев А. В., Кристаль Е. А., Кудерова И. Г. Непереносимость ортопедических конструкций, явления гальванизма // Здоровье и образование в XXI веке. 2012. Т. 14. № 2. С. 26).

¹¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.04.2021 № 88-7968/2021 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹² Болдинов В. М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. СПб., 2002. С. 98.

послужило основанием вреда, и установит прямую причинно-следственную связь. Наличие фонового риска в виде дополнительных обстоятельств между противоправным поведением исполнителя и вредом является основанием для установления причинной связи, обусловленной косвенными обстоятельствами. Для установления искомого факта с помощью косвенного доказательства необходимо, чтобы многозначность связей была сведена к единственной связи с искомым фактом для установления истинной причины возникшего вреда¹³.

В Англии при рассмотрении споров, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг, суды для установления причинно-следственной связи используют тест «but for», в соответствии с которым истец должен доказать, что вреда бы не произошло, если бы не нарушение обязанности должного ухода за пациентом. Ответчику следует доказать, что вред здоровью возник бы в любом случае, независимо от исполнения обязанности ухода за пациентом.

Примером использования теста «but for» является дело Paul v. Cooke¹⁴. По материалам дела пациентке в 2003 г. была проведена компьютерная томография, по результатам которой врач не выявил никаких отклонений. Спустя 3 года, когда она обратилась к другому специалисту, была обнаружена аневризма. Пациентка подверглась операции, которая производилась посредством намотки. В сосудах были установлены специальные спирали, которые блокировали аневризму. Во время операции аневризма разорвалась, произошло внутримозговое кровоизлияние, и пациентка навсегда осталась инвалидом. Пострадавшая обратилась в суд с иском к исполнителю, который 3 года назад не выявил на томограмме аневризму. Истец утверждала, что, если бы медицинский работник 3 года назад обнаружил аневризму, возможно, в проведении операции не было бы необходимости и она не осталась бы инвалидом. Суд постановил, что задержка в лечении действительно увеличивает риск разрывов, но спонтанного

разрыва аневризмы до проведения операции не произошло. Медицинский работник действительно не смог обнаружить аневризму. Имел место риск спонтанного разрыва, но снимки, сделанные в 2006 г., не подтвердили увеличение размеров аневризмы. Поэтому ситуация в отношении аневризмы не изменилась. Тем не менее аневризма была задета в процессе операции и пациентка осталась инвалидом. Суд постановил, что пострадавшая «выиграла» от 3-летней задержки в диагностике, поскольку теперь в качестве лечения был избран метод, который не существовал 3 года назад, теоретически это более безопасная процедура, чем та, которую ей пришлось бы пройти в 2003 г. Это дело демонстрирует, что связь между нарушением и причиненным вредом не может быть установлена, если суд придет к выводу, что вред причинен случайно и не связан с поведением ответчика.

В данной ситуации противоправность поведения исполнителя состояла в ненадлежащем проведении диагностики, отсутствии правильного диагноза и, как следствие, отсутствии своевременного лечения пациента, что увеличило риск разрыва аневризмы и летального исхода. Несвоевременное оказание медицинской помощи увеличило риск естественного разрыва аневризмы, но не риск перфорации артерии при проведении хирургической операции. Эксперты-нейрохирурги согласились с тем, что, если бы истица подверглась процедуре хирургического иссечения аневризмы в 2003 г., вероятность избежать разрыва аневризмы и инсульта была выше более чем на 99 %. Таким образом, истец установил фактическую причинно-следственную связь в соответствии со ст. 5D(1)(a) Закона о гражданской ответственности. Однако статья 5D(1)(b) Закона требует, чтобы суд оценивал целесообразность привлечения ответчика к ответственности за причиненный вред. Суд пришел к выводу, что разрыв аневризмы истца был «логически не связан» с запоздалым диагнозом ответчика. Риск разрыва во время операции

¹³ Курyleв С. В. Сущность судебных доказательств // Избранные труды. Минск, 2012. С. 249–251. URL: http://www.pravo.by/upload/pdf/izbrannye-trudy/kurylev_izbrannie_trudi.pdf.

¹⁴ Paul v. Cooke [2012] NSWSC 840.

отличался от спонтанного разрыва аневризмы, который мог быть связан с неспособностью исполнителя поставить диагноз. Поскольку риск спонтанного разрыва не материализовался, ответчик не был привлечен к ответственности. Суд провел разграничение между неспособностью предупредить и неспособностью диагностировать патологию. Тот факт, что состояние истца не ухудшилось в период с 2003 по 2006 г. сводило на нет, по мнению одного из судей, связь между несвоевременной постановкой диагноза и полученным в результате ущербом.

Представляется интересным опыт Англии в доказывании причинно-следственной связи в сложных клинических случаях. Когда в качестве возможной причины возникшего вреда выступают сразу несколько различных факторов, ответчик не может быть привлечен к ответственности. Так, недоношенный ребенок ослеп после получения избыточной дозы кислорода. Чрезмерное получение кислорода было только одной из пяти возможных причин потери зрения. Для того чтобы упростить процесс доказывания для истца, суд возложил на ответчика бремя доказывания причинно-следственной связи. Исполнитель должен был доказать, что причиной возникшего вреда послужили иные обстоятельства, не связанные с превышением дозы кислорода. Палата лордов приняла другое решение, акцентировав внимание на том, что доказывание нарушения обязанности и наличия вреда не может являться основанием для презумпции наступления этого вреда именно вследствие нарушения обязанности, и бремя доказывания причинно-следственной связи между указанными обстоятельствами оставила на истце. Иск был отклонен, поскольку установить точную причину возникшего вреда или причину, способствующую наступлению вреда, не удалось¹⁵.

Сходные ситуации имеют место и в практике российских судов. Экспертным заключением было установлено, что на развитие ослож-

нений у пациента оказали влияние не только недостатки медицинской помощи, но и сама травма. Установить процентное соотношение каждого из факторов, которые могли повлиять на неблагоприятный исход, не представлялось возможным. В результате установить наличие причинно-следственной связи между оказанной медицинской помощью и неблагоприятным исходом в виде развития осложнений не удалось¹⁶.

Наличие причинно-следственной связи, определенной с высокой степенью вероятности, между действием (бездействием) исполнителя и возникшим вредом при проведении судебно-медицинской экспертизы может рассматриваться в качестве основания для установления судом связи, обусловленной косвенными условиями. В обоснование вывода об установлении факта наличия причинно-следственной связи судом может быть положено только заключение судебно-медицинской экспертизы, имеющее высокую степень вероятности и основанное на исследовании представленных объектов материального мира в свете известных науке закономерностей¹⁷. Такое заключение позволит установить факт наличия причинно-следственной связи между действием (бездействием) исполнителя и возникшим вредом с определенной долей вероятности. Использование косвенных доказательств всегда должно применяться в совокупности с другими прямыми и косвенными доказательствами¹⁸. При оценке представленного доказательства суд должен определить, насколько достоверно каждое из доказательств, вне зависимости от того, является оно прямым или косвенным. При этом причинная сверхдетерминация, неопределенность должна быть устранена посредством установления единственной причины неблагоприятного исхода в лечении пациента.

В системе общего права при рассмотрении дела руководствуются доктриной «*res ipsa loquitur*», которая позволяет отступить от об-

¹⁵ Wilsher v. Essex Area Health Authority. 1987. QB 730 (CA) 774.

¹⁶ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 19.07.2018 № 33-4959 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Боннер А. Т. Проблемы теории судебных доказательств. М., 2021. С. 291.

¹⁸ Треушников М. К. Судебные доказательства. М. : Городец, 1997. С. 283.

щих правил доказывания. Используя данную доктрину, суд может установить причину вреда при наличии явных противоправных действий медицинского работника и определить, было ли медицинским работником допущено нарушение должной осмотрительности, без привлечения судебно-медицинского эксперта. Указанный подход может быть использован и при рассмотрении дел, связанных с возмещением вреда, причиненного при оказании медицинских услуг, российскими судами для упрощения процесса доказывания причинно-следственной связи. В частности, когда риск полностью подконтролен медицинскому работнику. В связи с отсутствием иных обстоятельств (фоновое риска), которые могли выступать в качестве первопричины возникшего вреда, суд может самостоятельно установить причинно-следственную связь. Дефект в деятельности медицинского работника явно выражен и проявляется в виде: оставления салфеток, хирургических инструментов в теле пациента в результате оперативного вмешательства; перфорации пищевода в ходе проведения эзофагогастродуоденоскопии; ампутации пальцев в результате тугого затягивания бинтом руки у новорожденного ребенка и т.д.

Таким образом, доктрина «*ipsa loquitur*» позволяет установить причинно-следственную связь и привлечь к ответственности в случае, когда опасная клиническая ситуация с пациентом была полностью под контролем медицинской организации и при стандартном течении вред не мог возникнуть. Ответчик вправе представлять доказательства, подтверждающие проявление разумной осторожности при оказании медицинской услуги или факта возникновения вреда в результате воздействия независимых от врача обстоятельств¹⁹.

Доктрина и законодательство Англии и Германии предусматривают специальные положения относительно установления причинно-следственной связи между поведением причинителя вреда и возникшим неблагоприятным исходом. Конституционный суд Германии указал, что в делах, связанных с ненадлежащим

оказанием медицинской помощи, необходимо обеспечить равенство сторон. Для реализации данного указания истцу обеспечивается перенос бремени доказывания на ответчика. Использование специальных доктрин направлено на разумную оценку правил привлечения к ответственности и свидетельствует о том, что бремя доказывания пациентом причинно-следственной связи не должно ограничиваться строгими требованиями.

В Германии причинно-следственную связь разграничивают на обосновывающую ответственность, то есть связь между действиями нарушителя и нарушением права, и связью, определяющую ответственность, которая направлена на выявление зависимости между нарушением права и возникшими убытками (§ 823 I Германского гражданского уложения), также именуемые «первичной» и «вторичной» причинно-следственной связью. Такое разделение было предусмотрено для упрощения процесса доказывания пациентом причинно-следственной связи. Как только будет установлена связь, обосновывающая ответственность, вторичная связь устанавливается при достижении определенного порога достоверности, т.е. в соответствии с более низким стандартом доказывания (§ 287 ГПК Германии). Выделение фактической причинно-следственной связи позволяет отграничить вред, обусловленный противоправным действием (бездействием) исполнителя, от вреда, который возник в силу естественного развития болезни или несчастного случая.

Суд может рассматривать определенный факт как доказанный, если он соответствует определенному порогу достоверности. Данный аспект учитывается при определении причинно-следственной связи. Например, у пациентки возникла аллергическая реакция из-за нестерильного дезинфицирующего средства, используемого при кесаревом сечении. Пациентка перенесла синдром токсического шока, почечную недостаточность, лечение антибиотиками и осталась с серьезными нарушениями чувствительности. Медицинская организация ссылаясь на то, что причиной токсического

¹⁹ Delaney v. Southmead Health Authority (1995) 6 Med LR 355 (CA).

шока стала естественная инфекция. Суд установил, что первичный вред возник в результате использования дезинфицирующего средства, вызвавшего аллергическую реакцию. Связь между травмами и последующими осложнениями требовала доказательства только в соответствии со стандартом § 287 ГПК Германии²⁰.

Для устранения проблем в установлении фактической причинно-следственной связи было разработано положение «*Conditio sine qua non*», в соответствии с которым событие (поведение ответчика в форме действия или бездействия) будет рассматриваться как причина вреда, если оно не может быть устранено мысленно без изменения исхода (вреда здоровью). В случае, если вред здоровью был неизбежен и все равно произошел бы, требования истца не подлежат удовлетворению.

В практике немецких судов при рассмотрении дел, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг, применяется более эффективный механизм, позволяющий установить небрежность медицинского работника, — доктрина полностью управляемых рисков. Если возникший вред был полностью под ответственностью медицинского работника, то предполагается, что его причиной стала небрежность. Ярким примером является случай, когда в результате отсоединения систем оксигенации пациент получил сильнейшие повреждения головного мозга. Было установлено, что длительное время аппарат находился без контроля медицинского работника, оставалось неясным, когда именно произошло отключение трубки от кислородного аппарата. На основании установленного факта нарушения обязанности обеспечения безопасного технического оборудования суд возложил ответственность на медицинскую организацию²¹.

Применение доктрины полностью управляемых рисков существенно упрощает процесс доказывания для пациента, формально освобождая его от доказывания. Риск того, что ме-

дицинский работник не справился со своими обязанностями, будет находиться в бесспорной причинно-следственной связи с травмой пациента ввиду отсутствия фонового риска. После того как суд убедится в том, что риск был полностью подконтролен исполнителю, бремя доказывания возлагается на ответчика.

Доктрина полностью управляемых рисков с определенными изъятиями применяется и в разрешении дел, связанных с причинением вреда здоровью в результате внутрибольничных инфекций. При рассмотрении указанной категории дел суд в первую очередь должен убедиться в том, что распространение инфекции в медицинской организации подлежало контролю со стороны медицинского работника. Если этот факт будет установлен — ответственность за вред, причиненный здоровью, возлагается на ответчика. Ответчик, в свою очередь, должен доказать, что предпринял все необходимые меры предосторожности.

Однако судебная практика в последующем выработала иной, вполне обоснованный, подход. Федеральный Верховный суд Германии в деле 1991 г.²² сделал вывод о том, что достигнуть абсолютной стерильности в медицинских организациях невозможно даже при соблюдении санитарно-эпидемиологических правил и гигиенических нормативов. Поэтому внутрибольничные инфекции должны рассматриваться как риск пациента, не подлежащий возмещению.

Отдельное внимание уделяется установлению причинно-следственной связи при грубом нарушении медицинским работником своих обязанностей. Исчерпывающий перечень грубых нарушений отсутствует, они зависят от обстоятельств конкретного дела. Суд не может устанавливать наличие грубого нарушения, если мнения судебно-медицинских экспертов при проведении экспертизы разделились. Установить грубую ошибку суд может, только если имела место «фундаментальная ошибка»

²⁰ BGH, 9 May 1978, NJW 1978, 1683.

²¹ BGH, 11 October 1977, NJW 1978, 584.

²² BGH, 8 January 1991, NJW 1991, 1541.

(непроведение обязательных диагностических мероприятий, ошибка на институциональном уровне)²³.

Таким образом, причинно-следственная связь является одним из обстоятельств гражданско-правовой ответственности. При рассмотрении дел, связанных с возмещением вреда, причиненного ненадлежащим оказанием медицинских услуг, достоверно установить обстоятельства, имевшие место в прошлом, не всегда удается, суд устанавливает причинно-следственную связь между противоправным действием (бездействием) исполнителя и возникшим вредом на основе высокой степени вероятности.

В рамках судебно-медицинской экспертизы требуется однозначность при ответе на вопрос о причинно-следственной связи между воздействием повреждающего фактора и возникшим умалением здоровья. Вероятностное заключение судебно-медицинской экспертизы (связь, обусловленная косвенными доказательствами) должно рассматриваться в качестве косвенного доказательства по делу, поскольку носит характер большей или меньшей вероятности. Многозначность связей должна быть сведена к единственной связи с искомым фактом для установления истинной причины возникшего вреда.

Причина и следствие должны быть соразмерны и должны соответствовать принципу «*causa aequat effectum*». Для установления причинно-следственной связи между дефектом в оказании медицинской услуги и возник-

шим вредом следует учитывать степень неотвратимости наступления неблагоприятных последствий для пациента, своевременность действий медицинских работников, объем оказанной медицинской услуги. При разрешении дела судебно-медицинский эксперт определяет наличие причинно-следственной связи между допущенными дефектами в деятельности исполнителя и возникшим вредом. Суд с учетом заключения эксперта в судебном решении должен отразить первопричину возникшего вреда и определить наличие правовых оснований для ответственности.

Для установления причинно-следственной связи суду следует учитывать положение «треугольника вредоносности»²⁴. Это позволит отграничить ненадлежащее оказание медицинской услуги исполнителем как причины возникшего вреда от естественного течения заболевания и от индивидуальных особенностей реакции организма на медицинское вмешательство.

Опыт судов Англии и Германии в установлении причинно-следственной связи при наличии явных нарушений, а также когда опасная клиническая ситуация полностью под контролем медицинской организации и при стандартном течении возникновения вреда невозможно, может быть заимствован в практике РФ. В частности, предпосылкой для перераспределения бремени доказывания причинно-следственной связи на исполнителя выступает установленный судом факт грубых нарушений в оказании медицинской услуги и отсутствие фонового риска.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Болдинов В. М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2002.
2. Боннер А. Т. Проблемы теории судебных доказательств. — М. : Проспект, 2021.
3. Габай П. Г., Зарипова Л. А. Значение причинно-следственных связей при рассмотрении гражданских и уголовных дел о причинении смерти или вреда здоровью. — М. : Российский следователь, 2018.

²³ BGH, 23 March 1993, NJW 1993, 2375 ; BGH, 4 October 1994, NJW 1995, 778 ; E. Steffen and B. Pauge, *Arzthaftungsrecht — neue Entwicklungslinien der BGH-Rechtsprechung*, 10th edn (Cologne, RWS Kommunikationsforum, 2006), para. 524.

²⁴ Тихомиров А. В. Организационные начала публичного регулирования рынка медицинских услуг. М. : Статут, 2001. С. 141.

4. *Кофман В. И.* Границы теоретически значимого причинения // Правоведение. — 1960. — № 3. — С. 50–58.
5. *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М. : Норма: Инфра-М, 2018.
6. *Тихомиров А. В.* Организационные начала публичного регулирования рынка медицинских услуг. — М. : Статут, 2001.
7. *Треушников М. К.* Судебные доказательства. — М. : Городец, 1997.
8. *Шевчук Е. П.* Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. — 2009. — № 2. — С. 60–64.

Материал поступил в редакцию 16 марта 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Boldinov V. M. Otvetstvennost za prichinenie vreda istochnikom povyshennoy opasnosti: dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2002.
2. Bonner A. T. Problemy teorii sudebnykh dokazatelstv. — M.: Prospekt, 2021.
3. Gabay P. G., Zaripova L. A. Znachenie prichinno-sledstvennykh svyazey pri rassmotrenii grazhdanskikh i ugovolnykh del o prichinenii smerti ili vreda zdorovyu. — M.: Rossiyskiy sledovatel, 2018.
4. Kofman V. I. Granitsy teoreticheskoi znachimogo prichineniya // Pravovedenie. — 1960. — № 3. — S. 50–58.
5. Rossinskaya E. R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovolnom protsesse. — M.: Norma: Infra-M, 2018.
6. Tikhomirov A. V. Organizatsionnye nachala publichnogo regulirovaniya rynka meditsinskikh uslug. — M.: Statut, 2001.
7. Treushnikov M. K. Sudebnye dokazatelstva. — M.: Gorodets, 1997.
8. Shevchuk E. P. Prichinno-sledstvennaya svyaz kak uslovie deliktnoy otvetstvennosti pri okazanii meditsinskikh uslug // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. — 2009. — № 2. — S. 60–64.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.151-157

Е. С. Гринь*

Художник-постановщик мультипликационного фильма как новый автор аудиовизуального произведения

Аннотация. В статье рассматривается статус нового автора аудиовизуального произведения — художника-постановщика мультипликационного фильма. Анализируется круг авторов аудиовизуального произведения, рассматриваются данные правовые категории сквозь призму анализа зарубежного опыта, доктринальных источников и правоприменительной практики. В статье описываются положения ст. 1263 ГК РФ, посвященной одному из видов сложных объектов интеллектуальных прав — аудиовизуальному произведению. Автор рассматривает правовой статус художника-постановщика и приходит к выводу о необходимости введения нового субъекта в круг авторов рассматриваемого объекта. В статье анализируется зарубежный опыт — романо-германской и англо-американской правовых систем — в части определения круга авторов аудиовизуального произведения, в частности кинофильма и мультфильма. Автор делает вывод об актуальности изменений, которые были внесены в п. 2 пп. 4 ст. 1263 ГК РФ, и приводит в пример позитивный опыт зарубежных стран, которые выделяют художника-постановщика в качестве одного из авторов исследуемых произведений.

Ключевые слова: аудиовизуальное произведение; авторы; соавторы; сложный объект; художник-постановщик; режиссер; сценарист; композитор; мультипликационный фильм; продюсер.

Для цитирования: Гринь Е. С. Художник-постановщик мультипликационного фильма как новый автор аудиовизуального произведения // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 151–157. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.151-157.

© Гринь Е. С., 2022

* Гринь Елена Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
helenkotenko@yandex.ru

Animated Film Artist as a New Audiovisual Author

Elena S. Grin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Intellectual Property Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
helenkotenko@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the status of a new author of an audiovisual work: animated film artist. The author analyzes a range of authors of an audiovisual work, considers these legal categories through the prism of foreign experience analysis, doctrinal sources and law enforcement practice. The paper describes the provisions of Art. 1263 of the Civil Code of the Russian Federation, dedicated to one of the types of complex objects of intellectual property rights, namely an audiovisual work. The author considers the legal status of a film artist and concludes that it is necessary to introduce a new subject into a range of authors of the object in question. The paper analyzes foreign experience of Romano-Germanic and Anglo-American legal systems in terms of determining a range of authors of an audiovisual work, in particular a movie and a cartoon. The author draws a conclusion about the relevance of the changes made to paragraph 2(4) of Art. 1263 of the Civil Code of the Russian Federation and cites as an example the positive experience of foreign countries that single out a film artist as one of the authors of the works under study.

Keywords: audiovisual work; authors; coauthors; complex object; film artist; director; screenwriter; composer; animation film; producer.

Cite as: Grin ES. Khudozhnik-postanovshchik multiplikatsionnogo filma kak novyy avtor audiovizualnogo proizvedeniya [Animated Film Artist as a New Audiovisual Author]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):151-157. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.151-157. (In Russ., abstract in Eng.).

В отечественном законодательстве круг авторов сложных объектов интеллектуальных прав определен только для одной из разновидностей таких объектов — аудиовизуальных произведений. И в статье 1263 ГК РФ долгое время авторами такого произведения считались три субъекта: режиссер-постановщик, сценарист и композитор, который специально создает музыкальное произведение для данного сложного объекта (п. 2 ст. 1263 ГК РФ). Выявление таких авторов на законодательном уровне связано прежде всего с тем, что эти лица должны вносить существенный вклад в создание единого произведения, а не только создавать отдельные самостоятельные результаты творческого труда. С учетом анализа вклада таких лиц в создание аудиовизуального произведения были выделены именно эти субъекты, и перечень авторов являлся закрытым.

В ранее действовавшем законодательстве авторское право на кинофильм, так же как и на

мультфильм, принадлежало студии, предприятию, осуществившему съемку мультфильма или фильма (ч. 1 ст. 486 ГК РСФСР 1964 г.). Таким образом, авторские права на мультфильмы принадлежали, как правило, киностудии «Союзмультфильм» как предприятию, осуществившему съемку фильмов, и действовали бессрочно (ст. 498 ГК РСФСР). Киностудии принадлежали в том числе права на опубликование, воспроизведение и распространение своих произведений всеми дозволенными законом способами.

Право за киностудиями было сохранено и после введения в действие Закона 1993 г. «Об авторском праве и смежных правах»¹. Как отмечается Верховным Судом РФ, авторские права юридических лиц, которые возникли до 3 августа 1993 г., прекращаются по истечении 70 лет со дня правомерного обнародования произведения, а если оно не было обнародовано — со дня создания произведения². С учетом того, что права на мультфильмы принадлежали юриди-

¹ См.: п. 4 постановления Верховного Совета РФ от 09.07.1993 № 5352-1 «О порядке введения в действие Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах»»; ст. 6 Федерального закона от 18.12.2006 № 231-ФЗ.

² См.: п. 12 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015.

ческим лицам, в судебной практике возникали споры относительно прав отдельных лиц на созданные ими произведения, в том числе их защиту.

После введения в действие части IV ГК РФ и ст. 1263 ГК РФ в судебной практике возникали вопросы относительно авторства на мультипликационные фильмы в целом, поскольку, как правило, при создании таких произведений большой вклад вносили именно художники-постановщики по изготовлению рисунков персонажей, без которых создание аудиовизуального произведения не представляется возможным, которые в силу закона не являлись авторами произведения в целом, а права возникали только на результаты творческого труда, которые вошли составной частью в мультфильм, например персонаж произведения³.

В юридической литературе выдвигались правовые инициативы о расширении круга авторов аудиовизуального произведения. Предлагалось внести в список авторов художника-постановщика, оператора, продюсера сложных объектов, а также сделать перечень авторов таких результатов открытым и определять авторами аудиовизуальных произведений тех лиц, которые внесли существенный вклад в создание произведения. Вместе с тем на законодательном уровне продюсер был определен как изготовитель аудиовизуального произведения, которому исключительные права на единый объект передаются от авторов по общему правилу, если иное не предусмотрено в договорах с авторами (но нормам ст. 1240 ГК РФ).

У изготовителя есть право указывать свое имя или наименование либо требовать такого указания при использовании аудиовизуального произведения.

Оператор не был выделен среди авторов сложных объектов интеллектуальных прав, так же как и художник-постановщик мультфильмов, поскольку, как отмечалось исследователями, у данных субъектов возникают права на создан-

ные ими результаты творческого труда в силу п. 5 ст. 1263 ГК РФ.

Таким образом, на законодательном уровне до 2022 г. были выделены только авторы аудиовизуального произведения (триумвират), а также круг авторов, у которых возникали права на созданные ими произведения (не на объект в целом), которые входили составной частью в такой объект, например оператор-постановщик, художник-постановщик, автор книги, которая стала основой для сценария, и др. (п. 5 ст. 1263 ГК РФ).

Однако 14 июля 2022 г. были внесены изменения в рассматриваемую статью 1263 ГК РФ и к триумвирату авторов добавили нового субъекта — художника-постановщика анимационного (мультипликационного) фильма (пп. 4 п. 2 ст. 1263 ГК РФ)⁴. Инициатива была предложена Министерством культуры РФ, поскольку, на взгляд экспертов и представителей создания мультипликационных фильмов, именно художники-постановщики вносят значительный вклад в создание анимационных фильмов, поэтому необходимо расширить круг авторов аудиовизуального произведения и включить в него именно этих лиц.

В некоторых случаях, как отмечается авторами инициативы, именно в связи со спецификой анимационных фильмов художник-постановщик вносит важный вклад в создание произведения и даже больше творческого вклада, чем иные субъекты, которые являются авторами аудиовизуального произведения.

Введение нового субъекта обусловливается несколькими факторами: неопределенностью в судебной практике при выявлении круга авторов мультфильма при определении размера компенсации, творческим вкладом и ролью художника-постановщика (исходя из его функционала), особенно в условиях создания современных мультфильмов, и необходимостью предоставления ему прав на сложный объект в целом, так как без его участия такое произве-

³ См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.07.2020 № С01-181/2020 по делу № А32-14047/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 354-ФЗ «О внесении изменения в статью 1263 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

дение не может быть создано, и иными факторами, которые рассмотрим далее.

В едином квалификационном справочнике должностей работников культуры, искусства и кинематографии⁵ отдельно выделяются должностные обязанности и требования к квалификации именно художников-постановщиков анимационных фильмов. Так, в основные должностные обязанности рассматриваемого субъекта входят разработка и осуществление творческого замысла по изобразительно-декорационному решению и оформлению мультфильма. Он продумывает и разрабатывает внешний облик персонажей, художественное качество всей картины, отображение даже эпохи и быта, отслеживает единство в стиле на протяжении всего аудиовизуального произведения. Помимо творческой части, принимает участие в работе над принципами изобразительного решения фильма, генеральной сметой, планом работы над мультфильмом. То есть задачи художника-постановщика как творческие — участие в раскрытии характера эпохи, событий в соответствии с образным своеобразием драматургии, ее жанровыми и стилевыми особенностями, так и организаторские — просмотр и обсуждение отснятого материала. В справочнике отдельно устанавливаются требования к квалификации художников-постановщиков анимационных фильмов различных категорий.

Как отмечают разработчики в пояснительной записке к законопроекту, применительно к анимационным фильмам у художника-постановщика можно выявить самостоятельный вклад в создаваемое произведение, например изображение кадров или персонажей, что не всегда можно сделать при создании фильма (если в нем участие принимает художник-постановщик).

В судебной практике также выявляются особенности правовой природы именно тех пер-

сонажей произведений и самих произведений, которые были созданы в мультипликационном фильме. С учетом того, что именно художники-постановщики являются главными лицами в создании мультфильмов, отмечается их особый вклад в создание таких объектов.

Как отмечается Судом, персонаж мультфильма определяется как сложный синтетический и динамический образ, в котором интегрированы с помощью механизмов «оживления» литературные, художественные материалы, что отличает их от их объектов и произведений.

И именно такие объекты создаются художниками-постановщиками мультфильмов, которые принимают участие в создании и описании характера персонажа, внешнего вида, эскиза изображения, где персонаж выступает «как оригинальное, до того не существовавшее произведение, живущее (как и весь мультфильм в целом) во времени и пространстве»⁶.

Персонажи мультфильмов отличаются тем, что они зафиксированы в аудиовизуальном ряде мультфильмов, это динамические рисованные и/или кукольные образы героев и других действующих лиц соответствующих фильмов, которые в совокупности их внешнего вида, характера, движений и жестов, артикуляции, мимики, голоса предназначены для зрительного и слухового восприятия с помощью технических устройств.

Поэтому выявление специального автора применительно к созданию мультфильмов является своевременным и необходимым, как отмечают авторы инициативы.

Помимо этого, выделение художника-постановщика как одного из авторов мультфильма является также следствием того, что в Федеральном законе от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»⁷ были определены категории

⁵ См.: приказ Минздравсоцразвития РФ от 30.03.2011 № 251н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников культуры, искусства и кинематографии»» (зарегистрировано в Минюсте РФ 24.05.2011 № 20835) // Российская газета. № 183. 19.08.2011.

⁶ См.: постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 28.12.2015 по делу № А79-2676/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Российская газета. № 164. 29.08.1996.

«анимационный фильм» и иные виды аудиовизуальных произведений⁸. Были введены понятия таких категорий фильмов, как художественные (игровые), документальные (неигровые), научно-популярные, дебютные, анимационные (ст. 3 рассматриваемого закона).

В законе определяется, что анимационные фильмы подразделяются на 2 вида: 1) фильмы, которые созданы в анимационной форме на основе сценария и в которых использованы специально созданные (при помощи компьютерной графики) двигающиеся на экране рисованные или объемно-кукольные образы и объекты; 2) уникальные авторские анимационные фильмы, которые созданы с помощью уникальной анимационной технологии и выдающейся техники исполнения.

Таким образом, подчеркивается особая роль художника-постановщика в создании анимационных фильмов, поскольку при определении иных видов фильмов, например художественных (игровых), законодатель особую роль в создании выделяет сюжету, который создал сценарист, а также работе режиссера-постановщика. Основным средством выражения таких фильмов является актерская игра, поэтому даже если в таком фильме были использованы элементы анимации, то такой объект не может быть квалифицирован как анимационный фильм.

Поэтому важным критерием для квалификации объекта как анимационного фильма является то, что такое произведение должно создаваться в анимационной форме изначально и только в таких случаях художник-постановщик будет автором такого сложного объекта.

Если речь идет об иных видах аудиовизуальных произведений (даже с элементами анимации), то сохраняется триумвират авторов (согласно п. 2 ст. 1263 ГК РФ).

Поэтому для определения круга авторов конкретного аудиовизуального произведения

необходимо выявить правовую природу данного произведения. Если речь идет о художественном фильме (даже при наличии элементов анимации), его авторами будут считаться режиссер-постановщик, сценарист и композитор, который специально создал музыкальное произведение для такого сложного объекта. Если же произведение было создано в мультипликационной форме, то применяются новые положения, согласно которым авторами такого объекта следует рассматривать: режиссера-постановщика, сценариста и композитора, который специально создал музыкальное произведение для такого сложного объекта, а также режиссера-постановщика мультипликационного фильма (п. 2 ст. 1263 ГК РФ).

Согласно пояснительной записке к законопроекту, во избежание коллизий в правовой квалификации понятий «анимационный» и «мультипликационный» фильм установлена их синонимичность⁹.

Помимо того, что новый субъект наделен правами автора сложного объекта, у художника-постановщика анимационных фильмов также есть право на получение вознаграждения за свободное воспроизведение аудиовизуальных произведений в личных целях по ст. 1245 ГК РФ. Сбор, распределение и выплата такого вознаграждения осуществляются аккредитованной организацией по коллективному управлению авторскими и смежными правами.

Согласно изменениям, у художника-постановщика как автора анимационного фильма возникают также неимущественные права на произведение: право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность аудиовизуального произведения, право на его обновление, а также право на отзыв.

С учетом того, что изменения затрагивают интересы в том числе изготовителей анимационных фильмов, которые возникли в силу

⁸ См.: Федеральный закон от 01.04.2022 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации”» // Парламентская газета. № 13. 08.04.2022.

⁹ См. об этом: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 1263 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/111679-8> (дата обращения: 19.08.2022).

ст. 1240 ГК РФ, не предусмотрено ретроактивное действие изменений, поэтому новые правила об авторах анимационных фильмов обратной силы не имеют, как отмечается в пояснительной записке к законопроекту. Новые правила распространяются только на те анимационные фильмы, которые созданы после вступления закона в силу — начиная с 25 июля 2022 г.

Такой подход представляется актуальным и своевременным и применяется также в ряде зарубежных стран.

Прежде всего, следует отметить, что в странах континентальной системы авторского права (*droit d'auteur*) авторами фильма признаются именно те лица, которые внесли творческий вклад в его создание. И перечень таких авторов различен в зависимости от конкретной страны. Например, в Бельгии автора кинофильма признаются режиссер, сценарист, автор переработки, автор диалогов (текстов), композитор, а также автор анимационных работ. Данные лица презюмируются авторами, если не будет доказано иное¹⁰.

Во Франции используется иной подход, и наряду с выделенным на законодательном уровне кругом авторов кинематографического произведения (сценарист, автор переработки, автор диалогов, композитор и режиссер-постановщик) отдельно отмечается, что данный круг авторов может быть изменен, если лицо докажет, что внесло существенный вклад в создание такого произведения (ст. L113-7 Кодекса Франции по интеллектуальной собственности)¹¹.

Отдельно авторы именно анимационных фильмов выделяются только в ряде стран, но, как правило, авторы аудиовизуальных произведений определяются исходя из «авторской»

теории, то есть это те лица, которые внесли существенный вклад в создание произведения.

Согласно пояснительной записке к законопроекту, сходные правовые конструкции, которые были предложены в п. 2 ст. 1263 ГК РФ, основаны на анализе зарубежного опыта, в том числе Болгарии, Бразилии, Колумбии, Мексики, Перу, Турции: в отношении анимационных фильмов художники-постановщики (аниматоры) признаются соавторами таких аудиовизуальных произведений¹².

В странах англо-американской системы права иной подход к определению круга авторов кинофильмов и мультфильмов в частности. Согласно концепции данных стран (так называемой системы *copyright*), обладателем права на фильм признается, как правило, лицо, организовавшее его создание, то есть продюсер. Так, в Австралии автором фильма является разработчик, который принял все возможные и необходимые меры для его создания¹³, в Канаде автором фильма является изготовитель¹⁴.

В США автором фильма признается продюсер, а в Великобритании — продюсер и режиссер. В США к аудиовизуальным произведениям применяется режим результатов творческого труда, выполненных по найму, и автором, как правило, признается продюсер. Если же более двух лиц принимают участие в работе и не по найму, то результат работ может быть квалифицирован как создание совместного произведения (§ 201(b) и 101 Закона об авторском праве США).

Вместе с тем, согласно законодательству этих стран, авторы анимационных фильмов будут признаваться авторами своих результатов творческого труда, а не произведения в целом, как в

¹⁰ См.: Belgian Law on Copyright and Neighboring Rights (June 30, 1994) // Сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/en> (дата обращения: 19.08.2022).

¹¹ См.: Kamina P. Film Copyright in the European Union. Cambridge University Press, 2016. P. 154–158.

¹² См.: пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 1263 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹³ См.: ст. 23(4)(b) Закона об авторском праве Австралии. Copyright Act No. 63, 1968 // URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2017C00180> (дата обращения: 19.08.2022).

¹⁴ См.: ст. 2 Закона об авторском праве Канады. Copyright Act (R.S.C., 1985) // Сайт Бюро по регистрации авторских права Канады. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca> (дата обращения: 19.08.2022).

странах романо-германской правовой системы. Данный анализ позволяет сделать вывод о том, что и в зарубежной практике нет единого подхода к определению круга авторов аудиовизуальных произведений, в частности мультфильмов.

Вместе с тем введение нового субъекта в качестве одного из авторов мультипликаци-

онного фильма как сложного объекта позволит обеспечить баланс прав и интересов всех участников процесса создания такого произведения, а также стимулировать процесс создания новых результатов творческого труда в сфере мультипликации и привлечения новых авторов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Kamina P. Film Copyright in the European Union. — Cambridge University Press, 2016.

Материал поступил в редакцию 20 августа 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kamina P. Film Copyright in the European Union. — Cambridge University Press, 2016.

Онлайн-разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности (российский и зарубежный опыт)

Аннотация. В современном мире с учетом научно-технического прогресса и необходимости инновационного развития многие государства совершенствуют свое законодательство и подходы к регулированию отношений в сфере интеллектуальной собственности путем модернизации системы правосудия. С использованием интернет-технологий становится возможным проводить различные процедуры урегулирования — как судебные, так и внесудебные. Ввиду нематериального характера объектов интеллектуальной собственности онлайн-разрешение споров в данной сфере повышает уровень защиты прав, расширяет доступ к правосудию, эффективность принятия решения по спорам. Кроме того, использование системы распределенных реестров блокчейн позволяет создавать платформу для хранения информации, связанной с оборотом интеллектуальной собственности. Исследуется опыт России, КНР, Таиланда и Канады в сфере онлайн-разрешения споров, вытекающих из нарушения интеллектуальных прав. Отмечается, что общее понимание охраны авторских прав, равно как и объектов промышленной собственности, на основе положений фундаментальных международных договоров, а также современные технологии, в том числе построенные на основе искусственного интеллекта, при правильном структурированном их применении позволяют разрешать подобные споры оперативно в досудебном порядке, тем самым разгружая судебную систему. При этом необходима их четкая корреляция с положениями международных договоров.

Ключевые слова: онлайн-разрешение споров; ODR; интеллектуальная собственность; РФ; КНР; Таиланд; Канада; IP-Chain; интернет-суд; маркетплейсы.

Для цитирования: Шахназарова Э. А. Онлайн-разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности (российский и зарубежный опыт) // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 158–167. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.158-167.

Online Dispute Resolution in the Field of Intellectual Property: Russian and Foreign Experience

Elen A. Shakhnazarova, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Intellectual Property Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
eashahnazarova@msal.ru

Abstract. In the modern world, taking into account scientific and technological progress and the need for innovative development, many states are improving their legislation and approaches to regulating relations in the field of intellectual property by modernizing the justice system. With the use of Internet technologies, it becomes

© Шахназарова Э. А., 2022

* Шахназарова Элен Ашотовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
eashahnazarova@msal.ru

possible to carry out various settlement procedures, both judicial and extrajudicial. Due to the intangible nature of intellectual property objects, online dispute resolution in this area increases the level of protection of rights, expands access to justice, and the effectiveness of resolving disputes. In addition, the use of the blockchain distributed registry system allows you to create a platform for storing information related to the circulation of intellectual property. The experience of Russia, China, Thailand and Canada in the field of online resolution of disputes arising from infringement of intellectual property rights is studied. It is noted that a common understanding of the protection of copyright, as well as objects of industrial property, based on the provisions of fundamental international treaties, as well as modern technologies, including those built on the basis of artificial intelligence, with their correct structured application, will allow resolving such disputes promptly in pre-trial order, thereby unloading the judicial system. At the same time, their clear correlation with the provisions of international agreements is necessary.

Keywords: online dispute resolution; ODR; intellectual property; RF; PRC; Thailand; Canada; IP chain; internet court; marketplaces.

Cite as: Shakhnazarova EA. Onlayn-razreshenie sporov v sfere intellektualnoy sobstvennosti (rossiyskiy i zarubezhnyy opyt) [Online Dispute Resolution in the Field of Intellectual Property: Russian and Foreign Experience]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):158-167. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.158-167. (In Russ., abstract in Eng.).

В современном мире с учетом научно-технического прогресса и необходимости инновационного развития многие государства совершенствуют свое законодательство и подходы к регулированию отношений в сфере интеллектуальной собственности путем модернизации системы правосудия. С использованием интернет-технологий становится возможным проводить различные процедуры урегулирования — как судебные, так и внесудебные. Ввиду нематериального характера объектов интеллектуальной собственности, широкого распространения цифровой формы выражения результатов интеллектуальной деятельности, а также трансграничного оборота интеллектуальных прав в сети Интернет возрастает количество их нарушений и появляется особая необходимость в эффективном и удобном механизме разрешения споров. В обозначенном контексте онлайн-разрешение споров в данной сфере повышает уровень защиты прав, расширяет доступ к правосудию, эффективность принятия решения по спорам, вытекающим из нарушения интеллектуальных прав. Кроме того, использование системы распределенных реестров блокчейн позволяет создавать платформу

для хранения информации, связанной с оборотом интеллектуальной собственности. Осуществление всего цикла отношений в сфере охраны объектов интеллектуальной собственности — от создания объекта, его использования до защиты соответствующих прав в онлайн-пространстве — представляется удобным (в том числе имеющим экстерриториальный потенциал), ускоряющим соответствующие отношения форматом их реализации. Онлайн-разрешение споров здесь представляется эффективным средством их рассмотрения и в контексте различного рода ограничений (пандемия, ограничения в перемещении и т.д.), а с учетом инновационной ориентации целого ряда объектов интеллектуальной собственности онлайн-разрешение споров позволяет форсировать соответствующие процессы, дополняя «экосистему» процессов правовой охраны интеллектуальных прав в цифровой среде.

В науке отмечается, что основной особенностью рассмотрения споров, связанных с результатами интеллектуальной деятельности, является то, что они разрешаются до суда, путем обращения к нарушителю (в том числе проблема размещения противоправного контента)¹.

¹ Горбунова Е. Эксперты обсудили будущее онлайн-урегулирования IP-споров // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-obsudili-budushchee-onlayn-uregulirovaniya-ip-sporov/> (дата обращения: 26.05.2022).

Высказывается точка зрения о том, что платформа, позволяющая урегулировать IP-спор онлайн, должна предоставлять пользователю три возможности: предъявить претензию, сохранить и собрать доказательства и обратиться к суду в электронной форме. При этом основными задачами такой платформы являются: хранение информации, обеспечение сделок, досудебное урегулирование. Дальнейшее судебное разбирательство должен проводить непосредственно суд в режиме офлайн. При этом подчеркивается, что взаимодействие с платформой возможно только в случае полной идентификации лица².

Действительно, споры в сфере интеллектуальной собственности в силу своей сложности должны предусматривать идентификацию участников. Особенно когда не разрешенный на платформе спор, связанный с регистрируемыми реестровыми объектами, перейдет на судебную площадку. При этом должен быть предусмотрен механизм перехода из досудебной процедуры в судебную. В данном случае можно использовать механизм верификации внешнего вида, лица человека, демонстрации паспорта с лицом.

Развитие информационных технологий вынуждает программистов совершенствовать методы защиты объектов интеллектуальной собственности. Так, новые возможности для цифрового оборота прав дала платформа IPChain. Это первая в России децентрализованная сеть в области интеллектуальной собственности, в основе которой лежит технология блокчейна. Это первый системообразующий инновационный проект для национальной сферы интеллектуальной собственности.

С технической точки зрения IPChain — это инфраструктурное решение для организации оборота прав и объектов интеллектуальной собственности, которое построено на принципах распределенного реестра. Реестр используется прежде всего для решения корпоративных задач государственных, коммерческих и общественных участников сферы интеллектуальной

собственности, для фиксации информации и любых сделок с правами и объектами интеллектуальной собственности. Проект IPChain позволяет проследить историю объекта на протяжении всей его жизни и работает с любыми типами объектов: объектами авторского права, полезными моделями, товарными знаками. Для всех типов объектов реализуется одинаковый набор типов транзакций: создание, изменение правил доступа к материалам объекта, экспертиза объекта, оценка стоимости, конфликт и сделка с правами.

Планируется, что IPChain будет принимать запросы на регистрацию транзакции о создании объекта интеллектуальной собственности (например, объект авторского права). Если этот же пользователь зарегистрирует в Роспатенте смежный с данным изображением регистрируемый объект промышленной собственности (например, промышленный образец), то данная информация также отобразится в системе. В случае передачи прав на объект иному пользователю это действие найдет отражение в IPChain. Таким образом, сервис является эффективным инструментом управления интеллектуальными правами. Обозначенное позволяет правообладателю сформировать историю всей транзакции, что представляется крайне удобным в контексте ведения оборота авторских, смежных прав и прав промышленной собственности³.

Примечательно, что по задумке создателей у одного объекта может быть несколько режимов охраны, то есть в системе будет отображаться вся релевантная информация.

В обозначенном контексте Указом Президента РФ от 28.06.2021 № 378 был создан Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности, основная задача которого заключается в сопровождении подключения к инфраструктуре IPChain корпоративных и публичных сервисов и платформ, принадлежащих государственным и частным компаниям. Сеть IPChain, учрежденная Минцифры и Ассоциацией IPChain, по сути, получила статус общегосудар-

² Горбунова Е. Эксперты обсудили будущее онлайн-урегулирования IP-споров.

³ Кузин С. «Сеть доверия»: как работает платформа IPChain для защиты прав интеллектуальной собственности в России // URL: <http://rosvois.ru/set-doveriya-kak-rabotaet-platform/> (дата обращения: 26.05.2022).

ственной инфраструктуры для оборота и защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Кроме того, согласно п. 5 постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 (ред. от 29.04.2020)⁴ при наличии технической возможности с учетом мнений участников судопроизводства судам рекомендуется проводить судебные заседания по определенным делам (материалам) с использованием системы видео-конференц-связи и (или) системы веб-конференции с учетом опыта Верховного Суда РФ. Для участия в судебном заседании посредством веб-конференции участники судопроизводства подают в суд заявление в электронном виде с приложением электронных образов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия. Важно отметить, что вышеуказанное постановление действовало в период с 8 апреля по 11 мая 2020 г. (включительно).

В соответствии с информацией Суда по интеллектуальным правам от 07.05.2020 «О проведении судебных онлайн-заседаний в Суде по интеллектуальным правам»⁵ (со ссылкой на п. 5 вышеназванного постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ № 821 в СИП реализована техническая возможность проведения судебных онлайн-заседаний с использованием информационной системы «Картотека арбитражных дел». К участию в судебном онлайн-заседании допускаются пользователи с учетными записями, подтвержденными в единой системе идентификации и аутентификации⁶.

Таким образом, переход к рассмотрению судебных споров онлайн можно назвать вынужденной временной мерой, а не целенаправленной деятельностью по внедрению онлайн-правосудия в России.

КНР

Анализируя опыт КНР по онлайн-разрешению споров в сфере интеллектуальной собственности, необходимо отметить, что 4 декабря 2019 г. Верховный народный суд КНР выпустил разъяснения (так называемую Белую книгу) под названием «Китайские суды и интернет-судопроизводство»⁷.

В ней описан процесс создания онлайн-судов с использованием Big Data (больших данных), облачных вычислений, искусственного интеллекта и блокчейна в целях управления киберпространством. На данный момент функционируют 3 онлайн-суда: интернет-суд Ханчжоу (создан 18 августа 2017 г.), Пекинский интернет-суд (создан 9 сентября 2018 г.), интернет-суд Гуанчжоу (создан 28 сентября 2018 г.).

Как указано в ст. 2 Положений Верховного суда КНР по некоторым вопросам, касающимся рассмотрения дел интернет-судами, от 07.09.2018⁸ (далее — Положение), интернет-суды обладают юрисдикцией по 11 категориям дел, которые должны приниматься народными судами в пределах их юрисдикции в качестве судов первой инстанции, в том числе непосредственно относящимся к интеллектуальной собственности: споры, предметом которых явля-

⁴ СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/73859490/#ixzz6hfr9HwIW> (дата обращения: 26.05.2022).

⁵ СПС «Гарант»: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73897320/> (дата обращения: 26.12.2020).

⁶ Получение соответствующих учетных записей осуществляется в порядке, предусмотренном Правилами использования федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме», утвержденными постановлением Правительства РФ от 10.07.2013 № 584 «Об использовании федеральной государственной информационной системы “Единая система идентификации и аутентификации...”».

⁷ The Supreme People's Court of the People's Republic of China. White paper «Chinese Courts and Internet Judiciary» 04.12.2019 (中国法院的互联网司法) // URL: http://wlf.court.gov.cn/upload/file/2019/12/03/11/40/20191203114024_87277.pdf (дата обращения: 26.05.2022).

ются авторские и смежные права на произведения, впервые опубликованные в сети Интернет; споры, возникающие в связи с нарушением авторских и смежных прав на произведения, опубликованные или распространяемые через Интернет; споры о праве на доменное имя в Интернете, вытекающие из них нарушения прав и договорных обязательств.

Интернет-суд рассматривает дела полностью в режиме онлайн: подача иска, медиация, обмен доказательствами, досудебная подготовка, непосредственно судебное разбирательство и вынесение приговора. По заявлению стороны или в случае необходимости интернет-суд может принять решение о совершении некоторых судебных действий офлайн. Однако важно то обстоятельство, что все судебные действия должны проводиться, насколько это возможно, онлайн. Не считается онлайн-рассмотрением спора судопроизводство, в котором только одна из стадий проходила онлайн.

По состоянию на 31 октября 2019 г. интернет-суды приняли к рассмотрению 118 764 дел и приняли 88 401 решение⁹. Эффективность такой деятельности обусловлена тем, что в среднем онлайн-слушание занимает 45 минут, а само рассмотрение спора — 38 дней. Статистика подтверждает, что около 98 % участников таких дел принимают решения суда первой инстанции и не обращаются в дальнейшем в апелляционную инстанцию¹⁰.

Отмечается, что для участия в процессе судьи, помощники судей, стороны и другие участники судебного процесса должны использовать методы онлайн-подтверждения личности, электронные подписи, требования к которым будут соответствовать гражданскому процессуаль-

ному законодательству КНР (ст. 19 Положения). Онлайн-суды могут использовать технологию распознавания голоса для создания электронных стенограмм в ходе судебного процесса. После того как электронная стенограмма будет проверена и подтверждена онлайн, она обретет такую же юридическую силу, что и письменная стенограмма (ст. 20 Положения).

Кроме того, применение технологии блокчейн позволяет интернет-судам использовать судебную платформу также для создания и формирования электронных файлов (ст. 21 Положения).

В приложении к разъяснениям Верховного суда описаны 10 судебных дел, рассмотренных онлайн-судами, с подробными объяснениями решений и их значения. Полный текст каждого решения доступен в электронном виде, перейти к нему можно путем сканирования QR-кода, содержащегося в конце каждого дела.

Примечательно, что 28 июня 2018 г. интернет-суд Ханчжоу вынес решение по спору о правах на передачу информации по сети (information network transmission rights) между Hangzhou Huatai Yimei Culture Media Co., Ltd. и Shenzhen Daotong Technology Development Co., Ltd. В данном деле истец обеспечил доказательства нарушения прав со стороны веб-страницы ответчика через Baoquan.com (платформа для хранения доказательств; работает только на китайском языке). Решение стало первым прецедентом в сфере охраны информации с использованием блокчейн-технологии, в котором суд признал юридическую силу электронных доказательств на основе технологии блокчейн¹¹.

Таким образом, наличие электронных, цифровых механизмов разрешения споров, рав-

⁸ The Supreme People's Court of the People's Republic of China. Provisions of the Supreme People's Court on Several Issues Concerning the Trial of Cases by Internet Courts // URL: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-116981.html> (дата обращения: 26.05.2022).

⁹ Guodong Du, Meng Yu, Xinzhu Li. China's Supreme Court Issues a White Paper on Chinese Courts and Internet Judiciary // URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/supreme-peoples-court-issues-a-white-paper-on-china-court-and-internet-judiciary> (дата обращения: 26.05.2022).

¹⁰ См.: Guodong Du, Meng Yu, Xinzhu Li. Op. cit.

¹¹ См. об этом: Chine IPR SME Helpdesk. IPR Protection for AI Technology and Application of Blockchain in China // URL: <https://www.china-iprhelpdesk.eu/sites/china-hd/files/public/Guide%20-%20IPR%20protection%20AI%20%26%20Blockchain%20-.pdf> (дата обращения: 13.10.2020).

но как и широкое использование собственно цифровой среды для реализации отношений в сфере охраны интеллектуальной собственности, определяют уровень проблем, тормозящих инновационное развитие в стране. Кроме того, признание юридической силы электронных доказательств, в том числе реализованных на основе блокчейн-платформы, которая используется самими судами и была создана для целей оптимизации правоприменительной практики, представляется крайне важным и прогрессивным инструментом правоприменительной деятельности в современных условиях развития технологий, что приобретает особую актуальность в контексте охраны прав интеллектуальной собственности с учетом нематериального характера последних. Как представляется, электронная фиксация доказательств при разрешении споров в сфере интеллектуальной собственности, равно как и фиксация, признание интеллектуальных прав в электронной форме (например, права авторства), удобство использования которой сложно переоценить и безопасность которой обеспечивается современными механизмами информационной защиты, может и должна иметь преюдициальный характер для целей эффективной и оперативной защиты интеллектуальных прав в будущем.

Таким образом, суды, по сути, принимают на себя функцию формирования в определенном смысле реестра информации об объектах интеллектуальной собственности, об интеллектуальных правах, возможно о фактах нарушений, что особенно актуально для целей охраны авторских прав, которая предоставляется с момента создания и не связана с выполнением каких-либо формальностей (что вытекает из положений п. 2 ст. 5 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений).

Особую актуальность представляет рассмотрение споров, вытекающих из отношений, реализуемых с использованием онлайн-платформ.

В ряде постановлений китайских судов были даны разъяснения об обязанностях, возложенных на онлайн-платформы в контексте развития онлайн-экосистемы с учетом принципов справедливости, прозрачности и предсказуемости. Например, Пекинский интернет-суд вынес решение по делу Music Copyright Society v. Douyu, согласно которому если компания (в данном случае общество по охране музыкальных произведений), владеющая платформой для веб-трансляций, имеет исключительные права и прибыль с веб-трансляций стримера согласно договору, заключенному между ними, то она несет ответственность за гражданское правонарушение, если стример в своих стримах использует чужие музыкальные произведения без согласования с правообладателем¹². Обозначенное решение представляется логичным, поскольку компания, владеющая онлайн-платформой, обладает исключительными правами на соответствующие веб-трансляции стримера, т.е. является правообладателем аудиовизуального произведения, при создании которого нарушаются исключительные права.

Центр посредничества Китайского совета по содействию международной торговле (национальной внешнеторговой организации) в ноябре 2021 г. опубликовал правила урегулирования споров в сфере интеллектуальной собственности. Таким образом, в стремлении стандартизировать и сделать более профессиональными свою практику и процедуры посредничества Китай недавно ввел в действие новые правила, регулирующие медиацию в спорах, связанных с интеллектуальной собственностью. Новые правила, изданные Центром посредничества Китайского совета по содействию международной торговле, создают основу, которая может служить ориентиром для посредничества в спорах в сфере интеллектуальной собствен-

¹² Music Copyright Society v. Douyu. China's Supreme Court Issues a White Paper on Chinese Courts and Internet Judiciary. White paper «Chinese Courts and Internet Judiciary» 04.12.2019 (中国法院的互联网司法). The Supreme People's Court Of The People's Republic Of China // URL: http://wlf.court.gov.cn/upload/file/2019/12/03/11/40/20191203114024_87277.pdf (дата обращения: 26.12.2020).

ности по всей стране. Данные меры, как представляется, направлены на популяризацию КНР, в том числе среди иностранных субъектов, как эффективного форума для медиации в сфере интеллектуальной собственности.

Таиланд

В январе 2021 г. Департамент интеллектуальной собственности Таиланда (DIP) официально запустил онлайн-сервисы разрешения споров (ODR) для дел, связанных с интеллектуальной собственностью. Платформа ODR была разработана в рамках сотрудничества между DIP и Арбитражным центром Таиланда (THAC) в рамках Меморандума о взаимопонимании в отношении разработки процедур разрешения споров в режиме онлайн между DIP и THAC, подписанного 7 декабря 2020 г.

Платформа ODR, поддерживаемая THAC, работает под названием «Talk DD». Эта онлайн-платформа может использоваться для дел, связанных с нарушением авторских, патентных прав и прав на товарные знаки. Платформа Talk DD призвана облегчить и поддержать внесудебное разрешение споров, а также сократить количество дел, поданных в Суд по интеллектуальной собственности и международной торговле Таиланда.

Канада

Распространение COVID-19 привело к ограничению деятельности судов в Канаде и, как следствие, к ограниченному доступу к правосудию. В этом контексте онлайн-технологии представляются тем эффективным и оптимальным механизмом, который позволяет своевременно получить защиту нарушенных прав.

Уровень готовности к современным вызовам, а также наличие специализированных

судов (или специализированных подходов к разрешению отдельных категорий споров) разных стран продемонстрировал эффективное и своевременное рассмотрение дел и разрешение споров.

Достоинства альтернативного разрешения споров выражаются в гибкости, конфиденциальности, возможности принудительного исполнения решений. Кроме того, такому способу разрешения споров свойственна особая компетенция и узкая специализация по отдельным правоотношениям в сфере интеллектуальной собственности и спорам, вытекающим из отношений, реализуемых с использованием технологий.

Многие процессуальные действия в рамках арбитража (подача ходатайства, рассмотрение спора) могут осуществляться дистанционно. Многие правила институциональных арбитражей предусматривают дистанционные слушания по неотложным или ускоренным делам. Безусловно, проведение дистанционных слушаний представляется мерой эффективной и позволяет процессу не прерываться во время пандемии. Особенно это актуально для международного коммерческого арбитража, в котором участвуют субъекты, подчиняющиеся разным личным законам, а также лица, коммерческие предприятия которых находятся на территории разных государств. При этом сокращаются расходы на зарубежные командировки, связанные с ведением процесса. Кроме того, в условиях возможных ограничений передвижения не придется сталкиваться с проблемой ограниченных выездов за рубеж.

Между тем в научной литературе подчеркивается, что остается спорным вопрос, являются ли платформы видеоконференции адекватной заменой личным перекрестным допросам (Cross-examination)¹³ в тех случаях, когда достоверность показаний подвергается сомнениям¹⁴.

Гибкость, предоставляемая арбитражем, особенно полезна для разрешения споров в

¹³ Перекрестные допросы в гражданских процессах актуальны для англо-американской правовой системы.

¹⁴ ADR for intellectual property and technology disputes: The virtues of dispute resolution in the context of COVID-19 // URL: <https://www.dentons.com/en/insights/articles/2020/may/1/adr-and-intellectual-property-and-technology-disputes> (дата обращения: 26.05.2022).

области интеллектуальной собственности, которые нуждаются в рассмотрении, несмотря на отсутствие у государственных судов такой возможности. Государственные суды более подвержены жесткому регулированию, в отличие от арбитражей, которые не приостанавливают свое действие в период пандемии.

Необходимо отметить, что одним из преимуществ альтернативного разрешения споров, в том числе в контексте рассмотрения споров, касающихся интеллектуальной собственности, является конфиденциальность при рассмотрении спора. Если предметом спора является конфиденциальная информация, охраняемая в качестве секрета производства (ноу-хау), или иски о нарушении авторских и патентных прав на исходный код соответствующей программы, стороны захотят, чтобы спор был рассмотрен конфиденциально и слушание дела проводилось в закрытом заседании.

Дополнительным преимуществом арбитража является исполнение его решений. В соответствии с Конвенцией о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йоркская конвенция), к которой присоединилась Канада и многие страны, стороны могут добиться признания и исполнения иностранных арбитражных решений в договаривающихся государствах. Нью-Йоркская конвенция предоставляет сторонам единые правила для обеспечения исполнения арбитражных решений на международном уровне. Таким образом, стороны могут извлечь выгоду из того факта, что арбитражное решение будет иметь силу во всем мире, что гораздо легче, чем попытка привести в исполнение иностранное судебное решение.

Кроме того, еще одна причина, по которой компании, занимающиеся разработкой технологий, а также компании, предоставляющие развлекательные услуги, в том числе в сфере искусства, получают особую мотивацию к осуществлению своей деятельности, — это создание специальных судов, специализирующихся в

сфере интеллектуальной собственности, а также в смежных вопросах.

Канадская организация, уполномоченная на регистрацию доменных имен в Интернете (CIRA), управляет ими, а также разрешает споры в отношении доменов. Это некоммерческая организация, основанная на членстве, наиболее известна тем, что управляет доменом верхнего уровня (TLD).ca от имени всех канадцев. Эта работа включает поддержку системы доменных имен (DNS).ca и связанных с ней служб реестра. Процесс разрешения споров CIRA доступен только для физических и юридических лиц, которые соответствуют требованиям CIRA о присутствии в Канаде. Если истцы удовлетворяют этому требованию, они могут получить быстрые внесудебные решения об исключении явных случаев недобросовестной регистрации доменов.ca. Эти решения публичны.

Развитие интернет-отношений приводит к большому количеству споров, так как формируется большой потенциал нарушения интеллектуальных прав из-за упрощения воспроизведения результатов интеллектуальной деятельности, использования их в различных цифровых форматах, в рекламной деятельности. Развитие платформенного права как ответ на всевозможные нарушения прав при электронной торговле зачастую предполагает и реализацию онлайн-сервисов по разрешению споров, вытекающих из нарушения интеллектуальных прав. В качестве примера можно привести реализованный на EBay механизм разрешения споров посредством передачи жалобы одного из пользователей на голосование комиссии зарекомендовавших себя пользователей сервиса, выбранных путем случайного подбора¹⁵. AliExpress через личный кабинет позволяет пользователям разрешать споры посредством обмена сообщениями и файлами, а если достичь соглашения не удастся, то спор разрешается арбитром, являющимся сотрудником сервиса. В обозначенном контексте в науке отмечается отсутствие четких арбитражных основ таких инструментов, нали-

¹⁵ См.: Зазулин А. И. Онлайн-альтернативы разрешения споров // Адвокатская газета. 2021. № 12 (341). URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/onlayn_al_ternativy_razresheniya_sporov (дата обращения: 26.05.2022).

чие неясностей в применимом праве при таком разрешении споров¹⁶.

При этом существуют и специализированные программные комплексы, направленные на разрешение споров.

Так, интересным примером реализации технологий искусственного интеллекта при онлайн-разрешении споров представляются проекты Modria, Uitelkaar — программное обеспечение для осуществления процедур ODR. Modria позиционируется как эффективный центр разрешения споров, в рамках которого заявитель оформляет свою претензию, которая в дальнейшем обрабатывается системой на основе опроса обеих сторон потенциального спора. В результате обработки ответов сторон система предлагает разрешить спор на основе переговоров с участием цифрового помощника, разъясняющего правовые последствия различных действий сторон. В случае недостижения мирного соглашения система предлагает сторонам кандидатуры медиаторов, которые смогут провести примирительные процедуры по согласованному со сторонами графику в онлайн-формате, а в случае отказа запускается следующий этап разрешения спора — арбитраж, который в зависимости от

воли сторон и типа спора может быть проведен посредником либо искусственным интеллектом. Modria в разных юрисдикциях уже зарекомендовала себя и при разрешении споров, вытекающих из нарушений интеллектуальных прав.

Как представляется, общее понимание охраны авторских прав, равно как и объектов промышленной собственности, на основе положений фундаментальных международных договоров, а также современные технологии, в том числе построенные на основе искусственного интеллекта, при правильном структурированном их применении позволят разрешать подобные споры оперативно в досудебном порядке, тем самым разгружая судебную систему. Необходима их четкая корреляция с положениями международных договоров. При этом уже сейчас современные информационные технологии, разрабатываемые независимо с универсальной возможностью интеграции в различные платформы или уже встроенные в работу маркетплейсов, как представляется, могут и должны быть ориентированы на дифференцированную реализацию положений применимого права в зависимости от обстоятельств конкретных торговых отношений, реализуемых в рамках платформы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбунова Е. Эксперты обсудили будущее онлайн-урегулирования IP-споров // Адвокатская газета. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-obsudili-budushchee-onlayn-uregulirovaniya-ip-sporov/> (дата обращения: 26.05.2022).
2. Зазулин А. И. Онлайн-альтернативы разрешения споров // Адвокатская газета. — 2021. — № 12 (341). — URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/onlayn_al_ternativy_razresheniya_sporov/ (дата обращения: 26.05.2022).
3. Кузин С. «Сеть доверия»: как работает платформа IPChain для защиты прав интеллектуальной собственности в России. — URL: <http://rosvois.ru/set-doveriya-kak-rabotaet-platform/> (дата обращения: 26.05.2022).
4. Guodong Du, Meng Yu, Xinzhu Li. China's Supreme Court Issues a White Paper on Chinese Courts and Internet Judiciary. — URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/supreme-peoples-court-issues-a-white-paper-on-china-court-and-internet-judiciary> (дата обращения: 26.05.2022).

Материал поступил в редакцию 6 апреля 2022 г.

¹⁶ См.: Зазулин А. И. Указ. соч.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gorbunova E. Eksperty obsudili budushchee onlayn-uregulirovaniya IP-sporov // Advokatskaya gazeta. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-obsudili-budushchee-onlayn-uregulirovaniya-ip-sporov/> (data obrashcheniya: 26.05.2022).
2. Zazulin A. I. Onlayn-alternativy razresheniya sporov // Advokatskaya gazeta. — 2021. — № 12 (341). — URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/onlayn_al_ternativy_razresheniya_sporov/ (data obrashcheniya: 26.05.2022).
3. Kuzin S. «Set doveriya»: kak rabotaet platforma IPChain dlya zashchity prav intellektualnoy sobstvennosti v Rossii. — URL: <http://rosvois.ru/set-doveriya-kak-rabotaet-platform/> (data obrashcheniya: 26.05.2022).
4. Guodong Du, Meng Yu, Xinzhu Li. China's Supreme Court Issues a White Paper on Chinese Courts and Internet Judiciary. — URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/supreme-peoples-court-issues-a-white-paper-on-china-court-and-internet-judiciary> (data obrashcheniya: 26.05.2022).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.168-174

А. Н. Левушкин*

Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями

Аннотация. Рассматривая сделки в уставном капитале акционерного общества, необходимо дифференцировать их по степени влияния на корпоративно-правовое положение участника. Полагаем, что сделки, порождающие конфликт интересов в наивысшей его стадии, имеют сложную структуру и связаны с приобретением именно корпоративного контроля. Наличие большого количества изначально и впоследствии заинтересованных сторон в процессе сделок с акциями, особенно влияющих на контроль в обществе, само по себе характеризуется некой всеобщностью, что, в свою очередь, предопределяет необходимость рассмотрения поставленного вопроса комплексно и многогранно. Категория конфликта интересов в плоскости акционерных отношений традиционно проявляется в разногласиях между мажоритарными и миноритарными участниками, принимающих различные правовые формы. Сделки с акциями, в какой бы из множества форм они ни происходили, безусловно, выполняют важнейшую задачу по оптимизации и регулированию современной экономической системы. В статье определены правовые подходы к конфликтам интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями, выделены наиболее существенные и актуальные проблемы, предложены пути их решения.

Ключевые слова: корпоративные правоотношения; корпоративный интерес; сделки; акционерное общество; акция; бизнес; сделки с акциями; конфликт интересов; договор; эмиссия акций; мажоритарные и миноритарные акционеры; корпорации; корпоративный конфликт; защита прав; капитал.

Для цитирования: Левушкин А. Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 168–174. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.168-174.

© Левушкин А. Н., 2022

* Левушкин Анатолий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
lewuskin@mail.ru

Conflict of Interest between Subjects of Corporate Legal Relations in Shares Transactions

Anatoly N. Levushkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
lewuskin@mail.ru

Abstract. Considering transactions in the authorized capital of a joint-stock company, it is necessary to differentiate them according to the degree of influence on the corporate legal status of the participant. We believe that transactions that give rise to a conflict of interest at its highest stage have a complex structure and are associated with the acquisition of corporate control. The presence of a large number of initially and subsequently interested parties in the process of transactions with shares, especially those affecting control in society, is in itself characterized by a certain universality, which, in turn, predetermines the need to consider the issue raised in a comprehensive and multifaceted way. The category of conflict of interest in the plane of joint-stock relations traditionally manifests itself in disagreements between majority and minority participants, which take various legal forms. Equity transactions, whatever forms they may take, certainly fulfill the most important task of optimizing and regulating the modern economic system. The paper defines legal approaches to conflicts of interest between subjects of corporate legal relations when conducting transactions with shares, identifies the most essential and urgent problems, and suggests ways to solve them.

Keywords: corporate legal relations; corporate interest; transactions; joint-stock company; stock; business; share transactions; conflict of interests; agreement; issue of shares; majority and minority shareholders; corporations; corporate conflict; protection of rights; capital.

Cite as: Levushkin AN. Konflikt interesov mezhdru subektami korporativnykh pravootnosheniy pri provedenii sdelok s aktsiyami [Conflict of Interest between Subjects of Corporate Legal Relations in Shares Transactions]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):168-174. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.168-174. (In Russ., abstract in Eng.).

В доктрине обоснованно отмечается, что нормативная и институциональная матрицы современного мира коэволюционируют: меняются социальные паттерны, перестраиваются бизнес-модели, управленческие практики, при этом право, ввиду своей постофактумной логики, временно уступает регулятивные функции неправовым нормам, объективированным вовне в качестве фрагментированных ESG-принципов, институциональные же системы адаптируются к новым реалиям¹. В 2020–2022 гг. экономическая система нашей страны находится в кризисном состоянии: падение цен на нефть, нестабильность иностранной валюты, экономические санкции и пандемия, конечно, отрицательно сказались на состоянии корпораций и фондового рынка. Невозможно

представить существование современного рынка без наделения капитала возможностью перетекать из одной финансовой структуры в другую. С одной стороны, такое движение приводит к улучшению жизни людей и государства в целом. С другой стороны, бездумное и нерациональное наделение чертами свободного распоряжения и распределения капитала приводит лишь к богатству ничтожного меньшинства и бедности остального большинства населения.

Категория «интерес» — это фокус внимания лица на удовлетворение личной потребности в получении экономической выгоды, который может проявляться в зависимости от субъекта. Интересом акционера является извлечение имущественной выгоды путем участия в акционерном обществе при помощи субъективных прав

¹ См.: Мажорина М. В. ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 197.

участника. Интерес общества совпадает с интересом акционера до того момента, пока в организации существует согласованность действий участников. При несогласованности возникает конфликт интересов.

Безусловно, кризисные процессы выступают в качестве социально-экономических катализаторов конфликтов в корпорациях и предопределяют конфликт интересов между субъектами правоотношений при проведении сделок с акциями. В доктрине справедливо отмечается, что «в последние годы в российском предпринимательском и корпоративном законодательстве происходят очень важные процессы трансформации. И здесь мы должны отметить, что право серьезно уступает место экономике, не успевая оперативно реагировать на происходящие в ней изменения»².

В акционерном обществе наиболее часто в качестве основных конфликтов интересов при заключении сделок с акциями возникают следующие:

- 1) конфликт между акционерами;
- 2) конфликт между акционерами компании, менеджментом и иными субъектами внутрикорпоративных правоотношений.

Таким образом, в качестве субъектов такого рода конфликтных ситуаций выступают: акционеры, в том числе мажоритарные и миноритарные; члены органов управления и менеджеры; иные заинтересованные лица.

Обратим внимание на то, что структура капитала в корпорациях может быть различной, что также необходимо учитывать для разрешения корпоративных конфликтов. Для Российской Федерации несвойственно существование компаний с дисперсной структурой капитала. Для нашей страны характерна именно концентрированная модель, где корпоративный менеджмент фактически служит интересам собственника.

В современном обществе большинство сфер жизнедеятельности основано на договорных

отношениях, в том числе имеющих предпринимательский и корпоративный характер. При проведении сделок (заключении договоров) с акциями в рамках акционерного общества с концентрированной структурой конфликт возникает сначала между контролирующим собственником и миноритариями, а затем между покупателем (второй стороной сделки) и миноритариями.

Следует признать, что правовые нормы, регулирующие сделки с акциями, носят зачастую общий характер и не учитывают особенности корпоративных правоотношений. Отсутствуют правовые положения, регламентирующие соотношение стоимости пакета акций и корпоративного контроля, не учитывается степень лояльности менеджмента, не введены надлежащие способы защиты нарушенных корпоративных прав. Кроме того, отсутствие специальных законодательных дефиниций в отношении сделок с акциями позволяет недобросовестным лицам использовать договорные конструкции для злоупотребления корпоративными правами.

Для уравнивания экономических последствий, при этом с сохранением интереса в извлечении прибыли каждого участника, представляются разумными следующие действия:

- 1) предоставление миноритарным акционерам гарантий того, что новый участник обязуется в течение какого-либо срока не проводить действий, которые могут быть трактованы как ущемление их прав;
- 2) введение обязанности совместного утверждения бизнес-стратегии, если миноритарные участники принимают непосредственное участие в жизни общества;
- 3) введение коэффициентов, которые бы учитывали степень контроля над обществом;
- 4) процент премии за контроль при покупке доли может быть распределен между участниками;
- 5) при направлении обязательного предложения покупатель в требовании к предлагаемой

² Соловьева Д. Инна Владимировна Ершова: «Об основных тенденциях развития предпринимательского законодательства, о науке и образовательном процессе в условиях пандемии». Интервью с заведующим кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации И. В. Ершовой // Юрист. 2020. № 11. С. 2–6.

стоимости обязан указывать цену последнего крупного пакета акций и порядок ее определения;

б) закрепление возможности требовать от контролирующего акционера возмещения убытков, разделения премии за контроль.

Если результатом сделки с акциями становится фактическое вхождение нового инвестора для создания на базе общества новых совместных предприятий, то для устранения конфликта интересов предлагается ввести такие способы:

1) обмен акций не участвующих в сделке участников на акции или доли нового предприятия. Такой способ может быть проведен в случае, если каждый из акционеров становится участником головной компании, которой в 100%-ное участие передается дочерняя организация;

2) выделение некоторых активов предприятия в совместное управление не участвующих в сделке с акциями акционеров. Такой способ предусмотрен, к примеру, австрийским законодательством. В данной ситуации устранение конфликта интересов возможно, если выделяемые активы, остающиеся в распоряжении контролирующего акционера, могут функционировать в качестве независимых структур³.

Установление принципов определения одинаковой цены за акции в случае продажи, приоритета прав и интересов не участвующих в сделке участников, транспарентность определенных условий сделки поможет обеспечить надлежащее правовое регулирование конфликта интересов в акционерном обществе.

Вышеуказанные способы наиболее применимы скорее к публичным обществам. В непубличных акционерных компаниях можно предусмотреть следующее:

1) предоставление возможности определить и установить существенные, по мнению участников, условия, которые обязательно должны будут соблюдаться при проведении сделок с акциями;

2) введение обязанности согласования сделки, следствием которой может быть установление контроля над обществом;

3) предоставление участникам права закрепить общим решением некое количество акций, которое может быть отчуждено, заложено или передано.

При правовом регулировании сделок в уставном капитале непубличных обществ рационально будет допускать большую диспозитивность, чем в отношении публичных.

Резюмируя рассуждения о конфликте интересов между собственниками, при дальнейшем законодательном развитии корпоративного права следует исходить из того, что:

— интерес мажоритарного (контролирующего) акционера является приоритетным, однако другие участники должны быть наделены правами не только компенсаторного характера, но и пресекающего в части требования полной прозрачности по отношению к учету их прав и интересов;

— если интерес покупателя или нового участника состоит именно в управлении обществом, а также если из договорной структуры прослеживается конкретная цель в получении корпоративного контроля, тогда сторона по сделке обязана обеспечить им возможность получения справедливой цены при выходе из общества. Если же миноритарий не желает покинуть компанию, то сохранение прав и интересов гарантируется новым участником или контролирующим лицом, в том числе в виде обязанности не совершать какие-либо корпоративные действия;

— интересы собственников должны стоять выше интересов «квазиакционеров», однако только в части формирования воли общества. Кредиторы и иные субъекты «квазикорпоративной связи» должны получать контроль и возможность оказывать влияние лишь при непосредственной невозможности организации отвечать по своим обязательствам или с согласия остальных акционеров.

Полагаем, что в рамках урегулирования конфликта интересов необходимо прилагать усилия для снижения юридических, а в последующем и экономических рисков для общества. Если рассматривать вопрос с точки зрения менеджмента

³ Artner S. Squeeze-out of minority shareholders // UIA Newsletter. 2000. 7. 2.

компании, то он не несет никакого риска утраты своего имущества. При прекращении бизнеса или в случае смены команды новым собственником управленцы лишь теряют работу. Их интерес в извлечении прибыли реализуется путем участия в органах корпорации и в силу того, что риск утраты собственности на них не распространяется, появляется возможность злоупотребления — фактически увеличить капитал, не подвергая его сокращению.

Конфликт интересов у менеджмента возникает, когда его деятельность подчинена не интересам компании, а значит, акционерам, а собственным и интересам аффилированных лиц. Более того, необходимость разрешения конфликта интересов возрастает, когда единоличный исполнительный орган или член коллегиального органа является ставленником контролирующего акционера. У таких управляющих неизбежно и объективно возникает интерес, поскольку они поставлены перед необходимостью сопровождать интерес собственника.

Поскольку управление осуществляет менеджмент, то приоритизация их собственного интереса происходит при осуществлении ими своих обязанностей вплоть до установления стратегических задач компании на рынке. В таких реалиях возможным решением может быть:

- 1) императивная необходимость обеспечения полной независимости членов совета директоров;
- 2) создание специального реестра независимых управляющих, может быть, даже с установлением определенного статуса по аналогии с институтом арбитражных управляющих;
- 3) в крупных организациях необходим обязательный допуск к управлению непосредственных работников организации;
- 4) введение специального репутационного критерия;
- 5) независимый директор не должен работать по найму или каким-либо способом быть связанным с одним из участников и аффилированных с ним лиц;

6) введение специальных льгот для стимулирования с одновременным ужесточением наказания за ненадлежащее поведение, установленное судом;

7) введение института «корпоративного донесения»: управляющий может значительно уменьшить степень своей ответственности или в некоторых случаях избежать ее, если в короткие сроки доложит ответственному лицу или в уполномоченные органы о потенциальных нарушениях;

8) только независимые директора определяют вознаграждение менеджмента;

9) создание принципа «одно лицо — одна должность».

Видится необходимым отдельно указать на правовую взаимосвязь проведения сделок с акциями и дивидендной политики компании. Поскольку имущественный аспект является главным в процессе участия в компании, правовое регулирование этого вопроса должно быть особенно важным для корпоративного законодательства в ближайшее время. При продаже пакета акций стоит ввести возможность требовать не только выкупить акции миноритария, но и заплатить оставшимся собственникам, распределив дивиденды. Таким образом, у участника появится выбор — либо требовать выкупа своего пакета, что отразится негативно на его интересе в получении прибыли путем участия в предпринимательском соединстве, либо сохранить свое имущественное положение путем минимизации риска для имущественного интереса некой суммой.

Необходимо взять за аксиому, что надлежащее, максимально сбалансированное и успешное существование корпорации возможно лишь путем защиты именно имущественной основы участников корпорации. Право на дивиденды удостоверяется акцией вне зависимости от ее категории или типа. Не существует бездивидендных акций, потому что такие ценные бумаги не соответствовали бы сути организации акционеров — объединению капиталов для получения прибыли⁴. Возможными измене-

⁴ Адамович Г. Л. Обеспечение интересов меньшинства акционеров в праве России и стран Европейского Союза : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 137 с.

ниями в данный аспект, которые положительно скажутся на вопросе регулирования конфликта интересов, могут стать:

1) обязать документально подтверждать необходимость выплаты дивидендов или распределения их в пользу инвестирования в общество при помощи аудиторского заключения или бизнес-плана;

2) при разногласии менеджмента с собственниками по поводу распределения дивидендов или реинвестирования для текущей хозяйственной деятельности появляется обязанность представить бизнес-план, на основании которого можно сделать вывод о необходимости финансирования компании с целью, например, технического переоснащения;

3) введение такого состава административной ответственности, как наложение административным органом санкций на корпорации, которые в течение долгого времени не выплачивают дивиденды, если не существует экономически целесообразной причины их не платить. Это может стать особенно эффективным в отношении богатых акционерных обществ с концентрированной структурой владения, где контролирующий собственник может злоупотреблять невыплатой.

Предложенные варианты сохранения баланса интересов сторон и заинтересованных лиц при сделках с акциями будут обладать максимальным экономико-правовым результатом, если внести новые институты в отечественный корпоративный правовой порядок и несколько расширить как нормативное, так и договорное регулирование. Необходимо учитывать, что предпринимательские и корпоративные риски имеют место; в частности, контрагент может оказаться неспособным выполнить все принятые предпринимательские обязательства ввиду недостаточности материальных, технических и иных ресурсов либо его недобросовестности.

Для этого предлагается:

1) введение института контроля над недобросовестными действиями при проведении сделок с акциями. Это может быть сделано на основе создания специальной службы в структуре ФНС России или Центробанка и наделения ее компетенцией по ведению реестра незави-

симых директоров, обеспечения контроля над надлежащим соблюдением законодательства. Причем здесь не следует бояться усиления бюрократической монолитности, поскольку проведение проверки и устранение возможных конфликтов будет происходить в медиативном порядке. Возможно также расширение статуса арбитражного управляющего и наделение его необходимыми полномочиями с разрешения суда;

2) установление специального судебного регулирования. В случае если истец обращается в суд с требованием защиты своего нарушенного права, юрисдикционный орган может обязать провести сделку с учетом надлежащего инструментария правовых средств, без привлечения ответчика к юридической ответственности;

3) расширение механизма выхода в случае наступления каких-либо существенных, с точки зрения участника, последствий. К примеру: введение так называемых прав несогласных, нацеленных на снижение риска имущественных потерь участников и расширение данного института в отношении менеджмента;

4) введение правового института притеснения с соответствующей судебной защитой. Например, в случае явного конфликта интересов при заключении сделки обязать стороны провести сделку с максимальным информированием иных участников, временно ввести в компанию лицо, которое будет регулировать сохранение баланса интересов.

Представляется, что установление вышеуказанных способов придаст некоторую диспозитивность отношениям между субъектами корпорации. В то же время у государства появятся новые правовые средства надзора без вмешательства в свободную предпринимательскую систему. Властный контроль необходим только в определенных сферах экономики, и нет нужды сильно регламентировать отношения мелкого и среднего предпринимательства. Указанные законодательные предложения отвечают следующим критериям: они увеличивают самостоятельность участников, увеличивают точки соприкосновения с властными структурами, расширяя лишь круг вопросов, которые

требуют пояснения, а не глубокого регулирования, увеличивают теоретическую базу возможных исследований.

В доктрине обоснованно определено, что глобальная цель устойчивого развития корпораций состоит в том, чтобы достичь устойчивости общества как целого и планеты. Переход к цифровой экономике с неизбежностью предполагает ускорение, установление точности, мобильности, а за счет этого и эффективности реализации всех производственных процессов, предоставления различных услуг, достижение ими высоких уровней сложности и конкурентоспособности.

Надлежащее обеспечение интереса в извлечении прибыли корпорацией должно происходить и от государства. При современной системе экономического движения вперед реализация интересов всех участников корпоративных правоотношений возможна лишь путем сохранения баланса публичных интересов, интересов корпорации и акционеров.

Предлагается рассматривать конфликт интересов в корпорации как состояние несовпадения интересов акционеров — участников общества, которое усиливается при ущемлении объективного интереса в извлечении прибыли.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Адамович Г. Л.* Обеспечение интересов меньшинства акционеров в праве России и стран Европейского Союза : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — 137 с.
2. *Ершова И. В., Енькова Е. Е., Лаптев В. А.* Корпоративная социальная ответственность в системе координат устойчивого развития // *Предпринимательское право*. — 2022. — № 2. — С. 25–35.
3. *Мажорина М. В.* ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // *Актуальные проблемы российского права*. — 2021. — № 12. — С. 185–198.
4. *Соловьева Д. Инна Владимировна Ершова:* «Об основных тенденциях развития предпринимательского законодательства, о науке и образовательном процессе в условиях пандемии». Интервью с заведующим кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации И. В. Ершовой // *Юрист*. — 2020. — № 11. — С. 2–6.
5. *Artner S.* Squeeze-out of minority shareholders // *UIA Newsletter*. — 2000. — 7. 2.

Материал поступил в редакцию 23 июля 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Adamovich G. L.* Obespechenie interesov menshinstva aktsionerov v prave Rossii i stran Evropeyskogo Soyuza: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2002. — 137 s.
2. *Ershova I. V., Enkova E. E., Laptev V. A.* Korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost v sisteme koordinat ustoychivogo razvitiya // *Predprinimatelskoe pravo*. — 2022. — № 2. — S. 25–35.
3. *Mazhorina M. V.* ESG-printsipy v mezhdunarodnom biznese i «ustoychivye kontrakty» // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2021. — № 12. — S. 185–198.
4. *Soloveva D. Inna Vladimirovna Ershova:* «Ob osnovnykh tendentsiyakh razvitiya predprinimatelskogo zakonodatelstva, o nauke i obrazovatelnom protsesse v usloviyakh pandemii». Intervyu s zaveduyushchim kafedroy predprinimatelskogo i korporativnogo prava Moskovskogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), doktorom yuridicheskikh nauk, professorom, zasluzhennym yuristom Rossiyskoy Federatsii I. V. Ershovoy // *Yurist*. — 2020. — № 11. — S. 2–6.
5. *Artner S.* Squeeze-out of minority shareholders // *UIA Newsletter*. — 2000. — 7. 2.

Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики

Аннотация. В 2003 г. законодателем было принято решение об исключении из уголовного закона конфискации имущества (оцененное учеными весьма критически). Спустя практически два десятилетия, несмотря на проблемы в сфере борьбы с корыстной преступностью, корректировок данного решения по существу не произошло. Цель статьи состоит в определении превентивного потенциала конфискации имущества как меры наказания (в том виде, в каком она существовала до исключения) на основе анализа данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за период с 2004 по 2020 г. относительно числа осужденных за составы преступлений, санкция которых до 2003 г. предусматривала конфискацию имущества, а также удельного веса осужденных по данным составам преступлений в сравнении с составами без квалифицирующих признаков. В результате исследования гипотеза о том, что конфискация имущества как самостоятельный вид наказания была эффективна и ее отмена повлекла существенную утрату превентивного потенциала санкций норм и назначение не соответствующего характеру и степени общественной опасности деяния наказания, не нашла своего подтверждения. Как следствие, утверждение о том, что у конфискации имущества был существенный превентивный потенциал, который был утерян после законодательной корректировки 2003 г., по меньшей мере в отношении преступлений против собственности и бандитизма, достаточно спорно. Эффективность данной меры наказания была существенно снижена ее дополнительным и факультативным характером. Обоснованным видится корректировка уголовного закона в части введения лишения свободы как основного наказания за взяточничество.

Ключевые слова: конфискация; конфискация имущества; система наказаний; уголовная ответственность; эффективность наказаний; взяточничество; коррупционная преступность; официальная статистика; превенция; уголовная политика.

Для цитирования: Маслов В. А. Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 175–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.175-190.

© Маслов В. А., 2022

* Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России
ул. Корепина, д. 66, г. Екатеринбург, Россия, 620017
villi@e1.ru

Property Seizure Effectiveness in the Context of Official Statistics

Villi A. Maslov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Research and Editorial and Publishing Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Korepina, d. 66, Ekaterinburg, Russia, 620017
villi@e1.ru

Abstract. In 2003, the legislator decided to exclude the seizure of property from the realm of criminal law, which scientists assessed rather critically. Almost two decades later, despite the problems in the field of combating acquisitive crime, there have been no adjustments to this decision in essence. The paper determines the preventive potential of property seizure as a measure of punishment (in the form in which it existed before the exclusion) based on the analysis of data from the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for the period from 2004 to 2020. This data includes the number of those convicted of crimes subject to seizure until 2003, as well as the proportion of convicts on these offenses in comparison with the bodies of crimes without classifying elements. The study resulted in that the hypothesis that property seizure, as an independent type of punishment, was effective, its abolition led to a significant loss of the preventive potential of the sanction, and imposition of a punishment that did not correspond to the nature and degree of social danger did not find its confirmation. Consequently, the argument that property seizure had a significant preventive potential that was lost after the 2003 legislative adjustment, at least in relation to crimes against property and banditry, is quite debatable. The effectiveness of this measure of punishment was significantly reduced by its additional and optional nature. It seems justified to correct the criminal law in terms of the introduction of imprisonment as the main punishment for bribery.

Keywords: confiscation; confiscation of property; system of punishments; criminal liability; effectiveness of punishments; corrupt practices; corruption crime; official statistics; prevention; criminal policy.

Cite as: Maslov VA. Effektivnost konfiskatsii imushchestva v kontekste ofitsialnoy statistiki [Property Seizure Effectiveness in the Context of Official Statistics]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):175-190. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.175-190. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Конфискация как мера уголовной ответственности была на вооружении органов охраны правопорядка достаточно длительное время. Исключение данной меры воздействия на преступность в 2003 г.¹ вызвало практически единогласную отрицательную реакцию ученых, ука-

зывающих на криминологическую необоснованность и политическую ангажированность этого решения законодателя. Следствием стало «возвращение» в уголовный закон конфискации, но уже как иной меры уголовно-правового характера², что, хотя и было оценено как шаг в верном направлении³, также было подвергнуто справедливой критике⁴ (которая среди проче-

¹ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 252. 16.12.2003.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» // Российская газета. № 165. 29.07.2006.

³ Номоконов В. А. Проблемы формирования антикоррупционной политики в России // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2007. № 4. С. 46.

⁴ См., например: Татарников В. Г., Босхолов С. С. О конфискации имущества как мере уголовного наказания // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 5. С. 288 ; Щербаков А. А.,

го касалась и того, что конфискация как «иная мера» фактически не применялась в судебной практике⁵ или применялась крайне редко⁶).

В связи с тем что уже прошло практически два десятилетия, но никаких перспектив возвращения в Уголовный кодекс РФ конфискации как отдельного вида наказания нет, видится возможным исследовать вопрос эффективности данной меры наказания посредством исследования динамики преступлений, за которые в свое время предусматривалась конфискация.

Методология

На основе диалектико-материалистического метода познания, с использованием метода статистического анализа исследованы статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ о судимости за период с 2004 по 2020-е гг. за преступления, предусмотренные частью 4 ст. 158, частями 3, 4 ст. 160, частями 2, 3 ст. 161, статьями 209, 210 и 290 УК РФ.

Отдельное внимание уделено удельному весу осужденных в сравнении с составами без квалифицирующих признаков по составам: ч. 4 ст. 158, ч. 3, 4 ст. 160, ч. 2, 3 ст. 161, ст. 290 УК РФ.

Основные результаты исследования

Прежде всего стоит подчеркнуть тот факт, что точку зрения, согласно которой конфискация — это необходимый вид наказания, отстаивает большое количество ученых: Т. А. Ажакина (применительно к преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ)⁷, М. В. Бавсун⁸, С. С. Босхолов⁹ и С. В. Максимов, утверждающие, что конфискации должно подлежать все имущество «за исключением жизнеобеспечивающего минимума»¹⁰, В. А. Татарников¹¹, В. А. Номоконов, указывающий на перспективность данной меры в сфере борьбы с организованной преступностью и коррупцией¹², А. Б. Мельниченко¹³, Э. Ф. Побегайло¹⁴ и И. А. Подройкина¹⁵ (за

Подройкина И. А. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 10-2. С. 171.

⁵ Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть // Lex russica. 2014. № 12. С. 1401.

⁶ Голик Ю. В., Коробеев А. И. Зигзаги уголовно-правовой политики России: из огня да в полымя // Общество и право. 2017. № 3. С. 18.

⁷ Ажакина Т. А. Криминологические основы уголовной политики Российской Федерации в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 29 с.

⁸ Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. 39 с.

⁹ См., например: Босхолов С. С. Российский либерализм и проблемы антикоррупционной уголовной политики // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3. С. 37 ; Он же. Борьба с коррупцией: мифы и реальность, надежды и перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 2. С. 61.

¹⁰ Босхолов С. С., Максимов С. В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2018. № 3. С. 16.

¹¹ Татарников В. Г., Босхолов С. С. Указ. соч. С. 287.

¹² См., например: Номоконов В. А. Некоторые проблемы оптимизации борьбы с преступностью в России // Общество & человек. 2001. № 1. С. 57 ; Он же. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 33 ; Он же. Антикоррупционная политика: проблемы формирования и реализации // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 40.

¹³ Мельниченко А. Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 59 с.

корыстные преступления, с учетом принципа невыгодности преступления¹⁶), А. В. Наумов и В. Н. Кудрявцев¹⁷, Г. В. Ратников¹⁸, Э. П. Мартыненко¹⁹ и В. В. Лунеев²⁰, указывающие на нарушение ряда международных соглашений вследствие исключения конфискации, Ю. В. Голик и А. И. Коробеев²¹, В. И. Кузнецов²², А. В. Гайдашов и И. А. Толстова²³, Т. П. Сапронова²⁴, Ж. Б. Киреева, К. В. Кудряшов, А. А. Санькова²⁵ (за преступ-

ления, связанные с коррупцией, терроризмом и наркоторговлей).

Стоит подчеркнуть и зарубежные исследования, указывающие на перспективность конфискации в части борьбы с организованной и экономической преступностью²⁶, отмыванием денежных средств, добытых преступным путем²⁷, «возвращением активов»²⁸, на необходимость правового регулирования между-

- ¹⁴ См., например: *Побегайло Э. Ф.* Тенденции современной преступности и кризис российской уголовной политики // Публичное и частное право. 2011. № 4. С. 60 ; *Он же.* Криминологическая обоснованность современной уголовной политики: проблемные вопросы и пути их решения // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань, 2016. С. 13.
- ¹⁵ *Подройкина И. А.* Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. 498 с.
- ¹⁶ *Подройкина И. А.* К вопросу о принципах уголовного наказания // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 12. С. 74–77.
- ¹⁷ *Наумов А. В.* Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В. Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 137.
- ¹⁸ *Ратников Г. В.* Стратегия и политика противодействия коррупции // Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России. М., 2006. С. 219.
- ¹⁹ *Мартыненко Э. П.* Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 24 с.
- ²⁰ См., например: *Лунеев В. В.* О криминологического-аналитического и системного подходе к законотворчеству // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 4. С. 19 ; *Он же.* Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог : журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 48 ; *Он же.* Истоки и пороки российского уголовного законотворчества. М., 2014. С. 192.
- ²¹ *Голик Ю. В., Коробеев А. И.* Зигзаги уголовно-правовой политики России: из огня да в полымя. С. 18.
- ²² *Кузнецов В. И.* Трансформирование системы уголовных наказаний как метод совершенствования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 1 (44). С. 60.
- ²³ *Гайдашов А. В., Толстова И. А.* О некоторых вопросах, связанных с уголовно-правовой ответственностью представителей государства за преступления (правонарушения) коррупционной направленности // Вестник Тверского государственного университета. 2021. № 1 (65). С. 115.
- ²⁴ *Сапронова Т. П.* О дополнительном законодательном регулировании антикоррупционной политики в России // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 1 (69). С. 81.
- ²⁵ *Киреева Ж. Б., Кудряшов К. В., Санькова А. А.* Конфискация имущества: актуальные проблемы совершенствования антикоррупционного законодательства // Юрист-Правоведъ. 2020. № 2 (93). С. 66.
- ²⁶ *Monti A.* Illegitimate Appropriation or Just Punishment? — The Confiscation of Property in Ancien Régime Criminal Law and Doctrine. Property rights and their violations. Expropriations and confiscations, 16th–20th Centuries / L. Lorenzetti, M. Barbot, L. Mocarrelli (eds). Bern : Peter Lang, 2012 // Bocconi Legal Studies Research Paper No. 2049799. P. 16.
- ²⁷ *Young S. N. M.* Policing and Prosecution of Money Laundering (May 1, 2018) // Research Handbook on Transnational Crime / V. Mitsilegas, S. Hufnagel & A. Moiseienko (eds). Edward Elgar, 2018. University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper No. 2018/019.
- ²⁸ *Ivory R.* The Right to a Fair Trial and International Cooperation in Criminal Matters: Article 6 ECHR and the Recovery of Assets in Grand Corruption Cases // Utrecht Law Review. September 2013. Vol. 9. No. 4. P. 147–164.

народного сотрудничества в сфере конфискации имущества²⁹, обоснованность применения конфискации в отношении преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков³⁰, организованной и беловоротничковой (white collar crime) преступностью³¹. Более того, признавая конфискацию «хорошо принятой в системе уголовного правосудия», некоторые государства идут еще дальше: предусматривая возможность конфискации и вне рамок уголовного судопроизводства, при этом возлагая бремя доказывания законности приобретения на собственника данного имущества³².

Труды указанных ученых вкупе с отсутствием перспектив возвращения в уголовный закон конфискации как самостоятельного вида наказания заставляют задуматься относительно утверждения об эффективности данного вида наказания. Видится, что ответ на данный вопрос в какой-то степени можно получить, проанализировав:

1) динамику осужденных за составы преступлений, санкция которых до 2003 г. предусматривала данную меру наказания;

2) удельный вес осужденных по данным составам преступлений в сравнении с составами без квалифицирующих признаков³³.

Уточним, что в качестве анализируемых составов взяты не все, за которые предусматривалась конфискация, по ряду причин: во-первых, ввиду динамики законодательных корректировок ряда норм Особенной части (в частности, наказуемости незаконного оборота наркотических средств), во-вторых, ввиду отсутствия в отчетах Судебного департамента при Верховном

Суде РФ информации по ряду составов. Вместе с тем проанализированная нами выборка представляется показательной (*диаграмма 1*).

Указанные показатели позволяют утверждать, что за анализируемый период наблюдался рост числа

осужденных по ч. 4 ст. 158 УК РФ с 2005 по 2016 г., дальнейшая стабилизация до 2019 г. и снижение в 2020 г. до показателя 2013 г. Таким образом, можно утверждать о примерно двукратном увеличении числа осужденных за анализируемый период. При этом согласно линейной линии тренда данный показатель еще более впечатляющий — трехкратное увеличение (от 600 осужденных в 2004 г. до 1 500 в 2020 г.).

В целом сходные показатели наблюдаются относительно удельного веса осужденных за совершение кражи в особо крупном размере или организованной группой (рост от 0,3 % в 2004 г. до 0,7 % в 2020 г.). Однако стоит отметить и то, что доля лиц, совершающих особо квалифицированную кражу, в общей массе за исследуемый период не превышала 1 %, в связи с чем важно принимать во внимание еще одно обстоятельство. Кражей, совершенной в особо крупном размере, признается кража имущества стоимостью свыше 1 млн руб. Это значение было установлено еще в 2003 г. (Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»). В то же время видится очевидным, что лицо, совершившее кражу на сумму свыше миллиона рублей практически два десятилетия назад, и лицо, совершившее кражу на аналогичную сумму сегодня, в части общественной опас-

²⁹ См., например: *Borgers M. J.* International Cooperation in Confiscation Matters and Dutch Legislation: Points of Attention for Effective Cooperation in the European Union. SSRN Electronic Journal (September 22, 2005) ; *King C., Walker C.* Counter Terrorism Financing: A Redundant Fragmentation? // *New Journal of European Criminal Law*. 2015. Vol. 6. Iss. 3.

³⁰ См., например: *Borgers M. J., Moors H.* Targeting the Proceeds of Crime: Bottlenecks in International Cooperation // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2007. P. 1–22 ; *Bartels L.* Unexplained Wealth Laws in Australia // *Trends and Issues in Crime and Criminal Justice*. 2010. No. 395.

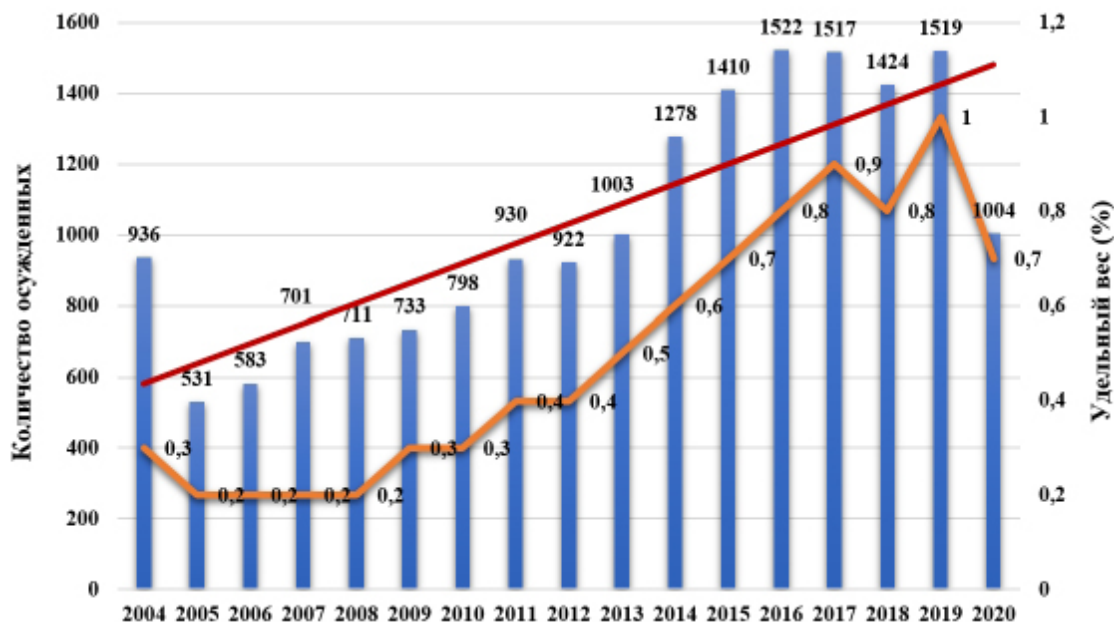
³¹ *Borgers M. J., Moors H.* Op. cit. P. 285.

³² *Bartels L.* Op. cit.

³³ Приводимые в настоящей публикации показатели взяты с официального сайта Судебного департамента при Верховном Суде РФ: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.05.2022).

Диаграмма 1

Количество осужденных по ч. 4 ст. 158 УК РФ и удельный вес в общем числе осужденных (в процентах)

ности существенно различаются. Сказанное, на наш взгляд, не нуждается в дополнительной аргументации, помимо обращения к статистике индекса потребительских цен на товары и услуги в Российской Федерации, согласно которой показатель ежегодной инфляции за период с 2004 по 2021 г. составляет 8,1 %³⁴.

Представляется, что с учетом должной оценки общественной опасности кражи в особо крупном размере и соразмерного повышения суммы, указанной в примечании к ст. 158 УК РФ (к примеру, до 1,5 млн руб.), демонстрируемого роста как абсолютного показателя числа осужденных, так и их удельного веса не наблюдалось (диаг. 2).

Динамика осужденных за квалифицированные составы присвоения или растраты неоднородная, но в целом свидетельствует о снижении количества осужденных на 47 % (с 5 457 в 2004 г. до 2 885 в 2020 г.). Сказанное подтверждается и линейной линией тренда. При этом удельный вес фактически остался на том же уровне (49,5% в 2004 г. и 50,2 % в 2020 г.).

Таким образом, по совокупности анализируемых показателей можно сделать вывод, что исключение конфискации имущества в 2003 г. не сказалось отрицательно на противодействии квалифицированным видам присвоения и растраты (диаг. 3).

Динамика осужденных за квалифицированный грабеж свидетельствует о росте числа осужденных в 2004–2006 гг. и дальнейшей тенденции к их существенному снижению на 80 % (50 077 в 2004 г. и 9 766 в 2020 г.). Динамика удельного веса осужденных по ч. 2, 3 ст. 161 УК РФ за тот же период свидетельствует о снижении указанного показателя с 72,6 до 47,4 %.

Приведенные данные позволяют и без построения линии тренда утверждать, что исключение конфискации имущества из ч. 3 ст. 161 УК РФ не оказало отрицательного влияния на лиц, совершающих открытое хищение чужого имущества (диаг. 4).

Динамика осужденных за разбой во многом сходна с тенденцией осужденных за квалифи-

³⁴ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_potreb_cen_03.html (дата обращения: 05.05.2022).

Диаграмма 2

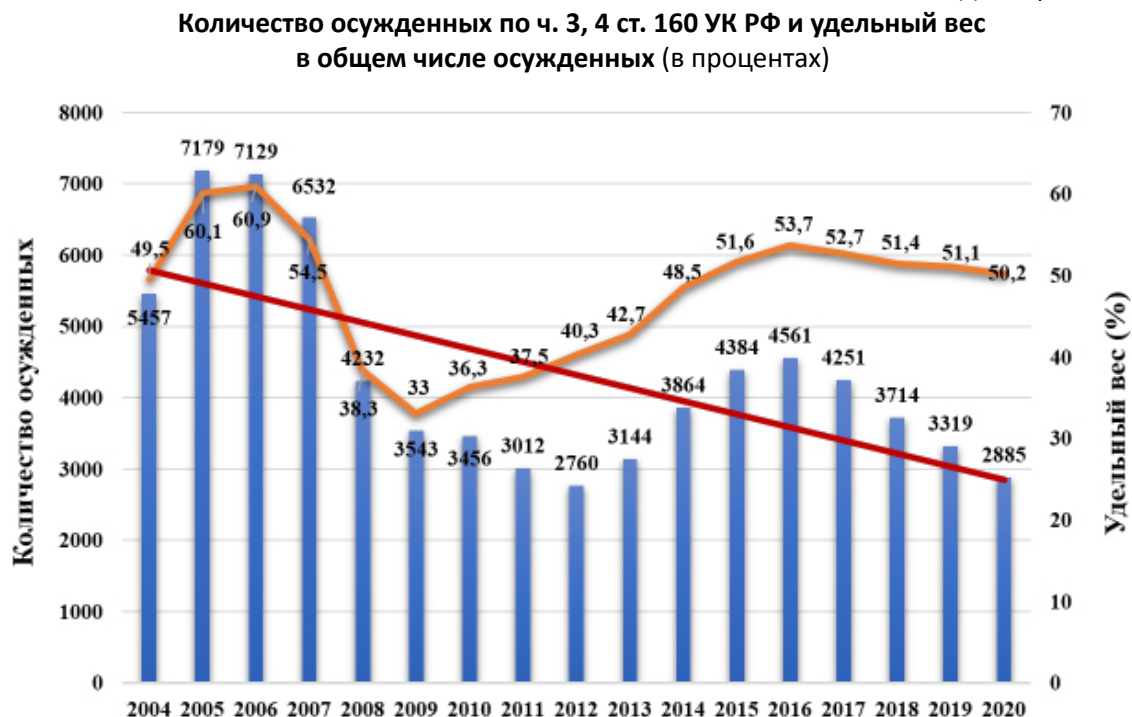
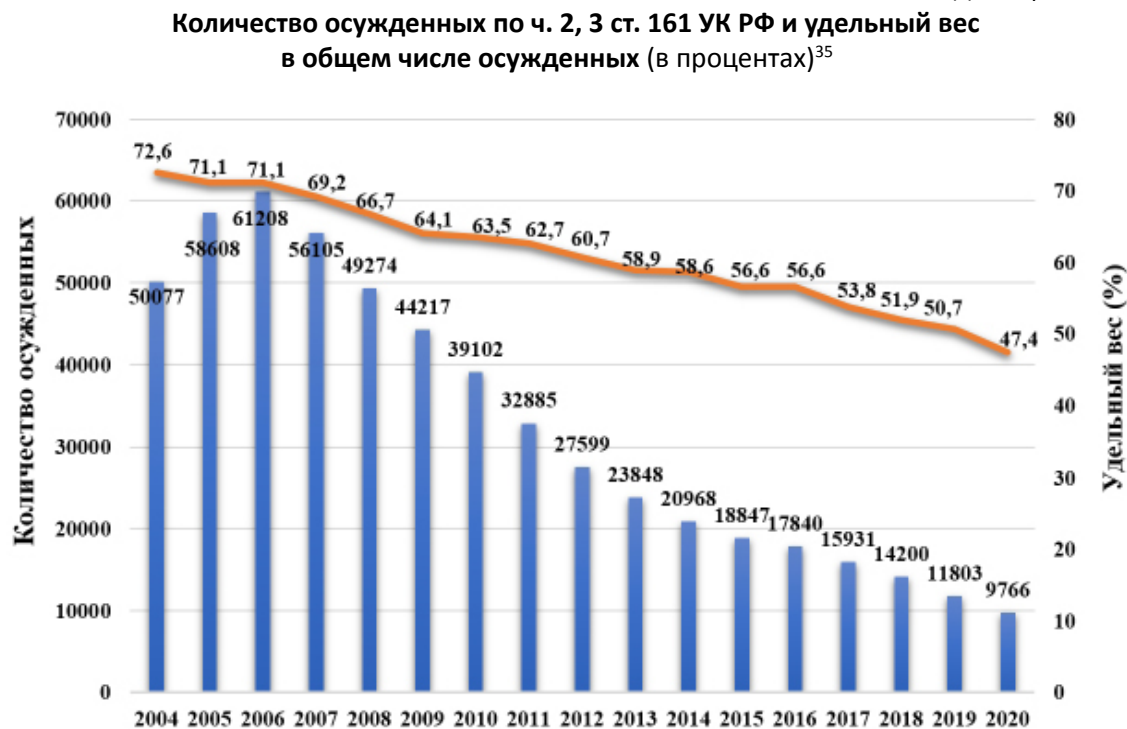
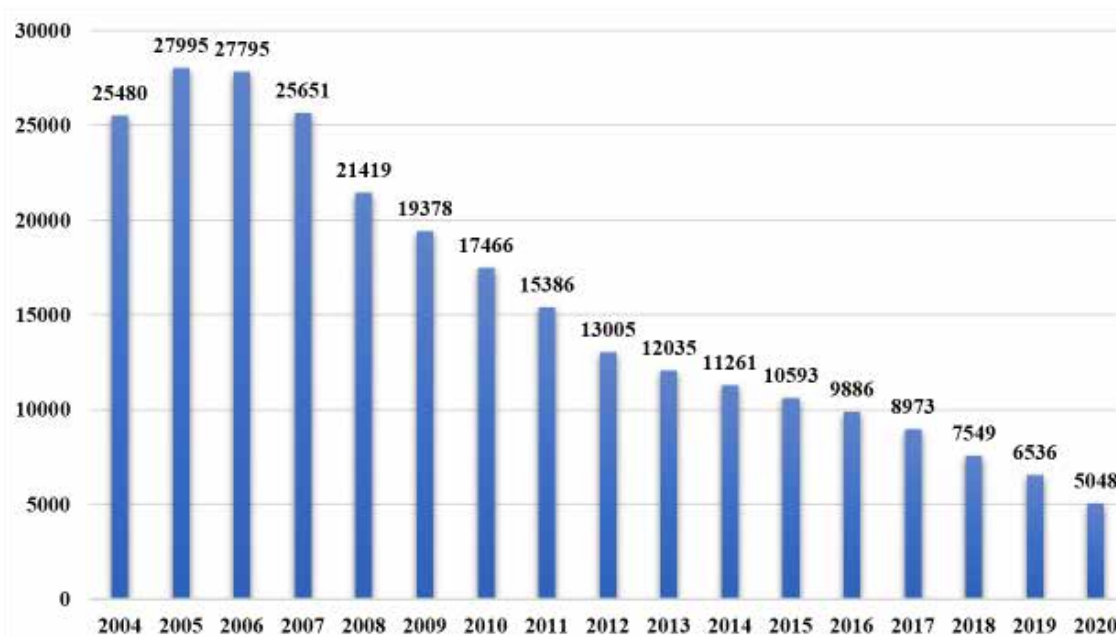

Диаграмма 3

³⁵ Конфискация имущества предусматривалась только по ч. 3 ст. 161 УК РФ.

Диаграмма 4

Количество осужденных по ст. 162 УК РФ³⁶

рованный грабеж: рост до 2006 г. сменяется существенным падением к 2020 г. на 80 % (25 480 и 5 048 человек соответственно).

Смеем предположить, что разбой является, пожалуй, одним из самых показательных составов преступлений против собственности в контексте изучаемого вопроса, в том числе в связи с тем, что конфискация имущества предусматривалась даже за нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия, совершенное без квалифицированных признаков.

Подводя промежуточный итог, можно отметить, что, проанализировав судимость по четырем составам, за которые предусматривалась мера наказания в виде конфискации имущества, сделать вывод о ее эффективности в части борьбы с преступлениями против собственности не представляется возможным. За исключением квалифицированной кражи отрицательной динамики судимости, равно как и удельного веса, не наблюдается (диаг. 5).

Динамика осужденных за бандитизм, пожалуй, самая неоднозначная, однако линия тренда (линейная) позволяет утверждать об общей тенденции к двукратному снижению. Важно понимать, что в отсутствие данных за 2017–2020 гг. можно было бы сделать вывод о наличии отрицательной динамики, однако в связи с тем что последние корректировки в ст. 209 УК РФ вносились в 2009 г. (Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы»), говорить о том, что есть уголовно-правовые предпосылки изменения криминогенной ситуации в сфере борьбы с бандитизмом в период 2016 г., не приходится (диаг. 6).

Динамика осуждения за организацию преступного сообщества — самая впечатляющая из приводимых в части относительных показате-

³⁶ Конфискация предусматривалась по всем составам разбоя; соответственно, данные относительно удельного веса не приводятся.

Диаграмма 5

Диаграмма 6

³⁷ В графике, начиная с 2008 г., приведены данные по совокупности осужденных за бандитизм как по основной квалификации, так и в качестве дополнительной.

³⁸ В графике, начиная с 2008 г., приведены данные по совокупности осужденных за организацию преступного сообщества как по основной квалификации, так и в качестве дополнительной.

лей, поскольку с 2004 г. наблюдается рост более чем в 15 раз.

Интересна законодательная корректировка уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) (а также с 2009 г. участие в нем (ней)). Так, в 2009 г., помимо корректировки ч. 1 анализируемой нормы и дополнения частью 4 (относительно лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии), произошла корректировка санкций в части лишения свободы по всем четырем частям ст. 210 УК РФ (Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы»). Спустя десятилетие, в 2019 г., произошло очередное ужесточение ответственности: регламентация ответственности за участие в собрании лидеров преступного сообщества, повышение минимального срока лишения свободы за участие в преступном сообществе, повышение максимальных размеров штрафов по ч. 1, 2 и 3 ст. 210 УК РФ, а также включение штрафа в санкцию по ч. 4 ст. 210 УК РФ (Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности»).

На примере динамики судимости за преступления против общественной безопасности судить об эффективности конфискации имущества видится проблематичным не столько потому, что отрицательной динамике судимости за бандитизм сопутствует рост осужденных за организацию преступного сообщества, сколько потому, что даже существенные корректировки наказуемости как лишением свободы, так и штрафом не оказывают желаемого эффекта на организованную преступность.

Видится возможным предположить, что в детерминантной составляющей характеристики лиц, совершающих исследуемые преступления, страх имущественного наказания не столь суще-

ственен в сравнении с мотивами преступного поведения (*диаг. 7*).

Указанная динамика не может не вызывать вопросов о причинах столь явного роста числа осужденных с 2011 г. (в 7,3 раза), для чего приведем данные об удельном весе осужденных к лишению свободы и наказаниям, не связанным с лишением свободы, за указанные преступления (*диаг. 8*).

Динамика существенного снижения удельного веса лишения свободы с 72,3 % в 2010 г. до 26,5 % в 2011 г. связана с корректировкой санкций за совершение квалифицированных видов получения взятки (Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»), предусматривающей создание альтернативы лишению свободы в виде штрафа.

Для наглядности видится целесообразным отобразить динамику осужденных в сравнении с динамикой назначения иных видов наказаний (*диаг. 9*).

«Наложение» данных позволяет предположить, что наказуемость квалифицированного взяточничества мерами, не связанными с лишением свободы, не столь эффективна, поэтому подход к формированию альтернативной санкции, реализуемый с 2011 г., требует переоценки.

Сопоставляя приведенные выше показатели по различным составам, можно отметить следующее.

Во-первых, относительно динамики осужденных за составы преступлений, санкция которых до 2003 г. предусматривала данную меру наказания:

- по ч. 4 ст. 158 УК РФ рост фактически в 2 раза (согласно линейной линии тренда);
- по ч. 3, 4 ст. 160 УК РФ снижение на 47 %;
- по ч. 2, 3 ст. 161 УК РФ снижение на 80 %;
- по ст. 209 УК РФ снижение на 50,5 %;
- по ст. 210 УК РФ рост в 15 раз;
- по квалифицированным составам ст. 290 УК РФ рост в 7,3 раза.

Во-вторых, относительно удельного веса осужденных в сравнении с составами без квалифицирующих признаков:

- по ч. 4 ст. 158 УК РФ рост на 0,5 %;

Диаграмма 7

Количество осужденных за получение взятки при отягчающих обстоятельствах (с 2008 г. по ч. 3–6) ст. 290 УК РФ и удельный вес в общем числе осужденных (в процентах)³⁹

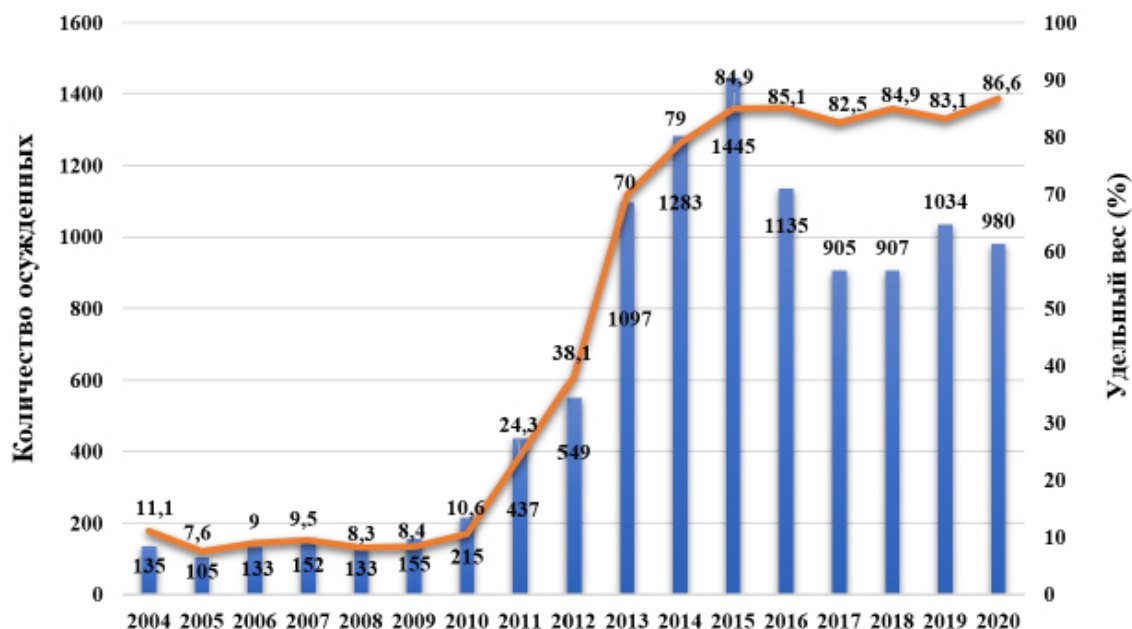
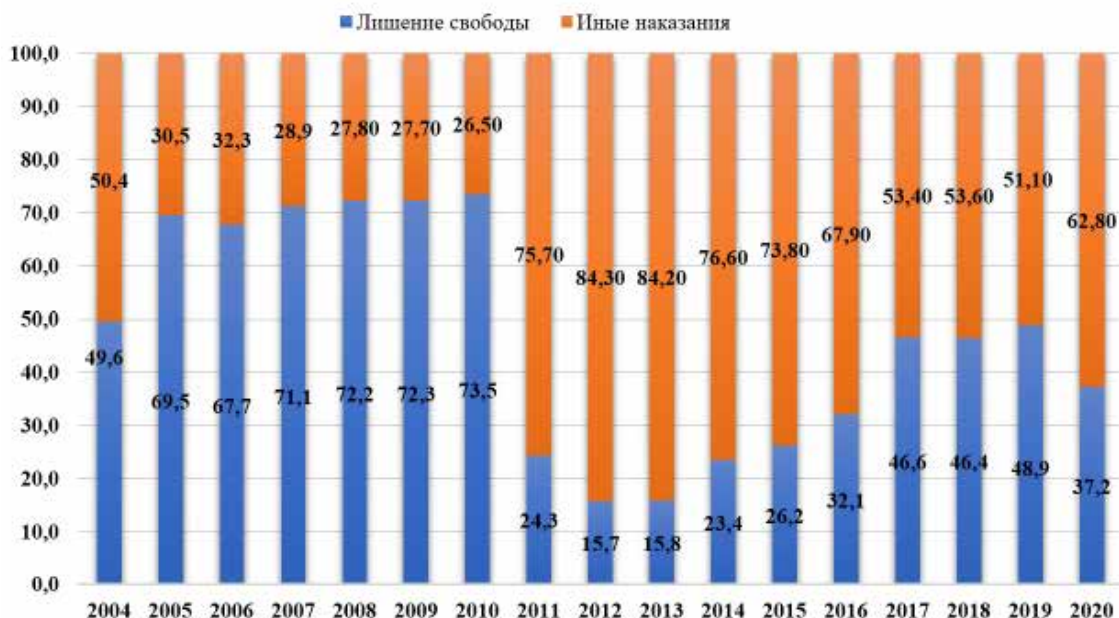

Диаграмма 8

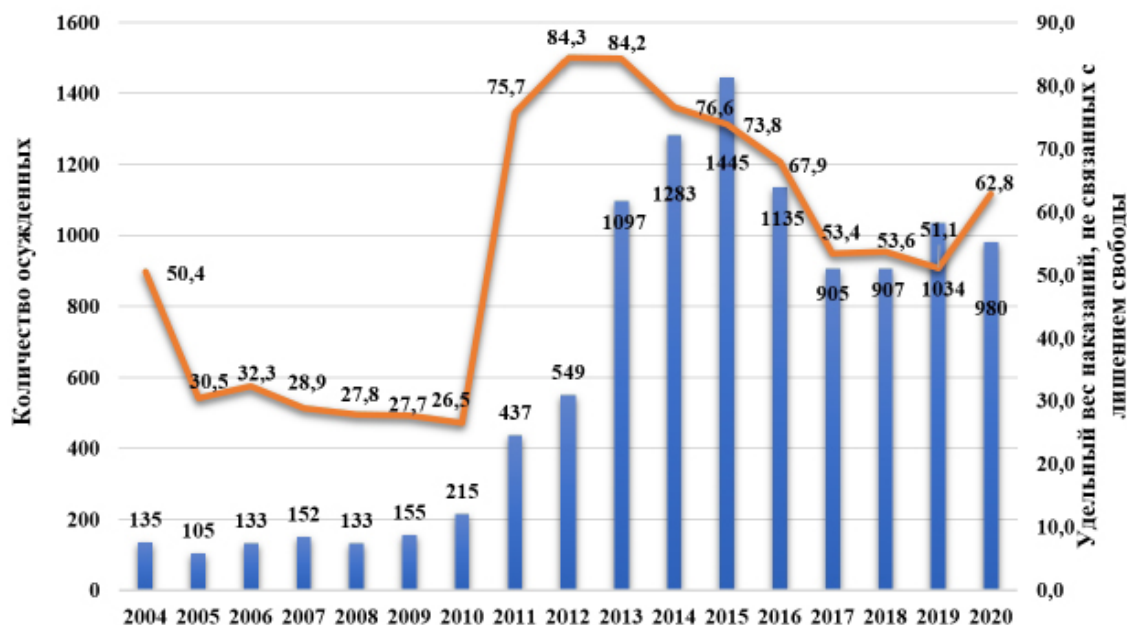
Удельный вес осужденных к лишению свободы и наказаниям, не связанным с лишением свободы за получение взятки при отягчающих обстоятельствах (с 2008 г. по ч. 3–6) ст. 290 УК РФ

³⁹ Конфискация предусматривалась только по ч. 4 ст. 290 УК РФ.

Диаграмма 9

Динамика осужденных за получение взятки при отягчающих обстоятельствах (с 2008 г. по ч. 3–6) ст. 290 УК РФ и динамика назначения наказаний, не связанных с лишением свободы

- по ч. 3, 4 ст. 160 УК РФ рост на 0,7 %;
- по ч. 2, 3 ст. 161 УК РФ снижение на треть (с 72,6 до 47,4 %);
- по квалифицированным составам ст. 290 УК РФ рост более чем в 7 раз (с 11,1 до 86,6 %).

Таким образом, гипотеза о том, что конфискация имущества как самостоятельный вид наказания была эффективна и ее отмена повлекла существенную утрату превентивного потенциала санкций норм и назначение не соответствующего характеру и степени общественной опасности деяния наказания, не находит своего подтверждения.

Во-первых, потому, что, несмотря на негативную динамику осужденных по ч. 4 ст. 158, ст. 210 и квалифицированным составам ст. 290 УК РФ, наличествует явно положительная динамика в части судимости по ч. 3, 4 ст. 160, ч. 2, 3 ст. 161, а также ст. 209 УК РФ.

Во-вторых, динамика удельного веса судимости за рассматриваемые преступления также не отличается однообразием, которое позволило бы судить о потере превентивного потенциала вследствие отказа от конфискации: в части

квалифицированных краж, присвоения и растраты значимых изменений не произошло; в части грабежа произошло снижение и лишь в части квалифицированного получения взятки наблюдается рост.

Смеем предположить, что динамика числа осужденных по ч. 3, 4 ст. 160, ч. 2, 3 ст. 161 и ст. 162 УК РФ (а в отношении ч. 3, 4 ст. 160 УК РФ также и удельный вес) за период с 2004 по 2007 г., демонстрирующая рост, может свидетельствовать о том, что произошел некоторый общественный резонанс вследствие исключения конфискации имущества, который можно расценить как условие совершения данных имущественных преступлений. В то же время данный эффект быстро сошел на нет ввиду наличия в санкциях норм другого наказания имущественного характера — штрафа.

Мнение о том, что введение конфискации имущества в отношении взяточничества может оказать существенный положительный эффект, выглядит достаточно дискуссионным, в то время как утверждение о том, что введение лишения свободы как основного наказания по

данным составам, видится много более корректным⁴⁰.

Утверждение о том, что у конфискации имущества имеется существенный превентивный потенциал в сравнении с избранным законодателем подходом (наказуемостью штрафом), по меньшей мере в отношении преступлений против собственности и бандитизма, видится спорным.

Объяснить обнаруженную тенденцию можно следующим:

1. Общая превенция базируется не столько на суровости назначаемого наказания, сколько на его неотвратимости⁴¹.

2. Превентивный потенциал конфискации имущества был не столь высок еще и вследствие того, что это было лишь дополнительное наказание, применение которого было диспозитивным.

3. В 2003 г. произошло не «абсолютное» исключение конфискации имущества, а его замена штрафом.

4. В 2006 г., как уже обозначалось ранее, законодатель вернул конфискацию имущества в уголовный закон, но уже не в качестве самостоятельного вида наказания, а в качестве иной

меры уголовно-правового характера. При этом важно понимать и то, что избранный законодателем подход ограниченности применения конфискации конкретными составами не лишен недостатков, свидетельством чему является его неоднократная корректировка (19 раз за последние 14 лет), а также необходимость унификации правоприменительной практики на уровне высшей судебной инстанции (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»).

Таким образом, говорить о необходимости возвращения в уголовный закон конфискации имущества в том же виде, в каком она существовала до изменений 2003 г., не приходится. По меньшей мере стоит задаваться вопросом о необходимости исключения диспозитивности применения данной меры наказания в санкциях норм Особенной части путем включения конфискации имущества как обязательного дополнительного наказания к лишению свободы. Эффективность подобного сочетания подтверждается и зарубежными исследованиями⁴².

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. — М. : Инфра-М, 2004. — 184 с.
2. Босхолов С. С. Борьба с коррупцией: мифы и реальность, надежды и перспективы // Всероссийский криминологический журнал. — 2010. — № 2. — С. 51–64.
3. Босхолов С. С., Максимов С. В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования // Пролог : журнал о праве. — 2018. — № 3. — С. 8–18.
4. Босхолов С. С. Российский либерализм и проблемы антикоррупционной уголовной политики // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2014. — № 3. — С. 31–43.
5. Босхолов С. С., Татарников В. Г. Парадоксы законодательного регулирования уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности // Пролог : журнал о праве. — 2021. — № 1 (29). — С. 66–78. — DOI: 10.21639/2313-6715.2021.1.7.
6. Гайдашов А. В., Толстова И. А. О некоторых вопросах, связанных с уголовно-правовой ответственностью представителей государства за преступления (правонарушения) коррупционной направленности // Вестник Тверского государственного университета. — 2021. — № 1 (65). — С. 109–117.

⁴⁰ Босхолов С. С., Татарников В. Г. Парадоксы законодательного регулирования уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности // Пролог : журнал о праве. 2021. № 1 (29). С. 76.

⁴¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М. : Инфра-М, 2004. С. 68.

⁴² Amusa O. K. Non Conviction Based Criminal Forfeiture and Right to Own Property in Nigeria. Enhancing the Benefits and Engaging the Problems // SSRN Electronic Journal. September 16, 2008.

7. Голик Ю. В., Коробеев А. И. Зигзаги уголовно-правовой политики России: из огня да в полымя // Общество и право. — 2017. — № 3. — С. 17–21.
8. Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть // Lex russica. — 2014. — № 12. — С. 1399–1410.
9. Киреева Ж. Б., Кудряшов К. В., Санькова А. А. Конфискация имущества: актуальные проблемы совершенствования антикоррупционного законодательства // Юрист-Правоведъ. — 2020. — № 2 (93). — С. 63–67.
10. Кузнецов В. И. Трансформирование системы уголовных наказаний как метод совершенствования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Пермского института ФСИН России. — 2022. — № 1 (44). — С. 57–63. — DOI: 10.34988/2226-2326.2022.44.1.007.
11. Лунеев В. В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. — М., 2014.
12. Лунеев В. В. О криминолого-аналитическом и системном подходе к законодательству // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2014. — № 4. — С. 14–25.
13. Лунеев В. В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог : журнал о праве. — 2014. — Т. 2. — № 4. — С. 45–52.
14. Наумов А. В. Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В. Н. Кудрявцеву // Уголовное право. — 2006. — № 4. — С. 135–138.
15. Номоконов В. А. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2014. — № 1. — С. 32–36.
16. Номоконов В. А. Антикрупционная политика: проблемы формирования и реализации // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2010. — № 4. — С. 39–53.
17. Номоконов В. А. Некоторые проблемы оптимизации борьбы с преступностью в России // Общество & человек. — 2001. — № 1. — С. 55–60.
18. Номоконов В. А. Проблемы формирования антикоррупционной политики в России // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2007. — № 4. — С. 39–52.
19. Побегайло Э. Ф. Криминологическая обоснованность современной уголовной политики: проблемные вопросы и пути их решения // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина. — Рязань, 2016. — С. 10–19.
20. Побегайло Э. Ф. Тенденции современной преступности и кризис российской уголовной политики // Публичное и частное право. — 2011. — № 4. — С. 47–66.
21. Подройкина И. А. К вопросу о принципах уголовного наказания // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2014. — № 12. — С. 74–77.
22. Ратников Г. В. Стратегия и политика противодействия коррупции // Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России. — М., 2006. — 342 с.
23. Сапронова Т. П. О дополнительном законодательном регулировании антикоррупционной политики в России // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». — 2022. — № 1 (69). — С. 79–82. — DOI: 10.26456/vtpravo/2022.1.079.
24. Татарников В. Г., Босхолов С. С. О конфискации имущества как мере уголовного наказания // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2014. — № 5. — С. 286–293.
25. Щербаков А. А., Подройкина И. А. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2018. — № 10-2. — С. 169–172.
26. Amusa O. K. Non Conviction Based Criminal Forfeiture and Right to Own Property in Nigeria. Enhancing the Benefits and Engaging the Problems // SSRN Electronic Journal. — September 16, 2008.
27. Bartels L. Unexplained Wealth Laws in Australia // Trends and Issues in Crime and Criminal Justice. — 2010. — No. 395.
28. Borgers M. J., Moors H. Targeting the Proceeds of Crime: Bottlenecks in International Cooperation // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. — 2007. — P. 1–22.
29. Borgers M. J. International Cooperation in Confiscation Matters and Dutch Legislation: Points of Attention for Effective Cooperation in the European Union // SSRN Electronic Journal. — September 22, 2005.

30. *Clarke B.* A Man's Home is His Castle — Or is it? How to Take Houses from People Without Convicting Them of Anything: The Criminal Property Confiscation Act 2000 (WA) // *Criminal Law Journal*. — 2004. — Vol. 28. — P. 263.
31. *Ivory R.* The Right to a Fair Trial and International Cooperation in Criminal Matters: Article 6 ECHR and the Recovery of Assets in Grand Corruption Cases // *Utrecht Law Review*. — September 2013. — Vol. 9. — No. 4. — P. 147–164.
32. *King C., Walker C.* Counter Terrorism Financing: A Redundant Fragmentation? // *New Journal of European Criminal Law*. — 2015. — Vol. 6. — Iss. 3.
33. *Monti A.* Illegitimate Appropriation or Just Punishment? — The Confiscation of Property in Ancien Régime Criminal Law and Doctrine. Property rights and their violations. Expropriations and confiscations, 16th–20th Centuries / L. Lorenzetti, M. Barbot, L. Mocarrelli (eds). Bern : Peter Lang, 2012 // *Bocconi Legal Studies Research Paper No. 2049799*.
34. *Young S. N. M.* Policing and Prosecution of Money Laundering (May 1, 2018) // *Research Handbook on Transnational Crime* / V. Mitsilegas, S. Hufnagel & A. Moiseienko (eds). Edward Elgar, 2018. University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper No. 2018/019.

Материал поступил в редакцию 5 мая 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. — M. : Infra-M, 2004. — 184 s.
2. Boskholov S. S. Borba s korruptsiyey: mify i realnost, nadezhdy i perspektivy // *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. — 2010. — № 2. — S. 51–64.
3. Boskholov S. S., Maksimov S. V. Ugolovno-pravovaya politika: opyt, problemy i puti sovershenstvovaniya // *Prolog: zhurnal o prave*. — 2018. — № 3. — S. 8–18.
4. Boskholov S. S. Rossiyskiy liberalizm i problemy antikorrupcionnoy ugolovnoy politiki // *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*. — 2014. — № 3. — S. 31–43.
5. Boskholov S. S., Tatarnikov V. G. Paradoksy zakonodatelnogo regulirovaniya ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya korruptsionnoy napravlenosti // *Prolog: zhurnal o prave*. — 2021. — № 1 (29). — S. 66–78. — DOI: 10.21639/2313-6715.2021.1.7.
6. Gaydashov A. V., Tolstova I. A. O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s ugolovno-pravovoy otvetstvennostyu predstaviteley gosudarstva za prestupleniya (pravonarusheniya) korruptsionnoy napravlenosti // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2021. — № 1 (65). — S. 109–117.
7. Golik Yu. V., Korobeev A. I. Zigzagi ugolovno-pravovoy politiki Rossii: iz ognya da v polymya // *Obshchestvo i pravo*. — 2017. — № 3. — S. 17–21.
8. Golik Yu. V., Korobeev A. I. Reforma ugolovnogo zakonodatelstva Rossii: byt ili ne byt // *Lex russica*. — 2014. — № 12. — S. 1399–1410.
9. Kireeva Zh. B., Kudryashov K. V., Sankova A. A. Konfiskatsiya imushchestva: aktualnye problemy sovershenstvovaniya antikorrupcionnogo zakonodatelstva // *Yurist-Pravoved*. — 2020. — № 2 (93). — S. 63–67.
10. Kuznetsov V. I. Transformirovanie sistemy ugolovnykh nakazaniy kak metod sovershenstvovaniya ugolovno-ispolnitelnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii // *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii*. — 2022. — № 1 (44). — S. 57–63. — DOI: 10.34988/2226-2326.2022.44.1.007.
11. Luneev V. V. Istoki i poroki rossiyskogo ugolovnogo zakonotvorchestva. — M., 2014.
12. Luneev V. V. O kriminologo-analiticheskom i sistemnom podkhode k zakonotvorchestvu // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. — 2014. — № 4. — S. 14–25.
13. Luneev V. V. Sootnoshenie kriminalnykh realiyy s teoriyei prava v Rossii // *Prolog: zhurnal o prave*. — 2014. — T. 2. — № 4. — S. 45–52.
14. Naumov A. V. Otkrytoe pismo professora A. V. Naumova akademiku V. N. Kudryavtsevu // *Ugolovnoe pravo*. — 2006. — № 4. — S. 135–138.

15. Nomokonov V. A. Antikriminalnaya politika: ot liberalizatsii k radikalizatsii? // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2014. — № 1. — S. 32–36.
16. Nomokonov V. A. Antikorruptsionnaya politika: problemy formirovaniya i realizatsii // Tamozhennaya politika Rossii na Dalnem Vostoke. — 2010. — № 4. — S. 39–53.
17. Nomokonov V. A. Nekotorye problemy optimizatsii borby s prestupnostyu v Rossii // Obshchestvo & chelovek. — 2001. — № 1. — S. 55–60.
18. Nomokonov V. A. Problemy formirovaniya antikorruptsionnoy politiki v Rossii // Tamozhennaya politika Rossii na Dalnem Vostoke. — 2007. — № 4. — S. 39–52.
19. Pobegaylo E. F. Kriminologicheskaya obosnovannost sovremennoy ugovolnoy politiki: problemnye voprosy i puti ikh resheniya // Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya ugovolnogo prava Rossiyskoy Federatsii: nauchnye i uchebno-metodicheskie aspekty: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professorov kafedry ugovolnogo prava V. A. Eleonskogo i N. A. Ogurtsova / pod red. V. F. Lapshina. — Ryazan, 2016. — S. 10–19.
20. Pobegaylo E. F. Tendentsii sovremennoy prestupnosti i krizis rossiyskoy ugovolnoy politiki // Publichnoe i chastnoe pravo. — 2011. — № 4. — S. 47–66.
21. Podroykina I. A. K voprosu o printsipakh ugovolnogo nakazaniya // Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie. — 2014. — № 12. — S. 74–77.
22. Ratnikov G. V. Strategiya i politika protivodeystviya korruptsii // Gosudarstvennaya granitsa, organizovannaya prestupnost, zakon i bezopasnost Rossii. — M., 2006. — 342 s.
23. Sapronova T. P. O dopolnitelnom zakonodatelnom regulirovanii antikorruptsionnoy politiki v Rossii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2022. — № 1 (69). — S. 79–82. — DOI: 10.26456/vtpravo/2022.1.079.
24. Tatarnikov V. G., Boskholov S. S. O konfiskatsii imushchestva kak mere ugovolnogo nakazaniya // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. — 2014. — № 5. — S. 286–293.
25. Shcherbakov A. A., Podroykina I. A. Konfiskatsiya imushchestva kak inaya mera ugovolno-pravovogo kharaktera // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. — 2018. — № 10-2. — S. 169–172.
26. Amusa O. K. Non Conviction Based Criminal Forfeiture and Right to Own Property in Nigeria. Enhancing the Benefits and Engaging the Problems // SSRN Electronic Journal. — September 16, 2008.
27. Bartels L. Unexplained Wealth Laws in Australia // Trends and Issues in Crime and Criminal Justice. — 2010. — No. 395.
28. Borgers M. J., Moors H. Targeting the Proceeds of Crime: Bottlenecks in International Cooperation // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. — 2007. — P. 1–22.
29. Borgers M. J. International Cooperation in Confiscation Matters and Dutch Legislation: Points of Attention for Effective Cooperation in the European Union // SSRN Electronic Journal. — September 22, 2005.
30. Clarke B. A Man's Home is His Castle — Or is it? How to Take Houses from People Without Convicting Them of Anything: The Criminal Property Confiscation Act 2000 (WA) // Criminal Law Journal. — 2004. — Vol. 28. — P. 263.
31. Ivory R. The Right to a Fair Trial and International Cooperation in Criminal Matters: Article 6 ECHR and the Recovery of Assets in Grand Corruption Cases // Utrecht Law Review. — September 2013. — Vol. 9. — No. 4. — P. 147–164.
32. King C., Walker C. Counter Terrorism Financing: A Redundant Fragmentation? // New Journal of European Criminal Law. — 2015. — Vol. 6. — Iss. 3.
33. Monti A. Illegitimate Appropriation or Just Punishment? — The Confiscation of Property in Ancien Régime Criminal Law and Doctrine. Property rights and their violations. Expropriations and confiscations, 16th–20th Centuries / L. Lorenzetti, M. Barbot, L. Mocarrelli (eds). Bern: Peter Lang, 2012 // Bocconi Legal Studies Research Paper No. 2049799.
34. Young S. N. M. Policing and Prosecution of Money Laundering (May 1, 2018) // Research Handbook on Transnational Crime / V. Mitsilegas, S. Hufnagel & A. Moiseienko (eds). Edward Elgar, 2018. University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper No. 2018/019.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.191-203

А. В. Богданова*

Процессуальные гарантии прав лиц, пострадавших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела

Аннотация. Статья посвящена правовому положению лиц, пострадавших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела. Рассматриваются декларируемые цели и задачи данной стадии уголовного процесса во взаимосвязи с теми процессуальными гарантиями, которыми наделяются участвующие в ней лица. Автор приходит к выводу о том, что пострадавшее лицо фактически не имеет возможности влиять на ход и результаты проверки, что приводит к невозможности реализации права на компенсацию причиненного вреда. Существующий формальный судебный контроль за предварительным расследованием лишь усугубляет данную проблему. Для ее решения необходимо предоставить лицам, участвующим в проверке сообщения о преступлении, право на заявление ходатайств, при этом порядок рассмотрения и разрешения таких ходатайств должен быть аналогичен порядку, предусмотренному главой 15 УПК РФ, а также должен регламентировать проведение неотложных следственных действий и проверочных мероприятий в соответствии с правилами, установленным гл. 24–27 УПК РФ.

Ключевые слова: право; актуальные проблемы; уголовное право; уголовный процесс; возбуждение уголовного дела; проверка сообщения о преступлении; потерпевший; лицо, пострадавшее от преступления; правовое положение; актуальные проблемы.

Для цитирования: Богданова А. В. Процессуальные гарантии прав лиц, пострадавших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 191–203. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.191-203.

Procedural Guarantees for the Rights of Victims of Crimes at the Stage of a Criminal Case Initiation

Aleksandra V. Bogdanova, Postgraduate Student, Department of Judicial Systems and Criminal Law,
National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya ul., d. 20, Moscow, Russia, 101000
bogdanovaa95@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the legal status of persons who have suffered from crimes at the stage of a criminal case initiation. The declared goals and objectives of this stage of the criminal procedure are considered in

© Богданова А. В., 2022

* *Богданова Александра Вадимовна*, аспирант Департамента систем судопроизводства и уголовного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000
bogdanovaa95@mail.ru

conjunction with the procedural guarantees that are provided to persons participating in it. The author concludes that the injured person does not actually have the opportunity to influence the course and results of the check, which leads to the impossibility of exercising the right to compensation for the harm caused. The existing formal judicial control over the preliminary investigation only exacerbates this problem. To solve this problem, it is necessary to provide persons participating in the verification of a crime report with the right to file petitions. At the same time, the procedure for considering and resolving such petitions should be similar to the procedure provided for in Chapter 15 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. It should also regulate the conduct of urgent investigative actions and verification activities in accordance with the rules established by Chapters 24–27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: law; current issues; criminal law; criminal procedure; criminal proceedings; verification of a crime report; victim; person affected by the crime; legal status; current issues.

Cite as: Bogdanova AV. Protsessualnye garantii prav lits, postradavshikh ot prestupleniy, v stadii возбуждения уголовного дела [Procedural Guarantees for the Rights of Victims of Crimes at the Stage of a Criminal Case Initiation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):191-203. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.191-203. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства является защита нарушенных прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений. В соответствии с действующим законодательством лицо, считающее, что в отношении него совершено преступление, имеет право обратиться с заявлением в правоохранительные органы.

Статистика демонстрирует, что ежегодно в правоохранительные органы поступает около 30 млн сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях. По результатам рассмотрения таких сообщений ежегодно принимаются решения о возбуждении 2 млн уголовных дел; постановления об отказе в возбуждении уголовного дела выносятся в три раза чаще — число таковых ежегодно преодолевает отметку в 6 млн¹. Говорить о том, что каждый отказ в возбуждении уголовного дела

является законным и обоснованным, не приходится, о чем свидетельствует немалое число отмен прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела — ежегодно органами прокуратуры выносятся около 2 млн соответствующих постановлений. Однако количество уголовных дел, возбужденных после такой отмены, остается на крайне низком уровне, статистика последних пяти лет демонстрирует, что уголовные дела возбуждаются лишь в 7–9 % случаев².

Приведенные данные позволяют сделать неутешительный вывод о том, что права пострадавшего от преступления лица нарушаются не только непосредственно совершенным в отношении него преступным деянием, но и бездействием должностных лиц либо принятием ими незаконных процессуальных решений. Всё это ведет к вторичной виктимизации, росту недоверия к правоохранительным органам и государству и, как следствие, росту латентной

¹ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова [и др.] М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 7 ; Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2020 г. и ожидаемые тенденции ее развития : аналитический обзор / М. В. Гончарова, О. Р. Афанасьева, М. М. Бабаев [и др.]. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2021. С. 9.

² Данные взяты из сборников «Состояние преступности», подготавливаемых ежегодно Генеральной прокуратурой РФ, а также из таблиц «Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации» на сайте Генеральной прокуратуры РФ: URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 04.04.2022).

преступности, равно как уровня преступности в целом³.

**Стадия возбуждения уголовного дела
в отечественном уголовном процессе:
цели и содержание**

Возбуждение уголовного дела как самостоятельная стадия появилась в отечественном уголовном процессе в советский период. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. используется термин «возбуждение уголовного дела», однако под ним понимается не процессуальная стадия, а юридический факт, знаменующий начало следствия⁴. Начиналось следствие при наличии признаков преступления, при сомнительности таких признаков проводилось дознание, по существу представлявшее собой оперативно-розыскную деятельность полиции, но без использования принудительных средств⁵. Так, статья 254 Устава определяла, что «при производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласными наблюдениями, не производя ни обысков, ни выемок в домах»⁶, т.е. правовыми средствами, присущими административной (оперативно-розыскной) деятельности полиции, предшествующей уголовному процессу. Соответственно, в силу не принудительного характера данных средств дознание рассматривалось лишь как административная доследственная полицейская деятельность, а не как форма предварительного расследования.

В первые годы советской власти дознание перестало рассматриваться как деятельность без принуждения, а следователь утратил статус служащего судебного ведомства, в связи с чем обострилась проблема привлечения лиц к уголовной ответственности без должных на то оснований. Справиться с данной проблемой должен был новый институт — стадия возбуждения уголовного дела⁷.

Первые шаги в этом направлении были совершены с принятием УПК РСФСР 1923 г., в котором содержался перечень поводов к возбуждению уголовного дела, а также предусматривалось право органов дознания, следствия и прокуратуры отказать в производстве дознания или предварительного следствия, если в заявлении или сообщении усматривается отсутствие признаков преступления⁸. Однако порядок проверки вышеперечисленных поводов к возбуждению уголовного дела законодательством урегулирован не был. В связи с этим в правоприменительной деятельности сформировался определенный порядок проверки наличия оснований для возбуждения уголовного дела, но законодательной регламентации он не имел.

УПК РСФСР 1960 г. содержал главу, регламентирующую новую, самостоятельную стадию уголовного процесса — возбуждение уголовного дела. Так, в кодексе были приведены привычные нам поводы и основания к возбуждению уголовного дела, установлены сроки принятия решения по сообщениям о преступлении (3 суток с возможностью продления до 10), а также порядок проверки сообщений о преступлениях. Так, в соответствии с абз. 2 ст. 109 УПК РСФСР, по

³ Пляскина К. С. Причины латентной преступности // Вопросы науки и образования. 2017. № 6 (7). С. 131–134.

⁴ Щадрин В. С. Начальная фаза уголовного процесса: от устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 717–724.

⁵ Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 83.

⁶ Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 // Полное собрание законов Российской империи. 1867. Т. 39. № 41476.

⁷ Коновалов С. Г. Указ. соч. С. 84.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден постановлением ВЦИК от 15.02.1923 // Известия ВЦИК. 1923. № 37.

поступившим заявлениям и сообщениям о преступлении могли быть истребованы необходимые материалы и получены объяснения, однако без производства следственных действий⁹. Позже, с 1963 г., на стадии проверки также стало возможно проведение осмотра места происшествия в случаях, не терпящих отлагательств¹⁰.

Несмотря на невозможность осуществления следственных действий на данной стадии уголовного процесса, собранные без должной регламентации в ходе проверки материалы, так называемые иные документы, использовались в качестве доказательств по уголовному делу в случае его возбуждения. В связи с этим в Концепции судебной реформы РСФСР 1991 г.¹¹ имелось указание на необходимость отказа от данной стадии: «Демократической направленности предлагаемых преобразований не соответствует сохранение административной по своей природе доследственной проверки заявлений и сообщений о совершении преступления до возбуждения уголовного дела. Собственно, в виде такой “проверки” мы имеем суррогат расследования, причем ее результаты могут предопределить исход дела». В Концепции, со ссылками на дореволюционный опыт, предлагалось рассматривать всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела.

Тем не менее данная стадия была сохранена и в принятом в 2001 г. УПК РФ, при этом она подвергалась обстоятельной критике со стороны ученых-правоведов фактически с момента принятия действующего УПК РФ. Так, еще в 2003 г. Ю. В. Деришев писал о том, что доследственная проверка, проводимая, как правило, лицом, осуществляющим предварительное расследование, вполне может быть заменена административным дознанием, осуществляемым под

надзором прокуратуры и урегулированным нормами КоАП РФ и иными законами («Об оперативно-розыскной деятельности», «О прокуратуре» и т.д.). Автор объясняет это тем, что по своей сути проверка сообщения о преступлении намного ближе к административному дознанию, существовавшему в дореволюционный период, нет значимых оснований для участия следователя в уголовном судопроизводстве до возбуждения уголовного дела, поскольку на данном этапе может совершаться крайне ограниченное количество действий, направленных на сбор информации, а большая часть деятельности представляет собой получение резолюций и составление зачастую бессмысленных процессуальных документов, «суррогатных» протоколов и т.д.¹²

Судя по всему, проблема стала очевидна и законодателю, однако способ ее решения был избран прямо противоположный — на протяжении последних 20 лет статья 144 УПК РФ подвергается последовательным изменениям, направленным на расширение круга следственных и проверочных мероприятий, проводимых до возбуждения уголовного дела. Наиболее заметным изменениям статья 144 УПК РФ подверглась в 2013 г., и в этом виде она существует по сей день.

Во-первых, она дополнена частью 1.1, регламентирующей права участников доследственной проверки, что далее будет освещено более подробно, а также частью 1.2, позволяющей использовать сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Законодатель связывает данные изменения с появлением нового института — дознания в сокращенной форме, которое, согласно пояснительной записке к законопроекту о внесении соответствующих изме-

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

¹⁰ Указ Президиума ВС РСФСР от 15.04.1963 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1963. № 15. Ст. 288.

¹¹ Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

¹² Деришев Ю. В. Стадия возбуждения уголовного дела — реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34–36.

нений в УПК РФ, призвано обеспечить скорейший доступ к правосудию лиц, пострадавших от преступления, значительно сократить сроки уголовного судопроизводства и рационально использовать все уголовно-процессуальные ресурсы¹³. Однако исследователи полагают, что законодатель «под соусом» введения дознания в сокращенной форме провел широкую реформу стадии возбуждения уголовного дела¹⁴.

Права должностных лиц, проводящих проверку, существенно расширены: следователь или дознаватель на данном этапе может получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания отдельные поручения.

Таким образом, на пути к достижению заявленной цели стадии возбуждения уголовного дела — защиты лиц от необоснованного обвинения и привлечения к уголовной ответственности, а также ради «процессуальной экономии» законодателем был принят ряд мер, благодаря которым в настоящий момент между доследственной проверкой и предварительным расследованием существует очень тонкая грань, зачастую первое фактически подменяет второе.

Участие пострадавшего от преступления лица в стадии проверки сообщения о преступлении

Согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Данные права сводятся к возможности не свидетельствовать против себя и близких лиц, круг которых определен федеральным законом, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц в порядке ст. 124–125 УПК РФ.

В силу прямого действия ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, согласно которой органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом, лица, чьи права и интересы затронуты проверкой, имеют право ознакомиться с собранными материалами. Данная правовая позиция, сформулированная в постановлении Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 по делу о проверке конституционности пункта 2 ст. 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», полностью применима к ситуациям, связанным с обеспечением доступа лиц, чьи права и свободы затрагиваются решением об отказе в возбуждении уголовного дела, к материалам, на основании которых было вынесено это решение¹⁵.

¹³ Проект федерального закона РФ № 33012-6 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 45. Ст. 6106.

¹⁴ Махмутов М. В. Закон о дознании в сокращенной форме и реформа стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. № 7. С. 39–43.

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 № 191-О «По жалобе гражданина Луценко Николая Максимовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР»; определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2003 № 78-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Куликовской Таисии Никитичны и Черноусовой Татьяны Сергеевны на нарушение их конституционных прав пунктом 2 части третьей, частью четвертой статьи 109 и частью третьей статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР»; определение Конституционного

Даже самый беглый анализ ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что лица, участвующие в проверке, не имеют реальной возможности оказывать какое-либо влияние на ход проверки, участвовать в сборе потенциальных доказательств или иных материалов, ходатайствовать о проведении каких-либо проверочных или следственных действий, а также заявлять отводы следователю или дознавателю.

В то же время, как указывалось выше, полномочия следователя или дознавателя на данном этапе крайне обширны. Причем все собранные на данном этапе предметы, документы и сведения, как правило, используются в качестве доказательств после возбуждения уголовного дела. Единственное предъявляемое к ним требование — их допустимость, регламентированная статьей 75 УПК РФ. При этом важнейшим аспектом допустимости доказательств, собранных на этапе предварительного расследования, является соответствие следственных действий, в ходе которых они получены, требованиям УПК РФ. Порядок проведения следственных и проверочных действий до возбуждения уголовного дела подробной регламентации не имеет, в связи с чем допустимость таких доказательств видится крайне сомнительной. Усугубляется это еще и тем, что при действующей презумпции доверия органам предварительного расследования доказать недопустимость доказательств, собранных на стадии проверки сообщения о преступлении, практически невозможно.

В научном сообществе высказываются предложения по введению нового участника уголовного процесса со стороны обвинения — заявителя¹⁶ или пострадавшего¹⁷, то есть лица, которым было заявлено о совершенном в отношении него преступлении. Предлагается также подробно регламентировать права и обязанности указанного лица на стадии проверки сообщения о преступлении, приблизить его процессуальное положение к положению потерпевшего. Однако данный подход не сможет разрешить существующую проблему, поскольку, во-первых, может возникнуть некоторая путаница в терминологии, так как понятие «заявитель» в УПК РФ упоминается и в ряде иных норм, в которых оно обозначает лицо, заявившее ходатайство, подавшее жалобу в порядке ст. 124–125 УПК РФ, и т.д. Во-вторых, в соответствии со ст. 140 УПК РФ, заявление о совершенном преступлении является далеко не единственным поводом для возбуждения уголовного дела, а статья 141 УПК РФ не требует, чтобы указанное заявление подавалась исключительно лицом, пострадавшим от преступления. Помимо этого, на стадии возбуждения уголовного дела не всегда очевидно, кому именно причинен вред совершенным деянием и в каком статусе лицо, считающее, что в отношении него совершено преступление, будет выступать после возбуждения уголовного дела¹⁸. Нередки также случаи, когда пострадавший физически не может самостоятельно участвовать в процессе и реализовы-

Суда РФ от 29.09.2011 № 1251-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Навального Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 145, частью четвертой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частью 5 статьи 30 Федерального закона “О полиции” и статьей 7 Федерального закона “О персональных данных”» (все документы см.: СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁶ Например: Амельков Н. С. Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 469–474 ; Муженская Н. Е., Костылева Г. В. Заявитель — участник уголовного судопроизводства // Законность. 2012. № 7. С. 52–56.

¹⁷ Например: Руднев М. А. Проблема процессуального статуса потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 964–974 ; Генералова А. С. К вопросу процессуального статуса лица, пострадавшего от преступления, на стадии возбуждения уголовного дела // Адвокатская практика. 2013. № 4. С. 12–14.

¹⁸ Например, лицо обращается с заявлением в правоохранительные органы в связи с тем, что у него похищен автомобиль, однако в процессе проверки (или даже после возбуждения уголовного дела) выясняется, что данный автомобиль приобретен по договору лизинга и материальный ущерб причинен банку.

вать принадлежащие ему права, например если ему причинен физический вред. Таким образом, наделение лица более широким спектром прав лишь на основании того, что им было подано заявление, или же на основании того, что лицо считает себя пострадавшим, не кажется уместным. Более уместным нам видится существующее регулирование, при котором права всех участников стадии возбуждения уголовного дела регламентируются одной нормой. Тем не менее тех прав, которыми в настоящий момент наделяются участники этой стадии, недостаточно для их эффективного участия в данной стадии уголовного судопроизводства.

Обратимся к нормам УПК РФ, регламентирующим права потерпевшего в уголовном процессе, и заметим, что потерпевший имеет некоторые возможности влиять на ход предварительного расследования. Так, в данном контексте нам видятся заслуживающими внимание права потерпевшего при производстве судебной экспертизы. Согласно ст. 198 УПК РФ, при назначении и производстве судебной экспертизы потерпевший вправе: знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных им лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту, присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту, знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

Притом что судебная экспертиза может быть проведена и, как правило, проводится на стадии проверки сообщения о преступлении, так как в большинстве случаев она необходима для квалификации преступного деяния и принятия решения о возбуждении уголовного дела по конкретному составу преступления, пострадавшее лицо на данном этапе не имеет возможности реализовать вышеперечисленные права.

Это приводит к тому, что ущерб, причиненный пострадавшему, может оцениваться следователем или дознавателем произвольно, причем речь может идти как о физическом вреде, который устанавливается в ходе судебно-медицинской экспертизы, так и о материальном ущербе, устанавливаемом в ходе оценочной экспертизы. В случае возбуждения уголовного дела потерпевший может заявить ходатайство о проведении повторной или дополнительной экспертизы, но как ему надлежит поступить, если на основании данной экспертизы принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела? Можно ли считать такое решение законным и обоснованным, если экспертиза проведена без соблюдения прав лица, в отношении которого она фактически проводится? Можно ли вообще называть «судебной» экспертизу, проводимую на столь слабо урегулированном этапе уголовного процесса?

Единственной возможностью пострадавшего реализовать свои права в данном аспекте является обращение к специалисту для получения заключения, после чего подача жалобы на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 124–125 УПК РФ и последующее упование на добросовестность должностных лиц, уполномоченных на рассмотрение данной жалобы. Данный процесс видится нам дорогостоящим, трудоемким и несколько ненадежным, что свидетельствует о необходимости надлежащего правового регулирования данного процесса на уровне закона.

Аналогичная ситуация складывается и при проведении иных следственных и процессуальных действий в ходе проверки сообщения о преступлении. Формально пострадавшее лицо не лишено права представлять документы и иные материалы, сообщать о лицах, которым могут быть известны обстоятельства совершенного деяния, однако приобщение данных материалов и опрос лиц зависят исключительно от усмотрения лица, проводящего проверку. Таким образом, пострадавшему остается лишь надеяться на то, что следователь или дознаватель будет заинтересован в возбуждении уголовного дела и дальнейшем его расследовании. Эта ситуация обусловлена тем, что у участников доследствен-

ной проверки отсутствует право на заявление ходатайств. Если мы вновь обратимся к ст. 144 УПК РФ, то обнаружим, что данной статьей такое право участников проверки сообщения о преступлении не предусмотрено.

Правоприменительная практика свидетельствует о следующем: фактически любой участник проверки может заявить ходатайство о производстве каких-либо следственных или процессуальных действий и направить его в установленном порядке в орган дознания или предварительного расследования. Однако данное ходатайство будет зарегистрировано и рассмотрено в порядке, которым регулируется рассмотрение обращений граждан¹⁹.

Если мы обратимся к Федеральному закону от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» либо к соответствующим законам и внутренним инструкциям, регулирующим порядок и сроки рассмотрения обращений граждан в органах, уполномоченных осуществлять производство дознания и предварительного расследования, то обнаружим, что срок рассмотрения такого обращения составляет 30 суток. Напомним, что в соответствии со ст. 144 УПК РФ срок проверки сообщения о преступлении составляет 3 суток и может быть продлен до 10 и 30 суток, срок в 30 суток является пресекательным, по его истечении необходимо принять решение по сообщению о преступлении. Таким образом, заявление каких-либо ходатайств является совершенно нецелесообразным, поскольку в большинстве случаев рассмотрено оно будет по завершении проверки и ответ на него очевиден — какие-либо дополнительные меры принять невозможно, так как по заявлению уже принято решение.

Такой порядок и сроки рассмотрения «ходатайств» на стадии доследственной проверки видятся нам еще более парадоксальными в

сравнении с порядком рассмотрения и разрешения ходатайств в ходе предварительного расследования. Так, согласно ст. 121 УПК РФ ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления. В случаях, когда немедленное принятие решения по ходатайству, заявленному в ходе предварительного расследования, невозможно, оно должно быть разрешено не позднее 3 суток со дня его заявления. Такой краткий срок введен законодателем в связи с необходимостью соблюдения разумных сроков предварительного расследования, а также для того, чтобы ходатайство не утратило своей актуальности для заявителя. Так как срок предварительного расследования ограничен, необходимо успеть произвести все необходимые следственные действия и установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию, законодатель не позволяет следователю затягивать процесс, тем самым затрудняя участникам доступ к правосудию и создавая волокиту. Вновь напомним, что при этом срок предварительного расследования составляет 2 месяца и может неоднократно продлеваться, что не идет ни в какое сравнение со сроками проверки сообщения о преступлении. В результате ход и результаты доследственной проверки полностью зависят от усмотрения следователя и дознавателя, пострадавшее лицо фактически не имеет ни малейшей возможности как-либо на них повлиять.

Какие возможности есть у участников проверки на данном этапе? Во-первых, ознакомиться с материалами проверки. Стоит отметить, что несмотря на вышеописанное регулирование данного процесса, органы дознания и предварительного расследования не всегда охотно предоставляют заинтересованным лицам материалы для ознакомления. Должностные лица, вопреки позиции Конституционного Суда РФ, нередко отказывают в реализации данного права, ука-

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 № 1135-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голенко А. П. на нарушение его конституционных прав статьями 121, 122, частями первой и первой.1 статьи 144 УПК РФ, а также пунктом 5.1 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Московского городского суда от 18.02.2021 по делу № 33-7458/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

зывая, что оно принадлежит лишь тому лицу, на основании заявления которого была проведена проверка, либо лицу, в отношении которого проверка проводилась. Поэтому зачастую пострадавшим лицам, не имеющим статуса заявителя, в ходе доследственной проверки приходится отдельно доказывать, что проверка затрагивает их права и интересы, путем подачи жалоб на решение об отказе в ознакомлении с материалами, что, безусловно, затягивает данный процесс. Возвращаясь к вопросу о ходатайствах, добавим также, что и заявление об ознакомлении с материалами проверки рассматривается в том же порядке, что и иные обращения граждан, то есть в течение 30 суток. Таким образом, разрешение данного заявления, согласование с должностными лицами даты ознакомления с материалами и непосредственно само ознакомление могут затянуться на несколько месяцев. После ознакомления с материалами проверки пострадавшее лицо будет иметь полное представление о ходе проверки и о ее результатах; владея данной информацией, пострадавший будет иметь возможность подготовить аргументированную жалобу руководителю следственного органа, в прокуратуру или суд.

Обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела

Остановимся на судебном порядке рассмотрения жалобы на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. По результатам рассмотрения жалобы, поданной в порядке ст. 125

УПК РФ, суд уполномочен принять решение о признании тех или иных действий должностных лиц незаконными и необоснованными и обязать устранить допущенные нарушения, однако полномочиями по отмене обжалуемого решения суд не располагает. Такой порядок видится вполне логичным и обоснованным ввиду составительных начал уголовного процесса, поскольку в противном случае имело бы место возбуждение уголовного дела по инициативе суда. Тем не менее существующий порядок рассмотрения жалоб приводит к тому, что пострадавшее лицо вновь остается без надлежащей защиты своих прав и законных интересов.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал²⁰, что отказ в возбуждении уголовного дела возможен при наличии оснований, предусмотренных статьей 24 УПК РФ, при этом постановление об отказе в возбуждении уголовного дела должно основываться на достоверных сведениях, которые могут быть проверены в установленном законом порядке, иное свидетельствовало бы о произвольности выводов должностного лица и об ограничении возможности заинтересованных лиц оспорить это решение. При этом Конституционный Суд РФ признавал существующий порядок обжалования постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела соответствующим требованиям обеспечения пострадавшим лицам доступа к правосудию, а также указывал, что выбор способа устранения допущенных нарушений относится к компетенции органов предварительного расследования. На практике это приводит к тому, что органы дознания и предварительного следствия

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского» // Российская газета. 2017. № 273 ; определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 578-О «По жалобе гражданина Суслова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» ; определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1545-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вихарева Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 119, 122, 125 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» ; определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2011 № 9-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аноприева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

могут формально подойти к необходимости их устранения, после чего вновь принять решение, аналогичное обжалуемому. Такое решение может приниматься неограниченное число раз, а сроки проверки могут затягиваться. Поскольку своевременность является одним из факторов, определяющих эффективность раскрытия преступлений и восстановление прав, нарушенных преступлением, просто возможность обжаловать решение об отказе в возбуждении уголовного дела, на наш взгляд, не является полноценной гарантией защиты конституционных прав пострадавших, в том числе права на доступ к правосудию. У пострадавших должна быть возможность принимать активное участие также и в ходе самой проверки, отстаивать свои интересы и иметь возможность влиять на принятие итогового решения.

Отдельной проблемой является качество сведений, потенциальных доказательств, собранных на стадии проверки сообщения о преступлении. Поскольку порядок их сбора надлежащим образом не регламентирован, те данные, на основании которых принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, зачастую остаются должным образом не проверенными. При этом в ходе судебного обжалования у пострадавшего лица нет возможности каким-либо образом их оспорить, ведь суд не имеет права оценивать как данные квазидоказательства, так и полноту проверки в целом. На данном этапе суд осуществляет лишь формальный контроль, усматривает, были ли соблюдены нормы УПК РФ и не нарушены ли права участников. Вновь возвращаемся к тому, что надлежащей регламентации порядка доследственной проверки нет, поэтому встает вопрос о том, как суд может установить, соблюден или нарушен несуществующий порядок? Суд не вправе обязать органы дознания или предварительного расследования принять какие-либо дополнительные меры по установлению обстоятельств, подлежащих проверке, провести новые или повторные неотложные следственные действия, так что весь существующий на данный момент порядок напоминает замкнутый круг, в котором права пострадавшего лица остаются нарушенными.

При этом даже если суд или прокуратура признает принятое решение незаконным, а прокуратура, в свою очередь, обяжет должностных лиц совершить дополнительные процессуальные действия, в связи с тем, что данный процесс чрезвычайно затянут, с большой степенью вероятности масса сведений уже будет утрачена и не будет подлежать восстановлению. Например, как можно нивелировать нарушения, допущенные в ходе осмотра места происшествия, в ходе осмотра трупа или первичной судебно-медицинской экспертизы трупа, в ходе которой изучается не медицинская документация, а непосредственно тело и изымаются различные образцы для дальнейших исследований? Аналогично и с судебной экспертизой живых лиц — телесные повреждения обычно заживают, поэтому оценить их тяжесть по прошествии времени становится затруднительно. Очевидно, что многие утраченные материалы и сведения восстановлению не подлежат.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что существующий порядок проверки сообщения о преступлении не отвечает стандартам защиты нарушенных прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления.

Выводы

Таким неутешительным образом в настоящий момент выглядит правовое положение лица, пострадавшего от преступления, на стадии проверки сообщения о преступлении. В юридической науке достаточно популярно мнение о том, что пострадавшее лицо не нуждается в каких-либо процессуальных правах, позволяющих влиять на ход предварительного расследования, ему надлежит играть пассивную роль — выступать в качестве свидетеля, давая показания о совершенном в отношении него преступлении. Безусловно, потерпевший имеет право на компенсацию вреда, причиненного ему преступлением, в связи с чем ему принадлежит право заявить гражданский иск в уголовном процессе или после вступления приговора в законную силу в порядке гражданского судопроизводства. Всё, что касается привлечения лица к

уголовной ответственности, его изобличения перед судом, — принадлежит государству. Малая толика уголовных дел частного обвинения не меняет существующую государственную (прокурорскую) монополию на обвинение. Предполагается, что государство в лице специально уполномоченных на это лиц, обладающих соответствующей квалификацией, должно знать, кого и в чем изобличать и обвинять. Однако практика и статистика демонстрируют совершенно иную картину. Лишь в 10 % случаев по заявлению о преступлении будет возбуждено уголовное дело, менее 50 % возбужденных уголовных дел направляется в суд. При этом стремление следователя направить уголовное дело в суд, приостановить или прекратить производство или вовсе его не возбуждать может быть обусловлено массой причин, в том числе далеко не всегда процессуальных. Господствующая в нынешнем правопорядке презумпция доверия действиям должностных лиц усугубляет не только незавидное положение подозреваемых, обвиняемых или подсудимых, но и лиц, пострадавших от преступлений.

Более того, даже если мы оставляем за пострадавшим исключительно право на компенсацию вреда, причиненного преступлением, существующий правопорядок не позволяет это право реализовать, так как обстоятельства причинения вреда, причинно-следственная связь между совершением преступного деяния и его последствиями, вина причинителя вреда устанавливаются исключительно в ходе предварительного расследования. В случае отказа в возбуждении уголовного дела у пострадавшего лица не остается никаких рычагов, позволяющих добиться компенсации, так как постановление об отказе в возбуждении уголовного дела фактически имеет преюдициальное значение, которое также может влиять и на получение пострадавшим страховых или иных выплат. Вспомним, что устанавливаются эти обстоятельства порой ненадлежащим образом, а также фактически без участия лица, которое наиболее заинтересовано в их установлении.

Полагаем, что для решения указанной проблемы:

— во-первых, необходимо предоставить лицам, участвующим в проверке сообщения о преступлении, право на заявление ходатайств, при этом порядок рассмотрения и разрешения таких ходатайств должен быть аналогичен порядку, предусмотренному главой 15 УПК РФ. Как упоминалось выше, формально участники доследственной проверки не лишены права заявлять ходатайства на данном этапе, однако должностные лица регистрируют и рассматривают их в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ, избирая путь «наименьшего сопротивления». Стоит отметить, что в УПК РФ ходатайства и жалобы объединены в один раздел, поскольку право на ходатайство и жалобу является по своей сути единым проявлением «равенства оружия» в уголовном процессе. По своей природе это фактически единый институт, поскольку их цель — реализация имеющихся в связи с процессуальным или реальным статусом лица прав и законных интересов, например установления обстоятельств. Ходатайство позволяет заранее обеспечить реализацию и защиту прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, а жалоба связана с уже имеющим место их нарушением²¹. Тут также стоит отметить, что с момента принятия УПК РФ статья 125 предусматривала право обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Тем парадоксальнее выглядит тот факт, что обжалуется данное решение в том же порядке, что и иные, принимаемые после возбуждения уголовного дела, а порядок заявления ходатайств на данном этапе уголовного процесса надлежащим образом не урегулирован;

— во-вторых, при проведении неотложных следственных действий, судебных экспертиз и иных проверочных действий до возбуждения уголовного дела участвующие в доследственной проверке лица должны пользоваться всеми правами, предусмотренными УПК РФ, как если бы они проводились в рамках возбужденного

²¹ Максимов О. А. Место ходатайств и жалоб в современном уголовном процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 2. С. 372–393.

уголовного дела. Для достижения данной цели необходимо, чтобы все проводимые на этапе доследственной проверки следственные действия проводились по правилам, установленным главами 24–27 УПК РФ. Что касается таких проверочных действий, которые якобы не проводятся после возбуждения уголовного дела, полагаем, что законодателю необходимо перестать лукавить и называть их своими именами: получение объяснений — допросом, изъятие документов — выемкой и т.д., либо же определить их правовую природу, выявить отличия от соответствующих следственных действий и подробно регламентировать их проведение. По-

лагаем, что в случае, если должностным лицам в ходе проверки сообщения о преступлении придется соблюдать тот же порядок производства следственных и проверочных действий, что и после возбуждения уголовного дела, уголовные дела будут возбуждаться охотнее — как минимум в связи с нежеланием должностных лиц выполнять двойную работу. Таким образом, проверка предстанет перед нами в более усеченном виде, нежели в настоящий момент, ею перестанет подменяться предварительное расследование, данный «суррогат» предварительного расследования фактически перестанет существовать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амельков Н. С. Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 3. — С. 469–474.
2. Генералова А. С. К вопросу процессуального статуса лица, пострадавшего от преступления, на стадии возбуждения уголовного дела // Адвокатская практика. — 2013. — № 4. — С. 12–14.
3. Деришев Ю. В. Стадия возбуждения уголовного дела — реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. — 2003. — № 8. — С. 34–36.
4. Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 220 с.
5. Максимов О. А. Место ходатайств и жалоб в современном уголовном процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2021. — № 2. — С. 372–393.
6. Махмудов М. В. Закон о дознании в сокращенной форме и реформа стадии возбуждения уголовного дела // Законность. — 2013. — № 7. — С. 39–43.
7. Муженская Н. Е., Костылева Г. В. Заявитель — участник уголовного судопроизводства // Законность. — 2012. — № 7. — С. 52–56.
8. Пляскина К. С. Причины латентной преступности // Вопросы науки и образования. — 2017. — № 6 (7). — С. 131–134.
9. Руднев М. А. Проблема процессуального статуса потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы российской юстиции. — 2019. — № 3. — С. 964–974.
10. Щадрин В. С. Начальная фаза уголовного процесса: от устава уголовного судопроизводства до действующего уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 4. — С. 717–724.

Материал поступил в редакцию 12 мая 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Amelkov N. S. Okazanie kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi zayavitelyu v ugovolnom sudoproizvodstve // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2014. — № 3. — S. 469–474.

2. Generalova A. S. K voprosu protsessualnogo statusa litsa, postradavshego ot prestupleniya, na stadii возбуждения уголовного дела // Advokatskaya praktika. — 2013. — № 4. — S. 12–14.
3. Derishev Yu. V. Stadiya возбуждения уголовного дела — реликт «sotsialisticheskoy zakonnosti» // Rossiyskaya yustitsiya. — 2003. — № 8. — S. 34–36.
4. Konovalov S. G. Elementy germanskoy modeli dosudebnogo proizvodstva v уголовном protsesse postsovetskikh gosudarstv: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2018. — 220 s.
5. Maksimov O. A. Mesto khodataystv i zhalob v sovremennom уголовном protsesse // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2021. — № 2. — S. 372–393.
6. Makhmutov M. V. Zakon o doznanii v sokrashchennoy forme i reforma stadii возбуждения уголовного дела // Zakonnost. — 2013. — № 7. — S. 39–43.
7. Muzhenskaya N. E., Kostyleva G. V. Zayavitel — uchastnik уголовного sudoproizvodstva // Zakonnost. — 2012. — № 7. — S. 52–56.
8. Plyaskina K. S. Prichiny latentnoy prestupnosti // Voprosy nauki i obrazovaniya. — 2017. — № 6 (7). — S. 131–134.
9. Rudnev M. A. Problema protsessualnogo statusa poterpevshego na stadii возбуждения уголовного дела // Voprosy rossiyskoy yustitsii. — 2019. — № 3. — S. 964–974.
10. Shchadrin V. S. Nachalnaya faza уголовного protsessa: ot ustava уголовного sudoproizvodstva do deystvuyushchego уголовno-protsessualnogo zakona // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2014. — № 4. — S. 717–724.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.204-212

В. Д. Корма*

Использование теории катастроф в криминалистике

Аннотация. Современная теория катастроф способствует пониманию динамических ситуаций, управляющих эволюционным развитием естественных явлений, общества, человека, а также прогнозу неустойчивости различных динамических систем, которые могут иметь катастрофические последствия. Результаты разработки этой теории широко используются в различных областях знаний: в физике, биологии, экономике, медицине, психологии, лингвистике, экологии и других науках. В статье сделана попытка использовать теорию катастроф в криминалистике, в частности при расследовании уголовно-релевантных происшествий техногенного характера, связанных с профессиональной деятельностью, которые по своей сути являются деструктивным продуктом функционирования различных динамических систем. Вначале кратко изложены теоретические аспекты теории катастроф, рассмотрены основные понятия и их классификации (катастрофа, техногенная катастрофа, чрезвычайное происшествие техногенного характера, чрезвычайные ситуации, техногенные источники повышенной опасности и др.), которые важны для разработки методики расследования техногенных преступлений, связанных с профессиональной деятельностью. В целях повышения эффективности распознавательной деятельности следователя по установлению причины расследуемого преступления (техногенной катастрофы) автор предлагает использовать схемы (вероятностные модели), полученные с помощью методик построения так называемых деревьев отказов и событий, адресованные в первую очередь специалистам, связанным с эксплуатацией технических систем и надзором за ними. По мнению автора, это будет способствовать эффективности выдвижения следственных версий по уголовному делу и их проверкам.

Ключевые слова: катастрофа; теория катастроф; техногенная катастрофа; динамическая система; бифуркация; чрезвычайные происшествия техногенного характера; чрезвычайные ситуации; механизм техногенного происшествия; техногенные источники повышенной опасности; методика расследования техногенных преступлений, связанных с профессиональной деятельностью; причинно-следственная связь; ведомственное расследование; методы построения дерева отказа; методы построения дерева событий.

Для цитирования: Корма В. Д. Использование теории катастроф в криминалистике // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 204–212. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.204-212.

© Корма В. Д., 2022

* Корма Василий Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
v.d.korma@gmail.com

The Use of Catastrophe Theory in Forensics

Vasily D. Korma, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul. , d. 9, Moscow, Russia, 125993
v.d.korma@gmail.com

Abstract. The modern theory of catastrophes contributes to the understanding of dynamic situations that govern the evolutionary development of natural phenomena, society, and man, as well as the prediction of the instability of various dynamic systems that can have catastrophic consequences. The results of the development of this theory are widely used in various fields of knowledge: in physics, biology, economics, medicine, psychology, linguistics, ecology and other sciences. The paper attempts to use the theory of catastrophes in forensic science, in particular, in the investigation of criminally relevant incidents of a man-made nature related to professional activities, which are inherently a destructive product of the functioning of various dynamic systems. First, the theoretical aspects of the theory of catastrophes are briefly outlined, the main concepts and their classifications are considered (catastrophe, man-made disaster, man-made emergency, emergencies, man-made sources of increased danger, etc.), which are important for developing a methodology for investigating man-made crimes related to professional activities. In order to improve the efficiency of the investigator's recognition activity in establishing the cause of the crime under investigation (man-made disaster), the author proposes to use schemes (probabilistic models) obtained using the techniques for constructing the so-called fault and event trees, addressed primarily to specialists associated with the operation of technical systems and supervision behind them. According to the author, this will contribute to the effectiveness of putting forward investigative leads in a criminal case and their verification.

Keywords: catastrophe; catastrophe theory; technological disaster; dynamic system; bifurcation; technogenic emergencies; emergencies; mechanism of man-caused incident; technogenic sources of increased danger; methodology for investigating man-made crimes related to professional activities; causal relationship; departmental investigation; methods for constructing a fault tree; methods for building an event tree.

Cite as: Korma VD. Ispolzovanie teorii katastrof v kriminalistike [The Use of Catastrophe Theory in Forensics]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(12):204-212. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.204-212. (In Russ., abstract in Eng.).

Известно, что деятельность человека и среда его обитания образуют определенную систему взаимоотношений, которая может иметь как конструктивные, так и деструктивные последствия для обеих сторон. Деструктивные последствия могут проявляться в виде катастроф¹, которые являются продуктом функционирования динамических систем.

Динамические системы могут представлять собой объекты (механические, химические, физические, биологические и др.) или процессы (вычислительные или преобразования информации, совершаемые в заданной после-

довательности), в отношении которых имеются однозначные определения понятий их состояния как совокупности определенных величин на начальный момент времени и дается закон, который предписывает дальнейшее изменение этого состояния с течением времени. Иными словами, состояние динамической системы характеризуется ее управляющими параметрами в виде динамических переменных, которые из исходного набора могут изменяться в любой последующий момент времени по определенному правилу (закону). По сути, данный закон (закон эволюции) осуществляет прогнозирование

¹ Катастрофа (от гр. *katastrophe* — поворот, переворот) — это внезапное событие, бедствие, влекущее за собой тяжелые последствия (см.: *Словарь иностранных слов*. М. : Русский язык, 1984. С. 220).

ние будущего состояния той или иной динамической системы².

Резкие, скачкообразные, неожиданные, непредсказуемые изменения режима поведения динамической системы происходят вследствие воздействия внешних и внутренних факторов, приводящих к бифуркации³, т.е. к приобретению новых качеств в движении этой системы при малом изменении ее параметров. В итоге возможен переход системы от устойчивого состояния равновесия к катастрофической потере устойчивости. При этом режим, в котором оказывается в данной ситуации система, может быть предсказуемым либо непредсказуемым. Всё зависит от возможности фиксации момента максимального значения потенциальной энергии перехода системы из работоспособного состояния в неработоспособное (катастрофическое).

В качестве динамических систем можно выделить техногенные источники повышенной опасности во время их эксплуатации. Например, применительно к транспортному процессу эта система включает в себя следующие элементы: лицо, управляющее транспортным средством (оператор), — транспортное средство — пути сообщения — окружающая среда⁴. Каждый элемент этой динамической структуры обладает определенными техническими, технологическими и психофизиологическими свойствами.

Важно отметить, что огромную роль в обеспечении безопасности эксплуатации техногенных объектов зачастую играет управляющий ими человек-оператор, в обязанности которого входит недопущение катастрофических последствий в любой экстремальной ситуации. Надеж-

ность трудовой деятельности оператора зависит от многих факторов, в частности его функциональных и личностных качеств, знание которых позволяет следователю эффективно исследовать субъективную сторону совершенного преступления⁵.

Технология эксплуатации техногенных источников повышенной опасности, как правило, связана с соблюдением соответствующих общих, межотраслевых, отраслевых, подотраслевых, специальных и технических правил нормативного характера. При этом специальные правила обычно относятся к отдельным видам производств, объектов или категориям работников. Все эти правила направлены на обеспечение непрерывного и эффективного ведения технологического процесса производства, безотказной и безаварийной работы этих систем. Неисполнение указанных правил может повлечь общественно опасные последствия, включая человеческие жертвы.

Катастрофы могут быть подразделены: а) по характеру ее возникновения — на преднамеренные и непреднамеренные; б) по типу происхождения чрезвычайной ситуации — на природные, антропогенные (приводящие к экологическим и техногенным опасностям, войнам и вооруженным конфликтам) и смешанные (природно-антропогенные); в) по масштабу ее распространения — на планетарные (на планете в целом), глобальные (на территории двух и более государств), национальные (в пределах одного государства, одной нации), региональные (на территории региона), местные (в пределах небольшого населенного пункта) и локальные

² Подробнее об этом см.: Леванова Т. А. [и др.]. Качественные и численные методы исследования динамических систем на плоскости : учеб.-метод. пособие. Н. Новгород : Нижегородский ун-т, 2015. С. 4–6.

³ Бифуркация (лат. bis — дважды, furca — вилы) — разделение, разветвление, раздвоение чего-либо на два потока, на два направления (Словарь иностранных слов. М. : Русский язык, 1984. С. 82).

⁴ Окружающая среда — это совокупность компонентов природной среды, антропогенных и природно-антропогенных объектов (ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с изм. 09.03.2021)).

⁵ Подробнее об этом см.: Котлярова Л. Н. Психологические предикторы нарушения требований безопасности лицом, управляющим объектами повышенной опасности на промышленных предприятиях // Нарушение требований безопасности в ходе эксплуатации промышленных объектов и объектов социальной инфраструктуры: квалификация и расследование : материалы Межд. науч.-практ. конференции (01.11.2018). М. : МА СК РФ, 2018. С. 229–231.

(в масштабе какого-либо объекта, например железнодорожная авария)⁶.

В специальной литературе под техногенной катастрофой обычно понимают внезапный выход из строя динамической системы во время ее эксплуатации на техногенном объекте, что приводит к существенным нарушениям производственного процесса, который зачастую сопровождается пожаром, взрывом, радиоактивным и иным видом заражения значительных территорий. В итоге это может повлечь гибель людей, опасное загрязнение окружающей среды⁷.

Техногенные катастрофы, которые наступили вследствие нарушений технологий, правил безопасности и т.п., можно рассматривать как несчастные случаи (события)⁸, однако они могут случайно погубить любой город, а то и планету в целом.

Так, приговором Усть-Енисейского районного суда Красноярского края от 04.04.2014 второй механик атомного ледокола И., ответственный за соблюдение пожарной безопасности, был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 ст. 219, статьей 168 УК РФ. Было установлено, что И., находясь в каюте, выкурил сигарету и окурки поместил в пепельницу. После его ухода из каюты от незатушенного окурка произошло возгорание неустановленных горючих материалов, что повлекло пожар и взрывы, которые распространились на другие каюты мостиковой палубы. В итоге погибли два члена экипажа, уничтожено имущество в крупном размере⁹.

В вышеуказанном примере общественно опасные последствия могли носить более катастрофичный характер и привести к радиоактивному заражению окружающей среды, массовой гибели людей и непоправимым моральным последствиям для всего общества. Это свидетельствует о том, что даже незначительные нарушения правил предосторожности в отношении техногенных источников повышенной опасности могут привести к глобальным катастрофам на транспортных, промышленных и иных объектах.

Н. П. Коткин дает определение понятия чрезвычайных происшествий техногенного характера и их классификацию¹⁰. По мнению автора, под чрезвычайным происшествием техногенного характера понимается событие повышенной общественной опасности, которое связано с деятельностью человека умышленно или по неосторожности, приведшей к деструктивным крупномасштабным последствиям или реальной угрозе их наступления (например, значительным людским и материальным потерям, нарушению нормального функционирования органов власти и управления, принятию эвакуационных и иных неотложных мер), и является объектом правового и криминалистического познания.

В целом поддерживая вышеуказанное определение понятия, следует акцентировать внимание на том, что чрезвычайное происшествие обусловлено не только виновно совершенным общественно опасным деянием, повлекшим

⁶ Подробнее об этом см., например: Саулова Т. А. История катастроф : курс лекций для студентов направления подготовки 20.03.01 «Техносферная безопасность». Красноярск : СибГУ, 2017. С. 9–13 ; Сидоров П. И., Мосягин И. Г., Маруняк С. В. Психология катастроф : учебник для вузов / под ред. П. И. Сидорова. Архангельск : СГМУ, 2007. С. 33–34.

⁷ См., например: Безопасность жизнедеятельности : учеб. пособие / под ред. Л. А. Муравья. М. : Юнити-Дана, 2004. С. 375.

⁸ Под случайным понимается такое событие, причины которого неизвестны в условиях ограниченности человеческого познания (см.: Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. М. : Экономика, 1993. С. 271).

⁹ Подробнее об этом см.: Кожухарик Д. Н., Савин П. Г. Нарушение требований пожарной безопасности как причина гибели людей // Нарушение требований безопасности в ходе эксплуатации промышленных объектов... С. 46.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Коткин П. Н. Техногенная безопасность как объект правового и криминалистического исследования : монография : в 2 ч. М. : Проспект, 2017. Ч. 1. С. 36–54.

крупномасштабные последствия или реальную угрозу их наступления, но и внезапным воздействием опасности техногенного или природного происхождения, которая может служить как непосредственной причиной этого происшествия, так и способствующей его возникновению.

Чрезвычайные происшествия являются источниками чрезвычайных ситуаций, которые характеризуются разнообразием социальных, экологических, политических, психологических и иных последствий¹¹.

В механизме происшествия техногенного характера могут иметь место следующие интервальные ситуации:

1) исходная (устанавливает первоначальное существование определенных устойчивых состояний динамической системы, ее оператора и среды);

2) сложная (появление неустойчивых состояний, требующих ответного реагирования оператора);

3) экстремальная (появление реальной угрозы наступления общественно опасных последствий);

4) аварийная (имеется возможность влияния оператора на развитие опасного процесса и наступление последствий);

5) катастрофическая (развитие причинной связи представляет собой необратимый процесс и предотвратить его общественно опасные последствия уже практически невозможно). При этом предшествующие наступлению катастрофы ситуации могут носить характер различной степени вероятности (умеренно вероятный, маловероятный, крайне маловероятный, практически невероятный).

Познание механизма того или иного вида происшествия техногенного характера будет способствовать выявлению механизма его отражения (следообразования) как структурирующего начала конструирования методики расследования преступлений определенной категории.

Сходство техногенных катастроф, связанных с профессиональной деятельностью, проявляется в комплексе признаков:

а) данные общественно опасные деяния совершаются субъектом, имеющим профессиональный статус;

б) эти преступления совершаются путем нарушения правил нормативного характера, устанавливающих порядок и условия безопасного функционирования техногенных объектов;

в) высокая степень риска наступления крупномасштабных последствий в виде: гибели людей, морально-психологического потрясения общества, разрушения материальных объектов в крупных размерах и опасного загрязнения окружающей среды.

Для прогнозирования вышеуказанных происшествий и минимизации их последствий следует обратиться к теории катастроф (катастрофизму), в которой дается анализ критических точек потенциальной функции (точек невозврата), в которых даже самые малые плавные изменения входных параметров могут привести к скачкообразным и безвозвратным изменениям всей динамической системы. При этом повышение уровня системы влечет рост ее неустойчивости.

В общеизвестном значении теория катастроф — это наука, включающая общий математический аппарат, который состоит из теорий бифуркаций дифференциальных уравнений динамических систем и особенностей гладких изображений. Следует подчеркнуть, что теория катастроф не позволяет предотвращать или предвидеть реальные катастрофы. Она может только прогнозировать неустойчивость различных систем, которая может иметь катастрофичность характер.

Были сделаны попытки применения теории катастроф в прикладной математике, физике, биологии, экспериментальной психологии, социологии, экономике и других сферах деятельности и жизни человека. Подробнее об этом, а также о зарождении и становлении теории катастроф сказано в работах В. И. Арнольда,

¹¹ См.: Безопасность жизнедеятельности : учеб. пособие / под ред. Л. А. Муравья. М. : Юнити-Дана, 2004. С. 372–374.

Ю. К. Алексеева, И. Н. Бекмана, В. Р. Бурханова, А. Д. Бурцева, Т. Е. Маликовой, Д. И. Назарова, В. А. Острейковского; А. Е. Перовой, Т. Постон, А. Цеханович и других ученых¹².

Методики расследования техногенных преступлений связаны с познанием развития причинно-следственных связей. В конкретном уголовном деле среди множества переплетающихся обстоятельств бывает достаточно сложно распознать действительную причину наступления общественно опасных последствий, поскольку причинно-следственные ряды при их пересечении могут привести к возникновению того или иного явления (случайного события).

Приведем пример из практики расследования преступлений этой категории.

Так, в результате падения стрелы подъемного крана на рабочую Н. последняя потеряла трудоспособность. К уголовной ответственности по ч. 3 ст. 133 УК РСФСР были привлечены начальники строительной группы и технического отдела З. и У., поскольку они не обеспечили соблюдение нормативных требований при работе крановщицы, которая осуществляла свою профессиональную деятельность без соответствующей подготовки и, как оказалось, еще на технически неисправном кране. Однако вывод в заключении эксперта свидетельствовал о том, что авария крана произошла внезапно из-за значительной хрупкости рессорной стали вследствие неправильной сварки отдельных

частей крана. Иными словами, авария не находилась в причинной связи с недостаточной опытностью крановщицы. На этом основании суд оправдал З. и У., а Верховный Суд СССР оставил оправдательный приговор в силе¹³.

Первый заместитель начальника Следственного комитета Республики Беларусь В. Л. Галь, исходя из своего опыта расследования чрезвычайных происшествий техногенного характера, указывает на организационные и тактико-криминалистические аспекты производства осмотра места происшествия (ОМП), осмотра документации и назначения судебных экспертиз. Во-первых, это привлечение к участию в ОМП незаинтересованных компетентных специалистов. Во-вторых, кроме проведения незамедлительной видео- и фотовидеофиксации обстановки по прибытии следственно-оперативной группы на место происшествия необходимо также учитывать материалы автоматизированных систем управления и видеонаблюдения промышленных предприятий и иных объектов, а также первичную фиксацию места происшествия, произведенную специализированными службами в ходе мероприятий по локализации последствий этого происшествия. В-третьих, работу по изъятию и осмотру документации следует проводить одновременно с ОМП и в определенной последовательности. В-четвертых, следователь должен внимательно относиться к оценке объективности и достоверности

¹² Арнольд В. И. Теория катастроф. М. : Наука, 1990 ; Алексеев Ю. К., Сухоруков А. П. Введение в теорию катастроф. М. : МГУ, 2000 ; Бурханов В. Р. Эволюционизм и катастрофизм в биологии // Молодой ученый. 2011. № 5. С. 138–142 ; Бурцева А. Д., Воронов М. П. Теория катастроф: подходы к исследованию и применение // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 8. С. 43–52 ; Маликова Т. Е. Применение теории катастроф для классификации сценариев потери остойчивости судна при смещении груза // Вестник ГУМРФ имени адмирала С. О. Макарова. 2014. № 3. С. 15–19 ; Назаров Д. И. Теория катастроф в задачах анализа состояния горнотехнических зданий и сооружений // Вестник КузГТУ. 2010. № 2. С. 80–81 ; Острейковский В. А. Анализ устойчивости и управляемости динамических систем методами теории катастроф. М. : Высшая школа, 2005 ; Перова А. Е. Социологические рефлексии «новых» экологических катастроф: теоретико-социологический анализ : дис. ... канд. соц. наук. М., 2018 ; Постон Т., Стюарт Я. Теория катастроф и ее приложения. М. : Мир, 1980 ; Цеханович А. Экономическая теория катастроф // Общественные науки: экономика и экономические науки : сборник статей. Минск : Четыре с четвертью, 2013. С. 120–126.

¹³ Подробнее об этом см.: Брайтин М. С., Куранова Э. Д., Косоплечев Н. П. Расследование преступных нарушений правил техники безопасности / отв. ред. В. И. Теребилов. М. : Гос. из-во юрид. лит., 1958. С. 17–18.

ведомственных технических расследований и их проверке¹⁴.

Известно, что наряду с предварительным следствием по делам данной категории зачастую проводится так называемое ведомственное (служебное, техническое) расследование, которое регламентируется соответствующими федеральными законами, ведомственными положениями, правилами и т.д. Материалы ведомственного расследования имеют важное значение для распознавания причины происшествия и виновного лица, а ряд документов могут получить статус доказательств по уголовному делу.

Как показывает практика, техногенная катастрофа зачастую происходит в результате комбинации случайных событий, возникающих на различных стадиях развития аварии. Для установления наиболее критических вариантов развития этих событий специалисты, связанные с эксплуатацией, обслуживанием и надзором технических систем, используют логико-гра-

фические методы построения так называемых деревьев отказов и событий¹⁵.

Комбинация методов деревьев отказов и событий способствует эффективному анализу причины и следствий при расследовании аварий, связанных с эксплуатацией технических систем.

Схемы (вероятностные модели), полученные с помощью методик построения деревьев отказов и событий, несомненно, могут быть полезны при следственном распознавании причины преступления техногенного характера, связанного с профессиональной деятельностью.

Данная работа является только попыткой решения вопросов в области использования теории катастроф в криминалистике. Требуются дальнейшие исследования, глубокие теоретические обоснования полученных результатов и их апробирование на практике. Это могут быть исследования, касающиеся использования этой теории в других разделах криминалистики, которые могут иметь научное, учебно-методическое и практическое значение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Ю. К., Сухоруков А. П. Введение в теорию катастроф. — М. : МГУ, 2000. — 173 с.
2. Алымов В. Т., Тарасова Н. П. Техногенный риск: анализ и оценка : учеб. пособие для вузов. — М. : Академкнига, 2005. — 118 с.
3. Арнольд В. И. Теория катастроф. — М. : Наука, 1990. — 128 с.
4. Безопасность жизнедеятельности : учеб. пособие / под ред. Л. А. Муравья. — М. : Юнити-Дана, 2004. — 431 с.
5. Брайнин М. С., Куранова Э. Д., Косоплечев Н. П. Расследование преступных нарушений правил техники безопасности / отв. ред. В. И. Теребилов. — М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1958. — 260 с.
6. Бурханов В. Р. Эволюционизм и катастрофизм в биологии // Молодой ученый. — 2011. — № 5. — С. 138–142.
7. Бурцева А. Д., Воронов М. П. Теория катастроф: подходы к исследованию и применение // Международный журнал экспериментального образования. — 2016. — № 8. — С. 43–52.
8. Галь В. Л. Особенности расследования преступлений о чрезвычайных происшествиях технического (техногенного) характера // Нарушение требований безопасности в ходе эксплуатации промышленных объектов и объектов социальной инфраструктуры: квалификация и расследование : материалы Межд. науч.-практ. конференции (01.11.2018). — М. : МА СК РФ, 2018. — С. 144–147.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Галь В. Л. Особенности расследования преступлений о чрезвычайных происшествиях технического (техногенного) характера // Нарушение требований безопасности в ходе эксплуатации промышленных объектов... С. 144–147.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Алымов В. Т., Тарасова Н. П. Техногенный риск: анализ и оценка : учеб. пособие для вузов. М. : Академкнига, 2005. С. 60–66.

9. Гилмор Р. Прикладная теория катастроф : пер. с англ. — М. : Мир, 1984. — 350 с.
10. Кожухарик Д. Н., Савин П. Г. Нарушение пожарной безопасности как причина гибели людей // Нарушение требований безопасности в ходе эксплуатации промышленных объектов и объектов социальной инфраструктуры: квалификация и расследование : материалы Межд. науч.-практ. конференции (01.11.2018). — М. : МА СК РФ, 2018. — С. 42–46.
11. Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. — М. : Экономика, 1993. — 408 с.
12. Коткин Н. П. Техногенная безопасность как объект правового и криминалистического исследования : монография : в 2 ч. Часть 1 : Теоретические и прикладные основы правового исследования техногенной безопасности. — М. : Проспект, 2017. — 128 с.
13. Котлярова Л. Н. Психологические предикторы нарушения требований безопасности лицом, управляющим объектами повышенной опасности на промышленных предприятиях // Нарушение требований безопасности в ходе эксплуатации промышленных объектов и объектов социальной инфраструктуры: квалификация и расследование : материалы Межд. науч.-практ. конференции (01.11.2018). — М. : МА СК РФ, 2018. — С. 229–231.
14. Леванова Т. А., Комаров М. А., Крюков А. К., Костин В. А., Осипов Г. В. Качественные и численные методы исследования динамических систем на плоскости : учеб.-метод. пособие. — Н. Новгород : Нижегородский университет, 2015. — 61 с.
15. Маликова Т. Е. Применение теории катастроф для классификации сценариев потери устойчивости судна при смещении груза // Вестник ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова. — 2013. — № 3. — С. 15–19.
16. Маруняк П. И., Мосягин И. Г., Маруняк С. В. Психология катастроф : учебник для вузов / под ред. П. И. Сидорова. — Архангельск : СГМУ, 2007. — 656 с.
17. Назаров Д. И. Теория катастроф в задачах анализа состояния горнотехнических зданий и сооружений // Вестник КузГТУ. — 2010. — № 2. — С. 80–81.
18. Острейковский В. А. Анализ устойчивости и управляемости динамических систем методами теории катастроф. — М. : Высшая школа, 2005. — 326 с.
19. Перова А. Е. Социологические рефлексии «новых» экологических катастроф: теоретико-методологический анализ : дис. ... канд. соц. наук. — М., 2018. — 205 с.
20. Постон Т., Стюарт Я. Теория катастроф и ее приложения. — М. : Мир, 1980. — 608 с.
21. Румянцева С. Ю. Основные понятия экономической статики и динамики // Кондратьевские волны. — 2016. — № 5. — С. 250–253.
22. Саулова Т. А. История катастроф : курс лекций для студентов по направлению подготовки 20.03.01 «Техносферная безопасность». — Красноярск : СибГУ, 2017. — 144 с.
23. Словарь иностранных слов. — М. : Русский язык, 1984. — 608 с.
24. Цеханович А. Экономическая теория катастроф // Общественные науки: экономика и экономические науки : сборник статей — Минск : Четыре четверти, 2013. — С. 120–126.

Материал поступил в редакцию 14 сентября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev Yu. K., Sukhorukov A. P. Vvedenie v teoriyu katastrof. — M.: MGU, 2000. — 173 s.
2. Alymov V. T., Tarasova N. P. Tekhnogennyy risk: analiz i otsenka: ucheb. posobie dlya vuzov. — M.: Akademkniga, 2005. — 118 s.
3. Arnold V. I. Teoriya katastrof. — M.: Nauka, 1990. — 128 s.
4. Bezopasnost zhiznedeyatel'nosti: ucheb. posobie / pod red. L. A. Muravya. — M.: Yuniti-Dana, 2004. — 431 s.

5. Braynin M. S., Kuranova E. D., Kosoplechev N. P. Rassledovanie prestupnykh narusheniy pravil tekhniki bezopasnosti / otv. red. V. I. Terebilov. — M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1958. — 260 s.
6. Burkhanov V. R. Evolyutsionizm i katastrofizm v biologii // Molodoy uchenyy. — 2011. — № 5. — S. 138–142.
7. Burtseva A. D., Voronov M. P. Teoriya katastrof: podkhody k issledovaniyu i primeneniye // Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya. — 2016. — № 8. — S. 43–52.
8. Gal V. L. Osobennosti rassledovaniya prestupleniy o chrezvychaynykh proissheshtviyakh tekhnicheskogo (tekhnogennogo) kharaktera // Narusheniye trebovaniy bezopasnosti v khode ekspluatatsii promyshlennykh obektov i obektov sotsialnoy infrastruktury: kvalifikatsiya i rassledovanie: materialy Mezhd. nauch.-prakt. konferentsii (01.11.2018). — M.: MA SK RF, 2018. — S. 144–147.
9. Gilmor R. Prikladnaya teoriya katastrof: per. s angl. — M.: Mir, 1984. — 350 s.
10. Kozhukharik D. N., Savin P. G. Narusheniye pozharnoy bezopasnosti kak prichina gibeli lyudey // Narusheniye trebovaniy bezopasnosti v khode ekspluatatsii promyshlennykh obektov i obektov sotsialnoy infrastruktury: kvalifikatsiya i rassledovanie: materialy Mezhd. nauch.-prakt. konferentsii (01.11.2018). — M.: MA SK RF, 2018. — S. 42–46.
11. Kondratev N. D. Osnovnye problemy ekonomicheskoy statiki i dinamiki. — M.: Ekonomika, 1993. — 408 s.
12. Kotkin N. P. Tekhnogennaya bezopasnost kak obekt pravovogo i kriminalisticheskogo issledovaniya: monografiya: v 2 ch. Chast 1: Teoreticheskie i prikladnye osnovy pravovogo issledovaniya tekhnogennoy bezopasnosti. — M.: Prospekt, 2017. — 128 s.
13. Kotlyarova L. N. Psikhologicheskie prediktory narusheniya trebovaniy bezopasnosti litsom, upravlyayushchim obektami povyshennoy opasnosti na promyshlennykh predpriyatiyakh // Narusheniye trebovaniy bezopasnosti v khode ekspluatatsii promyshlennykh obektov i obektov sotsialnoy infrastruktury: kvalifikatsiya i rassledovanie: materialy Mezhd. nauch.-prakt. konferentsii (01.11.2018). — M.: MA SK RF, 2018. — S. 229–231.
14. Levanova T. A., Komarov M. A., Kryukov A. K., Kostin V. A., Osipov G. V. Kachestvennye i chislennyye metody issledovaniya dinamicheskikh sistem na ploskosti: ucheb.-metod. posobie. — N. Novgorod: Nizhegorodskiy universitet, 2015. — 61 s.
15. Malikova T. E. Primeniye teorii katastrof dlya klassifikatsii stsenariyev poteri ostoychivosti sudna pri smeshchenii gruzha // Vestnik GUMRF imeni admirala S.O. Makarova. — 2013. — № 3. — S. 15–19.
16. Marunyak P. I., Mosyagin I. G., Marunyak S. V. Psikhologiya katastrof: uchebnyk dlya vuzov / pod red. P. I. Sidorova. — Arkhangel'sk: SGMU, 2007. — 656 s.
17. Nazarov D. I. Teoriya katastrof v zadachakh analiza sostoyaniya gornotekhnicheskikh zdaniy i sooruzheniy // Vestnik KuzGTU. — 2010. — № 2. — S. 80–81.
18. Ostreykovskiy V. A. Analiz ustoychivosti i upravlyaemosti dinamicheskikh sistem metodami teorii katastrof. — M.: Vysshaya shkola, 2005. — 326 s.
19. Perova A. E. Sotsiologicheskie refleksii «novykh» ekologicheskikh katastrof: teoretiko-metodologicheskyy analiz: dis. ... kand. sots. nauk. — M., 2018. — 205 s.
20. Poston T., Styuart Ya. Teoriya katastrof i ee prilozheniya. — M.: Mir, 1980. — 608 s.
21. Rumyantseva S. Yu. Osnovnye ponyatiya ekonomicheskoy statiki i dinamiki // Kondratevskie volny. — 2016. — № 5. — S. 250–253.
22. Saulova T. A. Istoriya katastrof: kurs lektsiy dlya studentov po napravleniyu podgotovki 20.03.01 «Tekhnosfernaya bezopasnost». — Krasnoyarsk: SibGU, 2017. — 144 s.
23. Slovar inostrannykh slov. — M.: Russkiy yazyk, 1984. — 608 s.
24. Tsekhanovich A. Ekonomicheskaya teoriya katastrof // Obshchestvennye nauki: ekonomika i ekonomicheskie nauki: sbornik statey — Minsk: Chetyre chetverti, 2013. — S. 120–126.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

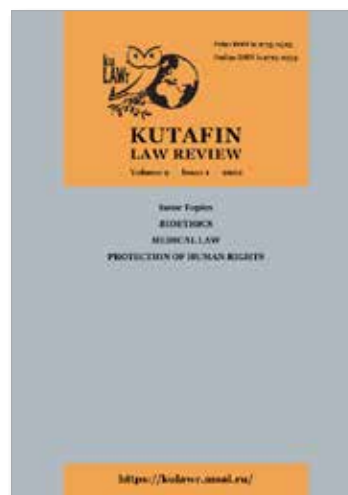
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 17 № 12 (145) декабрь 2022

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002